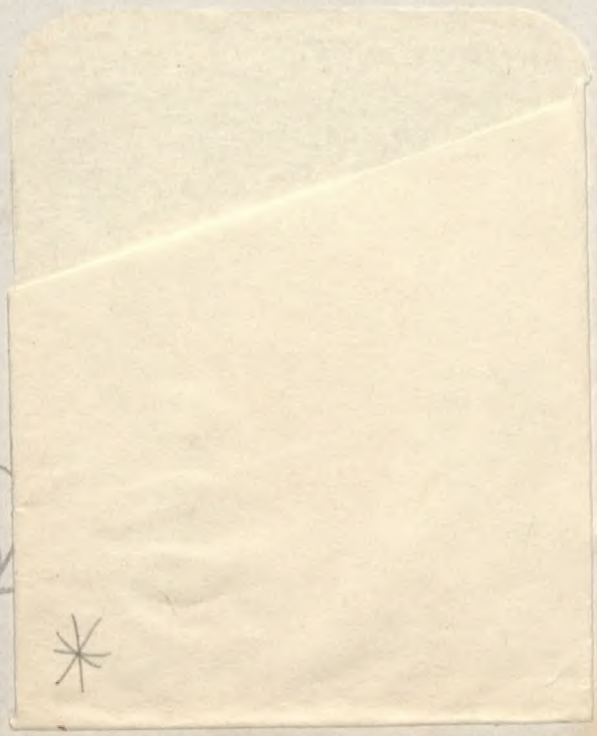
3-3
I 55
I96I8I

Px
31422



03

3-3
Г-55

3-3
Г55

Николай Глубоковскій,

ординарный профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи.

ПО ВОПРОСАМЪ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ

(СРЕДНЕЙ И ВЫСШЕЙ)

И

ОБЪ УЧЕБНОМЪ КОМИТЕТѢ

ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СИНОДѢ.

In necessariis unitas,
in dubiis libertas,
in omnibus autem caritas.

БИБЛІОТЕКА
Московской
Православной Духовной
Академіи
Инв. № 196181

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Синодальная типографія.
1907.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

МОЕМУ УЧИТЕЛЮ

ПРОФЕССОРУ

Алексѣю Петровичу

ЛЕБЕДЕВУ

съ почтеніемъ и признательностію.

ОТЪ АВТОРА.

Въ существенномъ, все содержаніе предлагаемаго сборника относится къ моимъ работамъ, такъ или иначе связаннымъ съ дѣятельностію Предсоборнаго Присутствія. Я вовсе не думалъ издавать особо своихъ случайныхъ и фрагментарныхъ сообщеній, но настойчивыя внушенія авторитетныхъ и компетентныхъ лицъ (даже изъ тѣхъ, которыя далеко не раздѣляютъ всѣхъ моихъ воззрѣній) нравственно склонили измѣнить свое рѣшеніе. Въ самое неудобное для меня время мнѣ приходится выпускать свои рефераты, доклады и замѣтки во всей ихъ первоначальной неупорядоченности и повышенной порывистости. Питаю единственную надежду, что мой выстраданный и искренній трудъ будетъ небезполезенъ хоть для возбужденія важнѣйшихъ духовно-учебныхъ вопросовъ, какъ плодъ опыта и наблюденій со стороны человѣка, жизнь котораго во всякомъ случаѣ принадлежитъ духовной школѣ и богословской наукѣ всецѣло, неизмѣнно и безраздѣльно...

Н. Г.

Спб., 1907, VI, 10 (воскресенье)—
день Св. Троицы.

СОДЕРЖАНІЕ.

Страницы:

Посвященіе. III

Отъ автора. V

Объ основахъ духовно-учебной реформы и о желательныхъ типахъ духовно-богословскихъ школъ. . . . . 1—11

Къ вопросу о постановкѣ высшаго богословскаго изученія въ Россіи... 11—13

О типѣ средней духовной школы и о наилучшей постановкѣ пастырскаго приготовленія: 1—3 . . . . . 14—21

Духовныя Академіи:

1. О существѣ, характерѣ и системѣ богословскаго научно-академическаго преподаванія. . . . . 22—46
2. О планѣ академическаго преподаванія. . . . . 47—53
3. Объ организаціи студенческихъ занятій при изученіи академическихъ наукъ и объ устроеніи студенческой жизни. . . . . 53—60
4. Объ отношеніи епархіальнаго архіерея къ Духовнымъ Академіямъ... 60—61
5. О приготовленіи академическихъ преподавателей и объ ученыхъ академическихъ званіяхъ. . . . . 61—72
6. Вопросъ о присужденіи Духовными Академіями ученыхъ степеней по философскимъ наукамъ. . . . . 72—79

Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ и состояніе духовной школы — въ исторической перспективѣ. . . . . 80—148

Объ основахъ духовно-учебной реформы и о желательныхъ типахъ духовно-богословскихъ школъ [1]).

Жалобы на неудовлетворительное состояніе духовной школы издавна раздавались со всѣхъ сторонъ и съ каждымъ годомъ усиливаются въ своемъ тонѣ, достигая рѣзкаго напряженія. Для устраненія разумѣемыхъ недостатковъ уже съ половины прошлаго столѣтія принимались разнообразныя мѣры—и въ видѣ широкихъ реформъ, и путемъ отдѣльныхъ исправленій и улучшеній. Однако надлежащаго успѣха не достигалось, и дѣло шло вовсе не къ лучшему, если и не прямо къ худшему. Посему мы должны допустить, что причина кроется не въ частныхъ несовершенствахъ, коль скоро совсѣмъ не устраняется частичными преобразованіями. Настало, кажется, время взглянуть прямо въ глаза дѣйствительности и—не съ осужденіемъ духовной школы, а съ благодарностію ей за выполненную миссію—констатировать, что корень зла лежитъ въ самомъ ея существѣ, откуда возникаетъ принципіальный вопросъ: не отжили ли свой вѣкъ наличныя духовно-учебныя формы? По своимъ задачамъ духовная школа имѣетъ цѣлію постепенно подготовлять духовно зрѣлыхъ людей, чтобы они потомъ могли посвящать себя духовному служенію въ Церкви [2]). Второе, предполагая свободное избраніе, не вмѣняется всѣмъ духовнымъ воспитанникамъ въ непремѣнную общую обязанность,—и тѣмъ не менѣе именно оно является важнѣйшимъ для потребностей Церкви: послѣдняя въ своихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ готовитъ не просто образованныхъ религіозно-богословски членовъ, но собственно такихъ, которые были бы пригодны, способны и расположены исполнять спеціально-церковную благовѣстническую миссію. Эта сторона духовной школы безспорна по своему значенію и вполнѣ достойна того, чтобы стать исключительнымъ предметомъ духовно-педагогическихъ институтовъ. Но фактически этого нѣтъ, и теперешняя духовная школа—по преданію отъ временъ древнихъ—

---

[1]) Этотъ предварительный эскизъ въ видѣ спеціальной «записки» былъ представленъ въ епархіальную коммиссію, учрежденной при митрополитѣ С.-Петербургскомъ въ концѣ 1905 года для разсмотрѣнія вопросовъ о церковной реформѣ. Авторъ былъ тамъ членомъ по избранію совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи. Въ первоначальной редакціи данный рефератъ напечатанъ въ невышедшемъ для продажи сборникѣ: «Отзывы епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ», часть III (Спб. 1906), стр. 151—157. Теперь докладъ расширенъ внесеніемъ дополнительныхъ примѣчаній.

[2]) Такъ, по словамъ митрополита Московскаго *Филарета* (въ «Прибавленіяхъ къ Церковнымъ Вѣдомостямъ» № 39 за 24-е сентября 1905 г., стр. 1639 *а*, пунктъ III), «Семинарія... представляетъ организмъ, въ которомъ одна жизнь развивается и возвышается, и надъ вѣтвями и листьями общаго образованія восходитъ духовный плодъ».

продолжаетъ нести широкую функцію воспитанія образованныхъ юношей вообще. Тутъ нѣтъ внутренняго непримиримаго противорѣчія, и пастырское приготовленіе необходимо предполагаетъ общеобразовательное, опираясь на немъ. Однако здѣсь-то и усматривается со всею принципіальною несомнѣнностію, что два столь важные элемента не могутъ получить свойственнаго развитія при такой совмѣстности, гдѣ они будутъ взаимно стѣснять и мѣшать другъ другу въ раскрытіи своего достоинства. Естественно, что тогда оба эти элемента должны пострадать, хотя бы и не въ равной степени. Какъ разъ это и случилось съ нашею духовною школой. Она является двухсторонною и отъ этого бываетъ ослабленною въ самыхъ основахъ своего строя. Не буду особо касаться школы низшей [1]), потому что она, не сообщая своимъ питомцамъ никакой законченности, опредѣляется по своему характеру и содержанію школою средней. Семинаріи же, заботясь и объ общемъ образованіи питомцевъ, по необходимости отводятъ много мѣста свѣтскимъ предметамъ, которые въ первыхъ классахъ безусловно преобладаютъ надъ богословскими. Само собою понятно, что въ это время свѣтское преподаваніе стремится къ усовершенствованію питомца только въ своей области и безъ прямого ущерба для себя не можетъ приспособляться къ потребностямъ богословско-церковнымъ, въ немъ самомъ фактически ничуть не данным. Тогда неизбѣжно, что этотъ общеобразовательный элементъ не подходитъ непосредственно къ конечнымъ семинарскимъ цѣлямъ, и внѣшнее объединеніе должно было вести къ тому, что послѣднія заслонялись и воспитанники къ нимъ вовсе не приспособляются. При всемъ томъ эта конечная задача воздѣйствовала на свѣтское образованіе, стѣсняя его объемъ, а потомъ пошло и дальше, когда предметы свѣтскіе перемѣшали съ богословскими. По доброму замыслу,—имѣлось въ виду устранить неблагопріятныя слѣдствія разобщенности, получилось же то, что свѣтскіе предметы оказались совсѣмъ угнетенными, чѣмъ воспитывалось опасное настроеніе, что богословіе давитъ образованіе и враждебно ему. Факты свидѣтельствуютъ, что эти чувства разгорались съ значительною силой у обѣихъ сторонъ и передавались въ общество, гдѣ иногда пріобрѣтали острое развитіе и вообще получали устойчивость привычнаго настроенія. Нѣтъ надобности упоминать, что это ненормально и гибельно, а явилось потому, что и въ области духовнаго воспитанія непреложенъ грозный принципъ: «кто не со Мною, тотъ противъ Меня»... Но, если общее образованіе въ Семинаріяхъ не получаетъ полнаго раскрытія и не соотвѣтствуетъ прямо конечнымъ задачамъ, то не менѣе страдаютъ и высшія религіозно-пастырскія потребности. Для подготовленія къ ихъ удовлетворенію нужно не одно предметное образованіе, ибо здѣсь еще болѣе необходимо воспитаніе цѣлостной настроенности, которая съ возможною точностію отражается на всемъ жизненномъ поведеніи. Само собою ясно, что совсѣмъ не воз-

[1]) О школѣ же начальной и совсѣмъ не говорю, такъ какъ съ нею связаны свои особые вопросы, не соприкасающіеся непосредственно съ потребностями и задачами церковно-пастырскаго приготовленія.

можно ввести и удержать подобный режимъ въ теперешнихъ Семинаріяхъ, разъ чуть не бо́льшая часть питомцевъ вовсе не желаетъ нести пастырскаго служенія.

Ближайшій итогъ всего,—что совмѣщеніе въ нашихъ Семинаріяхъ задачъ общаго образованія и религіознаго воспитанія вредно для обоихъ,—этотъ итогъ какъ будто подтверждается и нашими Духовными Академіями. Не видно сразу, чѣмъ собственно и спеціально способствуютъ наши Академіи осуществленію высшихъ потребностей церковнаго служенія. Конечно, богословіе разработывается въ Академіяхъ достаточно: но было бы большимъ заблужденіемъ думать, что ученый богословъ тѣмъ самымъ есть уже достойный и готовый учитель и служитель для Церкви и въ Церкви. Это—совершенно протестантская мысль; однако и въ протестантской Германіи званіе «Doctor theologiae» присуждается собственно не путемъ соисканія за диссертацію, а дается свободнымъ провозглашеніемъ извѣстнаго лица тѣмъ или другимъ богословскимъ факультетомъ, какъ выразителемъ общецерковнаго сужденія; въ Англіи же D. D. (Doctor of Divinity) по закону долженъ обычно имѣть духовный санъ въ англиканской Церкви [1]). Очевидно, что даже богословская наука не служитъ сама по себѣ и непосредственно высшимъ церковнымъ потребностямъ, которыя не могутъ быть удовлетворены ею сполна. Въ нашихъ Академіяхъ это еще болѣе осложняется обиліемъ свѣтскихъ наукъ, которыя остались тамъ, какъ пережитокъ старыхъ временъ, когда всякое образованіе сосредоточивалось преимущественно въ духовныхъ школахъ. Не даромъ же ни одинъ въ мірѣ богословскій факультетъ не имѣетъ подобнаго предметнаго конгломерата! Теперь свѣтскія дисциплины не находятъ себѣ достойнаго мѣста въ Академіяхъ, гдѣ онѣ не могутъ получить должнаго расцвѣта и не служатъ прямо церковнымъ богословскимъ потребностямъ. Засимъ не менѣе очевидно, что изъ двухъ послѣднихъ первыя, т.-е. задачи высшаго церковнаго служенія, не исчерпываются и не достигаются научнымъ развитіемъ богословскаго знанія, какъ науки. Неизбѣжно, что вторая должна страдать отъ приспособленія къ такимъ цѣлямъ, которыя выхо-

[1]) Дѣло по этой части фактически обстоитъ такъ. По статутамъ Оксфордскаго Университета, никто не допускается къ соисканію степени кандидата богословія, если не представитъ священническихъ грамотъ или формальнаго удостовѣренія изъ своего діоцеза въ ихъ законномъ полученіи. Для бакалавровъ (B. D.) и докторовъ богословія (D. D.) требуется еще, чтобы аспиранты выразили письменное согласіе съ «XXXIX членами» и «Книгою общихъ молитвъ». Весьма рѣдко особыми декретами конвокаціи или «дипломахи» даются богословскія степени ученымъ, не бывшимъ ранѣе членами Университета, а въ видѣ самаго крайняго исключенія онѣ присуждаются honoris causa, но уже безъ всей полноты правъ. Вообще, и въ Оксфордѣ и въ Кембриджѣ ученыя богословскія степени почти всегда присуждаются лицамъ изъ англиканскаго духовенства, хотя, напр., Кэмбриджскій профессоръ F. Crawford Burkitt достигъ докторства, доселѣ оставаясь свѣтскимъ. По статутамъ Дэрхемскаго (Durham) Университета, бакалавръ доступно только священнику и не ранѣе 25-ти лѣтъ отъ роду, докторство же открывается лишь бакалаврамъ, состоящимъ при одномъ изъ Университетовъ Британской Имперіи. Таковъ ординарный порядокъ полученія ученыхъ степеней («to proceed to a degree») въ Англіи, а при даровапіи ихъ honoris causa («to confer a degree») обычно увѣнчается награждаемому юридическое достоинство Doctor of Law, но не Doctor of Divinity.

дять за ея предѣлы, хотя и предполагаютъ ее въ качествѣ одного изъ пособій. Это не натурально по существу и на практикѣ сопровождается большимъ взаимнымъ вредомъ. Въ этомъ убѣждалъ меня еще молодой профессорскій опытъ [1]), а послѣдующія наблюденія иллюстрировали и подтверждали его. Богословіе, являясь наукою, требуетъ научной свободы и научной независимости. Однако, культивуемое ограниченными человѣческими силами, оно всегда будетъ выражаться относительными успѣхами и само по себѣ никогда не дастъ догматически-авторитативныхъ результатовъ. Понятно, что Церковь не можетъ въ своихъ собственныхъ школахъ дозволить, чтобы за научныя достоинства всякихъ своихъ работъ богословы сразу получали званіе «наставниковъ» (магистровъ) или «учителей» (докторовъ) богословія. Она не въ правѣ выпустить изъ своихъ рукъ самаго строгаго контроля, а для богословской науки онъ будетъ несомнѣннымъ стѣсненіемъ и ничуть не полезнымъ тормазомъ. Дальше: Церковь, не подвергая себя риску отъ апробаціи частныхъ научныхъ мнѣній, должна будетъ отказывать въ своей санкціи безспорно ученымъ богословскимъ трудамъ, разъ въ нихъ будетъ субъективно ограниченное истолкованіе религіозно-христіанской истины. Этимъ сама она лишается полезныхъ пособій человѣческаго разума, богословская же наука задерживается въ своемъ развитіи и лишается свойственной важности, поскольку оказывается подъ всегдашнимъ сомнѣніемъ у вершительницы богословія—церковной власти. Съ другой стороны,—самостоятельная въ себѣ,—богословская наука ищетъ независимости и въ преподаваніи. Не только по запросамъ и влеченіямъ времени, но по самому существу оказывается нужною законная автономія и въ педагогическомъ строѣ. Наоборотъ, Церковь, ставя спеціальныя задачи, должна будетъ требовать строгаго соподчиненія имъ во всемъ педагогическомъ укладѣ, обязана держать неусыпный контроль и можетъ допустить развѣ то, чтобы каждый питомецъ по мѣрѣ своихъ силъ и способностей индивидуально выполнялъ предъявленныя ею и добровольно имъ избранныя задачи подъ ея неослабнымъ наблюденіемъ. Эта коллизія—не случайная, а принципіальная и устранится лишь съ удаленіемъ обусловливающихъ причинъ. Послѣднія лежатъ въ не совсѣмъ натуральномъ совмѣщеніи цѣлей церковныхъ съ научными, почему здѣсь тоже требуется справедливое обособленіе на началахъ дружеской солидарности и взаимной пользы.

Ко всѣмъ указаннымъ недостаткамъ прежнихъ духовно-педагогическихъ порядковъ необходимо присоединить, что и на практикѣ Церковь и наука не имѣютъ тѣхъ слѣдствій, на которыя онѣ разсчитаны непосредственно. Первая должна была насаждать сѣмена и возращать плоды вѣры въ людяхъ, вторая обязана вносить свѣтъ богословскаго

[1]) См. въ журналѣ «Странникъ» за 1897 г. (№ 8, стр. 519—540) мою статью: «Къ вопросу о нуждахъ духовно-академическаго образованія» (за подписью «*И. Виноградскій*»). Это былъ рефератъ, предназначавшійся для образованной † митрополитомъ Палладіемъ (Раевымъ) коммиссіи при С.-Петербургской Духовной Академіи «для разсужденія о желательныхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующемъ академическомъ уставѣ (преимущественно—по воспитательной части)» и функціонировавшей (безрезультатно) въ маѣ 1896 г.

вѣдѣнія въ христіанскія души, чтобы онѣ и умомъ постигали то, что усвояютъ сердцемъ. На дѣлѣ вышло, что для самаго общества, служащаго объектомъ церковно-пастырскаго созиданія, пастырское служеніе стало казаться и трактоваться просто, какъ профессіональная должность, а не какъ необходимое посредство христіанскаго бытія всѣхъ и каждаго. Въ свою очередь и наука богословская получила въ глазахъ свѣтскаго большинства такой видъ, что она имѣетъ важность единственно лишь для профессіональныхъ потребностей «духовнаго сословія». Поэтому, если пастырей и учителей церковныхъ слушаютъ больше формально и обращаются къ нимъ лишь для выполненія необходимыхъ (гражданскихъ или житейскихъ) обрядностей, то богословіе просто игнорируютъ и его не понимаютъ. Не удивительно, что и религіозное оживленіе въ свѣтскомъ обществѣ чаще возбуждалось богословами свѣтскими (А. С. Хомяковъ, Вл. С. Соловьевъ, гр. Л. Н. Толстой), чѣмъ присяжными, а люди, глухіе либо инертные къ голосу профессіональныхъ учителей и богослововъ, съ увлеченіемъ и на пагубу себѣ слушаютъ самозванцевъ. Ясно, что богословское образованіе и богословская наука должны освободиться отъ прежней замкнутости, сдѣлавшись обязательными для всякаго одухотвореннаго воспитанія и выдѣлившись для удовлетворенія запросовъ религіознаго знанія, а приготовленіе къ пастырству и благовѣстничеству будетъ утверждаться уже на этомъ общемъ фундаментѣ, пользуясь свободнымъ влеченіемъ образованныхъ людей всѣхъ классовъ, званій и состояній, лишь бы они изъявили искреннее желаніе посвятить себя церковному служенію.

Здѣсь можетъ возникать опасеніе, не рискуетъ ли Церковь остаться безъ достаточнаго контингента лицъ для выполненія своей миссіи. Это опасеніе тѣмъ серьезнѣе, что даже сейчасъ по мѣстамъ испытывается затрудненіе въ замѣщеніи священническихъ вакансій, а затѣмъ оно смущало нѣкогда и Филарета, митрополита Московскаго [1]). Но что касается перваго обстоятельства, то именно сама современная Семинарія, упорно сохраняя архаическій строй и обветшавшій жизненный укладъ, отбиваетъ живыя силы, ищущія простора для своего развитія и для созидательной работы соотвѣтственно насущнымъ потребностямъ и жгучимъ запросамъ, разъ послѣдніе игнорируются всѣмъ семинарскимъ укладомъ и, пожалуй, чуть не прямо отрицаются схоластикою обученія и специфическою индивидуальностію воспитанія. Авторитетъ митрополита Филарета, разумѣется, огромный; но вѣдь съ тѣхъ поръ времена измѣнились, и нынѣ сама православная Русская церковь сознаетъ и чувствуетъ себя иначе. Теперь она стремится къ освобожденію отъ внѣшней опеки и желаетъ дѣйствовать независимо изъ самой себя даже при свободѣ исповѣданій. Это показываетъ, что Церковь увѣрена въ себѣ и увѣрена, конечно, въ томъ, что у нея будетъ достаточно пригодныхъ дѣлателей для самостоятельнаго выполненія своей святой миссіи. Иначе невозможно было бы и думать о независимости, если нельзя обойтись безъ принужденія и закрѣпощенія.

---

[1]) См. «Прибавл. къ Церковнымъ Вѣдомостямъ» № 39 за 21-е сентября 1905 г., стр. 1659. 1661.

Не менѣе естественна тревога о судьбѣ богословской науки. Вполнѣ вѣроятно, что на факультетахъ она не во всемъ будетъ столь корректна и допустить послабленія въ сторону субъективной изыскательности со свойственными погрѣшностями. Но 1) тогда Церковь не будетъ ни принимать, ни санкціонировать этихъ частныхъ попытокъ, ни отвѣчать за нихъ, ограждая себя и отъ всѣхъ теперешнихъ неудобствъ; 2) богословская наука, будучи серьезною и честною, всегда останется посредницею познанія истины и не можетъ оказаться антицерковною принципіально, коль скоро Церковь есть носительница и провозвѣстница этой истины. Наши теоретическія соображенія подкрѣпляются и тѣмъ, что даже католичество, столь заботливое о неприкосновенности всѣхъ своихъ конфессіональныхъ особенностей, допустило однако (напр., въ Германіи) католическіе факультеты (наряду съ протестантскими) и извлекаетъ отсюда одну лишь пользу. Почему же о православіи мы должны думать такъ низко, что у него выйдетъ изъ аналогичныхъ институтовъ непремѣнно что-либо дурное и вредное?

Вообще, считаю для себя достаточно мотивированнымъ, что общее образованіе и спеціально научное богословское изученіе лучше обособить отъ церковно-пастырскаго приготовленія [1]). Здѣсь опять возможны разные пути, и многіе желаютъ возвратиться къ прежнему устройству, при которомъ въ Семинаріяхъ богословскіе предметы были значительно изолированы отъ свѣтскихъ. Я лично нахожу этотъ порядокъ совершенно неудобнымъ уже потому, что при немъ невозможно установить и воплотить укладъ, необходимый по требованіямъ пастырскаго служенія. Если и теперь является непригодною одинаковая дисциплина для всѣхъ

---

[1]) Это, однако, не должно вести къ полному ихъ расторженію. По сему предмету послѣ (на засѣданіи V-го отдѣла Предсоборнаго Присутствія 13-го марта 1906 года) мною было сказано, что задача духовной школы заключается не въ томъ только, чтобы приготовлять пастырей, хотя это ближе всего нужно для практическихъ церковныхъ потребностей. Эта задача шире:—она состоитъ въ томъ, чтобы воспитывать въ христіанскомъ духѣ всѣхъ вѣрующихъ чадъ, и потому для нашей школы важно не одно профессіональное, но и общее образованіе. Духовная школа и нынѣ не есть собственно школа сословная, а церковная въ духовномъ вѣдомствѣ. Пусть изъ духовныхъ школъ нѣкоторые питомцы уходятъ на другія поприща; но и о нихъ мы все-таки не можемъ сказать, что они не наши, что они потеряны для Церкви, ибо служатъ ей-же на другихъ жизненныхъ путяхъ. Слѣдовательно, вопросъ касается какъ спеціально-богословскаго, такъ и общаго обученія,—и сбязательно съ одинаковымъ вниманіемъ разсмотрѣть то и другое въ виду ихъ соотносительнаго значенія въ просвѣтительной миссіи Церкви и по причинѣ взаимной обусловленности. Для сего нужно отдѣлить общее гуманитарное образованіе отъ спеціально-богословскаго и затѣмъ обсудить, какъ создать гуманитарную школу и особо школу церковную. Если при уставѣ Семинаріи 1867 года въ V и VI классы, быть можетъ, поступали воспитанники болѣе ограниченные, то теперь сюда переходятъ иногда люди ожесточенные и именно потому, что дѣйствующій уставъ «богословски упрощаетъ» воспитанниковъ на протяженіи всего семинарскаго курса. Евангеліе—вещь прекрасная, несравненная. Но когда оно попадаетъ въ темную, непросвѣщенную среду, то что дѣлаютъ? Поступаютъ изувѣрно, кощунственно, и все потому, что общее образованіе слабо. Значитъ, на этомъ-то фундаментѣ общаго образованія и нужно создавать церковную школу. И едва-ли народъ откажется давать деньги на содержаніе такой школы. Онъ будетъ привлеченъ въ нее, когда послѣдняя станетъ, по возможности, всесословною и всѣмъ желающимъ будетъ давать истинно-христіанское просвѣщеніе. Духовенство же для облегченія содержанія своихъ дѣтей въ этой школѣ будетъ пользоваться прежними удобствами, стипендіями и т. п.

семинарскихъ воспитанниковъ, различныхъ между собою по возрастамъ на десятокъ лѣтъ, то тѣмъ болѣе немыслимо водворить пастырскій режимъ, а безъ него наша средняя духовная школа опять окажется не отвѣчающею нуждамъ Церкви. Очевидно, духовно - церковныя заведенія нужно отдѣлить отъ общеобразовательныхъ, а для богословской науки сформировать при Университетахъ православные богословскіе факультеты. При этомъ низшая и средняя изъ теперешнихъ инстанцій духовно-педагогической тріады сольются вмѣстѣ и составятъ нѣчто въ родѣ гимназій классическаго типа [1]. Необходимо желать, чтобы эти новыя школы получили особый характеръ по преемственности съ прежними и ради существенной пользы общаго образованія, для чего въ нихъ рекомендовалось бы введеніе болѣе широкаго и солиднаго преподаванія по религіозно-богословскимъ (христіанскимъ) и философскимъ предметамъ. Тѣмъ не менѣе это будутъ уже не богословскія школы, и возникаетъ вопросъ о томъ, какой компетенціи онѣ должны быть подчинены. Но здѣсь замѣшивается масса соображеній не педагогическаго, а практическаго и финансоваго свойства, гдѣ я совсѣмъ профанъ. Съ педагогической же точки зрѣнія я всегда считалъ вреднымъ расчлененіе одного дѣла по разнымъ вѣдомствамъ, и опытъ свидѣтельствуетъ, что—при такой разновѣдомственности—изъ школъ въ школы взаимно передается не столько хорошее, сколько дурное. При сосредоточеніи же въ однѣхъ рукахъ было бы и то удобство, что тогда открылась бы возможность равномѣрнѣе

---

[1]) Я—принципіальный сторонникъ классической системы образованія и не позволю себѣ осуждать ее по бывшимъ у насъ уродливостямъ примѣненія, хотя нынѣ возстаетъ противъ него чуть не вся Россія въ лицѣ и малыхъ и великихъ (не исключая даже о. протопресвитера *І. Л. Янышева*, допустившаго крайне рѣзкій отзывъ во 2-мъ изданіи своей книги: «Православно-христіанское ученіе о нравственности», Спб. 1906, стр. 194, прим.). Я не смотрю на языки съ утилитарной точки зрѣнія, а признаю ихъ необходимыми по особой важности для общаго образованія. Классическіе языки, будучи выработанными и образцовыми во всѣхъ существенныхъ отношеніяхъ, въ то же время знакомятъ насъ съ законченною цивилизаціей, на которой удобно изучать развитіе извѣстныхъ началъ во всѣхъ фазисахъ и варіаціяхъ по такимъ богатымъ памятникамъ всякаго рода. Мы не знаемъ пока другой (кромѣ классической) столь законченной культуры, гдѣ можно было бы заимствовать подобные всесторонніе уроки прошлаго. Поэтому я стою за оставленіе въ духовной школѣ древнихъ языковъ (безъ ущерба для развитія другихъ необходимыхъ знаній). Но, разумѣется, преподаваніе ихъ нужно вести не такъ, какъ это дѣлается теперь. Въ этомъ случаѣ могла бы послужить добрымъ урокомъ наша старая школа, а не Толстовская, когда изучали языки механически. При томъ же, положеніе древнихъ языковъ и теперь въ Семинаріяхъ не безнадежно: въ нихъ есть дѣльные преподаватели, но всегда встрѣчаются любители даже и среди воспитанниковъ, разъ они не рѣдко по убѣжденному рѣшенію поступаютъ въ спеціальныя филологическія заведенія (напр., въ Институты С.-Петербургскій и Нѣжинскій, не говоря объ университетскихъ филологическихъ факультетахъ). Напротивъ, я совсѣмъ мало сочувствую моднымъ идеямъ о загроможденіи духовно-школьной среды естествознательными элементами, которые—въ такомъ видѣ—скорѣе принесутъ ей только вредъ, развивая одно верхоглядство и пустое всезнайство. Данная мѣра не можетъ быть оправдана и съ точки зрѣнія ослабленія, яко бы, схоластическаго характера духовной школы. Упрекъ ея въ схоластицизмѣ есть не малое преувеличеніе. Вообще, я противъ введенія большого количества предметовъ, а между ними и противъ школьнаго увлеченія естествовѣдѣніемъ. Послѣднее частію не сложилось въ раціональную систему и частію проникнуто атеистическими тенденціями, почему въ первомъ отношеніи не имѣетъ особой образовательной цѣнности, во второмъ — опасно для насъ по самому своему духу. Свѣдѣнія по естествознанію воспитанники могутъ пріобрѣтать путемъ самообразованія, которое будетъ вполнѣ доступно, если мы хорошо поставимъ преподаваніе математики и физики въ Семинаріяхъ.

распредѣлить источники просвѣщенія по обширному пространству Россійской Имперіи. Теперь обычно Гимназіи и Семинаріи, Прогимназіи и Духовныя Училища существуютъ другъ подлѣ друга въ немногихъ опредѣленныхъ пунктахъ, которые получаютъ двойныя образовательныя заведенія, между тѣмъ какъ масса даже важныхъ центровъ остается безъ удовлетворительныхъ образовательныхъ средствъ. При концентраціи высшей педагогической власти въ Россіи было бы легче увеличить количество мѣстъ съ организованными средними школами, если изъ двухъ существующихъ въ данномъ городѣ одну перевести въ другой подходящій пунктъ. Опасенія касательно окончательнаго омірщенія (лаизаціи) всего средняго образованія считаю просто тенденціозными, не видя принципіальныхъ препятствій, почему бы въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія не быть гимназіямъ Духовнаго Вѣдомства. Впрочемъ, я вовсе не противъ того, чтобы послѣднія остались въ компетенціи синодской оберъ-прокуроры или замѣняющаго ее установленія (напр., Министерства Исповѣданій), какъ теперь имѣется 11 Женскихъ Духовныхъ Училищъ, находящихся въ завѣдываніи Св. Синода (чрезъ посредство г. Оберъ-Прокурора) и вмѣстѣ съ тѣмъ состоящихъ подъ активнымъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Feодоровны [1]). При этомъ я всегда и рѣшительно предполагаю, что и при новомъ устройствѣ школъ духовенство будетъ съ обычною щедростію оказывать экономическую помощь своимъ дѣтямъ, пользуясь въ этомъ отношеніи рѣшительною автономностію, при чемъ особыя учрежденія этого рода (напр., общежитія [2])

---

[1]) Для настоящаго момента вынужденъ рѣшительно заявить, что передачу общаго образованія изъ духовнаго вѣдомства въ свѣтское именно теперь я считаю мѣрою не только рискованной, но и прямо опасной. Къ этому не располагаютъ и новѣйшія реформаторскія замышленія относительно свѣтскихъ школъ, для чего см. у *С. Л. Степанова*, Обозрѣніе проектовъ реформы средней школы въ Россіи, преимущественно въ послѣднее шестилѣтіе (1899—1905 гг.) въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1907 г., № 1, стр. 34—50; № 2, стр. 73—122. Статья составлена по оффиціальнымъ матеріаламъ и дастъ систематическое ихъ изложеніе. У меня были подъ руками еще слѣдующіе печатные документы: Журналы Ученаго Комитета за 1903 — 1904 гг.; Уставъ гимназій, прогимназій и подготовительныхъ школъ, исправленный въ засѣданіи 1-го іюня 1904 года; докладъ проф. *И. И. Холодняка* объ отзывахъ начальствъ 12-ти учебныхъ округовъ на проектъ устава среднихъ и подготовительныхъ школъ, выработанный Ученымъ Комитетомъ; Записка (отъ 1902 г.) *Ѳ. Д. Самарина* по вопросу о примѣненіи новой учебной реформы къ Московской 7-й Гимназіи.

[2]) Многіе возражаютъ противъ общежитій, однако дѣло не собственно въ интернатахъ, а во многолюдствѣ воспитанниковъ Семинарій. Правда, въ интернатахъ масса зла, но еслибы ихъ не было, то многіе ученики не имѣли бы возможности закончить свое образованіе. Говорятъ, въ интернатахъ трудно услѣдить за учениками, а когда они разсѣются по частнымъ квартирамъ—развѣ надзоръ будетъ легче? По моему мнѣнію, интернаты въ нашихъ школахъ—неизбѣжное явленіе, и нужно только возвысить, облагородить эти учрежденія. Для фактическаго подтвержденія своихъ мыслей напомню хорошо извѣстный мнѣ примѣръ: въ 1906 году Вологодскою Семинаріей было объявлено о закрытіи пріема новыхъ полупансіонеровъ въ общежитіе и о выселеніи изъ него прежнихъ—изъ нѣкоторыхъ (сѣверныхъ) уѣздовъ Вологодской губерніи; это распоряженіе вызвало страшное волненіе среди всего заинтересованнаго духовенства, которое оказалось въ крайнемъ затрудненіи относительно дешеваго и педагогически обезпеченнаго содержанія своихъ дѣтей. А нужно еще замѣтить, что въ Вологодской Семинаріи никто, никогда и никого не стѣснялъ имѣть своихъ дѣтей на «вольныхъ квартирахъ». Значитъ, для духовной школы есть неустранимая нужда въ интернатахъ... De uno disce omnia! И теперь мы слышимъ, что—по поводу аналогичнаго распоряженія въ Твери—изъ епархіи раздаются горькія сѣтованія, что не приняли во вниманіе бѣдноты мно-

будутъ вполнѣ подчинены его власти во всѣхъ отношеніяхъ,—внѣ непосредственной зависимости отъ посторонннхъ вліяній и давленій.

Я не законодательствую и не вырабатываю законченныхъ плановъ, но въ мѣру своего разумѣнія устанавливаю только основные принципы духовно-учебной реформы и намѣчаю лишь школьные типы. Съ этой стороны на основаніи вышеизложеннаго необходимо признать слѣдующее:

1) Церковь для подготовленія просвѣщенныхъ служителей къ исполненію своей исключительно великой и святой миссіи обязана имѣть спеціальныя школы, по самому преподаванію, административному и жизненно-педагогическому режиму строго приспособленныя къ этой цѣли [1]).

гихъ родителей и «открыли ихъ наготу» (см. «Колоколъ» № 392 за 23-е мая 1907 года, стр. 2, стлб. 4—5).

[1]) Этимъ вовсе не предполагается введенія драконовской суровости. Напротивъ, въ засѣданіяхъ V-го отдѣла Предсоборнаго Присутствія 29-го апрѣля и 1-го мая 1906 г. я прямо протестовалъ противъ крайнихъ стѣсненій въ режимѣ духовной школы, искренно удивляясь тому, что Учебный Комитетъ осмѣливался смотрѣть на Семинарію, какъ на тюрьму, откуда воспитанники не всегда выпускаются на прогулки, гдѣ существуютъ потасканныя аттестаціи и т. п. Я не принадлежу къ защитникамъ подобныхъ мѣръ: — онѣ примѣнимы болѣе къ преступникамъ, чѣмъ къ ученикамъ, и никакихъ утѣшительныхъ результатовъ не приносятъ. Не въ духовно-воспитательныхъ учрежденіяхъ мѣсто для такихъ пріемовъ, которые нынѣ вытѣсняются даже изъ разныхъ «исправительныхъ заведеній» чуть не тюремнаго характера... Обидно, что духовное вѣдомство доселѣ не позаботилось совершенно изъять этотъ вопросъ изъ числа педагогическихъ задачъ... Въ религіозной сферѣ наличныя формальности могутъ отучить отъ храма, какъ это несомнѣнно и теоретически и по многимъ горькимъ опытамъ послѣдняго времени. Вѣдь была въ томъ, что на практикѣ не рѣдко замѣчались крайности. Напр., въ одномъ столичномъ Духовномъ Училищѣ заставляли мальчиковъ каждый день по утрамъ ходить въ церковь къ богослуженію, а затѣмъ уже идти въ классъ на уроки. Конечно, это—не нормальность. Но что ученики духовной школы обязаны посѣщать богослуженіе въ церкви, — это, по моему мнѣнію, необходимо и можетъ быть достигнуто сердечною заботливостію о воспитаніи внутренней религіозной настроенности и живой любви къ храму Божію привлеченіемъ къ сознательному участію въ богослуженіи, поученіями касательно одухотворенной осмысленности и увлекающей величавости послѣдняго и т. п. Доселѣ съ отрадою вспоминаю больше всего мои училищные годы въ г. Никольскѣ, когда самъ смотритель † о. протоіерей Аристархъ Петровичъ Соколовъ совершалъ съ учениками богослуженія въ кладбищенской церкви, и, не смотря на отдаленность ея отъ центра, туда охотно, — безъ особаго полицейскаго принужденія, — ходили всѣ воспитанники, привлекая массы горожанъ. Вмѣстѣ съ этимъ я не склоненъ и къ педагогическому оригинальничанью, когда хотятъ ввести въ духовную школу товарищескіе «суды чести», хотя этотъ институтъ сомнителенъ по своей полезности даже въ офицерской средѣ, а въ школѣ онъ просто неумѣстенъ среди тѣхъ, кто прежде всего долженъ пріучаться къ исполнительности и дисциплинѣ... Круговая порука вообще снимаетъ отвѣтственность съ личности и переноситъ ее на совокупность питомцевъ. Тогда получается господство массы. Но послѣднія въ большинствѣ своемъ состоятъ изъ посредственностей, — и это большинство будетъ давить на всѣхъ, доводить все до своего уровня и тѣмъ затруднять прогрессъ школьной жизни, не говоря о многихъ практическихъ ненормальностяхъ, какія несомнѣнны здѣсь даже внѣ школы (напр., укрывательство, партійные интересы и т. п.). По моему мнѣнію, и модный вопросъ о педагогическомъ «условномъ осужденіи» возбуждается довольно напрасно, ибо практически оно искони и вездѣ существовало въ духовной школѣ. Всегда ученикамъ долгое время прощаютъ и проступки ихъ сначала не наказываются строго въ надеждѣ на исправленіе. Это была морально-педагогическая мѣра;—зачѣмъ же теперь ее регламентировать, лишать моральнаго характера и превращать въ какое-то угрожающее средство?... Дозволителенъ даже вопросъ о формѣ одеждѣ. Русскіе не умѣютъ ни одѣваться, ни держать себя; въ этомъ отношеніи форма въ нашихъ школахъ полезна:—она пріучаетъ человѣка къ опрятности, заставляетъ его «подтягиваться ради мундира», сообщаетъ выдержку и общежительную дисциплину; нужно только позаботиться, чтобы эта форма не была уродливою, и воспитанники не стыдились ея, какъ иногда бываетъ нынѣ. Заграничные примѣры намъ не указъ, ибо тамъ всѣ школьники имѣютъ уже домашнюю выправку,

2) Эта задача столь высока и—для успѣшнаго выполненія—требуетъ такой всецѣлой сосредоточенности на ней всѣхъ учебно-педагогическихъ средствъ, что должна быть обособлена на практикѣ устройствомъ спеціальныхъ богословскихъ заведеній подъ непосредственнымъ надзоромъ церковной власти [1]).

3) Въ виду сего, для общаго образованія должны быть открыты отдѣльныя среднія школы обычнаго характера, но съ усиленіемъ религіозно-богословскаго и философскаго обученія.

4) Для удовлетворенія потребностей знанія въ области религіозно-богословской и для свободнаго развитія богословской науки, служащей запросамъ всякой мыслящей души, «по природѣ христіанки», слѣдовало бы сформировать и православные богословскіе факультеты при Университетахъ. Это conditio sine qua non для реформы Академій, потому что безъ соблюденія этого условія можетъ получиться страшно пагубный результатъ, что богословская наука, притушенная на своемъ послѣднемъ очагѣ, совсѣмъ погаснетъ, если свѣтильникъ ея не будетъ возженъ въ другомъ вполнѣ подходящемъ мѣстѣ.

Въ результатѣ всего у меня получаются такія принципіальныя пожеланія по реформѣ духовной школы:

I) Необходимо создать новыя или преобразовать прежнія духовно-учебныя заведенія на началахъ строгаго соотвѣтствія церковно-пастыр-

---

и форменныя особенности въ костюмѣ допускаются лишь для внѣшняго различенія. Однако форменная одежда въ школѣ существуетъ, напр., въ Англіи даже для студентовъ, а ужъ англичане ли не отличаются въ этомъ отношеніи корректностію?... Вообще, во всемъ требуется разумный начальственный контроль, и его не могутъ нести «старшіе», которыхъ предлагаютъ иные даже въ наши дни. Но безспорные факты изъ практики ясно показываютъ педагогическую нецѣлесообразность этого учрежденія. Оно вызывало постоянныя недовольства, недоразумѣнія, вражду среди воспитанниковъ и ложилось тяжелымъ бременемъ на самихъ «старшихъ», а иногда преждевременно отравляло ихъ совѣсть. Все, такимъ образомъ, говоритъ противъ возстановленія въ духовной школѣ института «старшихъ», низверженіе котораго было истиннымъ торжествомъ студенчества Московской Академіи 80-хъ годовъ. Наоборотъ, были бы весьма желательны отвѣтственные классные надзиратели изъ преподавателей; только послѣдніе нынѣ крайне подавлены уроками и необходимыми внѣклассными дѣлами, почему нельзя возлагать на нихъ еще новыя обязанности, если не будетъ уменьшено количество занятій при увеличеніи матеріальнаго обезпеченія.

[1]) Здѣсь иногда выражалось, чтобы мѣстный Преосвященный,—подобно наблюдателямъ за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ заведеніяхъ,—былъ собственно надзирателемъ преимущественно по административной части. На засѣданіи V-го отдѣла Предсоборнаго Присутствія 4-го мая 1906 года я заявилъ, что совершенно не согласенъ съ разграниченіемъ архіерейской власти по отношенію къ духовной школѣ. Предоставляютъ архіерею право смотрѣть только за насажденіемъ религіи и нравственности, но можно спросить, какъ онъ услѣдитъ за этимъ, когда всѣ свѣтскіе предметы будутъ препятствовать или хотя не содѣйствовать утвержденію вѣры? Вѣдь и на урокахъ ариѳметики и географіи можно проводить идеи, противныя Церкви и христіанскому ученію! Положеніе епископовъ, наблюдающихъ за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ заведеніяхъ, почти унизительно и не даетъ хорошихъ результатовъ, даже въ смыслѣ контроля... Если подобный порядокъ будетъ и у насъ, то въ такомъ случаѣ архіерею лучше ужъ напередъ совсѣмъ отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ школьное дѣло и этимъ снять съ себя отвѣтственность за его состояніе, а для пастырскихъ интересовъ создать новыя учрежденія и принять особыя мѣры... Даже для Академій мнѣ совсѣмъ не нравится отводимое Преосвященнымъ только «попечительное наблюденіе», но его совершенной неясности и очевидной безпредметности, ибо эта формула — сама по себѣ—лишена опредѣленнаго конкретнаго содержанія и на практикѣ можетъ подвергаться опаснымъ случайностямъ примѣненія...

скимъ потребностямъ для подготовленія просвѣщенныхъ пастырей изъ образованныхъ членовъ Церкви, по свободному рѣшенію желающихъ посвятить себя этому высокому служенію.

II) Общеобразовательная часть теперешнихъ Духовныхъ Училищъ и Семинарій сосредоточивается въ особыхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ (типа классическихъ гимназій) со всѣми правами и преимуществами параллельныхъ свѣтскихъ школъ, но съ тѣмъ отличіемъ отъ послѣднихъ, что въ новыхъ расширяется и усиливается религіозно-богословское и философское преподаваніе, соотвѣтственно его важности.

III) Богословская наука, служащая собственно потребностямъ ума, а не просто профессіональнымъ нуждамъ, требуетъ для своего развитія независимой, спеціальной и всесторонней разработки; посему для нея полезно образовать еще православные богословскіе факультеты подлѣ и по подобію другихъ, существующихъ при нашихъ Университетахъ.

Къ вопросу о постановкѣ высшаго богословскаго изученія въ Россіи [1]).

1) Не должно быть спора, что «богословіе» можетъ быть объектомъ чисто-научнаго изученія,—подобно всякимъ другимъ «предметамъ». Въ такомъ качествѣ и достоинствѣ ему естественное и законное мѣсто именно тамъ, гдѣ культивируется эта наука, т. е. въ Университетѣ. Съ другой стороны, и послѣдній, оставаясь вѣрнымъ своему званію Universitas, долженъ радушно открывать свои двери и аудиторіи для богословскихъ дисциплинъ. Нельзя согласиться, что «богословіе» еще не доросло до соотвѣтственной научной зрѣлости, и ему, яко бы, рано выступать наряду съ университетскими науками. Въ кругѣ университетскихъ знаній есть достаточно такихъ, которыя ничуть не выше «богословія» по своимъ основамъ и по разработкѣ. Такъ, многое въ медицинѣ только опирается на научныя пособія, по собственно является лишь казуистикою и по существу своему остается искусствомъ, на практикѣ же не рѣдко переходитъ въ ремесленное знахарство. Науки юридическія всецѣло стоятъ на почвѣ римскаго права и проникнуты его духомъ, а построеніе даже гуманитарнаго права на христіанскихъ началахъ продолжаетъ быть задачею будущаго, хотя первостепенная важность ея для христіанскихъ государствъ самоочевидна. Въ такомъ же относительномъ значеніи «богословіе» съ полнымъ достоинствомъ можетъ войти въ среду университетскихъ дисциплинъ [2]), объединивъ и обезпечивъ сродныя себѣ науки, которыя теперь не находятъ для себя въ университетскомъ строѣ ни

[1]) Эти тезисы были доложены также въ С.-Петербургской епархіальной коммиссіи и напечатаны въ «Отзывахъ епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ», ч. III, стр. 159—161.

[2]) А нѣмцы—въ противоположность намъ (см. ниже стр. 13,[1])—привыкли считать «богословіе» даже «царемъ наукъ» въ университетскомъ курсѣ. См. у ✝ Prof. D. *Bernhard Stade*, Die Reorganisation der Theologischen Fakultät zu Giessen in den Jahren 1878 bis 1882. Thatsachen und Legenden (Giessen 1891), S. 2: «die Königin der Wissenschaften».

опоры, ни приложенія, ни дѣйствія («богословіе», церковныя исторіи, церковное право, частію—теорія и исторія искусствъ и — въ С.-Петербургскомъ Университетѣ—еврейскій языкъ).

2) Существованіе богословскихъ факультетовъ при Университетахъ ничуть не требуетъ необходимо упраздненія православныхъ Духовныхъ Академій. Но послѣднія, оставаясь институтами и органами православной (Русской) церкви, должны служить именно ей самою своею наукой, обязаны говорить во имя ея, — для научнаго познанія, разъясненія, истолкованія и огражденія ея ученій и учрежденій. Съ этой точки зрѣнія православныя Духовныя Академіи, оставаясь въ церковномъ вѣдѣніи, будутъ научно-апологетическими институтами православной (Русской) церкви, при чемъ православные не имѣютъ права считать ихъ конфессіонально-тенденціозными, если они дѣйствительно исповѣдуютъ, что православіе отражаетъ въ себѣ истину. Кругъ академическихъ предметовъ долженъ опредѣлятся этимъ существомъ православно-русскихъ Духовныхъ Академій, гдѣ нѣтъ принципіальныхъ основаній для внѣбогословскаго ихъ расширенія, хотя бы оно и оправдывалось разными практическими соображеніями.

3) Такое распредѣленіе высшаго богословскаго изученія въ Россіи считаю наиболѣе цѣлесообразнымъ и плодотворнымъ потому, что потребность въ Духовныхъ Академіяхъ указаннаго характера безспорна, но при нихъ необходимо открыть свободный просторъ научнымъ изысканіямъ на основѣ и за отвѣтственностію частныхъ мнѣній. Иначе, при однѣхъ Духовныхъ Академіяхъ, «богословіе» опять рискуетъ сдѣлаться закнуто-конфессіональнымъ, а всякая другая «внѣшняя» теологія заранѣе подвергается подозрѣнію; при однихъ университетскихъ богословскихъ факультетахъ православная (Русская) церковь лишится столь важныхъ собственныхъ органовъ для научнаго познанія, истолкованія и огражденія. Значитъ, только совмѣстное существованіе въ Россіи университетскихъ богословскихъ факультетовъ и Духовныхъ Академій лучше всего можетъ обезпечить для богословской науки обязательныя права и благіе плоды вѣры и свободы.

4) Изъ предшествующаго у меня получается такая принципіальная формула, что «Православныя Духовныя Академіи суть учебно-ученыя установленія и органы православной Русской церкви для научнаго познанія, разъясненія, истолкованія и огражденія ея ученій и учрежденій» [1]).

Идея образованія богословскихъ факультетовъ при нашихъ Университетахъ и въ печати и въ разсужденіяхъ Предсоборнаго Присутствія была направлена нѣкоторыми противъ Академій, которыя подвергались крайнимъ укоризнамъ и обрекались на совершенное уничтоженіе, какъ

[1]) Частію согласно этому и позднѣйшимъ замѣчаніямъ, поелѣ (въ засѣданіи V-й секціи 14-го мая 1906 года) принято слѣдующее опредѣленіе: «Православная Духовная Академія есть учено-учебное учрежденіе, имѣющее цѣлію а) способствовать развитію богословской науки и б) доставлять высшее богословское образованіе въ духѣ православія для просвѣщеннаго служенія Церкви на пастырскомъ, учебномъ и другихъ поприщахъ дѣятельности». См. «Журналы и Протоколы засѣданій Высочайше учрежденнаго Предсоборнаго Присутствія», т. IV (Спб. 1907), стр. 77*б* (V-го отдѣла).

институты не только не полезные, но почти прямо вредные. Въ виду сего (въ засѣданіи V-го отдѣла 9-го мая 1906 года) я вынужденъ былъ подать слѣдующее мнѣніе:

Мысль о богословскихъ факультетахъ получила теперь такой тягостный и порицательный для нашихъ Almae matres характеръ, что я рѣшительнымъ образомъ отрекаюсь отъ подобнаго ея примѣненія... При этомъ открылось изъ компетентныхъ разъясненій, что Университетъ, какъ цѣлостный организмъ, какъ Universites omnium litterarum et artium, нынѣ не существуетъ: къ чему же въ немъ будетъ прививаться наше православное богословіе [1]) и послѣдуетъ ли отъ сего дѣйствительная польза?... Возражаютъ, что Академія до нѣкоторой степени есть учрежденіе тенденціозное. Но бываетъ ли гдѣ-нибудь знаніе безъ опредѣленной тенденціи, безъ прикладныхъ цѣлей? Въ медицинѣ, напр., существуютъ два направленія—аллопатія и гомеопатія, и «тенденція» оказывается здѣсь настолько сильною, что аллопаты не позволяютъ гомеопатамъ читать лекціи въ Университетахъ. Затѣмъ нельзя забывать, что тенденціозность бываетъ разная, а по идеѣ и въ чистомъ видѣ должна быть считаема цѣлеположностію. И объ академической «тенденціозности» нужно сначала рѣшить: вредная она или нѣтъ? Полагаю, что, исповѣдуя истину христіанства и православія, мы всѣ единодушно отвѣтимъ безусловнымъ отрицаніемъ: въ такомъ случаѣ зачѣмъ же намъ пугаться пустого слова «тенденціозность»?... Далѣе: я совсѣмъ не думаю, чтобы Академіи не допускали свободной разработки науки, ибо православіе всѣмъ даетъ достаточно простора и по существу христіанства и по научной неразработанности многихъ сторонъ, гдѣ догматически опредѣлены лишь важнѣйшіе вопросы... Наконецъ: и за границей богословскіе факультеты имѣются отдѣльно, иногда же соединяются съ Университетами только ради удобства изученія вспомогательныхъ наукъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ я высказываюсь за сохраненіе Академій, хотя нахожу полезнымъ, чтобы наряду съ ними и у насъ образовались университетскіе православно-богословскіе факультеты [2]).

---

[1]) Съ удивленіемъ и прискорбіемъ нужно еще констатировать, что наши Университеты обнаруживаютъ явное и—иногда—принципіальное нерасположеніе къ самой идеѣ включеніе богословскихъ факультетовъ въ свой составъ: см. «Труды Высочайше учрежденной коммиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній» (изд. на правахъ рукописи въ Спб. 1903 г.), вып. III, стр. 56—58 и ср. вып. I, стр. 139—140. 316—320. Не забудемъ и того, какъ глубоко утвердилась у насъ скверная напраслина † князя *С. Н. Трубецкого*, что «наше русское богословіе (in toto?) относится къ научному богословію, какъ алхимія къ химіи или астрологія къ астрономіи» (см. въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906, стр. 320). Вѣдь извѣстно, что всѣ наши Университеты стремятся къ изгнанію даже теперешняго «богословія» и кое-гдѣ достигли фактическаго успѣха, а въ крайнемъ случаѣ мечтаютъ о замѣнѣ его «исторіею религій», которую можетъ преподавать хотя бы еврей, между тѣмъ и либеральный Адольфъ Гарнакъ энергически отвергалъ подобную контрафакцію, рѣшительно защищая (противъ О. Пфлейдерера) спеціальное изученіе именно христіанской теологіи (см. у меня въ «Православной Богословской Энциклопедіи», т. IV, Спб. 1903, стлб. 115). Ср. и выше стр. 11, 2.

[2]) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 53—54. Ср. еще у о. *Мих. Лёвитова* въ «Церковномъ Вѣстникѣ» № 23 за 7-е іюня 1907 г., стлб. 739. 741.

О типѣ средней духовной школы и о наилучшей постановкѣ пастырскаго приготовленія.

1) По основаніямъ и соображеніямъ, изложеннымъ выше (стр. 1 сл.), я продолжаю стоять за реформу низшей и средней духовной школы въ томъ смыслѣ, чтобы въ ней общее христіански-гуманитарное образованіе *уединивалось* обособленнымъ спеціально-пастырскимъ предуготовленіемъ. По моему мнѣнію, это существенно необходимо по потребностямъ и задачамъ Церкви. Нѣтъ надобности не только доказывать, но даже и говорить съ особою выразительностію, что для достойнаго выполненія своихъ высокихъ и святыхъ цѣлей Церковь нуждается въ широко-просвѣщенныхъ пастыряхъ, по призванію избравшихъ это великое служеніе и нарочито къ нему подготовившихся. Значитъ, и самая богословско-пастырская пропедевтика обязываетъ къ всестороннему развитію приспособленнаго общаго образованія, а затѣмъ просвѣтительно-образовательная миссія, входящая въ задачи Церкви, далеко не исчерпывается удовлетвореніемъ профессіонально-сословныхъ запросовъ. Напротивъ, Церковь, какъ носительница свѣта истиннаго, единственно просвѣщающаго всякаго человѣка, самою этою природой своей влечется и обязывается къ тому, чтобы нормировать и проникать гуманитарное образованіе христіанскимъ духомъ, который долженъ осмысленно жить, дѣйствовать и заправлять во всѣхъ членахъ тѣла церковнаго. Этимъ неотложно вызывается и убѣдительно оправдывается организація обособленной христіански-гуманитарной школы. При этомъ послѣдняя, служа неотразимо-законнымъ нуждамъ воспитанія дѣтей духовенства, пусть открываетъ свои двери и для всѣхъ христіанъ, чѣмъ, въ свою очередь, будетъ обновляться и расширяться контингентъ кандидатовъ для пастырства.

Таково идеальное требованіе. Какъ его примѣнить на практикѣ или даже понизить ради удобнаго осуществленія,—на этотъ счетъ пока достаточно сдѣлать двѣ оговорки.

Первая та, что возвращеніе къ семинарскому и училищному уставамъ 1867 года,—съ какимъ угодно измѣненіемъ въ распредѣленіи и количествѣ предметовъ, — по моему убѣжденію, нимало не рѣшаетъ вопроса о наилучшей реформѣ нашей духовной школы. Для просвѣтительной миссіи и для пастырскихъ потребностей Церкви это будетъ даже прямымъ отступленіемъ отъ нихъ ради совершенно постороннихъ цѣлей — открытія семинарскимъ воспитанникамъ свободнаго доступа въ свѣтскія высшія учебныя заведенія. Помимо этого мотива, въ духовной школѣ ничуть не даннаго, непзбѣжно получится, что довольно уродливый типъ отдѣльныхъ четырехклассныхъ Духовныхъ Училищъ, не сообщающихъ никакой образовательной законченности, будетъ плохимъ и безплоднымъ образцомъ христіански-гуманитарнаго образованія, вовсе не отвѣчающимъ по своему уровню просвѣтительнымъ задачамъ Церкви. Съ другой стороны, въ шестиклассныхъ Семиніяхъ преобладаніемъ свѣтскихъ пред-

метовъ и курсовъ до крайности (иногда—роковой) затруднится достиженіе пропедевтико-пастырскихъ цѣлей, присутствіе же въ нихъ богословско-пастырскихъ классовъ стѣснитъ и будетъ угнетать и ограничивать образованіе гуманитарное. Послѣднее неудобство лежитъ въ самомъ существѣ дѣла, и его не могли устранить никакія частичныя реформы. Посему—съ точки зрѣнія системы, а не просто неудачной практики—возвратъ къ духовно-учебнымъ уставамъ 1867 года будетъ по-истинѣ понятнымъ шагомъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Вторая оговорка относится къ тому опасенію, будто обособленные богословско-пастырскіе курсы окажутся специфически-клерикальными, при чемъ насъ пугаютъ разными ужасами «мрачныхъ монастырскихъ застѣнковъ». Эта страшливость удивительна и непонята, если только за нею не скрывается чего-нибудь особеннаго, субъективно или объективно. Что учрежденіе, подготовляющее клириковъ, будетъ клерикальнымъ,—вѣдь по идеѣ (т. е. безъ всякихъ крайностей католическаго клерикализма) это есть самое натуральное, неизбѣжное и желательное явленіе по смыслу дѣла, почему и не боятся его ни православные другихъ національностей, ни католики, ни англикане [1]), ни протестанты. Но, яко бы, тогда этотъ институтъ, преслѣдуя утилитарно-профессіональныя цѣли, будетъ слишкомъ убогимъ интеллектуально. Эти опасенія опять не обоснованы теоретически. Данныя учрежденія будутъ отвѣчать опредѣленнымъ жизненнымъ требованіямъ и, естественно, не могутъ быть ниже послѣднихъ, а иначе не удержатся и погибнутъ сами собою, какъ это бываетъ всегда и вездѣ по неумолимымъ законамъ соотношенія спроса и предложенія. Значитъ,—вмѣсто всякихъ напрасныхъ запугиваній—надобно позаботиться о поднятіи запросовъ пастырскаго служенія каноническимъ возрожденіемъ соборности церковнаго устройства, правильною организаціей приходской жизни, христіанскимъ образованіемъ вѣрующихъ (хотя бы чрезъ христіански-гуманитарныя школы), а также всяческимъ и всестороннимъ улучшеніемъ быта нашего духовенства, имѣющаго величайшія заслуги предъ обществомъ и государствомъ, чуть ли не больше другихъ «сословій».

Въ итогѣ всего я *идеально* высказываюсь за полное обособленіе христіанскаго гуманитарнаго образованія и пастырскаго приготовленія.

Въ качествѣ иллюстраціи (и въ дополненіе къ другимъ справкамъ) прибавлю, что не служитъ къ огражденію существующаго типа нашихъ духовныхъ школъ и несомнѣнная ихъ аналогичность съ соотвѣтствующими католическими институтами. Тамъ различаются «семинаріи малыя» и «семинаріи большія» [2]). Прежде обѣ были слитны, но декретами 1809 и 1811 г.г. первыя были совершенно отдѣлены въ особыя учрежденія, гдѣ преподавалось то же, что̀ и въ чисто-свѣтскихъ школахъ. Образова-

---

[1]) См. у *П. П. Бриллiантова* въ «Христ. Чтеніи» 1906 г., № 1, стр. 94—111; *П. В. Орлова* въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 16 за 22-е апрѣля 1906 г., стр. 899—902; англиканскаго свящ. *Андрю Амоса* въ «Странникѣ» 1906 г., № 5, стр. 806—812; Handbook of the Theological Colleges of the Church of England and the Episcopal Church in Scotland, 1906.

[2]) См. о нихъ замѣтки и у ректора «Католическаго Института» въ Тулузѣ *Pierre Batiffol'я*, Question d'enseignement supérieur ecclésiastique, Paris 1907.

лись учебныя заведенія, тѣмъ болѣе похожія на наши Духовныя Училища, что до 30-хъ годовъ XIX столѣтія они спеціально предназначались для подготовленія питомцевъ къ пастырскому званію. Потомъ общество обнаружило широкій интересъ къ этимъ школамъ, которыя частію и были обращены въ коллегіи, не стѣснявшія поступавшихъ обязательствомъ къ духовнымъ профессіямъ. Не смотря на всякія преграды свѣтской власти, притокъ учащихся былъ весьма значительнымъ, но зато коллегіи потеряли связь съ задачами пастырства и перестали служить его цѣлямъ. Это почти цѣликомъ продолжается и доселѣ, такъ какъ только въ одной Бретани «малыя семинаріи» отводятся исключительно для духовныхъ воспитанниковъ, идущихъ на пастырское поприще чрезъ «большія семинаріи», а во всѣхъ прочихъ мѣстахъ Франціи это суть больше свѣтскія заведенія, дающія кончающимъ просто степень баккалавра (въ родѣ аттестата зрѣлости), которая открываетъ пути во всѣ стороны. Ради сего въ «малыхъ семинаріяхъ» и самыя программы держатся вполнѣ «автономныя», мало согласованныя съ курсомъ «семинарій большихъ». Что же получилось отсюда? Статистика свидѣтельствуетъ для всѣхъ «малыхъ семинарій» (которыхъ въ 1891 г. было до 112), что изъ нихъ шло собственно въ пастырскія школы всего-навсего отъ 20% до 10%. И этотъ результатъ тѣмъ поучительнѣе, что онѣ, какъ не получающія пособій изъ государственныхъ средствъ, находятся въ полномъ вѣдѣніи мѣстныхъ епископовъ, хотя въ извѣстной степени подлежатъ правительственному контролю въ финансово-экономическомъ отношеніи. Важный для насъ выводъ заключается въ томъ, что даже католичество, умѣющее овладѣвать питомцами до полнаго порабощенія своимъ интересамъ, было не въ силахъ сдѣлать общеобразовательную школу пригодною для пастырскихъ потребностей и теперь почерпаетъ контингентъ священнослужителей преимущественно изъ свободныхъ соискателей въ средѣ зажиточнаго крестьянства и буржуазіи, для которыхъ это поприще является лестнымъ и завиднымъ. Значитъ, и намъ не слѣдуетъ задаваться несбыточными планами, вдохновляющими разныхъ ревнителей идиллическими мечтами о томъ, чтобы воспитанниковъ съ первыхъ же школьныхъ шаговъ направлять непремѣнно къ пастырству. Наилучшій опытъ осудилъ эту теорію, и мы не должны повторять слишкомъ старыя ошибки, а обязаны позаботиться, дабы просвѣтительная миссія Церкви нашла себѣ достойное выраженіе въ гуманитарныхъ школахъ на религіозно-христіанской основѣ. Такъ образуется обильный запасъ если не пригодныхъ пастырей, то хорошо подготовленныхъ и настроенныхъ пасомыхъ, которые всюду будутъ носить въ себѣ и съ собою чистый свѣтильникъ вѣры.

Не менѣе знаменательны и наблюденія надъ «большими семинаріями». Ихъ нынѣ имѣется во Франціи до 84 съ количествомъ учащихся около $7\frac{1}{2}$ тысячъ, при чемъ весьма характерно, что доселѣ правительство отпускало пособія до 1.120.000 франковъ, хотя во всемъ прочемъ онѣ подчинялись своимъ епископамъ. Поступаютъ туда юноши отъ 16-ти лѣтъ: курсъ шестигодичный: преподаются: философія (ея исторія, «метафизика» и психологія), «богословіе». Свящ. Писаніе, патрологія, ка-

БИБЛИОТЕКА ... Духовной ... Инв. № 196181

ническое право, исторія Церкви, пастырское богословіе и церковное краснорѣчіе, иногда еще: археологія, мѣстная епархіальная исторія, «счетоводство», еврейскій языкъ и мѣстныя нарѣчія. Какъ видимъ, аналогія съ нашими теперешними Духовными Семинаріями почти всецѣлая,—и тѣмъ внушительнѣе для насъ удостовѣренные уроки этой системы. А они таковы, что въ «большихъ семинаріяхъ» свѣтское преподаваніе совсѣмъ подавлено профессіонально-пастырскими тенденціями, и воспитанники не получаютъ надлежащаго общаго образованія. Вслѣдствіе этого и спеціально «духовное» обученіе лишается гуманитарной почвы и истинно человѣческой жизненности, становится бездушно-школярнымъ и мертвенно-схоластичнымъ. Естественно, что все воспитаніе обращается въ утилитарную выправку, въ обезличивающую дрессировку ума, воли, чувства, совѣсти. Въ итогѣ формируются вымуштрованные требоисправители и упорные конфессіоналы, умѣющіе порабощать пасомыя души, но едва ли влекущіе ихъ къ «свободѣ славы сыновъ Божіихъ» [1])... Неужели этого хочемъ и мы со своими шестиклассными Семинаріями, какъ спеціальными пастырскими заведеніями?.. Если же нѣтъ, то для меня ясно, что пастырское образованіе должно созидаться на законченномъ общемъ обученіи, чтобы осмысленная и сознательная склонность получила соотвѣтствующее развитіе въ приспособленномъ непродолжительномъ курсѣ (не свыше 3-хъ лѣтъ).

Кратко сказать: я снова убѣждаюсь, что наши духовныя школы полезнѣе реформировать такъ, чтобы онѣ давали полное христіански-гуманитарное воспитаніе и потомъ въ особыхъ заведеніяхъ сообщали призваннымъ пастырское приготовленіе. Обѣ цѣли одинаково неотложны и священны. Если для пастырей вѣрно, что «жатва многа, дѣлателей же мало» (Мат. IX, 37. Лук. X, 2), то для Церкви не менѣе обязательна и другая задача, «да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ!» (2 Тим. III, 17) [2]).

2) Тотъ единый и единственный вопросъ, который предложенъ Общему Присутствію относительно реформы духовной школы, разсматривался продолжительнѣе и чуть ли не горячѣе [3]) всѣхъ другихъ, какіе выдвигались и затрогивались на «предсоборныхъ отдѣлахъ». Знаю объ этомъ, какъ участникъ многихъ коммиссій, и вывожу съ увѣренностію, что этотъ

---

[1]) О католической пастырской пропедевтикѣ вообще см. у *Антона Кактыня*, Приготовленіе къ пастырскому служенію въ католичествѣ и протестантствѣ въ сборникѣ: «Учено-богословскіе и церковно-проповѣдническіе опыты студентовъ Кіевской Духовной Академіи LVI курса (1903 г.)», вып. 1 (Кіевъ 1904, стр. 31—93). Для новѣйшаго времени см. у *С. Браткова*, Учебная реформа въ семинаріяхъ римско-католическаго духовенства въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 3, стр. 475—512.

[2]) Это мнѣніе приложено къ журналамъ №№ 5 и 6 (за 12 и 14-е апрѣля 1906 года) V-го отдѣла; см. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. II (Спб. 1906), стр. 163—167.

[3]) Тѣмъ не менѣе къ работамъ V-го отдѣла и всего Предсоборнаго Присутствія ни въ малѣйшей степени не приложимо невѣроятное заявленіе г. *Ф. П. Бѣлявскаго*, будто по вопросу о «выборѣ типа школы» (духовной) «спорятъ *съ ожесточеніемъ, обвиняя* другъ друга въ *неискренности, въ предательствѣ Церкви и чуть ли не въ невѣріи*» (см. «Церковный Вѣстникъ» № 21 за 24-е мая 1907 года, стлб. 670). И вообще это сужденіе не соотвѣтствуетъ реальности, будучи плодомъ какого-то непостижимаго въ серьезномъ писателѣ преувеличенія, которое можетъ имѣть очень вредныя послѣдствія въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ...

предметъ обслѣдованъ и взвѣшенъ каждымъ всесторонне и осмотрительно, почему трудно ожидать новыхъ фактовъ, непредвидѣнныхъ соображеній и т. п. Я высказался за обособленную богословско-пастырскую школу по горячей вѣрѣ моей въ то, что обновляющаяся церковь Русская будетъ привлекать на служеніе себѣ наилучшіе элементы православнаго населенія (см. выше стр. 5). Эту вѣру постепенно и систематически во мнѣ охлаждали,—и все-таки убѣжденіе мое доселѣ остается прежнимъ по существу. Не буду повторять своихъ аргументовъ, но есть одна мысль, которую не хотѣлось бы оставить не оговореннною предъ рѣшеніемъ этого капитальнаго вопроса величайшей жизненной важности. И въ печати и у многихъ ораторовъ, рекомендовавшихъ частичную реформу нашей духовной школы съ сохраненіемъ существующаго типа, проскальзывали замѣчанія, что въ своихъ проектахъ они одушевлялись почтеніемъ къ историческимъ заслугамъ этой школы, благодарностію къ ней лично и за помощь при воспитаніи бѣднаго, хотя высоко-достойнаго духовенства нашего, и проч. Охотно допускаю это, но тутъ косвенно указывается, что апологеты другихъ воззрѣній руководятся если не совсѣмъ иными чувствами, то во всякомъ случаѣ слишкомъ холоднымъ анализомъ экспериментатора, готоваго на всякія вивисекціи ради своей идеи. Необходимо съ рѣшительностію устранить этотъ оттѣнокъ, вносящій нѣсколько неудобную нотку въ наше настроеніе предъ самымъ отвѣтомъ на обсуждаемый вопросъ. Послѣдній прошелъ предо мною въ трехъ стадіяхъ того процесса, какимъ онъ достигъ настоящаго пункта. Я имѣлъ съ нимъ дѣло по епархіальной С.-Петербургской коммиссіи, гдѣ были избранные делегаты академической, семинарской и училищной корпорацій и епархіальнаго женскаго училища, при чемъ защищаемый мною взглядъ былъ принятъ согласно заключенію соединеннаго собранія Семинаріи и Училища. Добытые здѣсь результаты восходили на общее обсужденіе епархіальной коммиссіи подъ предсѣдательствомъ митрополита С.-Петербургскаго,—и то же рѣшеніе было одобрено здѣсь съ участіемъ трехъ викаріевъ, придворнаго протопресвитера о. І. Л. Янышева, члена Государственнаго Совѣта протоіерея М. И. Горчакова, заслуженнаго профессора М. И. Каринскаго и др. Наконецъ, вопросъ подвергся новому детальному разбору въ V-мъ отдѣлѣ Предсоборнаго Присутствія и получилъ нѣкоторое преобладаніе въ смыслѣ обособленія общаго образованія отъ богословско-пастырскаго приготовленія. Вездѣ сторонники послѣдняго плана искреннѣйшимъ образомъ свидѣтельствовали свою глубокую благодарность духовной школѣ и всякія покушенія на ея честь отвергали немедленно даже въ тѣхъ, кто по видимости казался ихъ союзникомъ. Вся работа наша проникалась именно этою горячею признательностію, опредѣлялась незыблемымъ убѣжденіемъ въ первостепенной важности духовной школы для великаго дѣла Церкви и для духовнаго прогресса русскаго народа и направлялась къ обезпеченію наилучшаго простора для всецѣлой плодотворности при выполненіи ея просвѣтительной миссіи. Возможно, что наше рѣшеніе рисуется для многихъ рискованнымъ и т. п., но одно не должно быть забыто въ этотъ торжественный поворотный моментъ, что нами руководило самое пламенное желаніе, чтобы прекратились наконецъ

теперешнія мрачныя времена нашей школьной жизни, и впредь оставалась дѣйствительно непостыдною наша чистая вѣра въ спасительность истинной духовной школы для блага и преуспѣянія членовъ православной Церкви во свѣтѣ Христовомъ, единственно просвѣщающемъ всякаго человѣка [1]).

3) Многіе увлекаются мыслію о частичномъ преобразованіи духовныхъ школъ, но я не буду говорить о повторительныхъ докладахъ въ пользу духовно-учебной реформы въ направленіи устава 1867 года. Они—и въ цѣломъ и въ частностяхъ—ничуть не поколебали моего мнѣнія, которое я долженъ оградить немногими дополнительными аргументами.

Высказывалось, что проектъ отдѣленія обособленной церковно-пастырской школы отъ христіански-гуманитарной, при сохраненіи органической ихъ связи, покоится на субъективныхъ данныхъ и не имѣетъ объективной опоры.

Но, во-первыхъ, во всякомъ дѣлѣ, куда человѣкъ вкладываетъ всю душу, не ограничиваясь объективно-холоднымъ отношеніемъ къ нему, тутъ всегда бываетъ неизбѣжна извѣстная доля индивидуальной субъективности. Только въ настоящемъ случаѣ это—субъективизмъ совсѣмъ особаго характера и силы. Мы рождены духовною школой, и въ ней доселѣ находится все наше сердце, такъ что для многихъ изъ насъ внѣ ея немыслимо самое духовное бытіе наше. При такихъ условіяхъ наше субъективное убѣжденіе пріобрѣтаетъ свойство объективной несомнѣнности,—по крайней мѣрѣ, не ниже того, насколько безспорно и наше интеллектуально-духовное существованіе...

Во-вторыхъ, мы неизмѣнно приводили исключительно объективныя соображенія, заимствуемыя въ природѣ самой Церкви по потребностямъ и задачамъ ея христіански-просвѣтительнаго достоинства (см. выше стр. 14 сл.),—и не видѣть этого можно развѣ лишь при подмѣнѣ понятія объективной аргументаціи экспериментальными обоснованіями, почерпаемыми въ историческомъ опытѣ, какого, конечно, не бываетъ ни у одной новой идеи прежде ея фактическаго примѣненія.

Третье и самое главное въ томъ, что въ разсматриваемомъ вопросѣ недостаточно даже самаго авторитетнаго объективизма. Мы находимся теперь на поворотномъ пунктѣ въ исторіи духовной школы, когда со старымъ нельзя остаться, а нужно что-либо новое, болѣе жизнедѣятельное. Тутъ необходимо творчество, для котораго обязательна вѣра, способная сдвинуть всѣ горы недоумѣній и опасеній. При наличности послѣднихъ будутъ безплодны всякія реформы, потому что онѣ сразу явятся отравленными разлагающимъ ядомъ сомнѣній при самомъ возникновеніи и при постепенномъ осуществленіи. Въ этомъ смыслѣ всѣ ссылки на матеріальныя затрудненія, на неприспособленность духовно-училищныхъ зданій и проекты примѣрныхъ экспериментовъ [2]), заранѣе обреченныхъ на неудачу всякаго невѣрующаго опыта, говорятъ только о томъ, что

---

[1]) Сказано въ общемъ собраніи Предсоборнаго Присутствія 18-го мая 1906 года; см. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. II, стр. 509—510.

[2]) См. «Журналы и Протоколы», т. II, стр. 528. 538.

здѣсь не чувствуется внутренней созидательной силы вдохновенія. А безъ этого всѣ частичныя улучшенія будутъ лишь заплатами на ветхой одеждѣ, которая вскорѣ изорвется совсѣмъ, оставивъ насъ совершенно нагими... И намъ, дѣйствительно, рекомендуютъ, чтобы вмѣсто покупки новыхъ сапоговъ мы продолжали ходить въ заплатаныхъ опоркахъ [1]), или даже постарались обойтись безъ всякой обуви...

При такомъ маловѣріи мы непремѣнно потонемъ, потому что боимся сдѣлать необходимое героическое напряженіе, чтобы взять спасающую руку. Я же лично доселѣ стараюсь держаться горячей вѣры въ творческую силу обновляющейся церкви Русской, которая и не стремилась бы къ независимости, еслибы не обладала созидательною жизненностію (см. выше стр. 5. 18). Но въ этомъ достоинствѣ Церковь должна привлечь на служеніе себѣ достаточно добрыхъ элементовъ, готовыхъ ради нея подвергнуться особому пропедевтическому воспитанію въ спеціальныхъ заведеніяхъ, характерныхъ не по клерикальной замкнутости, а по высокому церковно-христіанскому озаренію. Когда погаснетъ моя вѣра въ самобытное возрожденіе Русской православной церкви,—я вынужденъ буду примириться съ системою внѣшней опеки и взять назадъ или отвергнуть всѣ реформаторскіе замыслы и предложенія. Не моя вина, если меня начинаютъ одолѣвать мучительныя сомнѣнія..., но, пока горитъ во мнѣ эта вѣра, я не перестану думать и твердить, что Церковь наша сильна, чтобы проникать свѣтомъ Христовымъ своихъ сыновъ въ христіански-гуманитарныхъ школахъ, и обязана имѣть особыя пастырскія учрежденія для приготовленія достойныхъ и преданныхъ носителей этого животворнаго свѣта [2]).

Вопросъ о типѣ средней духовной школы на засѣданіи V-го отдѣла Предсоборнаго Присутствія 14-го апрѣля 1906 года рѣшенъ былъ такъ: 9 лицъ (вмѣстѣ съ предсѣдателемъ) высказались за полное отдѣленіе богословскихъ классовъ отъ общеобразовательныхъ, съ обращеніемъ первыхъ въ особыя пастырскія школы; 9 подали голоса за сохраненіе единства и нераздѣльности, а одинъ остался при особомъ сужденіи [3]). Наоборотъ, въ общемъ собраніи 29-го мая 1906 года 20 членовъ (съ предсѣдателемъ Присутствія) склонились ко второму мнѣнію, 17 приняли первое и 6 воздержались отъ голосованія [4]). Такимъ образомъ, дѣло это оказалось какъ бы въ нѣкоторой точкѣ безразличія. Если на общемъ собраніи получится ничтожный перевѣсъ въ пользу существующаго строя, то больше всего повліяли здѣсь ссылки на матеріальныя затрудненія (см. выше стр. 19), которыми въ началѣ должно было бы сопровождать радикальное преобразованіе среднихъ духовно-учебныхъ заведеній—при необходимости считаться съ наличными зданіями и т. п. Само собою по-

---

[1]) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. II, стр. 533*a*.
[2]) Этотъ «вотумъ» приложенъ къ журналу общаго собранія Предсоборнаго Присутствія 29-го мая 1906 года; см. «Журналы и Протоколы», т. II, стр. 569—570.
[3]) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. II, стр. 155.
[4]) См. ibid. II, стр. 568—569. 570.

нятно, что въ принципіальныхъ вещахъ такія ссылки не могутъ быть убѣдительными или окончательными, и насколько онѣ не пригодны въ рѣчи о церковныхъ реформахъ,—это вскорѣ подтвердилось самымъ наглядным примѣромъ. По поводу проекта объ измѣненіи консисторій, съ учрежденіемъ особаго суднаго епархіальнаго института, опять энергически выдвинуты были матеріальныя препятствія, но предсѣдатель-же Присутствія (митрополитъ С.-Петербургскій Антоній) не менѣе рѣшительно «разъяснилъ (въ засѣданіи 27-го ноября 1906 года), что необходимо сначала установить принципъ, а осуществленіе его будетъ зависѣть отъ времени и средствъ. По мѣрѣ изысканія средствъ и могутъ быть учреждаемы новые органы» [1]). Въ результатѣ это справедливое соображеніе и восторжествовало. Неужели же духовная школа менѣе важна для Церкви и государства, чѣмъ консисторія, чтобы первую душить изъ-за копѣекъ, а на вторую сыпать тысячи? Между тѣмъ вопросъ объ особыхъ пастырскихъ классахъ упорно выдвигается самою жизнію и неумолимо стучится въ дверь. Рано или поздно, но уклониться отъ него никакъ невозможно. Не даромъ, вѣдь, большинство епархіальныхъ коммиссій высказалось въ пользу пастырскихъ школъ, и за нихъ раздаются трезвые голоса представителей духовенства [2]) и просвѣщеннѣйшихъ ревнителей изъ міранъ [3]). При такихъ условіяхъ продолжающаяся доселѣ оппозиція этому проекту [4]) является борьбою противъ жизненной необходимости, а это можетъ только задержать разрѣшеніе вопроса, осложняя его излишнимъ кризисомъ и вызывая смуту въ умахъ и потрясеніе въ нашей духовной школѣ, которую другой комитетскій ревизоръ (Д. И. Тихомировъ) прямо назвалъ [5]) «страждущею».

---

[1]) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. III (Спб. 1907) стр. 197*б* общихъ собраній.

[2]) См., напр., дѣльныя соображенія священника *А. Юрикаса* въ брошюрѣ: «Къ вопросу о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній» по оттиску изъ какого-то Владикавказскаго изданія (вѣроятно, изъ мѣстныхъ «Епархіальныхъ Вѣдомостей» за 1906 годъ).

[3]) См. у *О. Д. Самарина*, Какія школы намъ нужны для приготовленія духовенства? Москва 1906, и въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоборнаго Присутствія», т. II, стр. 180—184. 536—538. 570—578.

[4]) См., напр., у *Ф. И. Бѣлявскаго* въ «Церковномъ Вѣстникѣ» № 21 за 24-е мая 1907 г., стлб. 670.

[5]) См. «Прибавл. къ Церковнымъ Вѣдомостямъ» № 21 за 26-е мая 1907 г., стр. 848*а*.

ДУХОВНЫЯ АКАДЕМІИ [1]).

I.

О существѣ, характерѣ и системѣ богословскаго научно-академическаго преподаванія [2]).

Частные дебаты и случайныя пререканія никогда не даютъ цѣлостныхъ законченныхъ результатовъ, способныхъ успѣшно подвинуть впередъ дѣло всякаго систематическаго построенія, а опыты участія даннаго рода въ разныхъ «предсоборныхъ» обсужденіяхъ по предметамъ всѣхъ отдѣловъ Присутствія рѣшительно убѣдили меня въ томъ, что отсюда возникаетъ больше недоразумѣній и огорченій, чѣмъ разъясне-

---

[1]) При обсужденіи академическихъ вопросовъ нѣкоторые члены V-го отдѣла высказывались, что нужно выяснить общія начала, а частности и самое примѣненіе предоставить академическимъ совѣтамъ. По внутренней цѣльности академическаго организма, послѣдніе не могутъ имѣть здѣсь столь деспотически-вреднаго вліянія, какъ въ Университетахъ (о чемъ см. вопіющіе факты у г. *С. К.* въ «Новомъ Времени» № 11.202, 11.206 и 11.217 за 21-е и 25-е мая и 5-е іюня 1907 г.; ср. *М. М.* ibid. № 11.213 за 1-е іюня, а для иллюстраціи см. случай съ проф. *М. Е. Красноженомъ* въ его книги: «Терпія и плевелы въ нашихъ Университетахъ», Юрьевъ 1905, стр. III—XII). Поэтому я признаю за академическими совѣтами извѣстную свободу, но основныя схемы предметной классификаціи необходимо намѣтить общимъ соглашеніемъ, по требованіямъ самаго существа и ради единства въ научно-богословскомъ строеніи всѣхъ нашихъ Академій. Мнѣ казалось, что если меня приглашаетъ къ разсмотрѣнію высшая инстанція, то я долженъ высказать основной принципъ и намѣтить главныя частности, въ которыхъ онъ могъ бы воплощаться фактически. Только при этомъ общія положенія могутъ получить характеръ практической приспособленности и активной жизненности. Ссылались, что Всероссійскій помѣстный соборъ есть слишкомъ «грандіозное явленіе», и его нельзя обременять подробностями уставовъ и т. п. Но это ничуть не снимало съ насъ обязанности выработать какъ общія нормы, такъ и частныя условія для ихъ примѣненія; безъ послѣднихъ первыя даже не могутъ быть оцѣнены вполнѣ по своей жизненной пригодности. Если мы желаемъ представить проектъ практическій, то необходимо формулировать и общее и частное, изъ которыхъ всегда слагается фактическое осуществленіе. Но—вопреки обратнымъ мнѣніямъ—я никогда не рѣшусь думать, чтобы мы могли предлагать «нѣчто должное» собору. Нѣтъ и ни въ какомъ случаѣ, ибо соборъ—самъ «великій господинъ», и для него всѣ проекты будутъ только матеріалами, въ которыхъ онъ собственно ничуть не обязанъ принимать ни основъ, ни деталей. При томъ же совершенно напрасно расторгаютъ и противополагаютъ обѣ эти стороны цѣлаго явленія, когда въ немъ на практикѣ первая или принципіальная служитъ теоретическимъ устоемъ раціональности проекта, а вторая своими подробностями иллюстрируетъ его и реально примѣняетъ къ дѣйствительной жизни. Одно безъ другого немыслимо нигдѣ, никогда и ни въ чемъ при всякой созидательной работѣ осмысленнаго преобразованія общественно-государственныхъ институтовъ. Это безусловно вѣрно и по отношенію къ Академіямъ, для которыхъ соборъ, узаконяя принципы, непремѣнно долженъ будетъ указать и ближайшія средства и прямые пути къ соотвѣтственной ихъ реализаціи. Противники опускаютъ изъ вниманія это обстоятельство и предначертываютъ для «грандіознаго» собора просто невозможную задачу, направляя къ сему и насъ... Нужно общимъ разумомъ посильно рѣшить «трудность», возникающую больше по фактическимъ условіямъ, чѣмъ по «природѣ вещей», а затѣмъ все уклоняющееся пусть идетъ въ качествѣ отдѣльныхъ мнѣній — въ виду ихъ мотивированной авторитетности и по причинѣ отсутствія у насъ папистической вѣры въ непогрѣшимость V-го отдѣла. Здѣсь соборъ и будетъ «крайнимъ судіею», окончательно рѣшающимъ дѣло. Это вполнѣ естественно и всегда такъ бываетъ во всѣхъ сложныхъ вопросахъ.

[2]) Этотъ докладъ былъ заслушанъ въ засѣданіи V-го отдѣла Предсобориаго Присутствія 16-го ноября 1906 года и напечатанъ въ «Журналахъ и Протоколахъ», т. IV (Спб. 1907), стр. 153—168 (№ 25).

ній и соглашеній... Посему я предпочитаю высказаться округленно объ академическомъ изученіи вообще, чтобы мои отрывочныя замѣчанія имѣли принципіальную почву, въ ней находили идейную твердость и истинный смыслъ и приносили посильную пользу ко благу обновленія православно-русскихъ Духовныхъ Академій и для развитія серьезной богословской научности въ Россіи.

Вопросъ о группировкѣ академическихъ наукъ по отдѣленіямъ,— въ связи съ положеніемъ среди нихъ свѣтскихъ дисциплинъ,—получаетъ въ моемъ сознаніи далеко не простую практическую важность. Послѣдняя для меня тоже несомнѣнна, но больше всего потому, что мы пока лишены фактическихъ возможностей дать идейное построеніе разработки и преподаванія богословія и вынуждены сообразоваться съ разными побочными требованіями—касательно количества каѳедръ, взаимнаго ихъ соотношенія, наличныхъ потребностей вѣры, мысли и жизни и проч. Съ этой стороны тутъ рѣчь идетъ собственно лишь о практическихъ удобствахъ наилучшаго приспособленія intra и ad extra богословско-научныхъ матеріаловъ, однако по существу дѣла этимъ затрогивается самая природа научно-академическаго знанія. Съ этой точки зрѣнія въ наличныхъ учебно-академическихъ планахъ и во всѣхъ предложенныхъ проектахъ я не усматриваю принципіальной удовлетворительности, которая опиралась бы на идейномъ основаніи. Для сего нуженъ объединяющій и производящій центръ, откуда должны исходить всѣ развѣтвленія, чтобы, питаясь его соками, раскрывать эту силу въ частныхъ обнаруженіяхъ и ими поддерживать свойственную ей жизненность. Въ дѣйствительности у насъ нѣтъ ничего подобнаго, и мы видимъ предъ собою просто болѣе или менѣе обширный циклъ разнообразныхъ наукъ, которыя связываются лишь тѣмъ, что всѣ онѣ трактуютъ въ извѣстной степени о богословіи и нужны для его научно-педагогическаго развитія. Всѣ главнѣйшія реформы прошлаго столѣтія сводились собственно къ увеличенію или сокращенію академическихъ предметовъ и къ новому ихъ распорядку, какъ къ этому же именно направляются и наши реформаторскія начинанія, ибо мы говоримъ только о постановкѣ разныхъ дисциплинъ, введеніи новыхъ спеціальностей, о взаимной комбинаціи ихъ и проч. Но пора убѣдиться, что это, не будучи идеальнымъ, не приближается даже и къ относительной нормальности. Объективно—всѣ академическіе предметы остаются довольно безразличными между собою и нимало не слагаются такъ, чтобы одинъ вызывалъ и утверждалъ другой, этотъ раскрывалъ его въ опредѣленныхъ подробностяхъ и, созидаясь на немъ, служилъ фундаментомъ для третьяго и т. п. Въ нашихъ академическихъ наукахъ нѣтъ ни генетической преемственности, ни гармонической связи необходимаго дружескаго вспомоществованія. Это своего рода конгломератъ, образовавшійся не идейнымъ творчествомъ и органическимъ ростомъ, а путемъ послѣдовательныхъ наслоеній и напластованій по разнымъ историческимъ нуждамъ практическаго характера. Для наглядной иллюстраціи довольно упомянуть хотя бы о томъ, что академическіе преподаватели, являясь всѣ богословами, обычно всегда затрудняются въ пріисканіи двухъ рецензентовъ и оппонентовъ даже для

богословскихъ диссертацій. Ясно отсюда, что въ научно-академической конструкціи у насъ не имѣется органическаго объединенія, гдѣ главное стягиваетъ къ себѣ всѣ частности и каждый членъ вдохновляетъ и привлекаетъ къ солидарной работѣ на общую пользу. Правда, и мы обособили нѣкоторые предметы, какъ общеобязательные, но едва ли можно спорить, что это сдѣлано больше по утилитарнымъ соображеніямъ. Достаточно лишь констатировать несходство самыхъ схемъ и разнородность наукъ этой академической группы, чтобы не требовалось особаго обоснованія данной истины. Но если она печальна объективно, то не менѣе вредною оказывается и субъективно или въ педагогическомъ примѣненіи, ибо и преподаватели не могутъ установить солидарнаго соотношенія своихъ научно-педагогическихъ вліяній, и студенты не имѣютъ опоры для надлежащаго «сосредоточенія» своихъ занятій, разбрасываясь своимъ вниманіемъ безсистемно и при самомъ усердномъ усвоеніи не пріобрѣтая закругленнаго, цѣлостнаго богословскаго образованія.

По сказанному очевидно, что главная бѣда современнаго научно-академическаго строя заключается въ отсутствіи предметной центростремительности среди разныхъ отраслей. Слѣдовательно, намъ и нужно найти этотъ внутренно объединяющій центръ, а гдѣ и въ чемъ онъ находится? По самому безспорному и непосредственному своему смыслу,— богословіе есть слово о Богѣ, которое и все другое освѣщаетъ съ точки зрѣнія божественности. Но истинность и точность вѣдѣнія въ этой сферѣ требуютъ адекватныхъ силъ, способностей и орудій, какія принципіально невѣроятны въ ограниченныхъ существахъ даже при самомъ геніальномъ изощреніи ихъ ума и воли. Если вездѣ «подобное познается подобнымъ», то и здѣсь обязательно божественное посредство. Отсюда получаемъ, что богословіе, будучи «словомъ о Богѣ», должно всецѣло покоиться на «божественномъ словѣ». Это столь неизбѣжно и необходимо, что на подобныхъ началахъ базируются всѣ религіи и всякія богословствованія. Съ другой стороны, и исторически было такъ, что весь прогрессъ и с т и н а г о богопознанія совершался путемъ божественнаго откровенія, закрѣплявшагося въ священномъ словѣ. Потому фактическимъ источникомъ боговѣдѣнія непремѣнно является Библія. Дальше необходимо слѣдуетъ, что христіанское богословское знаніе, оставаясь вѣрнымъ своему существу, обязано цѣликомъ утверждаться на библейскомъ фундаментѣ. Тогда академическая богословская наука будетъ строго и совершенно библіологическою, а вспомогательныя дисциплины должны быть проникнуты библейскимъ интересомъ соотвѣтственнаго приспособленія. Съ прискорбіемъ, но по необходимости нужно констатировать, что наша богословско-педагогическая практика далеко и рѣшительно уклонилась отъ этой нормы. Въ нашихъ Духовныхъ Училищахъ твердятъ книжки разныхъ «Священныхъ исторій Ветхаго и Новаго Завѣта» и совсѣмъ не заставляютъ заглядывать въ библейскіе тексты. Въ Духовныхъ Семинаріяхъ посматриваютъ туда лишь урывками и не только не прочитываютъ, напр., учительныхъ и пророческихъ писаній, но даже Новый Завѣтъ не проходятъ цѣликомъ, хотя бы по школьнымъ учебникамъ, какъ въ этомъ я 15 лѣтъ неотразимо убѣждаюсь на вступительныхъ академическихъ экза-

менахъ, гдѣ подвергаются испытаніямъ лучшіе семинарскіе воспитанники—первые студенты. При этихъ условіяхъ и въ Академіяхъ профессора въ состояніи сообщить развѣ основныя данныя научной библіологіи, но фактически лишены всякой возможности ввести своихъ слушателей во всю полноту и глубину непосредственнаго библейскаго содержанія. Въ концѣ концовъ наши Академіи значительно утратили библейскій духъ и прониклись характеромъ отвлеченнаго догматическаго доктринёрства, при чемъ библейскіе тексты, привлекаемые несистематическими фрагментами, утилизируются скорѣе для внѣшне-авторитетныхъ иллюстрацій, да иногда еще къ тезисамъ, библейски очень сомнительнымъ. Въ этомъ направленіи порою проглядываетъ почти антибиблейское настроеніе, вполнѣ соотвѣтствующее научной библейско-богословской «простотѣ». Осязательнымъ свидѣтельствомъ сего служитъ, напр., преобладающее отрицательное отношеніе къ «библейской исторіи», за которою не хотятъ признать особливыхъ правъ на самобытное научное существованіе, между тѣмъ въ библейскомъ смыслѣ казалось бы догматически безспорнымъ, насколько въ величайшей степени важно спеціальное изученіе историческаго хода божественнаго домостроительства. Безцѣнное для собственной сферы непосредственнаго обнаруженія,—оно давало бы истинный ключъ къ правильному пониманію и всего процесса всемірно-исторической жизни, а развѣ это такъ не дорого вообще, хотя бы въ виду господствующихъ противобиблейскихъ воззрѣній и антихристіанскихъ теорій? Не вѣрнѣе ли будетъ думать, что въ академическомъ преподаваніи «библейская исторія» должна бы доминировать среди всѣхъ другихъ историческихъ дисциплинъ? Пожалуй, еще болѣе характерна въ нашихъ интересахъ упорная пренебрежительность къ «библейскому богословію», самое пониманіе котораго у насъ является то совсѣмъ смутнымъ, то враждебно-скептическимъ. Но едва ли допустимо сомнѣніе въ величайшей полезности систематическаго познанія подлинныхъ библейскихъ ученій въ ихъ послѣдовательности и связи, въ историческомъ раскрытіи соотвѣтственно міровому прогрессу, въ непреходящей ихъ независимости по существу и въ обусловленной относительности временно-приспособительныхъ деталей. Не говорю объ апологетической необходимости и плодотворности подобныхъ изысканій, ибо данная сторона очевидна безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій и аргументовъ. И помимо такого неизбѣжнаго примѣненія,—они вводятъ въ самую душу библейскаго созерцанія, и единственно ими разсудочная человѣческая мысль приникаетъ къ живому движенію богооткровеннаго вѣдѣнія. По этой причинѣ и догматика и этика,—если не желаютъ быть лишь раціонально-богословскимъ ученіемъ о доктринальныхъ и моральныхъ религіозныхъ началахъ,—именно въ «библейскомъ богословіи» обязаны почерпать всю силу, а пасторологія и проповѣдничество всецѣло коренятся въ библейско-историческихъ первоосновахъ и ими ограждаются въ своемъ внутреннемъ достоинствѣ и практической дѣйственности, литургика же рѣшительно условливается мѣрою своего библейскаго соотношенія, поскольку богослуженіе православно-христіанское есть таинственное пріобщеніе и священное воплощеніе фактической библейской спасительности, почему безъ

тѣснѣйшей связи съ нею превратится въ археологическое обозрѣніе ритуальныхъ обрядовъ и литургическихъ памятниковъ, открывая мѣсто реалистическимъ истолкованіямъ изъ аналогичныхъ языческихъ явленій и институтовъ.

Указанные примѣры, наглядно обнаруживая поразительное уклоненіе академической науки отъ своего обязательнаго библейскаго источника, убѣждаютъ, что этимъ она не мало лишается библейской авторитетности и внушительной жизненности. Отсюда прямой выводъ тотъ, что ее нужно вернуть къ библейскимъ началамъ, а потому богословское изученіе должно быть строго библіологическимъ, созидающимся на подлинномъ библеизмѣ, концентрирующимся въ немъ и проникающимся имъ во всѣхъ своихъ побочныхъ примѣненіяхъ.

Тогда въ научныхъ интересахъ необходимо на этомъ библейскомъ принципѣ построить и законченный учебно-академическій планъ. И по самой природѣ и по своей библейской производности наше *богословіе является единымъ, и всякая разобщенность въ немъ будетъ насильственною.* Съ идейной стороны оно должно бы усвояться цѣликомъ во всемъ своемъ объемѣ, не допуская ограниченій лишь извѣстною категоріей изъ всей научной суммы. Но весь циклъ соотвѣтственныхъ спеціальностей нельзя студентамъ воспринять научно во всей полнотѣ, и живой опытъ горестно убѣдилъ ближайшихъ свидѣтелей, что, гоняясь за многимъ, они ничего не выучиваютъ съ совершенною отчетливостію по фактической невозможности «объять необъятное». Мы вынуждаемся допустить извѣстную классификацію богословскихъ академическихъ предметовъ по категоріямъ, хотя послѣднія будутъ не столько независимыми отдѣленіями, сколько неразрывно связанными и взаимно родственными «развѣтвленіями» цѣлостнаго библейско-богословскаго вѣдѣнія. Значитъ, лишь практически потребно обособленіе *наукъ общеобязательныхъ* наряду съ «групповыми», изучаемыми съ возможною подробностію и всесторонностію. Первыми будутъ, конечно, библейскія дисциплины въ ихъ научныхъ первоосновахъ, какими попреимуществу служатъ частныя вводныя изслѣдованія о библейскихъ книгахъ съ утвержденіемъ ихъ каноническаго достоинства въ цѣломъ и въ отдѣльности. Сюда же должны принадлежать «библейское богословіе» и «библейская исторія», какъ связно знакомящія съ библейскимъ содержаніемъ и принципіально освѣщающія ходъ божественнаго домостроительства. Необходимымъ и важнымъ дополненіемъ служитъ библейская филологія. Потребность и польза библейско-еврейскаго языкознанія нынѣ, кажется, всѣми принимаются, и нужно развѣ пожелать, чтобы оно получило самую серьезную научную постановку. Что касается надобности спеціальнаго изученія «греческаго библейскаго языка», то привнесеніе этой дисциплины тѣмъ неотложнѣе, что о ней у насъ всюду господствуютъ недоразумѣнія архаической отсталости и почти невѣжественной простоты [1]). Фактически эта отрасль пріобрѣла на Западѣ

---

[1]) Это ясно и по студенческимъ заявленіямъ (въ «Журналахъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1906 г., № 11, стр. 279) и по сужденіямъ нѣкоторыхъ членовъ V-го отдѣла (см. «Журналы и Протоколы Предсобор-

за не очень давнее время весьма широкое развитіе и захватывающій интересъ быстро обновляющейся свѣжести, въ связи съ съ изысканіями объ аттикизмѣ и непрерывными открытіями относительно Κοινή. И если нынѣ «библейскій греческій языкъ» трактуется въ качествѣ момента въ развитіи послѣдняго и часто сливается съ нимъ до неразличимости, то этимъ для насъ создается неустранимая задача—не допустить, чтобы филологическое отожествленіе разрѣшалось уравненіемъ самаго содержанія греческой рѣчи «библейской» и «общей». На дѣлѣ же мы видимъ, что такія филологическія сближенія не рѣдко наклоняются къ прямому умаленію доктринальной библейской самобытности и стремятся поколебать божественную исключительность существеннѣйшихъ библейскихъ ученій. Слѣдовательно, эта наука будетъ имѣть не отдаленную и внѣшнюю соприкосновенность съ библіологіей, а самое живое и тѣсное отношеніе дорогого средства къ уразумленію и истолкованію Библіи. Къ общеобязательной группѣ должны отойти еще и всѣ теоретическія богословскія дисциплины (догматика и нравственное богословіе), какъ представляющія въ научно-систематической формѣ церковно-принятыя доктрины, въ которыхъ закрѣпляются, раскрываются и освѣщаются библейскія основоположенія вѣры и морали. Въ ряду ихъ необходима и «христіанская апологетика» для научной защиты и раціональнаго разъясненія библейско-богословскихъ ученій, но эти задачи могутъ цѣлесообразно достигаться лишь при объективно-безпристрастномъ обоснованіи, когда христіанство фактически явится единственно богооткровеннымъ среди всѣхъ прочихъ міровыхъ религій, почему внимательное обозрѣніе послѣднихъ должно быть существенною ингредіентною частію апологетической системы. Но въ православной Академіи всякое изученіе обязывается ограждать именно православіе, а оно всего лучше познается въ своей индивидуальной правотѣ и свойственной самобытности черезъ сличеніе съ другими исповѣдными пониманіями единой библейской истины. Но этой причинѣ въ общеобязательный курсъ непремѣнно включается «сравнительная символика» съ подробнымъ историко-аналитическимъ разсмотрѣніемъ западныхъ христіанскихъ исповѣданій.

Первое групповое развѣтвленіе необходимо посвятить спеціальному изученію частныхъ библіологическихъ наукъ, изслѣдующихъ Библію въ ея подлинной глубинѣ и во всѣхъ подробностяхъ. Таковы, напр., исторія экзегетики (по преимуществу патристической и потомъ позднѣйшей), текста, переводовъ и библейскихъ изданій вмѣстѣ съ библейскою палеографіей (и, пожалуй, библейскою географіей), всестороннее научное истолкованіе наиболѣе обширнаго круга библейскихъ писаній съ детальнымъ филологическимъ текстуальнымъ анализомъ, при чемъ эту послѣднюю задачу могли бы взять на себя преподаватели библейской филологіи. Въ связи съ этимъ весьма полезно было бы внимательное ознакомленіе съ главнѣйшими іудейско-раввинскими и іудейско-апокрифическими памятниками и съ «іудейскимъ богословіемъ»; всѣ эти свѣдѣнія

наго Присутствія», т. IV, стр. 69. 71), гдѣ «новозавѣтный греческій языкъ» рисуется въ научномъ смыслѣ совсѣмъ неточно.

нужны для увѣренной раціональной законченности и въ апологетически-охранительныхъ интересахъ, которые пріобрѣтаютъ жизненную настоятельность при современномъ положеніи библейской науки, когда многія коренныя библейскія доктрины генетически выводятся изъ разныхъ іудейскихъ источниковъ. Всѣ эти спеціальности было бы удобно передать профессору библейской археологіи, которая и сама по себѣ нуждается въ болѣе солидномъ научномъ преобразованіи. Частію по тѣмъ же причинамъ особыхъ научныхъ запросовъ теперешняго библейскаго знанія выдвигается новое требованіе о спеціальномъ изученіи соприкосновенныхъ съ Библіею народовъ Востока со стороны исторіи, археологіи и религіи. Эта область вообще слишкомъ мало культивируется въ Россіи, но для библіологіи она имѣетъ существенную важность непосредственно и въ виду результатовъ сравнительныхъ оріенталистическихъ изысканій, гдѣ наряду съ положительными заключеніями встрѣчается не мало и отрицательныхъ возрѣній, обязательно вызывающихъ на устраненіе и разъясненія. Посему надо этотъ предметъ обосновать отдѣльно и документально.

Думаю, что всѣ названныя дисциплины говорятъ сами за себя и ихъ права достаточно безспорны для всѣхъ безъ нарочитыхъ апологій. Заслуживаетъ нѣсколькихъ спеціальныхъ словъ «Жизнь Іисуса Христа», которая рекомендуется для академическаго научнаго цикла въ достоинствѣ особой преподавательской отрасли—даже съ независимою каѳедрой [1]). По этому вопросу я косвенно, но рѣшительно высказывался въ отрицательномъ смыслѣ и въ русской [2]) и въ иностранной [3]) печати и, не встрѣтивъ серьезно опровергающихъ возраженій, доселѣ остаюсь при прежнемъ убѣжденіи. Мотивирую его съ краткою выразительностію. Всѣ защитники обсуждаемаго предмета трактуютъ собственно о несравнимой важности самаго фундаментальнаго освѣдомленія съ земною жизнію Спасителя. Это,—разумѣется,—вполнѣ несомнѣнно, только совсѣмъ не отвѣчаетъ цѣли по своей аксіоматичности, при которой всякія оправдательныя рѣчи абсолютно излишни. Нужно вѣдь доказать нѣчто другое, а именно: насколько возможно обычно-научное построеніе «жизни» Христовой? Вотъ здѣсь-то мы и наталкиваемся на непреодолимыя затрудненія. По незыблемому научному и общечеловѣческому пониманію, всякая «жизнь» того или иного «героя» должна дать всецѣлое истолкованіе взятой личности изъ современныхъ историческихъ условій—господствующихъ запросовъ и настроеній эпохи, среды, воспитанія и т. п. Лишь тогда мы поймемъ ее съ научною отчетливостію по происхожденію, характеру и значенію ея дѣятельности, какъ историческаго фактора въ качествѣ одного изъ натуральныхъ звеньевъ неразрывной цѣпи агентовъ историческаго прогресса и всеобщей культуры. Съ этой стороны изъ земного и огра-

[1]) См., напр., спеціальную «записку» этого рода въ приложеніи къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 4 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 90—94.

[2]) Евангеліе и Евангелія въ журналѣ «Вѣра и Разумъ» 1896 г., № 7, стр. 417—424. Ср. и въ «Православной Богословской Энциклопедіи», т. VI (Спб. 1905), стлб. 629.

[3]) The Gospel and the Gospels въ журналѣ «The Expository Times» XIII, 3 (Edinburgh, December 1901), p. 101—104.

ниченнаго только тварное и ограниченное,—хотя бы даже геніальное,—и можетъ и должно разъясняться съ необходимою удовлетворительностію, безъ которой нѣтъ и не бываетъ науки. Наоборотъ, вышемірное и божественное принципіально не можетъ раскрываться въ своемъ существѣ изъ космическаго и обязательно пострадаетъ и исказится по своей природѣ при такомъ неестественномъ комментированіи. Едва ли позволительно задумываться, что все это цѣликомъ и съ роковою неизбѣжностію относится къ «жизни» Іисуса Христа. Конечно, Онъ былъ Богочеловѣкъ, и Его земное служеніе ничуть не являлось случайнымъ эпизодомъ бытія; однако, весь земной подвигъ Спасителя опредѣлялся исключительно премірными божественными планами и былъ ихъ божественною реализаціей, прямо исчерпываясь идеею божественнаго искупленія. Какъ самая индивидуальность, такъ и всѣ корни земной миссіи Христа лежатъ въ недовѣдомыхъ тайнахъ неба и не могутъ быть сведены къ земнымъ историческимъ мотивамъ. Иначе получится насильственное принижеиіе божественнаго до ограниченнаго съ совершеннымъ извращеніемъ перваго, а это всего менѣе научно и желательно. Понятно, далѣе, что тутъ все земное въ жизни Христовой имѣетъ важность не само по себѣ, но единственно по связи съ божественнымъ—въ качествѣ способовъ его примѣненія къ космическимъ условіямъ. Поэтому многое въ земномъ явленіи Господа Избавителя было лишь побочнымъ и не относилось непосредственно къ самому спасительному подвигу, будучи преходящимъ моментомъ, который не обладалъ собственною искупительною цѣнностію. Таковы, напр., дѣтство, бывшее просто человѣческою стадіей перехода къ возмужалости, и весь періодъ до выступленія на общественное служеніе. Вотъ почему въ Евангеліяхъ мы не встрѣчаемъ ни обычной біографической полноты, ни пунктуальной точности повѣствованій, не чуждыхъ дисгармоніи въ частностяхъ и не содержащихъ скрупулёзной тщательности касательно топографіи, хронологіи и проч. Причина сего въ томъ, что они обосновываютъ и иллюстрируютъ божественную спасительность дѣла Христова и въ этомъ отношеніи идеально удовлетворяютъ своей цѣли, не смотря на внѣшніе литературно-историографическіе дефекты. Напротивъ, всѣ евангельскіе апокрифы, стремящіеся восполнить своими детальными и часто странными легендами «пробѣлы» нашихъ каноническихъ записей, рисуютъ крайне уродливый образъ Искупителя и рѣшительно затемняютъ величіе Его спасительнаго служенія, которое, не взирая на обиліе фактическихъ матеріаловъ, оказывается прямо непостижимымъ по своему вѣчному божественному достоинству.

Въ результатѣ находимъ, что у насъ нѣтъ и достаточныхъ авторитетныхъ данныхъ для построенія научной «жизни» Христовой, а всѣ самыя искреннія усилія въ этомъ направленіи фатально наклоняютъ къ умаленію божественности и къ неизбѣжнымъ покушеніямъ на ея природу, когда послѣдняя мотивируется земными факторами. Въ этомъ смыслѣ всякая обычно-научная «жизнь» Христа непремѣнно бываетъ раціоналистическою и потому невозможна и недопустима на истинно библейской православной почвѣ. Въ этомъ съ неотразимостію убѣждаютъ всѣ безчисленные подобные труды, гдѣ даже самые благочестивые опыты

(напр., Фаррара) грѣшатъ многими раціоналистическими элементами и тенденціями. Православное богословіе должно только бороться съ ними и защищать библейско-евангельскую неприкосновенность, но для этого существуетъ «христіанская апологетика» и совсѣмъ неумѣстна особая каѳедра, разъ подлинная жизнь Христа Спасителя познается единственно детальнымъ изученіемъ нашихъ каноническихъ Евангелій въ ихъ непосредственности и соприкосновенности.

По всѣмъ отмѣченнымъ соображеніямъ я безусловно отрицаю самую возможность «жизни» Іисуса Христа, какъ особой научной дисциплины, и—естественно—отвергаю увеличеніе ею цикла академическихъ наукъ даже на спеціальномъ библейско-богословскомъ отдѣленіи. Разумѣется, я вполнѣ цѣню полезность изученія историческихъ условій эпохи Христа Спасителя, но этимъ прежде всего аргументируются лишь фактическая необходимость и жизненная плодотворность подвига Христова, когда мы историческими наблюденіями удостовѣряемся, что все это совершилось, дѣйствительно, въ «полноту временъ» или послѣ того, какъ были исчерпаны всѣ доступные человѣческіе ресурсы, почему міръ неотложно нуждался въ божественномъ вмѣшательствѣ. Послѣднее, однако, не вызывалось человѣческими факторами съ такою принудительностію, чтобы они могли быть производящею причиной,—и намъ ясно сказано, что Своего божественнаго Сына послалъ въ міръ Самъ Богъ—Отецъ (Гал. IV, 4) по Своей абсолютной волѣ. Съ другой стороны, эти научно-историческія экскурсіи, конечно, помогутъ нашему разуму точнѣе и убѣжденнѣе понять все величіе и божественную спасительность искупительнаго дѣла Христова. Только это опять же не будетъ собственно научная «жизнь» Іисуса Христа, а лишь супплементарное пособіе къ осмысленному постиженію евангельскихъ повѣствованій. При данной постановкѣ мы получимъ въ этихъ изысканіяхъ то, что принято называть и разработывать на Западѣ подъ именемъ «исторіи новозавѣтныхъ временъ» (Neutestamentliche Zeitgeschichte). Въ этомъ видѣ указанная дисциплина, успѣшно культивируемая въ западной богословской наукѣ, весьма желательна въ академическомъ курсѣ въ качествѣ добавочнаго предмета (напр., при библейской археологіи, библейской исторіи) или особой штатной приватъ-доцентуры при существующихъ библейскихъ каоедрахъ; послѣднее было бы болѣе полезно и раціонально.

Библейскими науками не исчерпывается цѣлостный кругъ спеціальностей библіологическаго отдѣла. По существу своему, полнота божественной истины хранится въ Церкви, созидаемой Отцемъ чрезъ Сына въ Духѣ Святомъ. Эта истина сообщается человѣчеству въ откровеніи, которое закрѣпляется въ словѣ Писанія и разъясняется изъ непзсякаемаго источника подлиннаго церковнаго преданія. Второе неразрывно отъ перваго фактически и должно занять мѣсто наряду съ нимъ при научномъ познаніи. Такъ при библіологіи обязательна патрологія съ подробнымъ изученіемъ соотвѣтственныхъ памятниковъ. Однако и она можетъ превратиться въ холодное изслѣдованіе, получивъ характеръ просто «исторіи древне-христіанской литературы». Это именно нынѣ часто проектируется и съ успѣхомъ осуществляется во многихъ солидныхъ трудахъ

(напр., Ad Harnack'a, G. Krüger'a), да еще въ такой степени, что туда втягивается—почти съ равнымъ значеніемъ—вся новозавѣтная каноническая письменность. Подобное направленіе было бы противно самому положенію въ академическомъ научномъ циклѣ даннаго предмета. Его задача заключается вовсе не въ одномъ чисто литературномъ обозрѣніи сохранившихся документовъ, а главнѣе всего въ томъ, чтобы отчетливо прослѣдить непрерывное развитіе, взаимную преемственность и внутреннее согласіе въ ходѣ историческаго раскрытія церковнаго преданія. Съ этой точки зрѣнія индивидуальная оригинальность того или иного патристическаго автора лишается обычной цѣнности, иногда получая характеръ даже случайнаго уклоненія отъ нормы, и—наоборотъ—вся сила сосредоточивается на принципіальномъ тожествѣ морально-догматическаго ученія съ библейско-христіанскими доктринальными первоосновами. По своему замыслу патрологическое изысканіе должно быть устремлено на догматическую стихію въ ея солидарномъ,—хотя бы и многообразномъ,—освѣщеніи, въ конечномъ же итогѣ оно обязано сводиться къ догматическому объединенію и завершаться послѣднимъ [1]). Ясно, что въ академическомъ преподаваніи патрологическое изученіе можетъ имѣть полную важность лишь при неотлучной связи съ «патристикою», для чего требуется спеціальный курсъ или особая штатная приватъ-доцентура.

Въ результатѣ всего *первое отдѣленіе является «библейско-патристическимъ»*. На немъ будутъ всесторонне обслѣдованы библейско-богословскія истины, изысканіе которыхъ должно научнымъ методомъ убѣдить, что онѣ служатъ мѣриломъ христіанской вѣры и непремѣннымъ правиломъ достойной жизни. По этимъ свойствамъ вполнѣ безспорно ихъ вѣчное и исконное предназначеніе къ практическому осуществленію во всемірно-историческомъ процессѣ. Здѣсь выступаетъ предъ нами новая великая задача основательнѣйшаго изученія міровой исторіи съ богословско-библейской стороны. Эта сфера тѣсно и внутренно соприкасается съ библіологіей, поскольку пріобрѣтаетъ всѣ права обособленной самобытности въ исключительности своего библейскаго первоисточника, изъ котораго проистекаетъ и который примѣняетъ въ извѣстныхъ конкретныхъ фактахъ. Уже по одному этому церковно-христіанская исторія требуетъ спеціальнаго изученія, но есть у нея еще и своя собственная цѣнность. Жизнь Церкви, служа частію послѣднимъ воплощеніемъ, частію живымъ комментаріемъ библейской истины, сама оказывается важнѣйшимъ моментомъ реализаціи цѣлеположныхъ божественныхъ плановъ. Тутъ она бываетъ главнѣйшею стадіей водворенія среди людей правды Божіей по пути отъ царства Христова чрезъ Церковь Господа и Спаса нашего Іисуса Христа съ завершеніемъ въ царствѣ Бога и Отца. Здѣсь церковная жизнь, будучи однимъ изъ элементовъ трехчленнаго замкнутаго круга, необходимо получаетъ нѣкоторую самостоятельность, почему для нея нужно и особое научное изслѣдованіе. Всѣмъ этимъ

[1]) Это, конечно, не исключаетъ обозрѣнія новозавѣтныхъ апокрифовъ и сектантско-еретическихъ писаній именно со стороны косвеннаго или отрицательнаго освѣщенія подлинно церковнаго преданія; въ случаѣ необходимости, для нихъ можно бы отвести отдѣльный курсъ, хотя бы даже и съ особою приватъ-доцентурой.

вызывается и обосновывается надобность *во второмъ академическомъ отдѣленіи церковно-историческаго содержанія и характера.* Таковое было у насъ всегда, достаточно оправдывается самою своею наличностію и дѣлаетъ излишнею всякую апологетическую аргументацію. Полезно развѣ прибавить нѣсколько словъ о болѣе широкой и детальной постановкѣ изученія соотвѣтствующихъ предметовъ. Конечно, отзывается немалою крайностію то мнѣніе, будто (древняя общая) «церковная исторія является матеріею всѣхъ богословскихъ наукъ», но отмѣченная нами важность христіанской церковно-исторической жизни принудительно обязываетъ къ самому внимательному ея обозрѣнію во всѣхъ главнѣйшихъ направленіяхъ и отношеніяхъ. Несомнѣнно, что количество каѳедръ должно быть значительно увеличено. Для восточной церкви на всемъ ея протяженіи требуется minimum двѣ, да желательна хотя штатная привать-доцентура для «отдѣленныхъ восточно - христіанскихъ обществъ». Обособленное западное церковное развитіе едва ли можетъ быть пройдено въ академической системѣ безъ объективнаго разсмотрѣнія, которое нужно для научной полноты и ради безпристрастнаго самопознанія. Помѣстныя славянскія и румынскія православныя церкви тоже достойны спеціальнаго изученія. Не менѣе сего безспорно это для ближайшей къ намъ Русской церковной исторіи. По моему глубокому убѣжденію, для нея будетъ, пожалуй, мало и двухъ отдѣльныхъ каѳедръ, если сообразить жизненность и непосредственность интереса касательно этой родной для насъ области, гдѣ, не надѣясь на чужую помощь, именно мы обязаны самостоятельно собрать, детально анализировать, научно сгруппировать и всесторонне освѣтить весь многоразличный матеріалъ. Я настолько твердо увѣренъ въ этомъ, что—въ случаѣ необходимости—готовъ былъ бы пожертвовать особою каѳедрой расколо-сектантства; она, обозрѣвая лишь одно изъ частныхъ явленій русской церковно-исторической жизни, не имѣетъ для своей самобытности равныхъ принципіальныхъ основъ и больше держалась соображеніями практической пользы [1]), а для этого можно бы ограничиться штатными привать-доцентурами, ибо общая оцѣнка ихъ предмета будетъ дана въ церковно - историческихъ курсахъ. Но церковно-историческое теченіе должно совершаться по заповѣданнымъ для него христіанскимъ нормамъ и само постепенно вырабатываетъ присноспособительныя юридическія начала для вѣрнаго и упорядоченнаго развитія. Отсюда въ церковно-историческомъ циклѣ Духовныхъ Академій съ неизбѣжностію является «церковно-каноническое право», которое и вообще можетъ быть постановлено вполнѣ научно собственно на исторической почвѣ, хотя бы для этого потребовалось

[1]) Но и съ этой стороны я сомнѣваюсь, чтобы оо. и гг. миссіонеры приносили много пользы православію. Гдѣ дѣло касается упованій и воздыханій сердечныхъ, охватывающихъ религіозно все существо человѣка, тамъ, конечно, вполнѣ умѣстно и научно-раціональное убѣжденіе, но тутъ требуется напередъ подготовить почву для симпатическаго воспріятія, а это достигается прежде всего посильнымъ исполненіемъ апостольской заповѣди: *образъ будиі вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою* (1 Тим. IV, 12)... Для освѣдомленія же съ положеніемъ и полемикою насчетъ мѣстнаго расколо-сектантства достаточно дополнительныхъ семинарскихъ курсовъ, которые потомъ должны обогащаться пастырскимъ опытомъ и самостоятельными занятіями.

привлеченіе нѣсколькихъ спеціальныхъ юридическихъ вспомоществованій въ особыхъ отдѣлахъ или приватъ-доцентскихъ чтеніяхъ. Ничуть не забываю я церковной археологіи съ литургикою и — напротивъ — думаю, что для нихъ непремѣнно нужны два преподавателя, при чемъ для меня наиболѣе желательно документальное изученіе всѣхъ литургическихъ памятниковъ, понынѣ остающееся у насъ въ горестномъ пренебреженіи; его совсѣмъ напрасно подавляетъ излишнее церковно-археологическое увлеченіе, гдѣ съ Академіями успѣшно конкуррируютъ наши Университеты. Отвожу рѣчь объ этихъ академическихъ дисциплинахъ на конецъ по той естественной причинѣ, что здѣсь наука прямо соприкасается съ жизненною практикой. Слѣдовательно, въ академическомъ преподаваніи должно быть свое мѣсто и для послѣдней. И всегда исторія, рисуя въ научномъ освѣщеніи минувшую жизнь, въ то же время направляетъ къ лучшему жизненному дѣланію, служитъ для него надежною пропедевтикой и объективнымъ учителемъ, засвидѣтельствованнымъ въ горнилѣ исторически-неложнаго и фактически-провѣреннаго опыта. Эта тѣсная связь обязываетъ включить въ церковно-историческую среду извѣстное количество «практическихъ» дисциплинъ, каковы еще, напр., пастырское богословіе съ пастырскою педагогикой и гомилетика или церковное краснорѣчіе съ исторіею христіанскаго проповѣдничества [1]. Въ виду всего этого и *второе спеціальное академическое отдѣленіе справедливо бы назвать церковнымъ «историко-практическимъ»*.

Всѣми перечисленными и другими сродными предметами достаточно обнимаются важнѣйшія богословскія научныя отрасли. Они образуютъ взаимно сплоченный кругъ и собственно ничуть не нуждаются въ инородномъ предметномъ расширеніи. При такомъ пониманіи можно болѣе безпристрастно, проникновенно и безобидно взглянуть на составъ и положеніе въ академическомъ курсѣ всякихъ свѣтскихъ дисциплинъ. Послѣднія допустимы въ немъ лишь въ мѣру богословскихъ потребностей, насколько надобны для достиженія богословскихъ цѣлей и вспомогательно удовлетворяютъ имъ. Отсюда первое слѣдствіе будетъ то, что энергическія предложенія,—чуть не требованія,—о широкомъ увеличеніи теперешняго цикла академическихъ свѣтскихъ наукъ не находятъ незыблемой опоры въ существѣ библейско-богословскаго знанія и должны быть рѣшительно ограничены сообразно спеціальнымъ академическимъ идеаламъ [2]), при чемъ совершенно и принципіально устраняются упорныя

---

[1]) Касательно гомилетики и по отношенію къ Духовнымъ Семинаріямъ я просилъ (на засѣданіи V-го отдѣла 26-го апрѣля 1906 года) обратить серьезнѣйшее вниманіе на истинно успѣшное культивированіе этого предмета, безъ котораго наша духовная школа (съ пастырскими задачами) является прямо уродливою. Вѣдь и горько и странно, что (будущіе) «служители слова» нынѣ не владѣютъ ни теоріею, ни практикой «слова», даже пренебрегаютъ ими... Крайне печально, что у насъ почти нѣтъ дѣйствительныхъ проповѣдниковъ, а выдѣляются лишь любители внѣшней аффектаціи и велкой мишурной шумихи...

[2]) Съ особенно упорною настойчивостію рекомендовалась «необходимость введенія въ составъ академическаго курса основъ высшей математики и физики и учрежденія въ Академіи по этимъ предметамъ постоянныхъ приватъ-доцентуръ» (см. приложеніе къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ

притязанія на легализацію права полученія въ Духовныхъ Академіяхъ всѣхъ и всякихъ ученыхъ степеней [1]). Православная Духовная Академія не Universitas omnium litterarum divinarum et humanarum et artium и не можетъ служить запросамъ всякой человѣческой любознательности. Конечно, было бы симпатичною, благодарною и грандіозною задачей, еслибы богословская академическая наука взялась осмыслить и пере-

---

при «Христ. Чтеніи» 1907, № 4 [и отдѣльно, Спб. 1907], стр. 136 — 138 и въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 171—172). На это я указывалъ (16-го ноября 1906 г.), что въ прежнее время, когда въ Академіяхъ было математическое отдѣленіе, оттуда выходили крайне неудовлетворительные преподаватели математики, а такъ какъ среди нашихъ студентовъ иногда бываютъ и пылкіе любители математическаго знанія, то лучше было бы, не учреждая особыхъ каѳедръ академическихъ математическихъ наукъ, посылать склонныхъ къ математикѣ кандидатовъ богословія въ Университеты,—года на два,—для слушанія лекцій на физико-математическихъ факультетахъ (см. ниже стр. 40,,). Кромѣ того, въ настоящее время открытъ болѣе свободный доступъ семинаристамъ въ Университеты. И можно думать, что изъ такихъ семинаристовъ найдутся желающіе поступить преподавателями математики въ близкія имъ Семинаріи, гдѣ теперь условія службы значительно измѣнились къ лучшему и почти сравнялись съ гимназическими. Затѣмъ, пусть математика полезна для «философіи», но это значитъ только то, что самъ академическій преподаватель ея долженъ запастись нужными свѣдѣніями и изложить все въ доступной для слушателей формѣ. По существу дѣла вообще странно было бы учреждать особыя вспомогательныя каѳедры для самихъ профессоровъ, какъ будто они неспособны къ собственному научному усовершенствованію даже въ необходимыхъ для нихъ дисциплинахъ... Вѣдь у богослововъ неизмѣримо больше такихъ потребностей,—и что бы тогда получилось у насъ въ Академіяхъ, еслибы они заявили подобныя притязанія?... Ни съ утилитарно-практической, ни съ научно-педагогической точки зрѣнія предложенный проектъ для меня совершенно непріемлемъ, а яко бы физіологію можно изучать самостоятельно, безъ лабораторій и опытовъ, для высшей же математики непремѣнно требуется спеціальный менторъ,—этого я совсѣмъ не понимаю. И замѣчательнѣе всего то, что теперешній проповѣдникъ инвалидности академическихъ преподавателей для математическаго автодидактизма въ 1893 году даже о себѣ думалъ по этому вопросу совершенно иначе (см. «Журналы совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1893—1894 г., Спб. 1894, стр. 128)... О предполагаемомъ важномъ соучастіи математическихъ наукъ въ академическомъ богословско - философскомъ образованіи смѣю думать отрицательно, какъ усердный слушатель въ Московской Духовной Академіи «естественно-научной апологетики», построявшейся преимущественно на естествознательно-математическихъ основахъ, поскольку самая дисциплина эта замѣнила тамъ цѣлое математическое отдѣленіе, упраздненное уставомъ 1884 года. Наконецъ, весь разематриваемый проектъ обсуждался въ С.-Петербургской академической коммиссіи и не встрѣтилъ здѣсь сочувствія, при чемъ—по точнымъ справкамъ у спеціалистовъ—не оправдались и финансовые разсчеты сонскателя математическихъ пособій:—онъ увѣрялъ, что потребуются лишь незначительныя средства, а у насъ получились довольно грандіозныя цифры...

[1]) Я думаю также, что на свѣтскія каѳедры могутъ быть отводимы только сверхштатныя приватъ-доцентуры. Свѣтскіе академическіе предметы, будучи вспомогательными, по такому своему положенію собственно не въ правѣ даже и претендовать на дополнительныя пособія въ особыхъ дисциплинахъ, когда они сами обратились бы въ основныя науки, между тѣмъ упорное стремленіе ихъ къ чрезмѣрному расширенію грозитъ поглотить всѣ ресурсы, которые безусловно и жизненно необходимы въ спеціальныхъ интересахъ научнаго преподаванія для большинства библейско-богословскихъ, церковно-историческихъ и церковно-практическихъ каѳедръ. А каковы по этой части аппетиты свѣтскихъ профессоровъ, — это показываетъ, напр., недавній случай въ С.-Петербургской Духовной Академіи, гдѣ сложными путями старались достигнуть того, чтобы «юбилейный» и «Григоріевскій» капиталы, имѣющіе строго опредѣленное назначеніе, разрѣшено было утилизировать, между прочимъ, въ виду «обращенія психологіи изъ опытной въ экспериментальную, нуждающуюся въ особыхъ приборахъ»; только митрополитъ Антоній пріостановилъ эти замыслы категорическою резолюціей (отъ 23-го декабря 1905 года): «Проектъ коммиссіи совершенно видоизмѣняетъ волю учредителей капитала, ясно и точно обозначенную, чего допустить нельзя» (см. «Журналы совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 г., Спб. 1907, стр. 124. 129)...

строить въ своемъ духѣ всѣ соприкосновенныя гуманитарныя человѣческія знанія [1]), но теперь,—когда до сихъ поръ совсѣмъ не видно выдающагося участія академической науки въ ученомъ прогрессѣ гуманитарнаго вѣдѣнія,—это возможно развѣ по завершеніи научнаго богословскаго развитія—въ особой богословской «Академіи наукъ» [2]), а при наличныхъ средствахъ для академическихъ дѣятелей непосильно и скорѣе поведетъ къ искусственной тенденціозности, теоретически вредной и практически опасной.

Вторымъ примѣненіемъ библейско-богословскаго взгляда будетъ извѣстная трансформація во взаимныхъ отношеніяхъ свѣтскихъ предметовъ. Среди нихъ на первый планъ больше всего выдвигается исторія, какъ раскрывающая ту среду, которая служила почвой, гдѣ происходило творчество религіозной мысли и гдѣ совершалось возрастаніе церковно-христіанской жизни. Доселѣ эту дисциплину у насъ побѣдоносно оспаривала «философія», но я осмѣливаюсь думать, что она должна уступить немалую долю своего мѣста даже филологіи. Послѣдняя изучаетъ важнѣйшій органъ человѣческаго духа и, вводя въ интимные тайники его, всего больше помогаетъ серьезному разумному проникновенію въ глубины Слова Божія, въ которомъ закрѣплены вѣчные глаголы Единороднаго Слова Божественнаго. Отсюда безспорна вся плодотворность разносторонняго филологическаго изученія, и тѣмъ очевиднѣе жалкая безпомощность современнаго академическаго положенія. Не имѣя твердой опоры и соотвѣтственнаго примѣненія, греческій и латинскій языки теперь играютъ какую-то убогую, изгойную роль, почему въ Академіяхъ они нынѣ не могутъ ни усвояться, ни развиваться въ должной степени. Этимъ объясняется печальный фактъ, что духовно-академическая филологія,—говоря вообще,—не даетъ спеціалистовъ и съ собственной сферѣ и въ библейской области. Понимая все это и скорбя о семъ, я вовсе не удивляюсь, что—въ качествѣ редактора «Православной Богословской Энциклопедіи»—во всѣхъ четырехъ Академіяхъ не нашелъ автора для статей о Коѵѵ (въ связи съ «библейскимъ греческимъ языкомъ») и о библейско-церковной латыни, между тѣмъ свѣтскіе профессора быстро написали отличные научные трактаты. Этотъ грустный примѣръ [3]) только неотразимѣе убѣждаетъ меня, что въ нашихъ Академіяхъ необходимо солиднѣе и всесторонніе поставить филологическое изученіе, хотя бы ради этого пришлось по-

[1]) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 70б (V-го отдѣла).

[2]) Нѣкоторые носятся съ этою мыслію и теперь... Мы, конечно, можемъ мечтать о массѣ прекрасныхъ идей и вещей, но должны помнить, насколько осуществимы эти мечты. Кто желаетъ слишкомъ многаго, тотъ чаще не получаетъ ровно ничего... Намъ надобно стараться улучшить наличныя условія академической жизни, чтобы лучше достигались ученыя богословскія цѣли при помощи существующихъ учрежденій. Будемъ думать не столько о проектахъ, сколько о дѣлѣ, и пожелаемъ служителямъ его самоотверженной преданности, готовой все принести на алтарь русской богословской науки... Тогда только и будетъ добрый успѣхъ.

[3]) Въ виду удивительнаго, по несомнѣнно обнаруженнаго нѣкоторыми «академическими филологами» непониманія вынуждаюсь подчеркнуть, что я разумѣю не собственно лицъ, которыя могутъ быть высоко авторитетными, а положеніе вещей, при чемъ мои слова относятся также и къ профессорскимъ ученикамъ—классикамъ.

жертвовать исторіею греческой и латинской литературъ. — И прямая обязанность наша и несомнѣнная польза для академическаго библейскаго преподаванія вызываютъ выдѣленіе особой каѳедры для систематическаго научнаго обозрѣнія родной намъ рѣчи. Не странно ли, что слушатели и глашатаи «Божественнаго слова» не знаютъ всесторонне своего «слова человѣческаго» и часто не владѣютъ имъ въ необходимой чистотѣ? Но современный русскій языкъ, научно отсылающій къ «сравнительному языкознанію», генетически связанъ съ древнимъ церковнославянскимъ и постулируетъ къ нему. Къ этому принудительно наклоняютъ требованія Церкви и живого участія въ ея службѣ. Мы отвыкли отъ торжественныхъ, внушительныхъ и стройныхъ глаголовъ просвѣтившей насъ христіански Библіи славянской, съ трудомъ постигаемъ ее во всѣхъ тонкихъ оттѣнкахъ, претыкаемся даже относительно позднѣйшей церковной рѣчи и вообще растеряли званіе и вкусъ въ области славянской филологіи. Непремѣнный долгъ Духовныхъ Академій со всею научною энергіей способствовать прогрессу и распространенію славянорусскаго языковѣдѣнія.

Что до «философіи», то—по своему существу—она стремится къ раціонально-разсудочному рѣшенію вопросовъ бытія, мысли и жизни. Въ такомъ случаѣ тутъ принципіально неотрицаемъ характеръ натуральной конкуррентности съ богословіемъ—при внутренней разности главнѣйшихъ средствъ, одушевляющихъ упованій и исходныхъ началъ. За явною очевидностію,—о первыхъ излишне говорить подробно, но о вторыхъ слѣдуетъ замѣтить, что философія утверждается на автономной компетентности человѣческаго разума и направляется къ раціонально-самобытному пониманію, а богословіе базируется на отказѣ отъ раціональной человѣческой авторитетности, исповѣдуя догматически, что мы не столько сами познаемъ Бога, сколько бываемъ познаны отъ Него (Гал. IV, 9), и увѣнчивается вѣрой, которая иногда смѣло провозглашаетъ: credo, quia absurdum est [1])! Равнымъ образомъ, первая чаще отправляется отъ сомнѣнія и своимъ лозунгомъ ставитъ категорическое «dubito», богословіе же созидается на незыблемой внѣраціональной увѣренности и на своемъ знамени носитъ священный девизъ (Евр. XI, 3): πίστει νοοῦμεν [2]). При условіяхъ подобной диспаратности ничуть не экстраординарно, если мы не встрѣчаемъ строгаго совпаденія обѣихъ стихій и въ формальномъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ. Съ изъясненной библейской точки зрѣнія необходимо согласиться, что есть немалая доля

[1]) Ср. у *Тертулліана* еще слѣдующія сужденія: credibile est, quia ineptum est... certum est, quia impossibile (De carne Christi, cap. 5: Migne, lat. ser. t. II, col. 761). Ipsae denique haereses a philosophia subornantur... Quid ergo Athenis et Hierosolymis? quid Academiae et Ecclesiae? Quid haereticis et Christianis?... Cum credimus, nihil desideramus ultra credere. Hoc enim prius credimus, non esse quod ultra credere debeamus (De praescriptionibus adversus haereticos, cap. 7: Migne lat. II, col. 19. 20. 21). Quid adeo simile philosophus et christianus, Graeciae discipulus et Coeli, famae negotiator et salutis, verborum et factorum operator, rerum aedificator et destructor, interpolator erroris et integrator veritatis, furator ejus et custos? (Apologeticus, cap. 46 и ср. 47 sqq: Migne lat. II, col. 514. 515 sqq.). Ср. также De anima I, 3 (Migne lat. II, col. 647—648. 651—652).

[2]) Любопытно подчеркнуть еще, что Апостолъ Павелъ привѣтствуетъ ф и л о л о г а (Рим. XVI, 15), но внушаетъ не увлекаться ф и л о с о ф і е ю и тщетною лестію (Кол. II, 8 ...

истины въ распространенномъ и авторитетномъ мнѣніи западной науки, будто привхожденіе философскихъ и теософическихъ элементовъ омрачало библейскую чистоту и затемняло прозрачность библейскаго созерцанія въ ущербъ его натуральной цѣлостности. Для убѣжденія въ этомъ довольно будетъ напомнить хотя бы о неканоническихъ ветхозавѣтныхъ писаніяхъ, гдѣ библейскія основы пріобрѣтаютъ разсудочную случайность, а иногда даже нѣсколько искажаются во многихъ пунктахъ. Для наглядности достаточно, напр., сравнить аналогичные моменты богословскаго ученія автора книги Премудрости Соломоновой и св. Апостола Павла. Въ дальнѣйшемъ не менѣе характерна весьма замѣтная разница между мужами апостольскими, тѣсно примыкающими къ новозавѣтной канонической письменности, и послѣдующею патристическою литературой, начиная съ апологетовъ, когда раціонально-философская теоретика постепенно вытѣсняетъ библейскую простоту и непосредственность. Правда, потомъ философія играла немалую роль въ догматическомъ церковномъ строительствѣ [1]), но это вызывалось не внутренними потребностями, а внѣшними условіями. Дѣло въ томъ, что еретики и сектанты утверждались въ своихъ исключительныхъ воззрѣніяхъ на разныхъ философскихъ системахъ и началахъ, противопоставляя ихъ общецерковнымъ ученіямъ. Естественно, что въ интересахъ оппозиціи и самораскрытія Церковь примѣнила то же средство и къ своимъ догматическимъ конструкціямъ. Опять безспорно, что здѣсь философское сотрудничество призвано по случайнымъ мотивамъ, да еще остается серьезнымъ вопросомъ, насколько оно было вполнѣ благотворнымъ... Нѣтъ надобности распространяться о всей позднѣйшей исторіи, но, кажется, для всѣхъ безспорно, что именно философскому участію она болѣе всего обязана мертвенною схоластикой, которая доселѣ тяготѣетъ надъ духовною нашею наукой, литературой и школой въ видѣ безжизненной отвлеченности. Мы ничуть не отрицаемъ важныхъ услугъ философіи богословскому званію и протестуемъ собственно противъ преувеличеній. Въ этомъ отношеніи совсѣмъ напрасно съ такою тенденціозностію превлекаются и эксплоатируются [2]) нѣкоторыя древне-христіанскія сужденія съ оттѣнками философскаго фаворитизма (св. Іустина муч., Климента алекс.), поскольку они ничуть не были преобладающими, въ общемъ подавлялись обратными мнѣніями и—главное—имѣли не принципіальное обоснованіе, а почти исключительно апологетически-миссіонерскій смыслъ, почему всегда и доселѣ варіируются примѣнительно къ той или другой средѣ миссіонерскаго дѣланія христіанскаго. Для всей же совокупности фактовъ несомнѣнно, что философское содѣйствіе было лишь соподчиненно-вспомогательнымъ и разрѣшалось ощутительными уклоненіями отъ библейской нормы [3]) при всякихъ самоувѣренныхъ стремле-

[1]) Ср. и въ докторской диссертаціи проф. *А. А. Спасскаго*, Исторія догматическихъ движеній въ эпоху вселенскихъ соборовъ (въ связи съ философскими ученіями того времени), т. I: Тринитарный вопросъ, Св.-Тр. Сергіева Лавра 1906.

[2]) Между прочимъ, это несомнѣнно и для *А. П. Высокоостровскаго*, О правѣ духовныхъ академій присуждать ученыя степени по философскимъ наукамъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1906 г., № 5, стр. 769—761.

[3]) Не отсюда ли объясняется страшное и отвѣтственное дерзновеніе проф.

ніяхъ къ совершенной независимости въ вопросахъ богооткровенной религіи [1]). Естественно, что у насъ до сихъ поръ не имѣется религіозно-христіанской философской системы, которая вполнѣ выдерживала бы безпристрастный искусъ библейско-богословской критики. А на православно-русской почвѣ не было и законченныхъ попытокъ въ этомъ направленіи, и всѣ покушенія такого рода сопровождались неудачею по причинѣ неустранимой антиноміи библейско-православныхъ началъ съ раціонально-философскою автономіей. И мы гордимся единственно тѣмъ, если можетъ назвать «русскаго Оригена» (Вл. С. Соловьева), но понятное и извинительное не позже первой четверти III-го вѣка совсѣмъ не столь законно, полезно и достохвально въ XX-мъ столѣтіи...

Мнѣ думается, не будетъ ни абсурдомъ, ни обидой утверждать на основаніи вышеизложеннаго, что для Академій требуется пожелать лучшаго приспособленія къ собственнымъ цѣлямъ духовно-академическаго образованія всѣхъ наличныхъ философскихъ дисциплинъ. Въ этимъ интересахъ едва ли нужно ихъ расширеніе, да еще со введеніемъ новыхъ, совершенно свѣтскихъ, вспомогательныхъ предметовъ. Наоборотъ, «метафизика» — въ достаточно извѣстной мнѣ академической постановкѣ — всего менѣе «нормативна» и заключаетъ мало собственнаго содержанія, являясь осмысленнымъ систематическимъ обобщеніемъ историко-философскаго обозрѣнія, а цѣнныя для богословія части ея входятъ въ составъ, напр., апологетики [2]). Посему эту науку можно бы присоединить къ «исторіи философіи», или назначить для нея привать-доцентуру [3]). Тогда логика отошла бы къ психологіи, съ которою связывается и исторически и по внутреннему сродству, какъ было до недавняго времени даже и въ С.-Петербургской Академіи, гдѣ разъединеніе произведено по не совсѣмъ яснымъ причинамъ [4]).

Въ равной мѣрѣ богословскіе запросы побуждаютъ къ особой аккомодативности въ постановкѣ самаго преподаванія «философіи» въ различныхъ ея развѣтвленіяхъ. Такъ, психологія все болѣе и болѣе получаетъ экспериментальное направленіе, начинающее пріобрѣтать сильное преобладаніе даже въ академическихъ «философскихъ» кругахъ, гдѣ про-

---

П. К. Никольскаго, который говоритъ (въ «Христ. Чтеніи» 1906 г., № 2, стр. 199), яко бы «вѣра питомца Академій тянетъ къ протестантизму»? Жестоко слово сіе, но — къ счастію — фактически оно не столько вѣрно, сколько хлестко, хотя даетъ поводъ къ рѣзкимъ антиакадемическимъ выходкамъ — въ родѣ порицательныхъ статей г. *М. О. Меньшикова* (въ «Новомъ Времени» №№ 11.078, 11.085, 11.187, 11.194 и 11.201 за 14-е и 21-е января, 6-е, 13-е и 20-го мая 1907 года), которыя тяжко даже и читать... Впрочемъ, см. у *П. В. Преображенскаго* въ «Колоколѣ» № 406 и 408 за 9-е и 13-е іюня 1907 г., стр. 1.

[1]) О нѣкоторой взаимной противности христіанства и философіи см. еще авторитетныя замѣчанія у французскаго мыслителя *М. Гюйо* въ трактатѣ «Воспитаніе и наслѣдственность» въ собраніи сочиненій, т. IV (III), Спб. 1900 (1899), стр. 275.

[2]) И сами служители академической «метафизики» иногда оффиціально сознаются вышѣ, что преподавать ее въ теперешней постановкѣ невозможно...

[3]) Въ заграничныхъ (напр., германскихъ) Университетахъ подъ именемъ и на каѳедрѣ «философіи» преподается совсѣмъ не наша «метафизика», доселѣ сохраняющая свой архаическій типъ.

[4]) Сколько знаю по частнымъ авторитетнымъ свѣдѣніямъ (отъ проф. М. И. Каринскаго),—это присоединеніе логики къ «метафизикѣ» мотивировалось главнѣе всего скудостію содержанія второй, въ академическомъ ея преподаваніи.

повѣдуютъ и даже осуществляютъ «обращеніе ея изъ опытной въ экспериментальную» [1]). Не оспариваю ни законности, ни плодотворности подобныхъ работъ въ собственной сферѣ, но не въ правѣ скрывать отъ себя, что главнѣйшія предпосылки ихъ далеко не солидарны съ библейскими. Экспериментальная психологія беретъ и разсматриваетъ человѣка въ эмпирическомъ опытѣ, всецѣло отправляясь въ своихъ построеніяхъ отъ послѣдняго, принимая его за базисъ всѣхъ дальнѣйшихъ реконструкцій. Для библейской антропологіи человѣкъ дорогъ лишь постольку, поскольку онъ, будучи «душею живой» по творческому акту божественному, отражаетъ въ себѣ *не*эмпирическій «образъ Божій». Библія смотритъ обратно—сверху внизъ—и второе оцѣниваетъ и судитъ по первому. Внѣ такого соотношенія все эмпирическое является равно тварнымъ, и въ немъ всѣ градаціи опредѣляются уже тѣмъ, въ какой степени и сохраняется ими или нѣтъ это тварное бытіе. Отсюда въ библейскомъ ученіи формулируется тезисъ, что—съ эмпирической точки зрѣнія—*живой песъ той блазъ паче льва мертва* (Екклез. IX, 4). Теперь понятно, что въ Духовныхъ Академіяхъ необходимо пользоваться результатами психологическаго эксперимента (не всегда противополагаемаго интроспекціи: см. Osw. Kulpe, Martius, Münsterberg, доц. П. П. Четвериковъ въ «Журналахъ совѣта Кіевской Дух. Академіи» за 1905—1906 г. при «Трудахъ» послѣдней 1906 г., № 11, стр. 361, и др.), но нѣтъ надобности спеціально культивировать экспериментальную психологію со всѣмъ соотвѣтственнымъ антуражемъ. Вѣдь и въ наилучшихъ западныхъ учрежденіяхъ она разрабатывается въ этомъ видѣ вовсе не при богословскихъ факультетахъ и совсѣмъ не ради богословскихъ нуждъ [2]). Тѣмъ менѣе богословскихъ побужденій закрѣплять за нею столь исключительный характеръ въ спеціальной высшей православно-духовной школѣ, гдѣ доселѣ едва ли пробовали серьезно касаться библейскихъ психологическихъ доктринъ, а о систематическихъ занятіяхъ ими и совершенно не слышно даже «до днешняго дне», если не упоминать о нѣкоторыхъ печальныхъ опытахъ даннаго сорта [3]).

Общій итогъ нашихъ наблюденій и соображеній будетъ тотъ, что въ академическомъ курсѣ свѣтскія науки требуютъ цѣлесообразнаго ограниченія и плодотворнаго приспособленія къ главенствующимъ библейско-богословскимъ задачамъ. Этимъ самымъ вызывается мысль, что ихъ неудобно вводить въ общебогословскую классификацію, такъ какъ, будучи суплементарнымъ пособіемъ, свѣтскія дисциплины должны нарушать стройность чисто богословской конструкціи [4]). Съ другой стороны,—въ качествѣ вспомогательныхъ средствъ—онѣ могутъ потребоваться для самыхъ разнообразныхъ богословскихъ предметовъ при спеціальномъ изу-

[1]) См. «Журналы совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 г. (Спб. 1907), стр. 124.

[2]) См. объ институтахъ экспериментальной психологіи въ Лейпцигѣ, Парижѣ, Боннѣ, Гейдельбергѣ и Берлинѣ даже у спеціальнаго ея защитника проф. *В. С. Серебренникова* въ «Журналахъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1893—1894 г. (Спб. 1894), стр. 113—123.

[3]) См. для образца въ «Православной Богословской Энциклопедіи», т. V (Спб. 1904), стлб. 130—139, и ср. къ сему т. VI (Спб. 1905), стр. 1019.

[4]) См. и ниже на стр. 49—50.

ченіи ихъ на группахъ или въ «семинаріумахъ». По всѣмъ этимъ причинамъ я склоненъ не только предлагать, но и настаивать, чтобы всѣ свѣтскія академическія науки—въ цѣлесообразно принятомъ объемѣ—были выдѣлены въ особую «необязательную» категорію, не входящую въ богословскую систему. Здѣсь по взаимному сродству всѣ части этого цикла разграничиваются на мелкіе, тѣсно сплоченные разряды (напр., историческій, филологическій, философскій, литературный),—и студенты могутъ выбирать любой изъ нихъ по собственному научному влеченію, когда для каждаго достаточно выяснится личная надобность въ томъ или другомъ свѣтскомъ пособіи. Посему всячески справедливѣе и полезнѣе для педагогической плодотворности, чтобы это свѣтское изученіе начиналось не ранѣе, чѣмъ черезъ годъ пребыванія въ Академіи—послѣ пріобрѣтенія солидныхъ научныхъ основаній къ осмысленному самоопредѣленію, которое, однако же, всегда будетъ нуждаться въ руководствѣ богословскихъ профессоровъ. Напрасное полемическое подозрѣніе, что при подобномъ строѣ свѣтскія науки потеряютъ свою важность и подвергнутся всякимъ случайностямъ въ своей самобытно-ученой устойчивости и практически-педагогической дѣйственности, устраняется просто тѣмъ, что извѣстная группа ихъ непремѣнно будетъ обязательною для каждаго изъ студентовъ, хотя—сверхъ избранной—имъ дозволительно слушать еще и другія или нѣкоторые предметы въ этихъ послѣднихъ [1]). При этомъ удобно (—по крайней мѣрѣ, ничуть не хуже нынѣшняго—) будутъ достигаться и утилитарныя цѣли удовлетворенія запросовъ на свѣтскихъ преподавателей для духовно-учебныхъ заведеній. Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что заинтересованныя корпораціи, учрежденія и лица довольно энергически оспариваютъ эту роль у Духовныхъ Академій, предпочитая для сего питомцевъ высшихъ свѣтскихъ школъ [2]). Эти возраженія и упованія имѣютъ не малую принципіальную резонность, поскольку такое утилитарное предназначеніе вноситъ замѣтную раздвоенность въ академическую педагогію, которая, сосредоточиваясь на главномъ своемъ служеніи, естественно не достигаетъ вполнѣ успѣшныхъ результатовъ въ побочныхъ аккомодаціяхъ [3]).

По прямой ассоціаціи вынуждаемся особо сказать, что и вообще дѣло преподавательства въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ требуетъ самаго серьезнаго и самоотверженнаго вниманія. Наши кандидаты выходятъ знающими, но у нихъ всегда отсутствуетъ педагогическій опытъ, и нѣтъ для него солидной теоретической основы, а сверхъ того они часто (чуть ли даже не чаще) попадаютъ не на свои предметы, не соотвѣтствующіе ни спеціальнымъ академическимъ занятіямъ, ни личнымъ душевнымъ склон-

---

[1]) См. и ниже стр. 50.

[2]) См., напр., мнѣніе С.-Петербургской епархіальной коммиссіи въ «Отзывахъ епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ» III (Спб. 1906), стр. 95, и ср. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 646.

[3]) При нормальномъ теченіи «академической жизни» въ Россіи, студентамъ С.-Петербургской, Кіевской и Казанской Академій можно бы, пожалуй, прямо дозволить слушаніе свѣтскихъ наукъ въ Университетахъ (съ обязательными «экзаменами»),—особенно же лицамъ, предназначающимъ себя къ преподавательскому служенію по физико-математическимъ предметамъ.

ностямъ [1]). Между тѣмъ и самъ я хорошо знаю, что первые преподавательскіе шаги бываютъ наиболѣе рѣшающими для всей педагогической карьеры и не рѣдко опредѣляютъ ея роковое теченіе на всю жизнь. Для устраненія этого зла нужно, чтобы каждый новый преподаватель нарочито и въ собственныхъ интересахъ подготовлялся къ выпавшей на его долю спеціальности. Это,—кажется,—лучше всего можно обезпечить, если таковыхъ лицъ будутъ оставлять при Академіяхъ для соотвѣтственнаго изученія еще на одинъ годъ, но, конечно, при условіи, что послѣдній будетъ засчитываться въ срокъ государственной службы и на пенсію, какъ у насъ нынѣ принято это, напр., для «профессорскихъ стипендіатовъ»; тою порой преподавательская обязанность поручается кому-либо изъ членовъ данной корпораціи за особое вознагражденіе. Подобнымъ путемъ могли бы замѣщаться и свѣтскія учительскія каѳедры, хотя для сего нужно откомандировывать академическихъ кандидатовъ богословія года на два уже въ свѣтскія спеціальныя учебныя заведенія (ср. и стр. 34, прим. 10,). Наряду съ этимъ должно согласиться, что теперь академическая «педагогика» едва ли приноситъ достаточно теоретическихъ и практическихъ благъ. При современномъ положеніи вещей—она въ этомъ неповинна прямо, и для нея слѣдуетъ открыть всѣ благопріятныя условія, какихъ названная наука напрасно и безрезультатно ищетъ теперь, не находя для себя даже прочнаго мѣста среди существующихъ академическихъ дисциплинъ. Но я непоколебимо увѣренъ, что этихъ условій нельзя создать при всѣхъ Академіяхъ разомъ. Посему было бы полезнѣе и раціональнѣе хоть при одной изъ нихъ устроить своего рода цѣльный «педагогическій институтъ» [2]) и именно тамъ, гдѣ имѣются всѣ научно-педагогическія удобства, устранивъ обычную «педагогику» изъ другихъ академическихъ программъ, чѣмъ освободятся потребныя средства. Тогда всякій новоназначенный преподаватель могъ бы пріобрѣсти всѣ пропедевтическіе запасы для своего великаго и отвѣтственнаго служенія, если обязать закономъ, чтобы каждый непремѣнно прошелъ напередъ (въ теченіе вышеупомянутаго года) весь педагогическій курсъ со всѣми вспомогательными упражненіями.—Конечно, обрисованный кратко проектъ является лишь своего рода pium desiderium, но онъ повелительно вызывается неоспоримыми запросами духовно-учебной

---

[1]) Для упорядоченія духовно-учебнаго преподавательства многіе рекомендуютъ передачу вопроса о замѣщеніи преподавательскихъ вакансій академическимъ совѣтамъ. По фактическому положенію вещей я считаю это столь же невозможнымъ, какъ и усвоеніе ревизорства академическимъ профессорамъ. У послѣднихъ достаточно своего дѣла, и отвлекать отъ прямой обязанности было бы нежелательно даже при увеличеніи числа Академій. Но слѣдуетъ сохранить академическія рекомендаціи студентовъ на вѣтственныя должности по духовно-учебному вѣдомству; только этимъ рекомендаціямъ нужно придавать рѣшающее значеніе, а не дѣлать ихъ пустою формой, какъ часто бываетъ теперь, когда кандидаты Академій—въ большинствѣ—назначаются не на тѣ мѣста, на которыя предназначилъ ихъ академическій совѣтъ. Впрочемъ, совѣтская рекомендація находится въ связи съ реформою Духовныхъ Академій:—если въ послѣднихъ будетъ введена обильная спеціализація студенческихъ занятій, то рекомендаціи будутъ почти излишни.

[2]) Потребность въ послѣднемъ столь ясно сознается и у насъ, что имѣется уже проектъ основанія въ С.-Петербургѣ «Педагогической Академіи», по образцу французской Grande ecole normale de Paris; см. «Церковный Вѣстникъ» № 22 за 31-е мая 1907 г., стлб. 713, и «Новое Время» № 11.221 за 9-е іюня 1907 г., стр. 3, стлб. 7.

педагогической жизни, которая уже слишкомъ давно и крайне горестно вопіетъ о своихъ нуждахъ во всѣхъ отношеніяхъ...

Что касается самаго порядка изученія и плана студенческихъ занятій, то въ этомъ отношеніи я продолжаю считать болѣе обѣщающимъ проектъ С.-Петербургской академической коммиссіи, чтобы 1) съ перваго года слушались общеобязательные предметы и общіе отдѣленскіе курсы, а 2) съ третьяго начинались групповыя занятія путемъ усвоенія спеціальныхъ лекцій и чрезъ практическія занятія въ «семинаріумахъ» самаго разнообразнаго характера [1]). Здѣсь возможны, конечно, многія измѣненія и приспособленія.

При исключительныхъ условіяхъ невѣроятной спѣшности,—когда приходится разрываться на части по самымъ различнымъ «предсоборнымъ» отдѣламъ и нѣтъ физической возможности всецѣло сосредоточиться на одномъ предметѣ, выгадывая для сего чуть не минуты, — нельзя обработать столь важной темы съ законченною детальностію и совершенною обоснованностію во всѣхъ частяхъ [2]). Понятно, что въ вышеизложенномъ у меня, пожалуй, окажется немало опущеннаго, недоговореннаго, проблемматическаго, не сведеннаго къ полному гармоническому согласованію. Все это я охотно признаю заранѣе, но мнѣ дороги собственно нормирующіе принципы съ зиждительною ихъ идеей. А она— смѣю думать—очевидна, если и не для всѣхъ безспорна. Конечно, для полнаго ея осуществленія потребуется радикальная реформа, и на возможность послѣдней,—въ необходимомъ размѣрѣ,—я слишкомъ слабо разсчитываю, такъ какъ вообще вижу крайне мало творческой рѣшимости во всѣхъ нашихъ церковныхъ преобразованіяхъ, а въ духовно-учебную сферу геній смѣлаго новаторства и совсѣмъ не заглядывалъ [3]). Тутъ мы всегда двигались по чужой указкѣ, ждемъ ее со стороны даже въ теперешній критическій моментъ и едва-едва идемъ ощупью, наталкиваясь на постоянныя преграды. Тѣмъ не менѣе неотложно сдѣлать хоть

[1]) См. ниже стр. 47—53.

[2]) Аналогичныя условія въ сугубой степени сохраняютъ для меня неодолимую силу и до настоящаго момента, почему я не могъ дать своимъ матеріаламъ даже надлежащей внѣшней упорядоченности, не говоря о систематическомъ раскрытіи и детальной обработкѣ.

[3]) Частію—это было весьма замѣтно и въ начинаніяхъ Предсоборнаго Присутствія по духовно-школьной реформѣ. Задуманныя и подготовленныя педагогическими силами Учебнаго Комитета, они—помимо желанія и намѣреній руководителя V-го отдѣла—получили канцелярское направленіе. Приглашеннымъ членамъ просто преподнесли обезличенные «своды» (—безъ стѣнъ и фундамента!—) всѣхъ проектовъ и программъ, гдѣ совсѣмъ нельзя разобраться относительно подлиннаго положенія вещей, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда (для Семинарій и Училищъ) находились непосредственные матеріалы въ «Отзывахъ епархіальныхъ архіереевъ». Механически перепутывались идеи и детали, все подгонялось къ шаблонному ранжиру съ кабалистическою ариѳметичностію,—и въ итогѣ получился странный конгломератъ, въ которомъ совершенно исчезало реальное творчество трудившихся и уродливо искажались всѣ ихъ физіономіи. Не было роздано даже академическихъ проектовъ, а многочисленныя особыя «записки» и спеціальные доклады частныхъ профессоровъ и цѣлыхъ корпорацій глухо отмѣчались голымъ упоминаніемъ, почему содержаніе этихъ трудовъ оказывалось недоступнымъ для большинства участниковъ V-го «предсоборнаго» отдѣла, и лишь о нѣкоторыхъ они узнавали по сообщеніямъ комитетскихъ референтовъ, не имѣя возможности сами лично провѣрить или выдвинуть заинтересовавшіе каждаго изъ затронутыхъ вопросовъ и пунктовъ. И здѣсь доминировала комитетская канцелярски-бумажная униформа, едва ли выгодная и умѣстная...

попытку въ этомъ направленіи, ибо православная (научная) духовная педагогія мыслима только подъ спасительнымъ вдохновеніемъ библейской идеи. Формулирую все въ краткой сентенціи, что духовная школа вообще и Академія въ особенности должны быть не только богословскими, но прежде всего библейскими по доктринальному содержанію и по педагогическому направленію, дабы и здѣсь находилъ неуклонное примѣненіе авторитетный апостольскій завѣтъ для возрожденной жизни и христіанскаго ученія: *живо слово Божіе, и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ* (Евр. IV, 12), ибо лишь *священная писанія* могутъ *умудрити во спасеніе вѣрою, яже о Христѣ Іисусѣ*, почему *всяко писаніе боговдуновенно и полезно есть ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію, еже въ правдѣ, да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. III, 13—15).

Предшествующій рефератъ вызвалъ со стороны нѣкоторыхъ членовъ V-го «предсоборнаго» отдѣла возраженія не по существу, а относительно частныхъ подробностей. Указывалось собственно на многопредметность и на приниженіе гуманитарныхъ, литературно-философскихъ знаній. Въ отвѣтъ на это было подробно разъяснено, что увеличеніе количества богословскихъ каѳедръ въ Академіяхъ необходимо, такъ какъ, напр., за годъ «преподать» во всей научной широтѣ Свящ. Писаніе Новаго Завѣта, состоящее изъ 27 книгъ, одному профессору невозможно, а ради научной полноты библейско-богословскаго образованія нужно употребить всѣ усилія, не останавливаясь предъ самыми героическими жертвами. Съ другой стороны, свѣтскія науки и въ частности философія и исторія литературы не исключаются мною изъ академическаго курса, но лишь присособляются и распредѣляются по спеціальнымъ группамъ, при чемъ я всего менѣе сочувствую замкнуто-убогому итальянскому высшему религіозному обученію, гдѣ, яко бы, почти совсѣмъ игнорируются имена Канта, Гегеля, Спенсера [1]), совершенно симпатизируя протесту даже лучшихъ и авторитетныхъ католическихъ педагоговъ противъ вредной изоляціи церковнаго знанія отъ современной общей культуры [2]), хотя хорошо извѣстно по опытамъ, какъ чрезмѣрное расширеніе богословскаго курса сопровождалось на практикѣ чистою эфемерностію [3]). Что же касается обширности и многопредметности предложеннаго академическаго плана то—въ виду этой трудности—въ Академіи должны быть принимаемы лица съ достаточнымъ образованіемъ, удостовѣреннымъ въ авторитетныхъ свидѣтельствахъ учебныхъ заведеній или на конкурсномъ пріемномъ экзаменѣ. Кромѣ того, для сего требуется при переходѣ студентовъ съ I-го курса во 2-ой производить самую радикальную «чистку» ихъ по степени подготовленности къ дальнѣйшимъ академическимъ занятіямъ.

[1]) См. «Revue internationale de théologie» XV, 57 (Janvier—Mars 1907), p. 204—205.
[2]) См. у ректора «Католическаго Института» въ Тулузѣ *Pierre Batiffol'a*, Questions d'enseignement supérieur ecclésiastique (Paris 1907), p. 12.
[3]) *Pierre Batiffol* ibid., p. 104.

Въ этихъ интересахъ нахожу не полезнымъ слишкомъ свободный пріемъ въ Академіи всѣхъ желающихъ, откуда бы они ни приходили. Считая необходимымъ и нравственно обязательнымъ обезпечить въ образованіи дѣтей справедливые сословные интересы нашего духовенства, я всегда высказывался противъ исключительной сословной замкнутости духовной школы, а только не раздѣляю оптимизма касательно пригодности свѣтскихъ воспитанниковъ къ богословско-академическому изученію. Двери Академій надобно раскрыть широко безъ ограниченія сословіями, заведеніями и т. п., но лишь для достойныхъ и способныхъ. Въ этомъ отношеніи въ нашемъ обществѣ установился совершенно неправильный и крайне пагубный взглядъ, что разъ спасительная вѣра христіанская всѣмъ доступна, то и богословіемъ компетентенъ заниматься всякій христіанинъ,—даже въ правѣ судить, рядить и цѣнить богословскую науку безъ соотвѣтствующей систематической подготовки... Нѣтъ ничего опаснѣе,—для обѣихъ сторонъ,—этого смѣшенія вѣры и знанія, но приходится напоминать и о такой самоочевидной истинѣ въ виду упорныхъ недоразумѣній по этому предмету, пріобрѣтшихъ у насъ силу общественнаго предразсудка, почти своего рода idoli... У многихъ это проглядываетъ и въ предложеніяхъ «безпрепятственнаго» пріема свѣтскихъ питомцевъ въ Академіи. Жизненный опытъ показалъ съ несомнѣнностію всѣ невыгоды подобнаго проекта,—и, конечно, не безъ дѣйствительныхъ основаній духовное начальство, сначала чрезмѣрно благоволительное къ свѣтскимъ аспирантамъ духовно-академическаго просвѣщенія, установило потомъ нѣкоторыя стѣсненія, хотя на практикѣ они, къ сожалѣнію, почти совсѣмъ не соблюдались не по винѣ академическихъ корпорацій. Академическимъ преподавателямъ прекрасно извѣстно, что даже тѣ изъ свѣтскихъ воспитанниковъ, которые хорошо выдерживаютъ пріемныя испытанія, впослѣдствіи не оправдываютъ всѣхъ надеждъ и чуть не со второго академическаго курса начинаютъ стремительно спускаться книзу. Этотъ регрессъ замѣчается иногда и въ университетскихъ кандидатахъ. Причина сему въ томъ, что свѣтскія школы—по самымъ своимъ задачамъ—не подготовляютъ къ спеціальному богословскому образованію. Питомцы ихъ, направляющіеся въ Духовныя Академіи, сами должны восполнять эти пространные пробѣлы и на первыхъ порахъ ad hoc—для экзаменовъ по программамъ—достигаютъ иногда внѣшнихъ успѣховъ, но безъ постепенной систематической выправки эти знанія оказываются лишенными прочнаго фундамента и не могутъ служить къ дальнѣйшему развитію и созиданію научно-богословской зрѣлости. Послѣднюю нельзя культивировать при отсутствіи внѣдренной закваски и безъ пріобрѣтенной заранѣе выдержки. Нужно, чтобы человѣкъ былъ натурально привыченъ для спеціальной научно-богословской сферы и являлся способнымъ воспринимать ея отличительныя вліянія. Въ этомъ смыслѣ, отвергая всякія излишнія преграды, я рѣшительно желаю, чтобы свѣтскіе соискатели духовно-академическаго званія предварительно подвергались внимательной провѣркѣ [1]) со стороны не столько обилія фактическихъ богословскихъ свѣдѣній.

[1]) Ср. и у о. *Мих. Лебедева* въ «Церковномъ Вѣстникѣ» № 28 за 7-е іюня 1907 г. стлб. 740.

сколько по ихъ общей подготовленности къ основательному усвоенію спеціальныхъ богословскихъ чтеній [1]).

По изложеннымъ причинамъ не вполнѣ соглашаюсь и съ тѣмъ проектомъ, чтобы допускалось въ Духовныя Академіи питомцы Семинарій уже послѣ четвертаго класса [2]), ибо отмѣченныя неудобства до извѣстной степени примѣнимы и къ нимъ. Если же при этомъ для кончившихъ семинаристовъ будетъ дозволена рекомендуемая льгота, чтобы они поступали прямо на третій академическій курсъ [3]), то на практикѣ получится отсюда, что такіе юноши, конечно, предпочтутъ первые два академическіе года послѣднимъ двумъ семинарскимъ и не пойдутъ въ 5-й и 6-й семинарскіе классы, которые обрекаются этимъ на заполненіе ихъ исключительно одними посредственностями, т. е. обратятся въ спеціально-пастырскія профессіональныя школы ремесленнаго типа. Само собою понятно, что при подобномъ порядкѣ существенно понизился бы уровень студенческаго академическаго образованія, разъ первые два курса Духовныхъ Академій будутъ замѣнять семинарскіе богословскіе классы.

Въ частности, по отношенію къ пріемнымъ экзаменамъ я могу, пожалуй, согласиться, чтобы безъ нихъ допускались въ Академіи студенты Семинарій, рекомендуемые семинарскими начальствами за ихъ отвѣтственностію, но всѣ остальные аспиранты,—второразрядные воспитанники Духовныхъ Семинарій и окончившіе курсъ свѣтскихъ среднеучебныхъ заведеній,—должны подвергаться повѣрочнымъ испытаніямъ по строго опредѣленному плану, при чемъ для полученія казенныхъ стипендій конкурсъ обязателенъ рѣшительно для всѣхъ. Вообще же пріемные экзамены считаю весьма полезными и прямо защищаю. Въ С.-Петербургской Духовной Академіи я непрерывно произвожу ихъ цѣлыхъ 15 лѣтъ. По опыту вижу, что, хотя они имѣютъ условное значеніе, однако не сводятся къ «игрѣ случайностей». Когда я ставилъ экзаменующемуся баллъ 2,—кажется, ни разу не бывало большой ошибки. Экзамены представляютъ извѣстный контроль и достаточный авторитетъ, а затѣмъ они вовсе не отрицаютъ рекомендацій со стороны семинарскихъ правленій. И у насъ въ С.-Петербургской Академіи дѣлается средній выводъ изъ экзаменаціоннаго академическаго и общаго семинарскаго балловъ [4]). Академіи нынѣ потеряли связь съ Семинаріями, и

---

[1]) По этимъ причинамъ я высказывался противъ даже освобожденія подобныхъ лицъ отъ нѣкоторыхъ академическихъ предметовъ, прослушанныхъ ими въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Замѣчено въ послѣднее время, что сами кандидаты Университетовъ, поступая въ Академію, сознаютъ нынѣ необходимость проходить полный курсъ всѣхъ академическихъ наукъ. И это понятно. Задача академическаго образованія не въ томъ, чтобы питомцы «начинялись» знаніями и «сбывали» экзамены, а въ томъ, чтобы они возрастали и зрѣли научно. Отъ этого процесса ни одинъ серьезный академическій аспирантъ не долженъ уклоняться, и мы не въ правѣ сему потворствовать.

[2]) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 116 (V-го отдѣла).

[3]) См. и у проф. *М. Д. Муретова*, Проэктъ устава, стр. 44.

[4]) Параграфъ 9-й соотвѣтствующихъ правилъ гласитъ слѣдующее: «При исчисленіи балловъ воспитанниковъ, подвергающихся повѣрочному испытанію, принимаются въ счетъ, при составленіи списка, кромѣ собственно экзаменскихъ балловъ, баллы воспитанниковъ по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса, при чемъ обращается надлежащее вниманіе

экзамены даютъ нѣкоторую возможность возстановить эту связь. На пріемныхъ экзаменахъ ученики иногда даютъ неудовлетворительные отвѣты.—и путемъ разспросовъ обнаруживается, что причина этой неудовлетворительности въ самомъ семинарскомъ преподаваніи. Такимъ образомъ, экзамены открываютъ еще возможность слѣдить за семинарскимъ преподаваніемъ и отчасти исправлять его недочеты: къ сожалѣнію, доселѣ центральная власть была невнимательна къ экзаменаціоннымъ академическимъ отчетамъ...

Всѣми указанными способами и мѣрами будетъ обезпеченъ вполнѣ подготовленный контингентъ академическихъ слушателей, а этимъ уже достаточно гарантируется практически-успѣшное осуществленіе моей основной идеи. Въ послѣдней для меня заключается вся важность. Мнѣ пріятно отмѣтить, что съ этой стороны я получилъ немало выраженіе принципіальнаго согласія и коллегіальной симпатіи отъ многихъ авторитетныхъ ученыхъ и спеціалистовъ, познакомившихся съ моимъ «докладомъ». Приведу лишь мотивированное сужденіе извѣстнаго Гэттитенскаго профессора *Нафанаила Бонвеча* (G. Nathanael Bonwetsch) въ письмѣ ко мнѣ, полученномъ 29-го марта 1907 года. Онъ пишетъ (конечно, понѣмецки) слѣдующее: «Съ большимъ интересомъ прочиталъ я Вашъ проектъ касательно богословскаго изученія. Я могу только сочувствовать центральнаго положенію, какое Вы указываете экзегетикѣ и библейскому богословію въ цѣлостномъ организмѣ этого изученія. Я убѣжденъ, что это именно и есть путь къ жизненному преобразованію послѣдняго. Но мнѣ кажется нѣсколько великимъ количество богословскихъ доцентовъ, назначаемое Вами. Впрочемъ, я не вполнѣ знакомъ со всѣми условіями въ Вашихъ Духовныхъ Академіяхъ, чтобы произносить рѣшительное сужденіе. Въ Германіи же мы, конечно, слишкомъ обременены чтеніями, и я прямо стонаю подъ тяжестію ихъ. Кромѣ церковной исторіи и догматики (со включеніемъ конфессіональной символики)—я долженъ читать еще новозавѣтное введеніе, жизнь Іисуса и апостольскій вѣкъ. Желалъ читать также и новозавѣтное богословіе, но мнѣ воспрепятствовали, однако въ богословскихъ ферейнахъ приходится трактовать вопросы и по этой дисциплинѣ. У насъ господствуетъ обратная крайность чрезмѣрной обширности курсовъ для отдѣльнаго профессора. Только для личностей въ родѣ Гарнака и Зеберга (въ Берлинѣ) это не является трудностію.—Какъ вижу изъ академическихъ протоколовъ (журналовъ совѣта), Ваша Академія при замѣщеніи профессорскихъ вакансій испытываетъ такія же состязанія, какія происходятъ у насъ постоянно».

и на баллы по поведенію, а именно: при одинаковыхъ баллахъ по успѣхамъ, отдается предпочтеніе тому, кто имѣетъ высшій баллъ по поведенію. Общій баллъ выводится слѣдующимъ образомъ: средній баллъ по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса, удвоенный средній баллъ по сочиненіямъ и удвоенный средній баллъ по устнымъ отвѣтамъ на испытаніяхъ слагаются вмѣстѣ и сумма дѣлится на 5».

2.

О планѣ академическаго преподаванія.

Для плодотворной академической реформы требуется не только жизненная идея, но и раціональный планъ для ея осуществленія. По этому предмету я держусь проекта С.-Петербургской академической коммиссіи [1]) и, какъ одинъ изъ уполномоченныхъ совѣтомъ участниковъ послѣдней [2]), позволяю себѣ сдѣлать нѣсколько «опытныхъ» разъясненій [3]), которыя, можетъ быть, окажутся неизлишними, хотя бы по устраненію возникающихъ затрудненій, поелику тогда мы уже имѣли съ ними достаточно хлопотъ и заботъ... Прежде всего, мы исходили изъ того, жизненно удостовѣреннаго, убѣжденія, что уставъ Академій 1884 года теоретически совершенно справедливо требуетъ отъ академическихъ студентовъ изученія обширнаго цикла богословскихъ наукъ, но на практикѣ это было непосильно для надлежащаго выполненія и повело только къ печальной реализаціи принципа: «кто много проспитъ, тотъ чаще не получаетъ ровно ничего»... Отсюда произошло безспорное пониженіе студенческаго научнаго уровня и въ смыслѣ основательности знаній и со стороны мыслительной продуктивности,—въ отсутствіи ожидавшейся солидности собственныхъ письменныхъ опытовъ академическихъ слушателей. И по силѣ вещей съ этимъ зломъ постепеннаго образовательнаго паденія были не въ состояніи бороться никакія напряженія академическихъ корпорацій, гдѣ въ каждой изъ нихъ всегда были блестящіе носители научнаго прогресса, доселѣ невиданнаго [4]). Приходилось по необходимости отказаться отъ учебнаго плана по уставу 1884 года, съ позднѣйшими измѣненіями и дополненіями къ нему. Однако матеріалъ оставался прежній,—и вся задача была лишь въ новой его комбинаціи приспособительно къ академическимъ требованіямъ. Тутъ по самому существу было невозможно чисто идейное построеніе, какъ и вообще такія «внѣопытныя» конструкціи изобрѣтаются «для исторіи», между тѣмъ большинство ихъ съѣдаютъ канцелярскія или архивныя крысы... Важнѣе было воспользоваться положительными уроками академическаго прошлаго, чтобы устранить вышеуказанные наличные недостатки. Въ этомъ отношеніи авторитетныя свидѣтельства и объективныя данныя направляли къ уставу

[1]) Этотъ проектъ см. въ приложеніи къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 2 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 3—29.

[2]) Но весь проектъ разработанъ собственно профессоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи *Иваномъ Саввичемъ Пальмовымъ* и обстоятельно мотивированъ имъ въ приложеніи къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 2 и 3 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 33—38. 41—40. 47. 48—59. 69—74. 79—80, и въ «Журналахъ и Протоколахъ (V-го отдѣла) Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 174—176.

[3]) Они были доложены 6-го іюня 1906 г. V-му отдѣлу Предсоборнаго Присутствія и напечатаны въ «Журналахъ и Протоколахъ» послѣдняго, т. IV, стр. 112—115 (№ 20).

[4]) См. нѣсколько подробнѣе въ моемъ трактатѣ: «Къ вопросу о нуждахъ духовно-академическаго образованія» въ журналѣ «Странникъ» 1897 г., № 8, стр. 519.

1869 года [1]). О немъ говорилось немало порицательнаго, но все-же безспорно, что за непродолжительный, — едва 14-ти-лѣтній, — періодъ онъ оправдалъ себя успѣхами въ научно-образовательной области гораздо лучше, чѣмъ его непосредственный преемникъ. И вотъ, соображая хорошее и тѣневое въ обоихъ уставахъ 1869 и 1884 г. г. по соотношенію съ предшествующимъ и по связи съ запросами академической науки и педагогіи, мы сразу должны были согласиться въ неудобствѣ преждевременной «спеціализаціи» и ее самую обосновать прочнѣе. Здѣсь все наклоняло къ тому, чтобы постепенно достигать частнѣйшей «сосредоточенности» путемъ послѣдовательнаго съуженія общебогословскаго образованія, когда всѣ частности должны были утверждаться на этомъ широкомъ фундаментѣ и почерпать въ немъ принціальное значеніе, чтобы кругозоръ студентовъ не замыкался слишкомъ тѣсными рамками и не получалъ свойственнаго крайнимъ спеціалистамъ и несимпатичнаго характера ограниченной близорукости, даже не рѣдкой тупости. Такъ «спеціализація» естественно замѣнялась «сосредоточенностію» или «концентраціей» [2]). Въ интересахъ ея успѣшнаго достиженія было отвергнуто слишкомъ мелкое дробленіе академическихъ предметовъ по группамъ, крайне сомнительное и съ теоретической стороны по достоинству высшаго академическаго образованія; самое же распредѣленіе студентовъ по частнымъ спеціальнымъ наукамъ пріурочено къ третьему курсу и распространено еще на четвертый, тогда какъ по плану 1869 г. все это было собственно на первыхъ трехъ курсахъ—съ предоставленіемъ четвертаго «на волю» самихъ академическихъ слушателей. По этимъ причинамъ и кандидатскія работы, служащія завершеніемъ предшествующей подготовки и конкретнымъ итогомъ всего академическаго развитія, отнесены на четвертый курсъ согласно уставу 1884 года. По силѣ этого принципа строгой комбинаціи общаго съ частнымъ, рекомендуются для полученія магистерской степени особые магистерскіе экзамены, которые энергически и убѣдительно защищалъ † проф. И. Е. Троицкій и въ коммиссіи по составленію нынѣ дѣйствующаго устава [3]). Однако, если нельзя было слишкомъ замыкать студентовъ узкими границами спеціализаціи, то не менѣе опасно было бы и оставлять на ихъ собственное усмотрѣніе выборъ самыхъ способовъ къ достиженію академической «сосредоточенности». Отвлеченныя упованія по платоническому довѣрію къ студенческой автономности на практикѣ жестоко сокрушаются печальными уроками преобладающей растерянности и тягостныхъ колебаній, какія наблюдаются и у лучшихъ студентовъ даже по отношенію къ кандидатскимъ сочиненіямъ... При подобныхъ условіяхъ едва ли возможно допускать рискованные эксперименты и, кажется, цѣлесообразнѣе заранѣе установить ближайшіе пути для академической «концентраціи» въ соотвѣтствующихъ отдѣленскихъ группахъ, которыя

[1]) Въ пользу его см. и у проф. Московской Духовной Академіи *М. Д. Муретова*, Проэктъ устава православныхъ Духовныхъ Академій (Св.-Тр. Сергіева Лавра 1906), стр. 10—17.

[2]) Ср. у меня въ «Странникѣ» 1897 г., № 8, стр. 521 сл. и ниже 56.

[3]) См. Объяснительную къ нему записку (Спб. 1883), стр. 73—77.

имѣли бы взаимоотношеніе органически связанныхъ «развѣтвленій». Въ результатѣ у насъ начертывался слѣдующій планъ «сосредоточеннаго» научно-академическаго образованія: 1) общеобязательные для всѣхъ студентовъ основные (богословскіе и—частію—вспомогательные) предметы, самые важнѣйшіе и дѣйствительно фундаментальные; 2) богословское самоопредѣленіе посредствомъ избранія того или другого разряда (на первыхъ двухъ курсахъ) самими слушателями; 3) богословское «сосредоточеніе» ихъ на нѣсколькихъ отдѣленскихъ предметахъ, существенно сродныхъ между собою (съ 3-го курса); 4) спеціализація богословская въ кандидатской работѣ (на 4-мъ курсѣ) [1]; 5) провѣрка достигнутой академически-научной зрѣлости на магистерскомъ экзаменѣ; 6) ея оправданіе въ магистерской диссертаціи и 7) завершеніе въ докторскомъ сочиненіи.

Все изложенное обосновывается довольно естественно—и логически и съ фактической стороны. Больше препятствій представляется въ группировкѣ необщеобязательныхъ академическихъ дисциплинъ между отдѣленіями—особенно по отношенію къ свѣтскимъ предметамъ, для которыхъ наиболѣе трудно найти пригодное мѣсто, почему въ С.-Петербургской академической коммиссіи здѣсь не было достигнуто единодушнаго соглашенія, хотя все-же подавляющее большинство членовъ по достаточнымъ соображеніямъ остановилось на одной схемѣ. Пока Духовная Академія не есть факультетъ при Университетѣ,—въ ней будутъ, пожалуй, необходимы и свѣтскія науки, нужныя для всесторонности, полноты и жизненности самого богословія. Но служить нѣкоторымъ вопросомъ положеніе ихъ въ ряду богословскихъ академическихъ предметовъ. Я ранѣе держался убѣжденія, что они не могутъ быть здѣсь равноправно самоцѣльными и являются суплементарными пособіями къ достиженію собственныхъ академическихъ задачъ (ср. выше стр. 3—4). Эта ничуть не субъективная мысль встрѣчала нѣкоторую оппозицію, стѣснявшую ея широкое примѣненіе, но,—къ моему удовлетворенію,—и въ V-мъ отдѣлѣ Предсоборнаго Присутствія безъ особыхъ возраженій многократно допускалось, что свѣтскіе предметы имѣютъ въ Академіяхъ лишь вспомогательное значеніе и должны соподчиняться богословскимъ требованіямъ [2]. Это авторитетное подкрѣпленіе даетъ мнѣ смѣлость,—безъ

---

[1]) Не трудно бы примѣнить сюда еще идею особыхъ «государственныхъ экзаменовъ»; эта мысль имѣетъ далеко не одно «академическое» значеніе, а важна даже для всего служебно-государственнаго движенія академическихъ воспитанниковъ.

[2]) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 716. 127—128. Согласно сему, 14-го мая 1906 года мною заявлено было въ V-мъ отдѣлѣ Предсоборнаго Присутствія слѣдующее заключеніе: «О положеніи свѣтскихъ предметовъ въ Духовныхъ Академіяхъ говорилось не безъ колебательности, но иногда со внутреннимъ согласіемъ при наружномъ диссонансѣ. Если одинъ ораторъ готовъ изъять ихъ изъ академическаго комплекса, то другой—защитникъ—доказывалъ собственно необходимость свѣтскаго элемента *лишь в помощь* для богословскаго изученія и преподаванія, а это можетъ успѣшно достигаться и распредѣленіемъ одной богословской дисциплины между двумя профессорами (напр., для древней и для новой русской церковной исторіи) безъ созданія особой свѣтской параллельной каѳедры (хотя бы русской гражданской исторіи при церковной). Я вполнѣ согласенъ съ никѣмъ не опровергавшимся мнѣніемъ, что свѣтскія науки должны имѣть въ Духовныхъ Академіяхъ вспомогательное значеніе и въ самомъ строѣ своемъ обязаны приспособляться къ богословско-академическимъ

тяжкаго риска для себя,—снова (см. выше стр. 39—40) предложить, чтобы свѣтскія академическія дисциплины не вводилось въ спеціально-богословскія отдѣленскія классификаціи. Въ такомъ случаѣ мы, во-первыхъ, могли бы удачно воспользоваться идеями Московскаго академическаго проекта [1]), еслибы согласившись предоставить свободному выбору самихъ студентовъ эти свѣтскія науки. При этомъ внѣ всякаго сомнѣнія, что *обязательно* каждому академическому слушателю взять нѣсколько свѣтскихъ предметовъ (не менѣе трехъ) [2]), а комбинаціи ихъ слѣдуетъ узаконить заранѣе по объективнымъ соображеніямъ. Чувствую еще особую жизненную нужду съ рѣшительною выразительностію подчеркнуть, что я всего менѣе покушаюсь на современное положеніе въ Академіяхъ свѣтскихъ наукъ и—напротивъ—искренно желалъ бы обезпечить имъ наиболѣе плодотворное примѣненіе. И когда мнѣ возражали [3]), что при моемъ планѣ студенты будутъ выбирать неподходящія для нихъ мелкія свѣтскія группы и тѣмъ лишають свѣтскія дисциплины свойственнаго субсидіарнаго вліянія, то здѣсь просто не совсѣмъ понятное недоразумѣніе;—наоборотъ, и теперь и при всякомъ иномъ распорядкѣ свѣтскихъ предметовъ воздѣйствіе послѣднихъ ограничивается только отдѣленіемъ, куда они причислены, и закрывается для всѣхъ другихъ студентовъ, а по моей схемѣ каждый академическій воспитанникъ свободно и убѣжденно можетъ выбрать фактически полезное ему свѣтское вспомоществованіе. И едва ли позволительно думать, что студенты не съумѣютъ сдѣлать этого основательно, поскольку тутъ заключается ихъ личный интересъ, осмысленный академическими занятіями подъ авторитетнымъ профессорскимъ контролемъ. Во-вторыхъ, при рекомендуемомъ мною планѣ легче было бы справиться съ возможно удовлетворительною классификаціей по спеціальнымъ группамъ всѣхъ необщеобязательныхъ богословскихъ наукъ. По опыту своихъ коммиссіонныхъ академическихъ работъ хорошо знаю, что именно онѣ тормозятъ это распредѣленіе, поелику бываютъ вспомогательными для самыхъ разнородныхъ богословскихъ отраслей и не связываются до естественной неразрывности только съ одною изъ нихъ. И если въ тѣсномъ кругу немногихъ (шести) солидарныхъ членовъ С.-Петербургской академической коммиссіи изъ одной корпораціи мы не достигли единства, то

потребностямъ. Посему ихъ лучше выдѣлить изъ богословской классификаціи въ особую необязательную группу, предложивъ выбирать извѣстное количество свѣтскихъ предметовъ самимъ студентамъ соотвѣтственно спеціальнымъ занятіямъ послѣднихъ и подъ контролемъ профессоровъ избранныхъ спеціальностей».

[1]) О немъ см. ниже на стр. 53—56.

[2]) Значитъ, изученіе *всѣми* студентами извѣстнаго круга свѣтскихъ академическихъ предметовъ предполагается мною, какъ *безусловно обязательное* для нихъ, чѣмъ устраняются всѣ возраженія, будто моимъ проектомъ принижается достоинство свѣтскихъ дисциплинъ въ общемъ академическомъ циклѣ. Даже въ интересахъ ихъ собственнаго развитія и объективно-плодотворнаго богословскаго примѣненія—нужно свѣтскія науки въ Академіяхъ поставить особо, вовсе не предоставляя выбора произвольному усмотрѣнію студентовъ, если всѣ комбинаціи будутъ регулироваться внутреннею принципіальною связью самихъ предметовъ.

[3]) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 115*б*. 126*б*. 127*б*. 128*б*.

тѣмъ менѣе можно ожидать этого по отношенію къ четыремъ Академіямъ, съ различными традиціями, особыми взглядами и т. п. И я думаю, что тогда напрасно будетъ и браться за непосильный трудъ примиренія, которое будетъ лишь принудительнымъ компромиссомъ. Въ этомъ случаѣ намъ не безъ риска придется ограничиться подборомъ лишь общеобязательныхъ предметовъ, а отдѣленскую классификацію возложить на автономное и независимое усмотрѣніе каждой изъ Академій, которыя и станутъ осуществлять ее по своей системѣ,—послѣ необходимой законодательной апробаціи.

Предлагая свои краткія соображенія по столь важному и для всѣхъ дорогому вопросу, руковожусь убѣжденіемъ, что намъ небезлишня всякая попытка къ наилучшему обезпеченію академическихъ успѣховъ, съ которыми связаны величайшіе интересы вѣры и Церкви, мысли и жизни. Не забудемъ, что у насъ всего только четыре свѣтильника высшаго богословскаго вѣдѣнія [1]), и всякій изъ насъ по мѣрѣ силъ своихъ дол-

---

¹) Впрочемъ, въ засѣданіяхъ V-го отдѣла Предсоборнаго Присутствія я дважды (4-го и 9-го декабря 1906 года) заявлялъ, что намъ непремѣнно нужно съ заботливостію разсудить объ увеличеніи числа Духовныхъ Академій въ Россіи. Вопросъ этотъ давно и съ настойчивостію выдвинутъ самою жизнію, а нѣкоторые изъ епархіальныхъ Преосвященныхъ (напр., Никаноръ Гродненскій, нынѣ Варшавскій, и Тихонъ Костромскій въ «Отзывахъ епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ» I, стр. 179; II, стр. 555) выражаютъ даже желаніе, чтобы Академія была въ каждой (проектируемой ими) митрополіи. Конечно, это лишь мечты, едва ли теперь осуществимыя; а если бы онѣ исполнились, то скорѣе можно бы [illegible] превращеніе такихъ Академій въ заурядныя Семинаріи; между тѣмъ въ высшей степени справедлива резонная мысль С.-Петербургскаго митрополита, что первыя должны быть и теперь учеными институтами («Отзывы» III, стр. 94—97; ср. еще въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 210). Но есть въ «Отзывахъ» и серьезныя предложенія. Такъ, вполнѣ законно указываютъ на учрежденіе особой Академіи въ Вильнѣ («Отзывы» III, стр. 185—186); я назвалъ бы еще Сибирь, не касаясь Кавказа, о которомъ умѣстна спеціальная рѣчь. Наши личныя вожделѣнія не идутъ слишкомъ далеко и не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшей притязательности, а очевидная польза ихъ для Церкви и государства безспорна и окупитъ всѣ небольшія затраты, которыя въ огромномъ количествѣ безплодно идутъ нынѣ на совершенно парализованные и деморализованные, или вредно преобладающіе Университеты, о которыхъ [illegible] (даже въ Государственномъ Совѣтѣ) «съ деревяннымъ мужествомъ», но вопреки всякой очевидности (см. у С. К. въ «Новомъ Времени» № 11.217 за 5-е іюня 1907 года, стр. 3, стлб. 1) заявляютъ, будто теперь они «функціонируютъ, какъ никогда не функціонировали» (слова ректора Московскаго Университета А. А. *Мануйлова*: см. «Новое Время» № 11.1[illegible] за 11-е марта 1907 г., стр. 4, стлб. 1)... Мы ограничиваемся пока скромнымъ пожеланіемъ, чтобы новыя Академіи были учреждены прежде всего въ Сибири и въ Вильнѣ. Мысль о послѣдней поддерживали еще митрополиты Іосифъ (Сѣмашко) и Макарій (Булгаковъ). Учрежденіе Виленской Академіи, столь энергично защищавшееся покойнымъ С.-Петербургскимъ профессоромъ М. О. Кояловичемъ и другими (напр., его преемникомъ по академической каѳедрѣ Пл. Н. Жуковичемъ), есть дѣло не только учебно-духовное, или вѣдомственное, но и государственное, какъ это понятно само собою. Не менѣе важно устройство Духовной Академіи въ Сибири, гдѣ преобладаютъ буддизмъ и иныя языческія религіозныя вѣрованія. Во всякомъ случаѣ высказать скромное и существенное пожеланіе объ увеличеніи числа Академій и умѣстно, и [illegible] было ожидать отъ православнаго общества, которое иначе насъ справедливо осудитъ за невнимательность къ жизненнымъ церковно-просвѣтительнымъ потребностямъ. Не нужно забывать, что наши теперешнія Академіи слишкомъ шаблонны и однотипны, почему не могутъ удовлетворять всѣмъ церковнымъ запросамъ и важнѣйшимъ интересамъ православія въ огромной и разноплеменной Россіи. Новыя Академіи, сохраняя принципіальныя учебно-богословскія основы, должны быть институтами, строго приноровленными къ опредѣленнымъ цѣлямъ. Для Вильны и Сибири таковыми служатъ, напр., миссіонерскія и апологетическія задачи—въ каждой съ особымъ характеромъ и приспособленнымъ направленіемъ.

женъ способствовать цѣлесообразному рѣшенію отвѣтственной задачи чтобы наши православныя Духовныя Академіи сіяли полнымъ свѣтомъ христіанскаго знанія для разума и для воли.

Должно прибавить, что нѣкоторые оспаривали самыя основы представленнаго плана предметно-отдѣленской классификаціи и выдвигали для нея принципъ построенія въ соотвѣтствіи Откровенію, исторіи и разуму. Здѣсь, прежде всего, напрасно противополагались проекты уставовъ С.-Петербургской академической коммиссіи и совѣта С.-Петербургской Академіи [2]) къ невыгодѣ перваго. Я охотно согласился бы съ этимъ, еслибы во второмъ выражался идейно-принципіальный общеакадемическій голосъ, которому, конечно, должны подчиняться частныя рѣшенія, но фактически дѣло совсѣмъ не таково. Въ коммиссіонномъ проектѣ устройства учебной академической части положены опредѣленныя основныя начала, которыя и проведены съ возможною строгостію во всѣхъ деталяхъ, почему послѣдніе опираются на выдержанныя теоретическія предпосылки и удовлетворительно оправдываются ими. Это есть планъ, достаточно стройный и въ извѣстной мѣрѣ идейный. Поскольку же исходные принципы почерпались въ самомъ существѣ академическихъ задачъ и требованій,—здѣсь члены коммиссіи приходили къ убѣжденному единенію въ цѣломъ и солидарно принимали частности, исключая мелочей. Тутъ не было систематическихъ компромиссовъ, и потому несогласные (собственно одинъ) должны были идти своимъ путемъ—съ отдѣльными мнѣніями. Наоборотъ, въ совѣтскомъ проектѣ многое опредѣлялось лишь случайнымъ голосованіемъ, и въ немъ чаще всего закрѣпляется весьма прихотливое переплетеніе разныхъ воззрѣній, индивидуальныхъ интересовъ и т. п. И важнѣе всего еще то, что тамъ нѣтъ устойчиваго соотношенія большинства и меньшинства, а пропорціональность и комбинація ихъ смѣняются чуть не въ каждомъ параграфѣ весьма неожиданнымъ образомъ. Не даромъ же говорилось, что—въ цѣлокупности—совѣтскаго проекта не можетъ подписать, какъ собственнаго, ни одинъ членъ академическаго совѣта... Поэтому невѣрно фактически, что проектированный уставъ послѣдняго въ учебномъ планѣ своемъ воплощаетъ идейную тріаду—а) Откровенія, б) исторіи и в) слова, въ какихъ реально выражалась божественная истина. Впрочемъ, эта по истинѣ своеобразная мысль для меня не нова. Она упорно выдвигалась въ нашей академической коммиссіи и подвергалась заслуженному разсмотрѣнію, но было найдено, что она совершенно отвлеченна, не можетъ быть обоснована существомъ академическаго образованія и не имѣетъ ни идейныхъ, ни фактическихъ ручательствъ своей практической плодотворности; дѣйствительное же примѣненіе ея повело бы къ искусственной и насильственной классификаціи академическихъ наукъ, поскольку, напр., библіологія, попавшая въ разрядъ «Откровенія», больше всѣхъ имѣла бы право занять мѣсто въ третьей категоріи, разъ Библія есть именно *слово* Божіе попреиму-

---

[2]) Послѣдній см. въ приложеніи къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 154—179.

ществу и на всемъ пространствѣ говоритъ о Божественномъ *Словѣ*, какъ предвозвѣщаемомъ и воплощенномъ... Естественно, что обсуждаемая мысль ничуть не стала болѣе убѣдительною отъ повторенія ея чужими устами [1]), ибо она исходила вовсе не отъ Моисея и передавалась ничуть не Ааpономъ...

Въ заключеніе со всею рѣшительностію прошу принимать и понимать мои замѣчанія исключительно въ смыслѣ объективныхъ разъясненій, которыя дѣлаются только въ интересахъ обезпеченія нашимъ Академіямъ наилучшихъ научно-богословскихъ успѣховъ.

3.

Объ организаціи студенческихъ занятій при изученіи академическихъ наукъ и объ устроеніи студенческой жизни.

Установленіемъ учебно-предметнаго плана академическаго устройства обезпечивается далеко не все. Нужно еще сдѣлать, чтобы онъ наиболѣе успѣшно и плодотворно осуществлялся среди студентовъ. Тутъ выступаетъ авторитетный и компетентный проектъ Московской Духовной Академіи. Впрочемъ, я буду говорить не столько о немъ, сколько о связанныхъ съ нимъ принципіальныхъ предпосылкахъ, въ которыхъ заключается вся важность: критическій разборъ конкретнаго образца нимало не входитъ въ мои виды.

По существу своему—здѣсь все утверждается на принципѣ предоставленія свободы самоопредѣленія студентамъ, ибо они сами намѣчаютъ себѣ ближайшія задачи и подбираютъ наиболѣе пригодныя средства; Академія и профессорскій персоналъ являются не отвѣтственными распорядителями дѣла, а больше удобными орудіями для достиженія разнообразныхъ стремленій смѣняющагося агрегата учащагося юношества. Подобное устройство, пожалуй, было бы еще дозволительно, еслибы разумѣлся свободный учено-учебный институтъ, въ родѣ проектируемыхъ «вольныхъ Университетовъ» или древней греческой Академіи, куда молодые люди приходили просто «ради любомудрія»—безъ строго формулированныхъ практическихъ предрѣшеній, почему обучающіе дѣлились своими умственными запасами, не интересуясь спеціально тѣмъ, чтобы подготовить своихъ слушателей къ одному извѣстному предназначенію. Если же наши Духовныя Академіи имѣютъ и должны осуществлять лишь опредѣленную задачу [2]), то рекомендуемая свобода оказывается для нихъ несоотвѣтственною,—и онѣ по самой природѣ своей обязаны вести студентовъ именно по собственному пути, не позволяя имъ уклоняться ни въ направленіи, ни въ способахъ образовательнаго совершенствованія.

[1]) См. въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 116—117.

[2]) А С.-Петербургскіе студенты утверждаютъ, что «кромѣ строго научнаго богословскаго образованія, *Духовная Академія никакихъ профессіональныхъ цѣлей не преслѣдуетъ*»... См. приложеніе къ «Журналамъ С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1906—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 149.

Помимо сего, — представляется спорною и принципіально передача академическому юношеству права автономной спеціализаціи по подбору предметовъ и по времени. Болѣе прочная группировка учебнаго академическаго матеріала, конечно, страдаетъ многими недочетами во всѣхъ проектахъ и уставахъ, но это всегда и вездѣ будетъ неизбѣжно по ограниченности учебно-образовательныхъ средствъ при согласованіи ихъ съ предуказанною цѣлію. Тѣмъ не менѣе здѣсь можетъ быть выработана твердо регулирующая норма, хотя относительная, но объективная по своему достоинству, какъ основанная на объективныхъ данныхъ—въ задачахъ и способахъ учрежденія, принимающаго въ свою среду опредѣленно подготовленныхъ юношей съ извѣстными общими стремленіями. Наоборотъ,—въ обсуждаемой схемѣ берется индивидуально-субъективный критерій [1]), не примѣняемый пока вполнѣ ни въ одномъ учебномъ институтѣ со спеціальною физіономіей, потому что онъ не гарантируетъ достиженія не только собственныхъ цѣлей заведенія, но даже частныхъ замысловъ каждаго изъ студентовъ: — вѣдь послѣдніе приходятъ *учиться* и прежде всего нуждаются въ томъ, чтобы ихъ любознательныя влеченія получили ясную форму систематически сложившагося и убѣжденно окрѣпшаго міросозерцанія подъ твердымъ контролемъ и неослабнымъ руководствомъ въ извѣстномъ направленіи, по характеру данной школы [2])!.. Если говорятъ, что возможныя комбинаціи маленькихъ предметныхъ группъ столь естественны по своему составу, что всегда будутъ почти тожественны, то я совсѣмъ не раздѣляю подобной увѣренности, зная по опыту своего участія въ выработкѣ проекта академическаго устава коммиссіею С.-Петербургской Духовной Академіи, какъ глубоки бываютъ разногласія въ группировкѣ предметовъ даже по болѣе широкому масштабу. Когда же разсматриваемое предложеніе старается ограничить неизбѣжность колебанія въ индивидуальномъ самоопредѣленіи студентовъ, — этимъ прямо нарушается основной принципъ учебно-студенческой автономіи, а мы должны заключать отсюда, что это начало можетъ имѣть лишь соподчиненное значеніе.

Питаю немалыя сомнѣнія и относительно «предметной системы» [3]). Правда, теперешнее преподаваніе и по методу и по содержанію далеко

---

[1]) С.-Петербургскіе студенты тоже «желаютъ»: «Въ основу (академическаго) изученія должна быть положена предметная система. *Каждый слушатель составляетъ себѣ группу самъ сообразно* (своимъ) *цѣлямъ и склонностямъ. Распредѣленіе группъ въ уставѣ должно быть только примѣрное*». См. приложеніе къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 151.

[2]) И насколько необходимо все это вообще,—мы видимъ по спеціальнымъ и детальнымъ руководствамъ у нѣмцевъ, заботливо регулирующимъ всю учебно-педагогическую жизнь студентовъ-богослововъ; см., напр., въ книгѣ Prof. D. *Heinrich Bassermann*'a Wie studiert man evangelische Theologie? Stuttgart 1905 (въ Violets Studienführer).

[3]) Ср. объ этомъ у *С. К.*, Фарисеи автономіи въ «Новомъ Времени» № 11.173 за 20-е апрѣля 1907 года, стр. 3, стлб. 2: Предметная «система—такъ, какъ она понимается въ Россіи,—съ одной стороны, дастъ возможность профессорамъ не ломать головы надъ составленіемъ учебныхъ плановъ, съ другой, избавляетъ ихъ отъ досадныхъ конфликтовъ со студентами, которые могутъ не одобрить этихъ плановъ. Полное торжество этой системы, когда она будетъ введена цѣликомъ, заключается въ правѣ студентовъ учиться, чему и какъ они вздумаютъ, и въ полномъ избавленіи профессора отъ необходимости заниматься организаціей студенческаго труда».

не идеально. Но если съ удивительною смѣлостію утверждаютъ, что это есть лишь «бездарная и безполезная размазня» [1]), то я вынужденъ констатировать, что нѣкоторые опыты «свободныхъ предметныхъ собесѣдованій» печально напоминаютъ безсодержательныя разглагольствованія de omnibus rebus et quibusdam aliis, или обо всемъ вообще и ни о чемъ въ частности... По существу же вопроса считаю пока вовсе неустраненнымъ зловѣщее опасеніе, что введеніе «предметной системы» внесетъ сильную дезорганизацію въ студенческое обученіе, которое и теперь не страдаетъ ни порядкомъ, ни стройностію. Въ предвѣдѣніи такихъ неудобствъ и обсуждаемая схема обставляетъ примѣненіе «предметной системы» въ Академіяхъ извѣстными рамками и стѣсненіями, требуя, напр., чтобы каждый студентъ прослушалъ академическіе курсы не менѣе четырехъ лѣтъ. Опять этимъ существенно колеблется самый рекомендуемый принципъ. По смыслу его, каждый слушатель даетъ отчетъ по всѣмъ предметамъ, когда онъ самъ чувствуетъ себя преуспѣвшимъ въ нихъ и достаточно пропитаннымъ академическою атмосферой. Въ такомъ случаѣ всякая мѣра будетъ заключаться единственно въ способностяхъ и усердіи именно студента. Значитъ, почему бы не дозволить лучшимъ достигать всего хотъ въ одинъ годъ, а не столь способнымъ, менѣе подготовленнымъ и не слишкомъ усернымъ почему бы не разрѣшить свободу уподобленія нѣмецкимъ буршамъ, студенчествующимъ и деморализующимъ товарищей чуть не до сѣдыхъ волосъ?.. Иначе получится несправедливое и вредное порабощеніе даровитыхъ и ревностныхъ студентовъ тупыми и лѣнивыми, разъ первые задерживаются въ заведеніи собственно ради того, чтобы соблюсти норму, обязательную лишь для посредственностей...

Итакъ: всѣ принципіальныя слагаемыя разбираемой системы кажутся мнѣ спорными по самымъ основамъ своимъ, а потому въ глубинѣ своихъ убѣжденій я не нахожу необходимой смѣлости согласиться, чтобы устройство учебной части въ спеціальныхъ православныхъ Академіяхъ было произведено на такихъ условно-субъективныхъ основаніяхъ.

Не поколебали меня въ отрицательномъ взглядѣ на первоосновы Московской академической системы и представленныя разъяснительныя возраженія [2]). Не говорю о полемическихъ преувеличеніяхъ моихъ замѣчаній («—гдѣ у меня рѣчь о «произволѣ»?—), о невниманіи къ другимъ опытамъ «спеціализаціи» (напр., въ С.-Петербургскомъ коммиссіонномъ проектѣ) и т. д. Не буду оправдываться и отъ дѣйствительно неожиданныхъ обвиненій въ формализмѣ, какого совсѣмъ нѣтъ, разъ трактуется о принципіальныхъ предпосылкахъ, и послѣднія только иллюстрируются примѣрами изъ конкретнаго образца... Обращусь лишь къ нѣкоторымъ идейнымъ сужденіямъ по поводу Московской академической схемы. Было сказано, что тамъ дана самая разумная комбинація регулирующей дисциплины профессорской корпораціи и самодѣятельной свободы учащагося сословія, при чемъ обѣ стороны, яко бы, всегда

---

[1]) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. II (Спб. 1906), стр. 256*а*.

[2]) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 74—76.

останутся въ своихъ естественныхъ границахъ и не выйдутъ изъ нихъ къ собственному ущербу для нормальнаго исполненія своихъ обязанностей. Но до какой степени проблематичны упованія на твердость студенческаго учебно-групповаго самоопредѣленія,—это ясно изъ рѣшительной просьбы именно Московскихъ студентовъ о правѣ свободнаго перехода по группамъ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ—по причинѣ невозможности для нихъ сразу избрать надлежащую предметную комбинацію [1]). Такое признаніе тѣмъ несомнѣннѣе по фактической истинности, что сдѣлано при явномъ противорѣчіи высокой самоувѣренности, господствующей въ студенческой «запискѣ», которая назойливо твердитъ о студенческой «зрѣлости»... Значитъ, самая основная база построеній оказывается достаточно зыбкою въ Московской академической конструкціи.

Не думаю, чтобы только въ ней одной лучше всего обезпечивалась истинная «спеціализація» академическаго преподаванія для студентовъ. Скорѣе тутъ возможна раздробленность, при которой будутъ спорными широта, послѣдовательность и систематичность студенческаго образованія. Желательна «спеціализація» въ смыслѣ «концентраціи» студенческихъ занятій, чтобы на фундаментѣ болѣе или менѣе обширнаго богословскаго образованія постепенно воспитывались способность и опытность къ «сосредоточенію» на извѣстныхъ предметахъ, а въ нихъ—на опредѣленныхъ вопросахъ (см. выше на стр. 48—49). Лишь при этомъ условіи и сами студенты будутъ успѣшно «спеціализироваться» въ пространной области богословскаго вѣдѣнія, и профессора получатъ вѣрныя средства руководить слушателей въ этомъ направленіи нарочитыми чтеніями, практическими занятіями въ «семинаріумахъ» [2]) и т. п. Этотъ дѣйствительно многообѣщающій принципъ осуществляется, по моему мнѣнію, не столько въ проектѣ Московскомъ, сколько, напр., въ С.-Петербургскомъ коммиссіонномъ.

Главный же итогъ моихъ краткихъ дополнительныхъ замѣчаній—тотъ, что для истинно плодотворной и жизненной постановки нашихъ Духовныхъ Академій прежде всего необходимо съ полною ясностію и съ совершенною отчетливостію опредѣлить ихъ существо, задачу и цѣль [3]).

Для полной практической дѣйственности нашихъ начинаній, конечно, требуется, чтобы сами студенты принимали сознательное и самостоятельное участіе въ ихъ учебно-педагогической реализаціи. Въ этихъ интересахъ нужно дозволять и поощрять учрежденіе студенческихъ

---

[1]) См. студенческую «записку» въ «Журналахъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 г. (Спб. 1907), стр. 281.

[2]) Впрочемъ, послѣдніе не должны получать слишкомъ «ремесленнаго», пропедевтическо-экзаменаціоннаго характера, какъ это имѣетъ мѣсто—при нѣсколько аналогичномъ порядкѣ—въ Оксфордскомъ Университетѣ, судя по отчету *М. М. Хвостова* въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета» 1904 г., № 5—6, стр., 163—172.

[3]) Оба изложенныя мнѣнія были заявлены мною V-му отдѣлу Предсоборнаго Присутствія 14-го мая 1906 года и напечатаны въ «Журналахъ и Протоколахъ», т. IV, стр. 72—73. 76—77.

научныхъ кружковъ и обществъ, но только соотвѣтствующихъ прямымъ цѣлямъ Академій и лишь съ разрѣшенія совѣта и подъ руководствомъ профессоровъ [1]). Равнымъ образомъ слѣдуетъ опредѣлить и нормальный жизненный укладъ студентовъ. Напр., я совсѣмъ не согласенъ, чтобы въ академическомъ уставѣ не упоминалось о соблюденіи постовъ и объ исповѣди по тому соображенію, яко бы это есть дѣло личной совѣсти. Послѣднее, конечно, несомнѣнно, но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о частной жизни внутренно-индивидуальныхъ отношеній къ Богу и Церкви Христовой, а объ общемъ образѣ жизни студентовъ, требующемъ извѣстной регламентаціи съ точки зрѣнія существа Академій, въ качествѣ учено-учебныхъ православно-церковныхъ заведеній [2]). Этого замалчивать нельзя и не слѣдуетъ. И сами воспитанники охотно подчиняются обязательствамъ своего христіанскаго званія. Такъ, у меня предъ открытіемъ годичнаго курса лекцій обыкновенно читается молитва; если гдѣ, то именно въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ слѣдуетъ соблюдать святое правило: «съ Богомъ начинай!» Все, отвлекающее отъ непосредственныхъ академическихъ цѣлей, должно быть устранено изъ студенческаго обихода. Съ этой точки зрѣнія едва ли можно вводить въ норму дозволеніе студентамъ жениться въ теченіе учебнаго курса. Мыслимы лишь исключенія. Такіе экстраординарные случаи бывали у насъ и при дѣйствіи устава 1884 г.: напр., въ С.-Петербургской Академіи былъ женатый студентъ Соловьевъ, не имѣвшій священнаго сана. Это произошло по особой протекціи, но по печальнымъ примѣрамъ знаю, что бываютъ столь трагическія обстоятельства, когда наилучшимъ выходомъ является бракъ. Можно обставить эту *рѣдкую* льготу особыми правилами для обезпеченія безпрепятственности и успѣшности академическихъ занятій даннаго студента. Вообще же проф. Ad. Harnack вѣрно сказалъ, что научное служеніе есть своего рода богослуженіе, [3])— и въ идеальномъ смыслѣ именно здѣсь вполнѣ умѣстенъ завѣтъ Апостола Павла (1 Кор. VII, 7. 8): *Хощу, да вси человѣцы будутъ якоже и азъ... Глаголю же безбрачнымъ и вдовамъ: добро имъ есть, аще пребудутъ якоже и азъ...* Тѣмъ паче обязательно это для юношей, которые должны со всѣмъ пламенемъ своихъ свѣжихъ силъ и съ чистою кипучею энергіей готовиться къ жизни. Преждевременныя увлеченія—особенно въ столь соблазнительной области—всегда опасны и часто разрѣ-

---

[1]) О послѣднихъ условіяхъ совсѣмъ не упоминается въ «пожеланіяхъ» С.-Петербургскаго академическаго студенчества, которое заявляетъ: «Студенты пользуются свободой собраній, обществъ, сходокъ, организацій, какъ съ участіемъ профессоровъ, такъ и безъ него». См. приложеніе къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 152. Наоборотъ, С.-Петербургскіе студенты желаютъ, кажется, совсѣмъ иного, когда говорятъ: «Студенчество во внутренней своей жизни *всецѣло предоставляется самому себѣ* (чѣмъ естественно исключается *возможность* инспекторскаго надзора и совершенно упраздняется должность помощниковъ инспектора)». См. приложеніе къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 152.

[2]) См. у него въ «ректоратской» рѣчи Sokrates und die alte Kirche (Giessen 1901), S. 23; ср. у меня въ «Православной Богословской Энциклопедіи», т. IV (Спб. 1903), стлб. 116.

шаются горькими разочарованіями, губящими все существованіе... Посему желательно, чтобы свѣтскіе студенты Академіи были неженатыми, и только въ необходимыхъ случаяхъ разрѣшалось имъ вступленіе въ бракъ на извѣстныхъ опредѣленныхъ условіяхъ.

Всякія студенческія учрежденія терпимы единственно при строгомъ соотвѣтствіи прямымъ учебно-педагогическимъ интересамъ. Въ силу ихъ я (вопреки и проф. *М. Д. Муретову*, Проэктъ устава, стр. 7. 20. 38—39) для Академій тоже отрицаю (см. выше стр. 9,1) корпоративные «суды чести» [1]). Разсматривая этотъ вопросъ принципіально и въ примѣненіи къ частнымъ конкретнымъ случаямъ всей духовно-академической жизни, мы видимъ, что товарищескій судъ явился бы учрежденіемъ, параллельнымъ совѣту, откуда неизбѣжны взаимныя пререканія, конфликты съ совѣтскими коллегіями и т. п. Это достаточно доказала дѣятельность узурпаторски возникшихъ студенческихъ «хозяйственныхъ коммиссій», вызвавшихъ больше смятенія и разстройства, чѣмъ устранившихъ наличные дефекты или улучшившихъ фактическое положеніе экономическихъ порядковъ. Еще важнѣе другія студенческіе организаціи «профессіональнаго характера». Нѣкоторые говорили, что пусть эту задачу выяснить сама жизнь, но «обойти молчаніемъ» жизненное явленіе невозможно. Напр., институтъ «курсовыхъ старостъ» — нормаленъ онъ или нѣтъ? Тутъ нужно извѣстнаго рода рѣшеніе. У насъ въ С.-Петербургской Академіи этотъ институтъ возникъ незаконнымъ путемъ и безъ всякой дѣйствительной надобности: благодаря ему, у профессора прерывается непосредственная связь со студентами [2]), а этимъ въ корнѣ убивается жизненность педагогическаго дѣла, созидающагося на прямомъ взаимоотношеніи душъ. Контингентъ нашихъ слушателей вовсе не многочисленный, и здѣсь абсолютно неумѣстна обычная ссылка на Университеты, гдѣ для огромной массы теоретически дозволительно легализованное «представительство» по учебно-педагогическимъ предметамъ. Но въ интересахъ научно-педагогическаго вліянія, обязательно требующаго непосредственности взаимообщенія, я всегда предпочту объясняться съ 200 студентовъ, чѣмъ съ какими то «замѣстителями». Душу замѣнить невозможно, а жить чужимъ умомъ — постыдно... Значитъ, пока студенческія организаціи представляютъ собою только фактъ, не облекшійся еще въ общепризнанную форму, непремѣнно слѣдуетъ обсудить вопросъ объ этихъ организаціяхъ и такъ или иначе отвѣтить на него. Неужели намъ и тутъ ждать особаго краха?... А вѣдь наше молчаніе будетъ при-

[1]) Вопреки сему С.-Петербургскіе академическіе студенты «желаютъ»: «По дѣламъ чисто студенческимъ (т. е.?) учреждается студенческій судъ чести, а по дѣламъ общимъ съ профессорами — смѣшанный судъ студентовъ и профессоровъ, при равномъ числѣ членовъ съ той и другой стороны». См. приложеніе къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 152.

[2]) Напр., С.-Петербургское академическое студенчество говоритъ о немъ такъ: «Для оффиціальныхъ (т. е.?) сношеній студентовъ съ Совѣтомъ, для созыва и регулировки сходокъ и пр. учреждается выборный институтъ старостъ». См. приложеніе къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 152.

нято за допущеніе. Въ такихъ серьезныхъ вещахъ всего опаснѣе всякія лукавыя или дипломатическія недомолвки. Наши студенты — народъ серьезный, и они поймутъ и примутъ разумное, благожелательное слово. Я въ нихъ вѣрю, всегда живу этою вѣрой и ею одушевляюсь теперь. При возраженіяхъ по этому пункту нѣкоторые обостряли трудность, и одинъ заявилъ, что онъ говоритъ, какъ «честный человѣкъ»... Это и неделикатно и только запутываетъ дѣло до безысходности... Тѣмъ не менѣе осмѣливаюсь сказать, что я смотрю совсѣмъ иначе на положеніе нашего студенчества. Оно находится въ нѣкоторомъ смущеніи (— и не по своей винѣ —), но не перестаетъ искать правды и знанія. Дадимъ же ему это прямо и откровенно! И если мы выработаемъ извѣстныя мѣры въ такомъ именно тонѣ искренней благожелательности и взаимной пользы, а не ради прещеній и ретроградства, то — непоколебимо вѣрю! — студенты насъ послушаютъ и за нами пойдутъ. Будемъ только сами достойны своего званія, которому въ ясныхъ студенческихъ глазахъ всего болѣе повредила бы наша пагубная дипломатичность. Упрекаютъ, что, отрицая автономно-профессіональныя студенческія организаціи, мы стоимъ на «археологической точки зрѣнія», проводимъ «ископаемые» взгляды средневѣковья. Охотно возращаю этотъ нескромный комплиментъ... Именно средневѣковые Университеты во многомъ пользовались такими «автономными» правами, которыхъ нынѣ нигдѣ нѣтъ. Совѣтую прочитать хотя бы книгу проф. Н. С. Суворова [1]), откуда полемисты могутъ (— при желаніи! —) убѣдиться, что педагогическіе архаисты — они, а не мы... Что же касается пожеланій, чтобы студенты наши воспитывались въ атмосферѣ современнаго свѣтскаго студенчества, то скажу коротко и прямо: «не дай Господи»! Неужели мнѣ нужно напоминать и *ужасными* фактами иллюстрировать, что тамъ вышло и совершается на позоръ всему свѣту [2])?... Здѣсь я всего менѣе думаю о формальной сторонѣ, чуждой всѣмъ моимъ настроеніямъ, склонностямъ и привычкамъ... Въ ссылкахъ на средніе вѣка мой возражатель вовсе не отмѣчалъ однѣ духовныя школы, а позднѣйшее ограниченіе его католичествомъ крайне неудачно, ибо строй духовной (католической) педагогіи Запада, въ существенномъ, остается на прежнемъ «археологическомъ» уровнѣ. Что до смѣшенія понятій, то скорѣе это замѣчается у моего оппонента, поскольку научно-литературные кружки мы выдѣляемъ, какъ дозволительные въ мѣру соотвѣтствія

---

[1]) См. его сочиненіе «Средневѣковые Университеты», Москва 1898; ср. актовую рѣчь проф. *С. А. Предтеченскаго* «Парижскій университетъ въ средніе вѣка» при отчетѣ Казанской Духовной Академіи за 1900—1901 г. и въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1901 г., № 12, стр. 787—832.

[2]) Для моего возражателя, какъ члена профессорской академической коллегіи, приведу только слѣдующее свидѣтельство (г-на *С. К.* въ «Новомъ Времени» № 11. 217 за 5-е іюня 1907 года, стр. 3, столб. 2): «Россійское студенчество уже успѣло прославиться такими подвигами, какъ публичное оскорбленіе профессора Харьковскаго университета, какъ потасовки, жертвой которыхъ сдѣлалось нѣсколько профессоровъ Московскаго университета, какъ избіеніе профессора Варшавскаго университета, и въ какихъ бы то ни было поощреніяхъ оно врядъ ли нуждается». Неужели этого же хочетъ мой оппонентъ для Духовныхъ Академій..., по крайней мѣрѣ, хоть для себя самого, да еще такъ, чтобы потомъ motu proprio извиняться публично предъ обидѣвшими?...

съ прямыми академическими цѣлями, а рѣчь у насъ идетъ о специальныхъ организаціяхъ для упорядоченія и защиты какихъ-то особыхъ «студенческихъ» интересовъ, которыхъ не можетъ быть помимо общей академической жизни, подвѣдомой авторитету отвѣтственной коллегіи профессоровъ. Отстаивая вторыя, апологетъ подмѣниваетъ ихъ первыми, но... этимъ меня совсѣмъ не убѣждаетъ... По отношенію къ студенческимъ сходкамъ тоже опасна и вредна ихъ легализація. Здѣсь нужно всегда и твердо помнить слѣдующее. Частное собраніе, созванное по личной иниціативѣ, ни для кого необязательно, но если сходка, назначенная узаконенною организаціей, не состоится за неприбытіемъ нужнаго числа студентовъ, то вторая сходка по тому же вопросу при всякомъ числѣ участниковъ выноситъ постановленія отъ имени всего студенчества, принудительная (юридически, а нынѣ и физически) для всѣхъ его членовъ и даже для академическихъ совѣтовъ [1]. Вообще опасно вводить деспотизмъ большинства, убивающій индивидуальность, да еще такой, когда лучшіе, работающіе элементы будутъ подавляться агитаціею «коноводовъ». Это вездѣ бываетъ, но едва ли желательно въ нашей мирной академической семьѣ, гдѣ доселѣ царствовали взаимное довѣріе, искренняя простота, святая свобода личности [2]).

4.

Объ отношеніи епархіальнаго архіерея къ Духовнымъ Академіямъ.

Много, пламенно и справедливо говорилось у насъ, что связь между Академіями и епархіальными Преосвященными должна быть чисто нравственною. Вполнѣ соглашаюсь съ этимъ и прибавлю дальше, что таковыми слѣдуетъ быть и всякимъ человѣческимъ соприкосновеніямъ—даже не по одному только библейско-христіанскому воззрѣнію... Тѣмъ болѣе это обязательно для отношеній между православно-христіанскими училищами высшаго богословскаго знанія и архипастырями Церкви Христовой. Объ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго спора ни для кого изъ насъ. Но на практикѣ эти отношенія должны выражаться въ конкретныхъ фактахъ, опредѣляющихъ взаимное положеніе обѣихъ сторонъ и устанавливающихъ между ними весьма различныя условія совмѣстнаго бытія. Вотъ здѣсь-то и важно дать справедливыя регулирующія нормы. Отъ лицъ и учрежденій будетъ зависѣть, чтобы послѣднія всегда оду-

---

[1]) Одно изъ «пожеланій» С.-Петербургскихъ академическихъ студентовъ гласитъ: «Рѣшеніе сходки, вынесенное *простымъ большинствомъ* (—при сколькихъ участникахъ?—), считается Совѣтомъ мнѣніемъ всего студенчества», при чемъ «*постановленія сходокъ поступившія въ Совѣтъ* путемъ подачи, *подлежатъ непремѣнному* съ его стороны *разсмотрѣнію*». Ст. 2 приложеніе къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 152.

[2]) Всѣ эти мелкія замѣчанія, теперь нѣсколько скомбинированныя, были заявлены мною въ засѣданіи V-го отдѣла Предсоборнаго Присутствія 4-го декабря 1906 года.

хотворялись и направлялись ко взаимному созиданію христіанскимъ братолюбіемъ и сыновнимъ почтеніемъ, но необходимо напередъ обезпечить прочнымъ закономъ, чтобы эти идеальныя нравственныя отношенія фактически не улетучивались совершенно, не оставляя мѣста епархіальному Преосвященному для особаго касательства къ Академіямъ, по сравненію со всѣми другими архипастырями, и не обращая его въ простого «почетнаго члена» [1]; не менѣе требуется устранить опасность, чтобы не было ни малѣйшей опоры ни для произвола, ни для вызывательства. Этого всего легче достигнуть, если эти нравственныя отношенія будутъ функціонировать въ дѣйствительности на незыблемомъ фундаментѣ признанія взаимныхъ правъ и соотвѣтственнаго соподчиненія ихъ. Такую именно комбинацію я нахожу въ академическомъ уставѣ 1869 года (§§ 3 и 12—19), ничуть не противорѣчащаго здѣсь по существу «временнымъ правиламъ», и высказываюсь за возстановленіе его въ данномъ пунктѣ тѣмъ рѣшительнѣе, что авторитетнѣйшіе свидѣтели неложно удостовѣряютъ намъ, что тогда Духовныя Академіи жили со своими мѣстными іерархами въ искреннихъ отношеніяхъ дорогихъ дочерей съ благостными отцами. Возобновимъ же то, чѣмъ гарантируются столь желанныя для всѣхъ насъ миръ, любовь, довѣріе и свобода [2]!...

5.

О приготовленіи академическихъ преподавателей и объ ученыхъ академическихъ званіяхъ.

Для приготовленія академическихъ преподавателей нынѣ существуютъ такъ называемые «профессорскіе стипендіаты». Но они оставляются для подготовки по опредѣленной спеціальности, а вакансіи въ Академіяхъ открываются иногда по другому предмету. И такимъ образомъ на освободившуюся каѳедру приходится брать или стипендіата неподготовленнаго, или человѣка со стороны. Исторія показала, что стипендіатство не дало всѣхъ ожидавшихся плодовъ (хотя его защищаетъ, напр., и Казанскій проф. Я. А. Богородскій въ «Отзывахъепархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ», т. I, Спб. 1906, стр. 278—279). Поэтому лучше было бы возвратиться къ институту привать-доцентуры. Привать-доцентъ, готовясь къ профессорской дѣятельности, еще и фактически принимаетъ участіе въ ней. Учреждать привать-доцентуру по каждому штатному предмету, конечно, невозможно по финансовымъ затрудненіямъ, но въ виду сродности нѣкоторыхъ дисциплинъ привать-доцентъ могъ бы быть при цѣлой группѣ наукъ. Вознагражденіе привать-доцентамъ слѣдовало бы устроить, напр., примѣнительно къ уставу 1869 года. Вообще, опытъ привать-доцентуры по послѣднему

---

[1]) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 89*а*.

[2]) Это мнѣніе приложено къ журналу № 17-му V-го отдѣла Предсоборнаго Присутствія за 18-е мая 1906 года.

уставу, мнѣ кажется, былъ болѣе удаченъ, чѣмъ стипендіатство по уставу 1884 года. Введенный вторымъ институтъ «профессорскихъ стипендіатовъ» далеко не оправдалъ всѣхъ возлагавшихся на него надежд[1]. Въ этомъ отношеніи у меня, какъ бывшаго стипендіатомъ, уже давно образовалось вполнѣ обоснованное убѣжденіе [2], и его ничуть не поколебала направленная противъ меня апологія академическаго стипендіатства не извѣдавшимъ его на себѣ лицомъ. Я не буду подражать послѣднему и расцѣнивать своихъ коллегъ по С.-Петербургской Духовной Академіи, выдавая имъ свои аттестаціи—безъ всякихъ правъ и полномочій на это. Думаю, что всѣ они стараются быть на высотѣ своего призванія, но въ интересахъ дѣла долженъ отмѣтить слѣдующіе факты. 1) Изъ числа новыхъ преподавателей, включенныхъ въ нашу среду послѣ 1885 года, цѣлыхъ 10 взяты изъ лицъ, не бывшихъ стипендіатами при С.-Петербургской Академіи, а 7 и вовсе нигдѣ такими не состояли. 2) Затѣмъ, 5 лицъ работали не по тѣмъ предметамъ и готовились не къ тѣмъ каѳедрамъ, которыя они теперь занимаютъ. 3) Только 6 членовъ, дѣйствительно, попали на свои науки, хотя нѣкоторые изъ нихъ не сразу и въ обходъ болѣе молодыхъ кандидатовъ, т. е. не за стипендіатскую подготовленность, а единственно за даровитость, которая была рѣшающимъ факторомъ и въ первыхъ двухъ случаяхъ. Въ результатѣ получается пропорція, весьма неблагопріятная для академическаго стипендіатства, какъ и въ другихъ Академіяхъ доселѣ *ищутъ* замѣстителей внѣ круга своихъ стипендіатовъ, между тѣмъ ихъ въ каждой имѣется свыше 40 человѣкъ. Значитъ, приведенный моимъ оппонентомъ примѣръ говоритъ только противъ него самого, а вмѣстѣ и противъ всего стипендіатскаго института со стороны его правоспособности къ восполненію академическихъ коллегій достойными кандидатами. И, мнѣ кажется, предложенное увеличеніе стипендіатскаго срока на одинъ годъ мало поможетъ дѣлу. Если я выбранъ на опредѣленный предметъ, то къ нему именно и подготовляюсь; между тѣмъ каѳедра этого предмета можетъ и не освободиться. Вѣдь «профессорскій стипендіатъ» (по § 54 Уст. 1884 года) оставляется «для приготовленія къ занятію преподавательскихъ вакансій въ Академіи» и потому даже не въ правѣ погружаться въ писаніе своего сочиненія [3]. Попавши, затѣмъ, въ глухую провинцію, онъ получаетъ еще менѣе удобствъ заниматься научнымъ трудомъ по отсутствію научныхъ пособій и, если не желаетъ обрекать себя на тяжкую внутреннюю муку, *долженъ* забыть всякую науку, какъ это знаю по собственному горькому опыту... И, въ общемъ, молодой энергіи хватаетъ очень не

[1]) См. «Объяснительную записку» къ проекту академическаго устава 1884 г., стр. 40—41.

[2]) См. *у меня* въ «Странникѣ» 1897 г., № 8, стр. 533, и ср. замѣчанія проф. *А. И. Пономарева* въ приложеніи къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 2 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 45—46.

[3]) Послѣднее совсѣмъ не разрѣшалось оффиціально въ Московской Академіи монхъ временъ (т.-е. въ 80-хъ годахъ) и даже нынѣ не дозволяется гласно въ нѣкоторыхъ другихъ (напр., въ Казанской), гдѣ для каждаго стипендіата назначается спеціальный предметъ занятій по особой программѣ, утвержденной совѣтомъ.

надолго, или же дѣло кончается плачевно... Такимъ образомъ, эти люди не могутъ служить къ пополненію кадра спеціалистовъ для профессорскихъ каѳедръ... Лучше бы, по-моему, привать-доцентура. Для нея будетъ достаточно кандидатовъ. Если при дѣйствіи устава 1869 года, когда старые профессора съ трудомъ выходили въ отставку, находились желающіе быть привать-доцентами, то тѣмъ болѣе вѣроятно это теперь, съ улучшеніемъ пенсіонныхъ профессорскихъ окладовъ.

Привать-доцентство будетъ въ связи съ избраннымъ спеціальнымъ предметомъ и дастъ возможность написать сочиненіе. Впрочемъ, я убѣжденъ, что одно сочиненіе на ученую степень не будетъ фактическимъ удостовѣреніемъ способности быть хорошимъ академическимъ преподавателемъ. Для профессора нужны не только ученые труды и спеціальныя знанія, но также и педагогическій извѣстный опытъ. А это можетъ быть пріобрѣтено лишь въ томъ случаѣ, если будетъ привать-доцентура. Всѣ возраженія противъ нея совершенно неубѣдительны со стороны приведшихся иллюстрацій. Привать-доценты назначались въ помощь штатнымъ профессорамъ и для занятія соотвѣтствующихъ каѳедръ, въ случаѣ ихъ освобожденія. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ они оправдали себя въ достаточной степени. Ихъ научно-профессорская репутація, — говоря вообще, — никогда не подвергалась сомнѣніямъ и засвидѣтельствована какъ педагогическими успѣхами, такъ и учеными трудами. О полезномъ привать-доцентскомъ вспомоществованіи вспоминаютъ съ одинаковою благодарностію и профессора, и академическіе воспитанники. Нельзя забывать, что тогда вакантныя каѳедры сразу замѣнялись готовыми и опытными преподавателями, а не пустовали болѣе или менѣе продолжительное время, между тѣмъ нынѣ это бываетъ не рѣдко. Тѣхъ же результатовъ естественно ожидать и теперь. Нужно помнить еще, что, получая профессуру, привать-доценты будутъ имѣть столь важную для профессорскаго тѣла педагогическую практику, какой у нашихъ стипендіатовъ нѣтъ и быть не можетъ. И если привать-доценты не всегда будутъ попадать на предметъ своихъ спеціальныхъ занятій, то во всякомъ случаѣ это будетъ болѣе сродная наука, чѣмъ при господствующихъ порядкахъ, когда церковный историкъ избирается на догматику или Свящ. Писаніе, каноникъ принимается преподавать расколъ, котораго онъ совсѣмъ не слушалъ, и т. п. Наконецъ, каждый профессоръ-богословъ нуждается въ адъюнктѣ для полноты и законченности своего курса дополнительными чтеніями, но этой отвѣтственной миссіи не могли нести наши стипендіаты, и къ ней вполнѣ правоспособны только привать-доценты, какъ показалъ опытъ. Что до частныхъ указаній относительно ученыхъ степеней, то громадное большинство привать-доцентовъ предетавили диссертаціи или же, не подавъ ихъ по уважительнымъ причинамъ, ознаменовали себя многими равноцѣнными научными трудами, при чемъ необходимо указать, что по уставу 1869 г. полученіе магистерства много затруднилось обязательнымъ требованіемъ, чтобы диссертаціонныя сочиненія изготовлялись непремѣнно по избранной спеціальности, а нынѣ каждый академическій преподаватель пишетъ по любому предмету, иногда ничего не связанному съ его каѳедрой.

Вообще, привать-доцентура «опорочивается» совѣмъ напрасно, и въ интересахъ научно-педагогическаго профессорскаго дѣла этотъ институтъ несравненно полезнѣе для Духовныхъ Академій, чѣмъ *«профессорскіе* стипендіаты», столь мало оправдавшіе свой почетный эпитетъ.

Объ академическихъ степеняхъ прежде всего нужно имѣть въ виду слѣдующее. Духовныя Академіи призваны спеціально обучать молодыхъ людей именно въ «богословіи», почему успѣшно закончившіе полный курсъ питомцы ихъ могутъ быть и называться только «кандидатами богословія». Говорить о нихъ, какъ о «кандидатахъ Духовныхъ Академій», значило бы неосторожно забывать или тенденціозно затушевать самую существенную цѣль послѣднихъ, а допустить этого невозможно, не затрогивая самой природы духовно-академическаго образованія. Вѣдь и въ Университетахъ, напр., кандидаты именуются по свойству всѣхъ дисциплинъ своего факультета (кандидатъ правъ, физико-математическихъ наукъ и т. п.). Тѣмъ болѣе обязательно это для академическаго цикла, строго объединеннаго богословіемъ, которое представляетъ цѣлостное, недѣлимое знаніе.

Вопросъ о точномъ наименованіи академическихъ магистровъ тѣсно связанъ въ вопросомъ о количествѣ академическихъ ученыхъ степеней вообще. Нѣкоторые упорно рекомендуютъ сократить ихъ до двухъ, оставивъ только кандидатовъ и докторовъ [1]). Объективный генезисъ этой необычайной мысли, не встрѣчающейся ни въ одномъ изъ академическихъ проектовъ, мнѣ совершенно непонятенъ, и съ нею я никакъ не могу согласиться. Ссылка на проектируемые университетскіе порядки — безусловно неубѣдительна. Вообще comparatio non est ratio и въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе спорно, что мы пользуемся примѣрами университетскаго строя довольно эгоистически — только тогда, когда это выгодно именно намъ, т. д. больше лицамъ, чѣмъ дѣлу [2]). Затѣмъ, предположенное (въ 1906 г.) для Университетовъ сокращеніе ученыхъ степеней было достигнуто не объективною аргументаціей, а небезпристрастнымъ плебисцитомъ заинтересованныхъ участниковъ, гдѣ всегда преобладаютъ индивидуальные мотивы [3]). Естественно,

---

[1]) См. въ приложеніи къ «Журналамъ С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 3 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 84—85. 87. 88. 139—141, и въ «Церковномъ Вѣстникѣ» №№ 9 и 12 за 2-е и 23-е марта 1906 г., стлб. 270—274. 364—368. См. еще «Сводъ проектовъ Устава Православной Духовной Академіи», стр. 35.

[2]) Такъ, приходилось доказывать, что было бы противоестественно не включать въ заслуженное академическое профессорство вполнѣ равноправной службы въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ,—тоже профессорской. И крайне странно, что въ штатахъ и всякихъ преимуществахъ мы усиленно желаетъ сравняться съ университетскими коллегами, а здѣсь игнорируемъ даже университетское преподавательство, какъ недостойное зачета въ срокъ академической профессуры... Нужно быть, по крайней мѣрѣ, послѣдовательными.

[3]) Весь процессъ этого дѣла за послѣднее время весьма поучителенъ. По вопросу о количествѣ ученыхъ университетскихъ степеней были разныя мнѣнія (см. «Труды Высочайше учрежденной коммиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній», вып. III, стр. 58 сл.), но голоса въ пользу сохраненія прежняго количества *для всѣхъ факультетовъ* восторжествовали (ibid. III, стр. 111—113. 128 сл. 153—155. IV, стр. 143—157),—и это рѣшеніе принято 21 членомъ противъ 11 (ibid. II, стр. 93—94), о чемъ и внесена соотвѣтствующая (130-я) «статья» въ «Проектъ общаго устава Императорскихъ Россій-

что противъ такихъ персональныхъ вожделѣній доселѣ высказываются самыя серьезныя возраженія, съ которыми невозможно бороться на чисто научной почвѣ [1]). Извѣстно еще, что цѣлая министерская коммиссія (такъ называемая Зенгеровская) отвергала подобныя явленія даже для медицинской области [2]), гдѣ докторство имѣетъ особый смыслъ—служебной прерогативы [3]). Въ Духовныхъ же Академіяхъ,—по существу дѣла и по фактическому положенію,—кандидатское сочиненіе бываетъ только завершеніемъ студенческихъ ученическихъ занятій и само по себѣ не можетъ быть и признаваться ученымъ трудомъ въ собственномъ смыслѣ. Въ такомъ случаѣ между кандидатствомъ и докторствомъ, какъ вершиною собственно ученой карьеры, образуется цѣлая пропасть, которую необходимо сузить посредствующимъ звеномъ, чтобы послѣдовательная связь не прерывалась. Этому и должно служить магистерство, знаменующее начальную стадію спеціально ученаго служенія чистымъ научнымъ интересамъ. Всѣмъ этимъ принципіально устраняются основныя возраженія противниковъ тройственности существующихъ академическихъ степеней; а о частностяхъ говорить не приходится уже потому, что онѣ не имѣютъ серьезной важности и всего менѣе оправдываются потребностями русской богословской науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что магистерство является лишь началомъ ученаго богословскаго поприща, но въ этотъ періодъ, когда всякая спеціальная работа бываетъ только отраженіемъ полной законченности общаго богословскаго образованія и именно въ немъ почерпаетъ широкую научную цѣнность, нельзя допускать раздробленія по маленькимъ группамъ богословскихъ предметовъ, ибо это явно противорѣчило бы нераздѣльной цѣлостности богословскаго знанія. Такое обособленіе (въ принятой по уставу 1884 года классификаціи) дозволительно единственно для докторства по формѣ, образованной при Министрѣ Народнаго Просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ Министра Графа И. И. Толстого, 11 января 1906 г., Спб. 1906, стр. 16—17), однако и здѣсь были серьезныя разногласія (ср. стр. 238—243), а преф. В. В. Стоковъ подалъ мотивированное и весьма основательное мнѣніе за status quo ante (стр. 227—237 и ср. 335). Но всему видно, что «при заключеніи исторію просто воспользовались моментомъ», когда у васъ вездѣ играли роль больше цифры, чѣмъ сужденія,—не столько solidiora sententiae, сколько всякія capita...

[1]) Ср. у проф. *М. Д. Муретова*, Проэктъ устава православныхъ Духовныхъ Академій (Св.-Тр. Сергіева Лавра 1906), стр. 42—43.

[2]) Ср. «Труды Высочайше учрежденной коммиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній», вып. III, стр. 181. 140—141.

[3]) См. обо всемъ этомъ у г. *А. А.*, Къ университетской реформѣ въ «Новомъ Времени» № 11. 103 за 3-е февраля 1907 г. и въ «Объяснительной запискѣ къ проекту общаго устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ» (Спб. 1905), стр. 128 сл.

необходимо въ профессорствѣ,—и я готовъ былъ бы допустить, что академическій преподаватель, долженствующій стоять на высотѣ научнаго авторитета, но не пріобрѣтшій высшей ученой степени, обязанъ оставить службу послѣ 25 лѣтъ. Учено-литературная разработка составляетъ непремѣнную и натуральную функцію профессорскаго призванія, и его носители по существу не имѣютъ нравственнаго права отказываться и въ томъ случаѣ, если бы отъ нихъ потребовались не 3, а 5 или 7 диссертацій черезъ извѣстные сроки. Это внутренно исповѣдуютъ и лица совсѣмъ иныхъ убѣжденій, разъ они, добиваясь extra ordinem высшихъ служебно-финансовыхъ преимуществъ, выдвигаютъ предъ своими властными покровителями всѣ свои статейки и замѣтки, не исключая каталоговъ маленькихъ библіотекъ, чтобы взять хоть числомъ и нѣсколько прикрыть свои тенденціозные поклепы [1]) на ученыхъ работниковъ... Научное преуспѣяніе не можетъ не обнаруживаться соотвѣтственными внѣшними результатами на общую пользу,—и безъ нихъ подвергается вполнѣ понятному сомнѣнію плодотворность, иногда даже наличность истинной научной жизни, имѣющей объективную цѣнность. И развѣ мы не знаемъ, сколько славныхъ (по преданіямъ) академическихъ именъ осталось теперь простыми звуками для науки или сохранилось въ ней по юридическому, либо фактическому принужденію?... Хороша свобода, но опасно освобожденіе отъ естественныхъ обязательствъ, неразрывно связанныхъ съ самымъ ея конкретнымъ положеніемъ...

Вообще, академическое положеніе профессоровъ опредѣляется ихъ ученымъ цензомъ, а этотъ послѣдній устанавливается соотвѣтствующими учеными степенями, которыя нормируютъ служебное движеніе. И если признано, что магистерская степень даетъ экстраординатуру, открывающую доступъ къ «совѣтскому» управленію, то,—мнѣ кажется, — каждый изъ академическихъ преподавателей непосредственно по пріобрѣтеніи степени магистра долженъ eo ipso получать званіе экстраординарнаго профессора и всѣ права члена совѣта. Безъ этого оказывается прямое противорѣчіе съ существомъ академическо-профессорской службы, что успѣхи въ ней фактически условливаются нынѣ уже не ученными достоинствами лицъ, но случайностями освобожденія платныхъ экстраординарныхъ вакансій, т. е. чисто финансовыми соображеніями, чего не должно быть съ принципіальной точки зрѣнія. Само собою понятно, что всякій новый экстраординарный профессоръ вознаграждается соотвѣтствующимъ окладомъ лишь въ предѣлахъ узаконенныхъ штатовъ по мѣрѣ открытія платной экстраординатуры въ порядкѣ старшинства со времени полученія магистерской степени, а до тѣхъ поръ долженъ довольствоваться доцентскимъ жалованьемъ.

Если это предложеніе мое не будетъ принято,—я высказываюсь въ томъ смыслѣ, чтобы всякій доцентъ de jure и de facto становился полноправнымъ членомъ академическаго совѣта чрезъ пять лѣтъ по полученіи магистерской степени, когда онъ пріобрѣтетъ достаточную и

---

[1]) См. приложеніе къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ, стр. 84—85.

всесторонніою академическую опытность, безъ которой активное участіе въ академическомъ управленіи едва ли можетъ быть полезнымъ для него самого и для академическаго дѣла.

Въ виду сдѣланныхъ уже и возможныхъ возраженій вынуждаюсь прибавить, что всегда и вездѣ высота правъ условливается предварительнымъ искусомъ удостовѣренной практики въ исполненіи обязанностей, а фактическій абсентизмъ представительства въ академическомъ совѣтѣ «отъ цѣлой группы наукъ» [1]) есть явленіе ненормальное, какого не должно быть по закону и не было бы въ дѣйствительности, еслибы молодые академическіе преподаватели своевременно и послѣдовательно получали положенныя для нихъ ученыя степени.

Что касается утвержденія въ богословскихъ академическихъ степеняхъ, то, откровенно говоря, я не нашелъ вполнѣ счастливаго исхода изъ разсматриваемаго затрудненія. Съ одной стороны, права высшей церковной власти въ этомъ отношеніи стоятъ для меня незыблемо (см. выше стр. 3—4), и едва ли они могутъ быть оспариваемы принципіально, а при послѣднихъ «автономныхъ» вольностяхъ по этой части выдвигаются съ особенною остротой по нашей собственной винѣ... Признавая принципъ свободы для плодотворности научно-богословскихъ изслѣдованій, все-же думаю, что въ истинномъ православіи заключается для нея достаточно простора,—и примѣръ такъ называемыхъ «ареопагитикъ» [2]) не убѣдилъ меня въ противномъ, яко бы мы должны бояться законнаго и разумнаго контроля церковнаго. Если у насъ читается въ церквахъ извѣстное «пасхальное слово» Іоанна Златоуста, то неужели этимъ воспрещается объективное отрицаніе его подлинности, когда тамъ высокія мысли просто прикрываются и освящаются авторитетомъ великаго вселенскаго учителя?.. И если Діонисій Ареопагитъ считается просвѣтителемъ и патрономъ Парижа, гдѣ есть цѣлый кварталъ St.-Denis, то развѣ французская (даже католическая) наука связана рабскимъ молчаніемъ по вопросу объ «ареопагитическихъ» сочиненіяхъ?... Вообще, abusus никогда нельзя выдвигать для устраненія usus'a, который, конечно, долженъ имѣть свои границы, опредѣляемыя существомъ дѣла. Однако синодское утвержденіе въ академическихъ степеняхъ представляетъ и немалыя неудобства. Не говорю уже о томъ, что такимъ путемъ слишкомъ рѣшительно выражалось бы убѣжденное недовѣріе въ компетентности академическихъ коллегій въ ихъ собственной сферѣ и заранѣе подрывался бы учено-академическій авторитетъ. Помимо сего, самъ Св. Синодъ необходимо встрѣчалъ множество преградъ, усвоя себѣ послѣдній судъ въ ученой области, и потому иногда долженъ былъ прибѣгать къ героическимъ средствамъ... Здѣсь ему часто приходилось переносить дѣло съ научной почвы на догматическую, но чрезъ это частное сочиненіе получало обще-церковную важность, какой не можетъ имѣть личная работа собственнаго уразумѣнія и посильнаго разъясненія христіанскихъ истинъ. Синодъ придавалъ особенную санкцію ограниченному труду

[1]) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 97*б*, 98*а*.
[2]) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 67*а*.

и сообщалъ ему неподобающую санкцію. Отсюда возникло изрядное количество разныхъ конфликтовъ, сильно осложнявшихъ наше церковное правленіе. Вспомнимъ, напр., случаи съ нѣкоторыми сочиненіями по расколу, вызвавшими жгучія обостренія вопреки авторскимъ намѣреніямъ... По этой причинѣ Синодъ—во избѣжаніе подобныхъ смущающихъ злоупотребленій—вынуждался налагать свое veto даже тогда, когда едва ли въ этомъ была надобность для него самого... А тою порой богословское научное развитіе въ Россіи тормозилось къ явному ущербу для всѣхъ [1])... Мнѣ думается, мы достигнемъ болѣе удовлетворительнаго результата, если будемъ трактовать богословскія диссертаціи просто въ качествѣ частныхъ научныхъ попытокъ и отнимемъ у нихъ несвойственное достоинство догматической учительности. Присужденіе степени доктора богословія еще не означаетъ признанія за даннымъ лицомъ права церковнаго учительства, котораго ни одинъ академическій профессоръ—самъ по себѣ—не имѣетъ... И если дѣйствительно появляются сочиненія, сомнительныя съ догматической стороны [2]), то на этотъ счетъ могутъ быть у церковнаго начальства свои особыя мѣры. Такъ, въ VII-мъ отдѣлѣ Предсоборнаго Присутствія, гдѣ я также принималъ участіе, выработаны разныя «правила церковнаго наблюденія» [3]), часть которыхъ (съ цѣлесообразно приспособленными измѣненіями) уже утверждена Св. Синодомъ [4]). Здѣсь указывается достаточно средствъ и возможностей къ тому, чтобы церковная власть—въ необходимыхъ случаяхъ—авторитетно объявляла вѣрующимъ свой догматическій судъ и относительно ученыхъ богословскихъ трудовъ [5]). Желаю и надѣюсь, что это будетъ совершаться не только въ отрицательномъ, но и въ положительномъ смыслѣ... Дай Богъ, чтобы для общаго блага рекомендація и одобреніе всегда шли впереди предупрежденій и запрещеній!

Въ православіи всего легче заподозрить. Вѣдь нѣкоторые—даже іерархи [6])—и теперь считаютъ катихизисъ митрополита Филарета слишкомъ католическимъ... Ученое сочиненіе должно попреимуществу оцѣниваться лишь съ ученой стороны, а догматическая мѣрка примѣнима только въ

---

[1]) См. *у меня* выше стр. 4 и въ «Странникѣ» 1897 г., № 8, стр. 531—533.

[2]) При этомъ (преосвященнымъ предсѣдателемъ V-го отдѣла) указывалось на магистерскую диссертацію Московскаго профессора *С. П. Смирнова* о духовникѣ («Духовный отецъ въ древней восточной Церкви», ч. I, Св.—Тр. Сергіева Лавра 1906), яко бы затрогивающую *тайство* исповѣди. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности штудировать этотъ трудъ въ цѣльномъ видѣ, а просматривалъ его лишь по отрывочнымъ статьямъ въ «Богословскомъ Вѣстникѣ», но тѣмъ не менѣе рѣшаюсь твердо поставить вопросъ: справедливо ли *такое* подозрѣніе? Не идетъ ли у автора рѣчь собственно о *формѣ* позднѣйшаго и современнаго церковнаго института?

[3]) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. II, стр. 390—399.

[4]) См. «Церковныя Вѣдомости» № 48 за 2-е декабря 1906 г., стр. 505—507.

[5]) Какъ участвовавшій и въ спеціальной С.-Петербургской епархіальной коммиссіи (подъ предсѣдательствомъ епископа Нарвскаго Антонина) и въ VII-мъ отдѣлѣ Предсоборнаго Присутствія (подъ предсѣдательствомъ архіепископа Финляндскаго Сергія),—я имѣю право утверждать, что разумѣемыя «правила» не содержатъ и не преслѣдуютъ ничего инквизиціоннаго—вопреки тендеціознымъ подозрѣніямъ о. проф. *П. Я. Свѣтлова* въ С.-Петербургскомъ журналѣ «Звонарь» 1907 г., № 1, стр. 19—41: «Зачѣмъ же инквизиція?»...

[6]) См., напр., «Колоколъ» № 341 за 17-е марта 1907 года въ сообщеніи о «Лекціяхъ *архіепископа* (Волынскаго) *Антонія*» (Храповицкаго).

исключительныхъ случаяхъ, когда возможны экстраординарныя мѣры законнаго свойства. Напр., если упомянутыя мною «правила церковнаго наблюденія за произведеніями печати» будутъ дѣйствительно приняты на практикѣ, то по нимъ даже епархіальный архіерей получаетъ законную возможность «наблюдать» за благонадежностію въ православно-церковномъ отношеніи всякаго,—въ томъ числѣ и ученаго,—сочиненія. Тѣмъ больше не отнимаютъ этого у высшей церковной власти, а усвоять ей такую компетенцію спеціально—особымъ §-фомъ—совсѣмъ нелегально. Какъ Академія можетъ дать право, которое само собою принадлежитъ Св. Синоду?... Съ другой стороны, послѣдній едва ли станетъ отнимать то, чего не давалъ (хотя по отношенію къ кандидатству нѣкоего Толстого былъ и такой казусъ въ Московской Академіи въ половинѣ 90-хъ годовъ), но въ крайности онъ можетъ и въ правѣ поручить пересмотрѣть сочиненіе, оставивъ тогда послѣднее рѣшеніе за собою, а иначе долженъ бы осудить цѣлый академическій совѣтъ и на него распространить свои преценія. Удобно ли это? Указываютъ на нѣкоторые рѣдкіе эксцессы въ родѣ зазорной напихиды въ одной изъ Академій [1]). Но этотъ случай и подобные имъ говорятъ вовсе не противъ «ученыхъ», которые къ нимъ не причастны, а противъ другихъ лицъ; да только объ этомъ распространяться здѣсь неудобно, хотя открылись бы тогда совсѣмъ новые горизонты касательно нашихъ академическихъ нестроеній... Нельзя винить исключительно студентовъ и преподавателей, забывая о «стражахъ дома Израилева»... Вообще, для дѣла и для Св. Синода лучше, если—при сомнѣніяхъ объ извѣстной диссертаціи—онъ просто поручитъ пересмотрѣть вопросъ другому академическому совѣту, сохранивъ окончательное сужденіе за собою. Это будетъ согласно и съ дозволенною практикой соисканія ученыхъ степеней въ другихъ Академіяхъ. Напомню хотя бы послѣдніе примѣры: † проф. М. А. Олесницкаго, К. А. Чемены, архимандрита (нынѣ епископа) Иннокентія (Пустынскаго); всѣ они—кіевляне, но первый получилъ докторство въ С.-Петербургѣ, второй пріобрѣлъ магистерство въ Московской Академіи, третій достигъ магистерской степени въ Казани. Подобныхъ случаевъ не мало. Самъ я, будучи Петербургскимъ профессоромъ, удостоенъ докторства по рѣшенію дорогой и родной мнѣ Московской Almae Matris.

Не сочувствую я и *раздачѣ ученыхъ степеней honoris causa*, а по отношенію къ самимъ членамъ академическихъ корпорацій безусловно не признаю этого соблазнительнаго и коварнаго порядка. Стою здѣсь на отрицательной точкѣ зрѣнія, выраженной еще приснопамятнымъ митрополитомъ Исидоромъ (Никольскимъ): когда совѣтъ С.-Петербургской Академіи хотѣлъ присудить ему степень доктора honoris causa за редактированіе русскаго перевода Библіи,—святитель рѣшительно отъ этой чести отказался, какъ и въ другомъ аналогическомъ случаѣ (одного С.-Петербургскаго протоіерея) онъ авторитетно указалъ на законный и для всѣхъ доступный путь соисканія ученыхъ академическихъ степеней. Это мудро и справедливо. У насъ по этому предмету чаще практиковалась

[1]) Ср. у *И. Болховецкаго* въ «Миссіонерскомъ Обозрѣніи» 1907 г., № 5, стр. 811.

своего рода любезность, а играть любезностями въ ученомъ дѣлѣ неудобно. Отрицать подобные факты въ академическомъ прошломъ было бы несогласно съ исторіей, однако я не буду приводить конкретныхъ примѣровъ—по причинамъ, для всѣхъ понятнымъ... Бывали, конечно, и вполнѣ достойные honorati, но тѣмъ прискорбнѣе, что употреблялись обходные пути, хотя легко было примѣнить законныя средства. Естественно, что отсюда возникли потомъ злоупотребленія, потребовавшія вмѣшательства высшей церковной власти. Опытъ неотразимо показалъ, что академическая степень доктора honoris causa присуждалась не столько за ученые труды, сколько по вниманію къ особому положенію извѣстной персоны [1]). Вѣдь эти примѣры всѣмъ намъ хорошо извѣстны! Зачѣмъ закрывать глаза на дѣйствительность и не предусматривать самыхъ ясныхъ вещей?... Но—говорятъ—обычная процедура соисканія не всегда удобна,—особенно для лицъ іерархическихъ... Позволяю себѣ спросить: присужденіе ученой академической степени доставляетъ честь или нѣтъ? Если честь, то почему же унизительно искать этой чести законнымъ порядкомъ?... Я этого совсѣмъ не понимаю... Придется вѣдь предполагать, что эти «ученые» аспиранты просто боятся за свою компетентность и намѣренно избѣгаютъ открытаго суда тѣхъ, у кого ищутъ научныхъ отличій... При томъ же и прежде допускалось иногда освобожденіе отъ нѣкоторыхъ формальностей ученой «промоціи» [2]) —болѣе для того, чтобы выдвинуть людей вліятельныхъ и властныхъ и заручиться ихъ покровительствомъ. Вотъ это для Академіи было по-истинѣ унизительно [3])!

Наоборотъ, слѣдовало бы расширить «почетныя» отношенія Академій введеніемъ института и званія *членовъ-корреспондентовъ*.

По академическому уставу 1814 г., академическія конференціи могли имѣть у себя не только членовъ дѣйствительныхъ и почетныхъ,

---

[1]) Наоборотъ, даже по послѣднимъ «либеральнымъ» проектамъ Университеты допускаютъ эти гоноратныя отличія только «за особые труды въ наукѣ» (см. «Труды совѣщанія профессоровъ по университетской реформѣ, образованнаго при Министрѣ Народнаго Просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ Министра Графа И. И. Толстого, въ январѣ 1906 г., Спб. 1906, стр. 93) лицамъ, «пріобрѣвшимъ широкую извѣстность въ наукѣ своими учеными трудами» (стр. 335). Еслибы у насъ фактически было тоже, тогда никто не сталъ бы и спорить, но здѣсь «сказка жизни» совсѣмъ иная...

[2]) По «особому» настоянію † преосвященнаго ректора С.-Петербургской Духовной Академіи Бориса (Плотникова), это было, напр., съ магистерскою диссертаціей епископа (нынѣ Полоцкаго и Витебскаго) *Серафима* (Мещерякова) «Прорицатель Валаамъ» (Спб. 1899). Я и тогда былъ несогласенъ съ этимъ лицепріятнымъ рѣшеніемъ, поскольку оно явно нарушало и требованія академическаго устава и права другихъ магистрантовъ, которые обязывались выжидать подолгу, переживать исключительныя волненія публичной защиты и нести немалые расходы; а ссылка, яко бы оппоненты могутъ (даже намѣренно!) поставить іерарха въ неловкое положеніе, доселѣ кажется мнѣ оскорбительною и для Академій и для профессоровъ... Были у меня еще сомнѣнія и касательно всей полноты достоинствъ разсматриваемой книги,—и они оправдались. Авторъ успѣлъ издать свой трудъ поанглійски (The Soothsayer Balaam, or The Transformation of a Sorcerer into a Prophet, London 1900), но (вопреки «Христ. Чтенію» 1901 г., № 2, стр. 303—307) эту работу поднялъ чуть не на смѣхъ простой англійскій пасторъ (см. у Reverend *Henry Haytatt* въ «The Critical Review» XI, 3 [May, 1901], p. 195—201, и ср. «Христ. Чтеніе» 1901 г., № 12, стр. 1000)... Здѣсь мы имѣемъ конкретное предостереженіе противъ всякаго фаворитизма въ ученыхъ дѣлахъ...

[3]) Всѣ изложенныя замѣчанія были высказаны мною на засѣданіяхъ V-го отдѣла Предсоборнаго Присутствія 23 ноября, 31 мая и 28-го ноября 1906 года.

но еще *членовъ-корреспондентовъ*, — послѣднихъ на тотъ конецъ, чтобы получать чрезъ нихъ полезныя свѣдѣнія о всѣхъ открытіяхъ, относящихся къ духовной учености. Эти корреспонденты избирались изъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія, которыя своими сообщеніями могли содѣйствовать пользамъ духовнаго просвѣщенія и, въ частности, способствовать избравшимъ Академіямъ въ выполненіи научно-педагогическихъ задачъ соотвѣтственными услугами. Весьма желательно возстановить этотъ институтъ и въ настоящее время. Сохранившіяся свидѣтельства отъ Академій С.-Петербургской [1]) и Казанской [2]) съ рѣшительностію удостовѣряютъ, что бывшіе у нихъ члены-корреспонденты оставили по себѣ признательную память активнымъ участіемъ ради академическихъ интересовъ и рисуются весьма жизненными членами академическихъ организмовъ. Посему и самое званіе это было настолько почтенно, что Академіи иногда удерживали своихъ дѣйствительныхъ членовъ, переписляя ихъ въ члены—корреспонденты, какъ было съ архим. Даніиломъ при перемѣщеніи его изъ Казани въ Иркутскъ [3]). Думаю, что для Академій теперь и нужда въ этомъ институтѣ больше и польза отъ него можетъ быть существеннѣе. Научно-педагогическія задачи Академій постоянно разрастаются и захватываютъ столь широкіе интересы, что для наилучшаго ихъ осуществленія необходимы въ самыхъ различныхъ центрахъ міра способные агенты, которые были бы готовы и имѣли бы внутреннія побужденія съ охотою и преданностію послужить академическимъ потребностямъ. Этого нельзя достигнуть иначе, какъ только сдѣлавши академическими членами — корреспондентами подобныхъ людей, для которыхъ тогда академическіе запросы будутъ ихъ собственными нуждами. Иногда для Академій важно «представительство», — и опять же члены-корреспонденты съ честію могли бы выполнять эту миссію, не безразличную для академическаго успѣха и престижа. Съ другой стороны, и количество лицъ, способныхъ къ отправленію этихъ функцій, достаточно многочисленно, почему всегда найдутся достойные кандидаты. При такихъ условіяхъ имѣются всѣ основанія надѣяться, что корреспонденты станутъ не номинально, а дѣятельно — членами Академій и будутъ имъ полезны много и во многомъ. По этимъ причинамъ обязательно возстановить званіе членовъ-корреспондентовъ, которые выбираются ежегодно ко дню годичныхъ актовъ — изъ лицъ, полезныхъ для академическаго просвѣщенія непосредственно. Наряду съ ними могутъ быть избираемы въ корреспонденты и такія лица, которыя не служатъ прямо интересамъ православной науки и потому не даютъ права на включеніе въ ряды почетныхъ членовъ, но косвенно весьма способствуютъ ея успѣхамъ и заслуживаютъ соотвѣтственнаго признанія отъ представительницъ православно-научнаго просвѣщенія. Само собою понятно, что о каждомъ кандидатѣ компетентны судить лишь сами акаде-

---

[1]) См. у † проф. *И. А. Чистовича*, Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи (Спб. 1857), стр. 395—396.

[2]) См. у проф. *П. В. Знаменскаго*, Исторія Казанской Духовной Академіи I (Казань 1891), стр. 277—278.

[3]) См. у проф. *П. В. Знаменскаго* loc. cit.

мическіе совѣты, почему послѣдними и должны утверждаться члены-корреспонденты Академій [1]).

6.

Вопросъ о присужденіи Духовными Академіями ученыхъ степеней по философскимъ наукамъ.

Эта тема заслуживаетъ нарочитаго разсмотрѣнія по особому положенію, созданному спеціальными усиліями, которыя собственно и вызвали настоящій «вотумъ» [2]).

Въ дѣлѣ, столь важномъ принципіально и столь обостренномъ субъективно, какъ вопросъ о присужденіи свѣтскихъ степеней въ Духовныхъ Академіяхъ, каждому необходимо мотивировать свое мнѣніе, а потому и я предлагаю краткія соображенія по этому предмету.

1) Вопросъ объ ученыхъ академическихъ степеняхъ по «философіи» выдвигается въ ущербъ другимъ наиболѣе энергично и неотвязно [3]), однако онъ не можетъ быть рѣшенъ безъ отношенія къ прочимъ свѣтскимъ предметамъ, преподаваемымъ въ православныхъ Духовныхъ Академіяхъ. Равныя привилегіи многими принимались у насъ для словесныхъ наукъ [4]), но то же вѣрно, напр., и для гражданской исторіи. Правда, послѣдняя пока поставлена и представлена неудовлетворительно,—и тѣмъ не менѣе нельзя забывать, что она имѣетъ опору въ цѣлой группѣ родственныхъ ей церковно-историческихъ дисциплинъ. Значитъ, если давать ученыя академическія степени по «философіи», то обязательно допустить подобное право и для другихъ свѣтскихъ академическихъ предметовъ [5]), а совмѣстимо ли это съ природою и задачами спеціально-богословскихъ ученыхъ и учебно-воспитательныхъ учрежденій? Не получится ли тогда, что Духовныя Академіи будутъ производить не столько богослововъ, сколько «философовъ», «гражданскихъ историковъ», «словесниковъ» и т. п.?

---

[1]) Это мнѣніе, напечатанное въ приложеніи къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 2 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 38—40, заявлено мною въ совѣтской академической коммиссіи и принято какъ С.-Петербургскимъ академическимъ совѣтомъ, такъ и V-мъ отдѣломъ Предсоборнаго Присутствія.

[2]) Этотъ «вотумъ» приложенъ къ журналу V-го отдѣла Предсоборнаго Присутствія № 26 за 23-е ноября 1906 года и напечатанъ въ «Журналахъ и Протоколахъ», т. IV, стр. 189—195.

[3]) См. приложеніе къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., №№ 3 и 4 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 83 — 84. 87, и «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 124—125. 186.

[4]) См. приложеніе къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г. № 3 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 76—77. 78, и «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 187—189.

[5]) См. «Сводъ проектовъ Устава Православныхъ Духовныхъ Академій, составленныхъ коммиссіями профессоровъ С.-Петербургской, Кіевской, Московской и Казанской Духовныхъ Академій» (Спб. 1906), стр. 35, и приложеніе къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 3 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 75—77.

Не будетъ ли этимъ внесенъ роковой разладъ въ самое существо духовно-академическаго служенія и не нарушится ли основной смыслъ обособленнаго его существованія, коль скоро будутъ культивироваться совсѣмъ иные интересы? Отвѣтовъ я не формулирую [1]), ибо вполнѣ очевидно, что при этомъ Духовныя Академіи рѣшительно уклонятся отъ своихъ прямыхъ функцій.

Съ другой стороны, не менѣе ясно, что судьба всѣхъ другихъ свѣтскихъ академическихъ предметовъ по данному вопросу должна съ неизбѣжностію опредѣляться участію «философіи».

2) Обращаясь спеціально къ послѣдней, я прежде всего не могу не констатировать, что точка отправленія для ея притязаній вызываетъ не мало недоумѣній. Такъ, заявляютъ, что занятіе диссертаціею богословскаго значенія отвлекаетъ академическихъ «философовъ» отъ своего дѣла и «прямого долга» [2]), а сами, никѣмъ же гонимые, въ горячія минуты роковыхъ рѣшеній они врываются съ удивительно-смѣлыми приговорами въ спеціальные богословскіе споры, гдѣ для нихъ неясны простыя элементарныя вещи [3])... Затѣмъ, указанною ссылкой не внушается ли подозрѣніе, что академическая «философія» чужда богословію, если даже частичное уклоненіе въ его область оказывается вреднымъ для «философскаго» профессорства? Выводъ отсюда неизбѣженъ, и я радъ, что онъ намѣченъ не мною [4])... Нельзя не задуматься еще и о томъ, почему это представители академическихъ «философскихъ» каѳедръ, столь панически избѣгая «отвлеченія» богословіемъ, допускаютъ для всѣхъ преподавателей самыя удивительныя совмѣстительства, иногда совершенно чуждыя и Академіи, и наукѣ, и даже вообще литературѣ, въ которой онѣ многіе упражняются вовсе не по своей спеціальности и далеко не по научнымъ потребностямъ... Примѣровъ сему вездѣ слишкомъ много, а протестовъ совсѣмъ не слышно именно тамъ, гдѣ они были бы всего резонѣе и законнѣе... Другой академическій «философъ» говоритъ, что онъ затрудняется «выдумывать» предметы для кандидатскихъ студенческихъ сочиненій [5]), но С.-Петербургскій его коллега по той же самой каѳедрѣ хвалится «увеличеніемъ числа студентовъ, желавшихъ (за послѣднія лѣтъ 15—20) получить кандидатскую степень чрезъ сочиненія на философскія темы» [6]), — и мы хорошо знаемъ, что въ *нѣкоторыхъ Академіяхъ «философы» производятъ больше всего кан-*

---

[1]) Но см. у проф. *М. Д. Муретова*, Проэктъ устава православныхъ Духовныхъ Академій (Св.-Тр. Сергіева Лавра 1906), стр. 37.

[2]) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 125*а*.

[3]) Особенно поучительный образчикъ сего по дѣлу о докторствѣ проф. А. А. Бронзова см. въ «Журналахъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1899—1900 г. (Спб. 1902), стр. 198—199.

[4]) Нельзя еще не изумляться, что, говоря такія вещи, человѣкъ забываетъ о своихъ коллегахъ—«философахъ», которые пріобрѣли докторскія степени обычнымъ законнымъ порядкомъ... Вѣдь выходитъ, какъ будто эти профессора пренебрегали своимъ обязательнымъ «дѣломъ», измѣняли «прямому долгу» и т. под. Чтò подумать и сказать объ этомъ?...

[5]) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 125*а*.

[6]) См. въ «Христ. Чтеніи» 1906 г., № 5, стр. 750.

дидатовъ «богословія»... Значитъ, здѣсь вся причина въ субъективныхъ особенностяхъ, хотя бы и совершенно уважительныхъ.

3) Съ принципіальной стороны насъ убѣждаютъ, что «между систематическимъ богословіемъ и философіею существуетъ органическая связь» [1]), что вторая есть самая вѣрная союзница и надежная помощница перваго, и многое другое въ этомъ умилительномъ тонѣ [2]). Однако факты удостовѣряютъ совсѣмъ противное. Мы вѣдь опытно освѣдомлены, что психологи даже вторыми рецензентами отказываются читать диссертаціи по общимъ вопросамъ этики, такъ какъ—де это не относится къ ихъ спеціальности, и, продержавъ безплодно для себя и для дѣла около полугода, сваливаютъ подобные труды на руки библеистамъ... Впрочемъ, отъ воспоминаній безопаснѣе обратиться къ объективнымъ аргументамъ. Беру спеціальную статью наиболѣе усерднаго ратоборца за «философскія» академическія степени [3]), поскольку она является и оффиціальною ходатайственною запиской отъ С.-Петербургской Академіи въ Св. Синодъ [4]), а затѣмъ поступила въ V-ю «предсоборную» секцію. Здѣсь проповѣдуется какая-то «духовная философія» (стр. 766. 774), которая всего ближе стоитъ къ богословію (стр. 768), но первой усвояется «совершенная самостоятельность» (стр. 772), при чемъ произойдетъ «опредѣленное разграниченіе богословскаго отдѣленія и философскаго» (стр. 772—773). Въ результатѣ проектируется въ Академіяхъ «философскій отдѣлъ» при равныхъ съ богословіемъ «признакахъ и прерогативахъ *своего спеціальнаго ученаго самоопредѣленія*» (стр. 752) и при «полной самостоятельности и свободѣ научныхъ изысканій, со всѣми ихъ „правовыми“ послѣдствіями» для «науки разума—философіи» (стр. 760). Такимъ образомъ, въ академическомъ самосознаніи, которое должно быть тожественнымъ въ самомъ себя и объединяющимъ всѣ проявленія, водворяется уже особое «самоопредѣленіе», а это въ корнѣ разрушаетъ натуральную цѣлостность духовно-академическаго обученія. Понятно, что при такихъ условіяхъ «философія» возносится въ Академіяхъ на одинъ уровень съ богословіемъ, какъ независимая величина. Тогда неудивительно слышать далѣе, что «для „высшей“ степени б о г о с л о в с к а г о образованія или просвѣщенія, для выработки въ воспитанникѣ академіи постояннаго, всепроникающаго и такъ сказать безапелляціоннаго (?) б о г о с л о в с к а г о умонастроенія и умоначертанія» необходима именно философія (стр. 757) наравнѣ съ богословіемъ (стр. 757—758), почему они будутъ «совершенно равными» и «одинаково соподчиненными» какой-то «главной» академической «цѣли» (стр. 758). Здѣсь «философія» прямо обособляется и на самомъ богословскомъ отдѣленіи формируется въ «полноправную группу» со строгою

---

[1]) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 138*а*.
[2]) См. ibid. IV, стр. 138. 188*б*.
[3]) И. д. доцента *А. И. Высокоостровскаго*, О правѣ духовныхъ академій присуждать ученыя степени по философскимъ наукамъ въ «Христ. Чтеніи» 1906 г., № 5, стр. 748—777.
[4]) См. приложеніе къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 годъ при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 5 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 141.

«самодовлѣемостію» (стр. 752), требуя введенія въ Духовныя Академіи «нѣкоторыхъ физико-математическихъ наукъ, хотя бы въ видѣ основъ естествознанія и основаній высшей математики, равно какъ и наукъ соціологическихъ» (стр. 752—753). Но два, равно «самоопредѣляющіеся» и «самодовлѣющіе», члена по необходимости бываютъ одинаково обязательными другъ для друга въ общемъ служеніи. По силѣ этого «философія» дѣлается не менѣе нужною и заправляющею для богословія, чѣмъ и наоборотъ. Отношенія неизбѣжно перевертываются,—и теперь сама вѣра оказывается «въ подобной вспомогательной роли» по сравненію съ разумомъ (стр. 767), ибо «голосъ его способенъ руководить вѣрою» (стр. 763). Тутъ послѣдняя незамѣтно разрѣшается въ вѣрующую или самоувѣренную разумность, откуда естественно, что въ «самой вѣрѣ усматриваютъ *разумъ же*» (стр. 767), стараясь обосновать этотъ тезисъ апокрифическимъ текстомъ Писанія: «вѣрою *про*разумѣваемъ» (стр. 767), котораго въ такой формѣ нигдѣ въ Библіи не существуетъ (см. Евр. XI, 3). При этомъ съ необыкновенною страстностію эксплоатируется библейскій эпизодъ объ Агари и Саррѣ (стр. 760—762), бывшимъ яко бы «*одинаково* женами отца вѣрующихъ Авраама» [1]). Съ объективной точки зрѣнія такая симпатія академическихъ «философовъ» совершенно непостижима. Этотъ примѣръ, пущенный въ подобный утилитарный оборотъ іудейскимъ еретикомъ Филономъ, примѣнялся имъ для аргументаціи нѣкотораго пропедевтическаго соучастія философіи въ богословской сферѣ, какъ въ этомъ именно смыслѣ онъ употреблялся и всѣми церковными писателями—согласно прямому значенію подлиннаго библейскаго разсказа, а намъ теперь хотятъ внушить, будто этимъ утверждается философское равноправіе въ самомъ богословіи со всѣми спеціальными его дисциплинами... Тутъ всего менѣе убѣдительности и слишкомъ много субъективной увѣренности по извѣстной аксіомѣ: quod volumus, credimus libenter...

Впрочемъ, мы не входимъ въ разборъ отмѣченныхъ положеній и подчеркиваетъ ихъ только для наглядаго освѣщенія принципіальной истины, что *дарованіе ученыхъ степеней по «философскимъ» академическимъ дисциплинамъ рѣшительно противорѣчитъ самой природѣ Духовныхъ Академій, какъ спеціально богословскихъ православныхъ учрежденій.* И можно ли сомнѣваться въ этомъ, разъ академическая «философія», провозглашаемая «свободною» [2]), изъявляетъ энергическое притязаніе на собственное «самоопредѣленіе», независимую «самодовлѣемость» и успѣшную конкурренгность разума съ вѣрою въ самой богословской области? А вмѣстѣ съ этимъ апеллируется въ пользу одинаковыхъ правъ и для другихъ общеобразовательныхъ академическихъ наукъ [3]), при чемъ рекомендуется для Академій ученыя степени лишь по тремъ богословскимъ группамъ и, по крайней мѣрѣ, по пяти свѣтскимъ [4]). Будетъ ли исполняться тогда основное академическое предназначеніе, гдѣ—даже по сло-

[1]) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 188*б*.
[2]) См. ibid. IV, стр. 188*б*.
[3]) См. въ «Христ. Чтеніи» 1906 г., № 5, стр. 775, и ср. выше стр. 33—34.
[4]) См. «Сводъ проектовъ»..., стр. 35, § 144.

вамъ апологетовъ философскаго сепаратизма—и теперь «свѣтскіе наставники составляютъ $^{5}/_{12}$ общаго числа наставниковъ» [1]), если изъ нашихъ Духовныхъ Академій станетъ выходить больше «ученыхъ» «философовъ», «гражданскихъ историковъ», «словесниковъ», «филологовъ», чѣмъ богослововъ-спеціалистовъ? Я думаю, отвѣтъ безспоренъ и именно въ томъ смыслѣ, что присужденіе свѣтскихъ ученыхъ степеней Академіями безусловно не мирится съ исключительною цѣлію ихъ прямого богословскаго служенія.

4) Съ другой стороны, *это не менѣе несовмѣстимо и со вспомогательнымъ положеніемъ всѣхъ свѣтскихъ дисциплинъ въ учебно-образовательномъ академическомъ строѣ*. Подобная роль ихъ принималась всѣми безъ соотвѣтственныхъ возраженій [2]). Въ такомъ случаѣ соподчиненное, стремясь къ равенству съ главнымъ, превышаетъ свои «правовыя» полномочія и забываетъ о своихъ ближайшихъ функціяхъ, ради которыхъ оно и допускается. Служебныя науки обратятся въ кардинальныя съ тенденціею къ нѣсколько доминирующему господству надъ основными, какъ мы видѣли это съ неотразимостію по опытамъ нарочитой аргументаціи въ защиту правъ академической «философіи» на собственныя ученыя степени, когда, при томъ же, въ богословскихъ Академіяхъ были бы компетентными судьями ученыхъ достоинствъ философской или иной свѣтской диссертаціи не всѣ члены корпораціи, а только тѣсный кружокъ коллегъ по данной спеціальности... Нѣтъ надобности прибавлять, что все это было бы совершенною ненормальностію.

5) Сверхъ сего, *Духовныя Академіи, какъ богословскія заведенія, и не компетентны присуждать свѣтскія ученыя степени*, которыхъ вполнѣ справедливо не будутъ признавать другія заинтересованныя учрежденія. Ссылаются [3]), что, напр., «философія» поставлена и представлена въ Академіяхъ шире и основательнѣе, чѣмъ въ Университетахъ, потому что въ первыхъ имѣются три философскихъ преподавателя, а во вторыхъ всего лишь одинъ (умалчивая о приватъ-доцентахъ). Пусть такъ, но вѣдь правоспособность къ извѣстнымъ ученымъ «одареніямъ» опредѣляется совсѣмъ не количествомъ людей, работающихъ въ родственной области, гдѣ иногда одинъ человѣкъ дѣлаетъ больше и лучше цѣлаго десятка... Иначе, каждый организованный философскій кружокъ съ значительнымъ контингентомъ членовъ могъ бы претендовать на присужденіе ученыхъ степеней по своей отрасли тверже и успѣшнѣе всѣхъ нашихъ Академій, взятыхъ вмѣстѣ... Здѣсь напрасно и ошибочно смѣшивается фактическое положеніе съ юридическою компетентностію. Послѣднія же всегда условливается не самыми лицами и не численностію ихъ (не рѣдко не отвѣ-

---

[1]) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 124*б*.

[2]) Ср. выше стр. 3—3. 49—50. См. подробнѣе у проф. *М. Д. Муретова*, Проэктъ устава православныхъ Духовныхъ Академій. стр. (4—) 6: «Свѣтскія каѳедры въ Духовныхъ Академіяхъ всегда были и будутъ какими-то оторванными отъ Университета жалкими лохмотьями настоящей науки и, какъ таковыя, по меньшей мѣрѣ безполезными и излишними, если только можно ручаться въ безвредности всякаго излишества и всякой безполезности... Поэтому всѣ существующія въ Академіяхъ свѣтскія науки надо преобразить въ болѣе имъ соотвѣтствующія или сродныя богословскія»... Ср. и стр. 32. 35.

[3]) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 186*а*.

чающихъ своему призванію[1]), но исключительно природою всего учрежденія, въ цѣломъ своемъ составѣ правоспособнаго для своего собственнаго предназначенія. А «философія» и прочія свѣтскія академическія науки суть дисциплины гуманитарныя, почему ихъ ученость законно и такспруетъ гуманитарный институтъ въ Universitas omnium litterarum humanarum. Наборотъ, Духовныя Академіи являются богословскими заведеніями и потому правомощны къ ученымъ «промоціямъ» только въ богословіи. Это я считаю довольно аксіоматичнымъ и не нуждающимся въ подробномъ раскрытіи [1]).

6) Указываютъ, наконецъ, на затруднительность свѣтскихъ академическихъ преподавателей въ пріобрѣтеніи ученыхъ богословскихъ степеней, говоря, что «философамъ» весьма трудно быть спеціалистами хоть по нѣкоторымъ богословскимъ дисциплинамъ [2]) и развернуть свое «научное творчество» при отсутствіи отвѣчающихъ ему индивидуальныхъ способностей и расположеній [3]). Такое состояніе крайне прискорбно... больше для академическаго дѣла, чѣмъ для лицъ, которыя начинаютъ трактовать о своей обиженности уже по включеніи въ штатъ профессорской академической коллегіи, между тѣмъ это должно быть имъ извѣстно ранѣе и лишь тогда могло оправдывать предъявленіе своихъ условій, а не послѣ добровольнаго принятія узаконенныхъ нормъ. Къ счастію, приведенный тезисъ не подтверждается фактами, ибо отъ свѣтскихъ академическихъ профессоровъ мы имѣемъ много богословски-цѣнныхъ трудовъ, которыми—иногда резонно—гордится русская богословская наука. Ненормальность по этой части стала водворяться у насъ въ послѣднее время—и она заключалась въ томъ, что разными сепаратными циркулярами принуждали, чтобы всѣ академическія диссертаціи писались непремѣнно на «строго богословскія» темы. На этой почвѣ родилось въ Россіи не мало курьезныхъ сочиненій, гдѣ свѣтское содержаніе искусственно и неуклюже расшивалось нищенскими богословскими заплатами [4]), хотя нужно было только съ обстоятельностію разъяснить богословскій интересъ данной ученой работы. Такая вопіющая и абсолютно вредная аномалія по прискорбному недоразумѣнію культивируется доселѣ. Ее необходимо устранить, замѣнивъ требованіемъ, чтобы академическія диссертаціи имѣли богословскую пригодность, которая должна быть документально раскрыта. При такомъ условіи не будетъ особыхъ препятствій къ ученому движенію свѣтскихъ академическихъ преподавателей. «Философы» академическіе свидѣтельствуютъ обратное, но иное мы видимъ у ихъ западныхъ коллегъ. Отмѣчу немногіе «живые» примѣры. Знаменитый историкъ древней греческой философіи Целлеръ извѣстенъ разнообразными богословскими трудами и еще недавно (въ 1899 г.)—85-лѣтнимъ старикомъ—опубликовалъ трактать объ эссенизмѣ, т. е. по вопросу, доставившему Кл. А.

---

[1]) Ср. еще у проф. *М. Д. Муретова*, Проэктъ устава православныхъ Духовныхъ Академій, стр. 37.

[2]) См. въ «Хрпст. Чтеніи» 1906 г., № 5, стр. 776—777.

[3]) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 189.

[4]) Объ одномъ примѣрѣ этого сорта см. въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906), стр. 344.

Чеменѣ степень магистра богословія отъ Московской Духовной Академіи уже на нашихъ дняхъ. Берлинскій профессоръ «философіи» Паульсенъ издалъ «Этику», важную вообще для богословской морали и серьезно обсуждающую соотвѣтственныя новозавѣтныя ученія, какъ и Копенгагенскій философъ Гёффдингъ. Глава и основатель современной научной экспериментальной психологіи—Вундтъ подарилъ насъ тоже «Этикой», богословская цѣнность которой безспорна. Послѣ этого можно ли согласиться, что наши «философы» стѣснены до безвыходности въ своей ученой «промоціи»? А если такъ бываетъ, то позволительно спросить и задуматься, отъ существа ли дѣла зависитъ все это, или отъ чего-нибудь другого?...

7) Нельзя въ заключеніе умолчать, что свѣтскіе академическіе преподаватели, желающіе замкнуться въ узкія рамки своихъ гуманитарныхъ спеціальностей, имѣютъ возможность соисканія ученыхъ университетскихъ степеней, которыя всѣми почитаются равноправными служебно съ богословско-академическими. Ученость вездѣ одинакова и,—увѣренная въ себѣ,—не должна требовать ограниченій для своего признанія только тѣснымъ кружкомъ «своихъ людей». И не академическимъ бы «философамъ» избѣгать университетскаго суда, разъ они съ такимъ самомнѣніемъ превозносятся предъ университетскими коллегами, которые платятъ имъ за это, кажется, равною монетой... И для полученія докторской степени аспиранты,—не смотря на обратныя утвержденія [1]),—вовсе не обязываются держать особый университетскій экзаменъ [2]), хотя послѣднему иногда съ успѣхомъ подчинялись и академическіе преподаватели. Всякій въ правѣ искать докторства при Университетѣ, и тутъ нѣтъ ни малѣйшаго униженія въ выпрашиваніи милости, коль скоро она юридически обусловлена. Не даромъ же нѣкоторые академическіе профессора, менѣе самодовольные своею исключительностію, благополучно воспользовались ученымъ услугами Университетовъ.

Указанныя соображенія ясно свидѣтельствуютъ, что свѣтскіе академическіе преподаватели—вопреки ихъ жалобамъ [3])—ничуть не обижены въ ученыхъ средствахъ къ поступательному служебному движенію по сравненію со своими богословскими сотоварищами. И если для послѣднихъ отвергнуты V-мъ отдѣломъ Предсоборнаго Присутствія [4]) всѣ (практикуемые и проектируемые) обходные пути къ полученію ординатуръ помимо докторской степени (см. «Сводъ проектовъ»..., стр. 15, прим. 1), то вполнѣ неизбѣжно это и для первыхъ. Поэтому я рѣшительно не могу принять компромисса (въ свое время не апробированнаго С.-Петербургскимъ академическимъ совѣтомъ) о предоставленіи свѣтскимъ академическимъ профессорамъ ординарныхъ должностей за чисто свѣтскія сочиненія, одобренныя лишь въ этомъ смыслѣ. Во-1-хъ, здѣсь была бы немалая льгота передъ богословами, обязанными пройти нелегкую процедуру полученія докторства; во-2-хъ, она не оправдывается дѣйствительными трудностями для свѣтскихъ академическихъ педагоговъ въ пользованіи обыч-

[1]) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 125.
[2]) См. ibid. IV, стр. 124*б*.
[3]) См. ibid. IV, стр. 124—125.
[4]) См. ibid. IV, стр. 182*а*.

ными средствами къ пріобрѣтенію ординатуръ; въ 3-хъ, этимъ способомъ было бы окончательно узаконено рѣшительное отчужденіе свѣтскихъ преподавателей отъ предназначеннаго для нихъ богословскаго служенія, разъ всего можно достигнуть безъ малѣйшаго приспособленія къ богословскимъ интересамъ: въ 4-хъ, вершителями ординарной правоспособности свѣтскихъ преподавателей въ Духовныхъ Академіяхъ оказались бы тогда не непосредственные представители послѣднихъ, а лишь крайне немногія лица изъ ограниченнаго круга спеціалистовъ по той или другой свѣтской группѣ, вообще слишкомъ ревнивыхъ въ охраненіи исключительной компетентности въ своей сферѣ.

Изложенные аргументы не являются новостію и всегда признавались настолько солидными, что всѣ авторитетныя ходатайства о свѣтскихъ академическихъ ученыхъ степеняхъ (напр., части совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи въ концѣ 1901 года) прямо отклонялись компетентною властію—согласно господствующему доселѣ убѣжденію весьма многихъ членовъ духовно-академическихъ коллегій [1]).

Въ свою очередь и я вынуждаюсь научною совѣстію присоединиться къ отрицательному рѣшенію, которое совершенно неизбѣжно, если наши православныя Духовныя Академіи желаютъ оставаться вѣрными своему спеціально богословскому призванію и не измѣнить самой природѣ своего особаго существованія. А послѣдняго да не будетъ во вѣки!

---

[1]) Естественно, что и оправданія обратной мысли не являются новостію для освѣдомленныхъ лицъ, какъ видно по приложенному (см. «Журналы и Протоколы», т. IV, стр. 195—196) вмѣстѣ съ моимъ «votumомъ» «отдѣльному мнѣнію». Поскольку послѣднее предполагаетъ и стремится опровергать меня, я вынужденъ возразить слѣдующее: 1) Тутъ приводятся слишкомъ общія соображенія, примѣнимыя къ другимъ свѣтскимъ наукамъ ничуть не менѣе, чѣмъ къ «философіи», почему они не доказываютъ именно того, quod erat demonstrandum. 2) Болѣе спеціальна ссылка на общее сужденіе академическихъ совѣтовъ, но а) оно фактически не было «единодушнымъ»,—и это ясно по подписямъ одной условной и одной неакадемической изъ 7-ми); вѣдь хотя собирали ихъ даже у лицъ, не бывшихъ при голосованіи въ засѣданіи 23-го ноября 1906 года, но все-таки не нашлось ни одного представителя Университетовъ, на которые такъ любятъ ссылаться въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ (напр., въ пользу двойства ученыхъ академическихъ степеней), а при «отрицательныхъ инстанціяхъ» отрицаютъ и третируютъ ихъ (см. выше стр. 61). б) Рѣшеніе С.-Петербургской академической коммиссіи вовсе не благопріятно притязаніямъ «отдѣльнаго мнѣнія». Тамъ допускалась *лишь уступка* требованіямъ объ академическихъ свѣтскихъ ученыхъ степеняхъ, но только *для всѣхъ группъ свѣтскихъ предметовъ и подъ непремѣннымъ условіемъ* образованія словесно-философскаго «факультета», который былъ бы компетентенъ и отвѣтственъ въ этомъ дѣлѣ (см. приложеніе къ «Журналамъ совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1905—1906 г., стр. 57—69). Вотъ здѣсь-то и характерно, что (по мотивамъ, которые остались неясными и тогда и для V-й секціи Предсоборнаго Присутствія) сами же «философы» нарочито постарались «провалить» этотъ излишне благоволительный проектъ (см. ibid., стр. 80—87 и въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 138—140) и тѣмъ устранили единственно раціональный фундаментъ для своихъ страстныхъ вожделѣній, слишкомъ выдвинувъ свои частные интересы въ ущербъ совершенно равноправнымъ коллегамъ своимъ, не менѣе полезнымъ для Академій и для богословія (ср. «Журналы и Протоколы», т. IV, стр. 124б)... Это ли не аргументъ для философскаго верховенства при обидномъ сепаратизмѣ даже отъ другихъ свѣтскихъ дисциплинъ?... Въ итогѣ, и генезисъ утрируемаго «мнѣніемъ» «единодушія» (о чемъ можно бы сказать и что подобное сообщенному на стр. 52, 64—65) вовсе не говоритъ за исключительныя «философскія» претензіи, если и не уничтожаетъ ихъ прямо. И «философамъ» академическимъ надо бы знать, помнить и строго примѣнять, что истина всегда утверждается своею внутреннею состоятельностію, а не спорными цифрами случайныхъ плебисцитовъ...

Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Сунодѣ и состояніе духовной школы—въ исторической перспективѣ [1]).

Amicus Plato, sed magis amica veritas...
Ὑπὲρ πάντα νικᾷ ἡ ἀλήθεια... Μεγάλη ἡ ἀλήθεια καὶ ὑπερισχύει.
Ἔσδρας Α' (2 Ездр., III Esdr.) III, 12. IV, 41.

Обсуждая Учебный Комитетъ, какъ главнѣйшій заправляющій органъ духовнаго образованія въ православной Россіи, мы вмѣстѣ съ тѣмъ по необходимости и осуждаемъ его, но для этого нужно брать все дѣло въ исторической перспективѣ, въ связи съ разнообразными условіями и послѣдовательными измѣненіями послѣднихъ [2]). Съ этой стороны данный институтъ рисуется намъ далеко не въ одинаковомъ свѣтѣ.

Учебный Комитетъ преемствовалъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ (1808—1839 г.г.) и Духовно-учебному Управленію (1839—1867 г.г.) [3]). О второмъ извѣстно, что оно функціонировало «въ качествѣ главнаго *исполнительнаго* мѣста по постановленіямъ и распоряженіямъ, относящимся къ образованію духовнаго юношества». Это не соотвѣтствовало жизненнымъ потребностямъ духовной школы 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія, и графъ Д. А. Толстой по сему предмету писалъ слѣдующее: «Оче-

[1]) Настоящій трактатъ по первоначальной редакціи (—въкачествѣ «доклада»—) приложенъ къ журналу № 29 V-го отдѣла Предсоборнаго Присутствія и напечатанъ въ «Журналахъ и Протоколахъ» послѣдняго (т. IV, стр. 239—271), гдѣ (на стр. 227*б*, 228*б*, 229, 230*а*, 234, 236*б*) помѣщены еще мои мелкія замѣчанія. По поводу его отъ авторитетныхъ и компетентныхъ лицъ изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ я получилъ много рѣшительныхъ выраженій сочувствія и одобренія, а характеристика реферата дана (по корректурѣ) проф. *А.л. И. Лебедевымъ* въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 153„.165.„. Этого мнѣ пока вполнѣ достаточно для моего принципіальнаго оправданія и для нравственнаго удовлетворенія въ виду исключительныхъ условій происхожденія и опубликованія моей работы...

[2]) Для сего имѣется въ печати только замѣтка *С. И. Миропольскаго* «Двадцатипятилѣтіе Учебнаго Комитета при Св. Сунодѣ (1867—1892 г.)» въ №-рѣ 23 «Прибавленій къ Церковнымъ Вѣдомостямъ» за 6-е іюня 1892 года (стр. 829*б*—831*б*), а у насъ подъ руками была еще статья покойнаго († 4-го іюня 1906 года) помощника правителя дѣлъ Учебнаго Комитета *А. Г. Болдовскаго*, которая появится въ соотвѣтствующемъ томѣ «Православной Богословской Энциклопедіи». Первая написана человѣкомъ знающимъ, но, къ сожалѣнію, проникнута слишкомъ юбилейно-панегирическимъ тономъ, что Комитетъ «старался стоять на высотѣ положенія и быть ревностнымъ исполнителемъ», дѣйствовалъ обстоятельно, безотлагательно и пр...

[3]) О первой, а частію и о второмъ см. у † проф. *П. А. Чистовича*, Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго (XIX-го) столѣтія: Коммиссія Духовныхъ Училищъ, Спб. 1894, и у *В. И. Самуилова* въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 7 за 12-е февраля 1905 г., стр. 280—289. Ср. еще у *Ф. И. Бѣлявскаго*, О реформѣ духовной школы, часть I (Спб. 1907), стр. 36—145. Крайне желательно, чтобы этотъ послѣдній авторъ поспѣшилъ издать и всѣ доступные ему подлинные матеріалы съ необходимыми реально-историческими комментаріями.

видно, Святѣйшему Суноду необходимо имѣть по этимъ дѣламъ *не* исполнительное управленіе, *а* такое учрежденіе, которое *само* могло бы обсуждать учебные вопросы, занимаясь этимъ дѣломъ исключительно и постоянно, и результаты своихъ обсужденій представлять на утвержденіе Святѣйшаго Сунода [—безъ упоминанія хотя бы о малѣйшемъ посредствѣ Оберъ-Прокурора!—] и которое вмѣстѣ съ тѣмъ могло бы производить чрезъ своихъ членовъ ревизіи взамѣнъ назначавшихся доселѣ отъ академическихъ Правленій и совершавшихся за неимѣніемъ свободныхъ для того людей рѣдко и не вполнѣ обстоятельно» [1]). Въ этомъ именно смыслѣ и открытъ былъ «*при* Святѣйшемъ Сунодѣ» «Учебный Комитетъ» на основаніи особаго о немъ «Положенія» [2]), санкціонированнаго Государемъ Императоромъ Александромъ II 14-го мая 1867 года.

Какъ видимъ отсюда, первоначальныя предначертанія были столь же широкія, сколько и высокія. Къ несчастію, при выполненіи ихъ Учебный Комитетъ съ самаго начала очутился въ совершенно ненормальныхъ условіяхъ. Будучи вспомогательнымъ органомъ собственно Св. Синода, онъ по закону лишенъ былъ прямого общенія съ послѣднимъ, ибо всѣ комитетскія «заключенія поступаютъ» туда «на разсмотрѣніе и зависящее распоряженіе (лишь) чрезъ предложенія Оберъ-Прокурора» (§ 14 «Положенія»), чрезъ котораго происходятъ и всѣ сношенія «съ высшими мѣстами и лицами» (§ 11). Сверхъ сего, прокурорская власть оказывалась на одномъ уровнѣ съ синодскою, поскольку была уполномочена давать Комитету обязательныя порученія наравнѣ со второю (§ 11). Въ результатѣ являлось неизвѣстнымъ, кто спеціально вѣдалъ духовнымъ просвѣщеніемъ въ Россіи,—и по самому существу Учебный Комитетъ вынуждался къ механически-приспособительному колебанію между двумя силами, которыя далеко не всегда были согласны и не во всемъ дѣйствовали солидарно. Комитетъ, принципіально лишенный независимой и отвѣтственной инициативы, заранѣе обрекался на печальную роль переметной сумы, а на практикѣ долженъ былъ лавировать между Сциллой и Харибдой, фактически не рѣдко попадая «изъ огня да въ полымя»... Въ этомъ заключается грустная трагедія всей комитетской исторіи. Печальные плоды подобнаго строя бьютъ въ глаза на всемъ протяженіи и во всѣхъ сторонахъ, но эти дефекты столь близки и ощутительны для насъ, что, характеризуя общее, необходимо бываетъ иллюстрировать его индивидуальными примѣрами и по нимъ оцѣнивать самый принципъ. Отсюда естественно, что и мною будутъ затрогиваться слишкомъ реальные случаи, которые человѣческая ассоціація склонна пріурочивать къ извѣстнымъ лицамъ, сваливая на нихъ всѣ бѣды. Посему категорически предупреждаю, что все это рѣшительно чуждо моимъ намѣреніямъ. Я прекрасно понимаю, что не

---

[1]) Но см. ниже стр. 120.

[2]) См. его и въ брошюрѣ «Положеніе объ Учебномъ Комитетѣ и штатъ онаго съ относящимися къ нимъ послѣдующими узаконеніями и разъясненіями» (Спб. 1907), стр. 3—6.

призванъ ни судить, ни казнить людей или сводить личные счеты, какихъ съ Комитетомъ не желаю имѣть... Отъ меня требуютъ лишь соображеній, наблюденій, указаній. Однако всѣ разсматриваемыя событія еще живы для насъ, и замѣчанія о нихъ неизбѣжно получаютъ индивидуалистическій колоритъ конкретныхъ ссылокъ. Тѣмъ не менѣе личности играютъ здѣсь второстепенное значеніе,—и я глубоко убѣжденъ, что многія изъ нихъ были безъ вины виноватыми, невольно страдавшими отъ коренной фальши въ самой системѣ. Но по этой причинѣ послѣдняя всего нагляднѣе обрисовывается по степени своей практической «пригодности» именно реальными актами комитетской корпораціи, о которой нельзя и несправедливо умалчивать, если отъ этого хирѣло и чахло самое духовно-учебное дѣло. Πάντα δεῖ λίθον κινεῖν κατὰ τὴν παροιμίαν, ὥστε τὸ ἀληθὲς ἐξευρεῖν [1]). Въ такомъ освѣщеніи всѣ мои намеки теряютъ индивидуалистическій смыслъ и должны быть комментируемы единственно въ качествѣ фактическихъ свидѣтельствъ о ненормальности самой природы Учебнаго Комитета.

Впрочемъ, на первыхъ порахъ принципіальныя неудобства не обнаруживались рельефно и—напротивъ—проектированныя цѣли находили посильное примѣненіе, но—къ сожалѣнію—не прогрессивное, а регрессивное. Въ почти сорокалѣтнемъ существованіи Учебнаго Комитета нужно различать два періода, раздѣлительною гранью которыхъ служитъ 1884-й годъ. До этого времени была эпоха творческо-созидательной работы, во многомъ симпатичной и плодотворной. Предстояла великая задача радикальной реформы духовной школы. Недостатки стараго строя, осужденнаго исторіей и заклейменнаго отверженіемъ въ самой жизни, были слишкомъ осязательны и не требовали особыхъ подвиговъ для своего устраненія. Посему Учебный Комитетъ справедливо сосредоточилъ преимущественное вниманіе на организаціонной части. Центромъ всего были учебные планы, гдѣ достигнуты несомнѣнные успѣхи по сравненію съ предшествующимъ. Учебныя программы этого времени, безспорно, выше прежнихъ,—и позднѣйшія только ухудшали ихъ съ роковою систематичностію (см. ниже стр. 87 сл.—96 сл.). Всегда наблюдалась возможная заботливость и о томъ, чтобы онѣ проводились и выполнялись съ одушевленною цѣлесообразностію. Здѣсь замѣтна тщательность въ подборѣ надлежащаго преподавательскаго персонала. Академіи того времени не имѣли разрядныхъ списковъ для выпускаемыхъ кандидатовъ и не доставляли механическаго удобства для ихъ распредѣленія по чисто формальному ариѳметическому принципу. Необходимо было обсуждать этотъ вопросъ по существу въ каждомъ конкретномъ случаѣ,—и для сего прекраснымъ пособіемъ являлись «отдѣленскія» академическія классификаціи, которыми безошибочно намѣчался кругъ спеціальной компетенціи и личныхъ научныхъ симпатій всякаго академическаго питомца. Поэтому тогдашніе преподаватели прочно сидѣли на избранныхъ мѣстахъ и—вопреки позднѣйшимъ преемникамъ—не перепархивали поптичьи съ каѳедры на каѳедру, не смотря на свое убогое до нищенства положеніе. Такъ—взаим-

[1]) *B. Theodoreti* Eranistes, dial. II: Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 165C.

нымъ согласіемъ образовательныхъ идей и соотвѣтствующихъ педагоговъ—зараждался новый организмъ духовной школы. Но пока это былъ лишь ростокъ, нуждавшійся въ неослабномъ уходѣ, чтобы не погибнуть задолго до зрѣлости или не принять ложнаго направленія. И Учебный Комитетъ, хорошо понимая эту сторону, попечительно слѣдитъ за своими насажденіями. Это были его собственныя дѣтища, дорогія для высшаго духовно-учебнаго управленія во всѣхъ мелочахъ и реальностяхъ фактическаго уклада. Естественно, что—подъ видомъ ревизоровъ—посылались на мѣста не грозные олимпійцы бюрократическаго величія, а любящія и опытныя няньки, способныя и готовыя помогать добрымъ совѣтомъ и авторитетнымъ указаніемъ, но не холодными прененіями и страшными карами. Самъ я, напр., съ искреннею благодарностію вспоминаю почившаго С. В. Керскаго [1]), который къ заброшенной мелюзгѣ Никольскаго Духовнаго Училища (въ Вологодской губерніи) обнаруживалъ трогательную заботливость, входя во всѣ наши рябяческіе интересы и нужды. Даже суровый по внѣшности позднѣйшій ревизоръ съ ухватками такихъ членовъ новѣйшей формаціи—Степ. Исид. Лебедевъ [2]) не чуждъ былъ сердечныхъ порывовъ, хотя нагонялъ на Вологодскихъ семинаристовъ немало фальшиваго ужаса своими безцеремонными и грубыми покрикиваніями на всѣхъ и на все. При подобныхъ условіяхъ и ревизорскіе отчеты не были мертвыми бумагами. Въ нихъ до извѣстной степени отражалась подлинная духовно-школьная жизнь, которая лучше всякихъ канцелярски-красивыхъ фразъ говорила, что у нея есть хорошаго и полезнаго для обезпеченія дальнѣйшаго процвѣтанія. Эти отчеты были настоящими педагогическими трактатами или «томами» [3]) съ массою яркихъ наблюденій и удостовѣренныхъ соображеній. Въ компетентныхъ источникахъ сообщается, что таковы именно были донесенія С. В. Керскаго, которыя «составляли цѣлую библіотеку педагогическихъ замѣтокъ и матеріаловъ для исторіи духовнаго образованія въ Россіи» [4]). Впрочемъ, это не сопровождалось задержками въ непосредственныхъ педагогическихъ мѣропріятіяхъ, ибо ближайшія указанія и соображенія давались тотчасъ же и въ печатныхъ оттискахъ разсылались по учебнымъ заведеніямъ, гдѣ чрезъ библіотеки были доступны всѣмъ, не исключая воспитанниковъ, а послѣ этотъ порядокъ прекратился [5]).

---

[1]) Скончался въ С.-Петербургѣ 1-го октября 1903 года: см. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом». № 41 за 11-е октября 1903 года, стр. 1583—1585.

[2]) Скончался во время ревизіи въ Пензѣ 16-го апрѣля 1882 года: см. «Церковный Вѣстникъ» № 19 за 8-е мая 1882 года, стр. 9.

[3]) См. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 840*а*.

[4]) Проф. *И. В. Знаменскій*, Исторія Казанской Духовной Академіи, т. III (Казань 1892), стр. 380.

[5]) Весьма знаменательно, что печатаніе ревизорскихъ отчетовъ совершалось и прекратилось исключительно по распоряженію Оберъ-Прокурора: см. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 840*а*. Любопытно по сему предмету и опредѣленіе Св. Синода отъ 14—24 декабря 1883 года (т. е. предъ самымъ введеніемъ нынѣшнихъ духовно-учебныхъ уставовъ) за № 2.593; оно гласитъ: «печатаніе полныхъ ревизорскихъ отчетовъ по ревизіи духовно-учебныхъ заведеній, какъ оказавшееся [почему?] въ настоящее время [—для 1884-го и слѣдующихъ годовъ это безусловно вѣрно!—], по заключенію Учебнаго Комитета [—и, значитъ, для него!—] при Святѣйшемъ Синодѣ, не вполнѣ цѣлесообразнымъ [—т. е.?—], прекратить и взамѣнъ сего, по мѣрѣ надобности, а не въ

Совокупностію всѣхъ отмѣченныхъ факторовъ выяснялось, что Учебный Комитетъ имѣетъ своего спеціальнаго дѣла болѣе, чѣмъ «по горло»,— и онъ особенно сосредоточивался на своей прямой задачѣ, не отклоняясь много въ сторону и не увлекаясь излишне тенденціями къ бюрократическому самовозвеличенію, чѣмъ послѣ чрезмѣрно страдало данное учрежденіе, забывшее, что мишурное превознесеніе, попирающее свои обязанности, и смѣшно, и грѣшно, и гибельно, а скромность интенсивной работы въ соподчиненной области есть истинная слава всякаго участника общаго церковно-государственнаго просвѣтительнаго строенія...

Это не было понято и остановлено своевременно, откуда грустныя послѣдствія явились съ фатальною неизбѣжностію. При неестественномъ и непосильномъ расширеніи своей компетенціи Учебный Комитетъ оказался безъ достаточныхъ средствъ, чтобы продуктивно справляться съ живымъ педагогическимъ дѣломъ. Для поддержанія своего внѣшняго достоинства ему по необходимости пришлось замкнуться въ чисто бумажной сферѣ, такъ какъ онъ не хотѣлъ покинуть широкое поле и возвратиться на «тѣсный путь»—къ своей собственной педагогической роли. Къ тому же обнаружились важные дефекты по воспитательной организаціи духовной школы. Эта часть вообще была въ изрядномъ пренебреженіи у прежняго Учебнаго Комитета и къ концу перваго періода достигла большого разстройства и многихъ аномалій. Нужно было направить творческое вліяніе на эту главнѣйшую область духовно-школьной педагогіи и постепенно устранять недостатки, пользуясь добрымъ наслѣдіемъ прошлаго въ другихъ отношеніяхъ. Но Учебный Комитетъ уже потерялъ здоровое чутье и не желалъ сойти съ гладенькой бюрократической дороги: да и временами къ 80-мъ годамъ радикально измѣнились. Начались новыя вѣянія — канцелярскаго правленія, бюрократической централизаціи и самомнительно-чиновничьяго недовѣрія ко всякимъ мѣстнымъ органамъ. Неудивительно, что воспитательные недочеты духовной школы наружно вполнѣ оправдывали эти тенденціи, а Учебный Комитетъ прямо и рѣшительно стремился навстрѣчу имъ и самъ помогъ своему крушенію.

При такихъ предзнаменованіяхъ открылась съ 1884 года вторая эпоха. Ея дѣятели находились въ довольно невыгодномъ положеніи по сравненію съ піонерами возникшаго Учебнаго Комитета. Тамъ для всѣхъ было безспорно жалкое убожество духовно-школьныхъ институтовъ, и упраздненіе послѣднихъ принималось всѣми сочувственно—съ готовностію поддерживать и осуществлять обновительныя реформы, за которыя энергически высказывался громкій голосъ самой жизни. Теперь все было иначе. Духовная школа была не настолько плоха, чтобы ее уничтожить съ легкимъ сердцемъ, и на акты систематическаго подозрѣнія она отвѣ-

---

опредѣленные сроки [—когда задумается?—], печатать въ формѣ циркуляровъ [—превращая отчетныя замѣчанія въ законополагающія предписанія—] только общія руководственныя указанія и распоряженія духовно-учебной *власти* [sic!], какія потребуются по ревизіямъ членовъ-ревизоровъ, а равно и разъясненія вопросовъ, возбуждаемыхъ практикою духовно-учебныхъ заведеній, дабы таковыя могли быть извѣстны и всѣмъ прочимъ [—кому или чему?—], для соотвѣтственнаго въ подобныхъ случаяхъ *исполненія* и руководства»... См. въ брошюрѣ «Положеніе объ Учебномъ Комитетѣ» (Спб. 1907), стр. 10—11.

чала равнымъ отпоромъ пассивнаго сопротивленія или энергичнаго протеста. Вмѣсто дружнаго взаимодѣйствія постепенно формировался непримиримый антагонизмъ двухъ враждующихъ лагерей, изъ коихъ одинъ обладалъ опытомъ (хотя бы отрицательнымъ), другой имѣлъ власть деспотическую. Доброе соучастіе обоихъ факторовъ прогрессивно вытѣснялось упорною борьбой. И если вездѣ господствуетъ принципъ, что «сила солому ломитъ», то здѣсь онъ получилъ нѣсколько особое примѣненіе. Оторванная отъ дѣйствительности, власть—по самой своей отвлеченности—неспособна замѣнить живое явленіе и вынуждена подавлять его всяческими нагнетаніями сверху. Въ этомъ смыслѣ и Учебный Комитетъ долженъ былъ тянуться къ правящимъ вершинамъ и за свое противоестественное возвеличеніе въ концѣ концовъ наказанъ былъ тѣмъ, что совершенно превратился въ рабски-послушную «Канцелярію Оберъ-Прокурора» [1]). Всякая самостоятельность была потеряна, а выиграли лишь комитетскіе засѣдатели, гдѣ иногда простые «служилые» чиновники быстро двигались по іерархической лѣстницѣ вплоть до тайныхъ совѣтниковъ, украшались высокими знаками орденскаго созвѣздія, осыпались крупными добавочными пособіями, рентами, квартирными и многими великими и богатыми милостями чиновнаго міра, когда даже 50-тилѣтніе профессора, воспитавшіе цѣлый рядъ іерарховъ до митрополитовъ включительно, едва выходили дѣйствительными статскими совѣтниками безъ особыхъ орденскихъ декорацій и со скромною пенсіей на недолгую, истинно маститую старость [2])... За-то подобные комитетскіе чины были безусловно покорными и канцелярски ловкими исполнителями всякихъ мнѣній и предначертаній, хотя комитетскія «дѣла прежде, чѣмъ достигнуть Синода, получали то или иное направленіе въ зависимости отъ усмотрѣнія посредствующей [прокурорской?] власти» [3]) и вообще крайне затягивались [4]). Съ другой стороны, отдаленная власть, воюющая съ живымъ опытомъ, всегда устраняется отъ послѣдняго и предпочитаетъ дѣйствовать съ нимъ чрезъ мертвое орудіе бумаги, которая и накоплялась въ комитетскихъ архивахъ въ ужасающемъ количествѣ. Понятно безъ аргументовъ, что здѣсь предложеніе точно соотвѣтствовало спросу. Съ мѣсть, боявшихся расплаты за откровенное слово, поступали одни формальныя донесенія и крючкотворныя отписки по готовымъ трафареткамъ (см. «Циркуляръ по духовно-

---

[1]) Ср. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. II, стр. 556–557; т. IV, стр. 224*б*. См. и ниже стр. 89,,.

[2]) И вообще комитетскіе и другіе чиновники духовнаго вѣдомства по чинамъ и орденамъ двигаются съ такою стремительною быстротой, какая совершенно недоступна для педагоговъ даже изъ профессоровъ, при чемъ заслуженные учителя изъ категоріи послѣднихъ не могутъ угнаться за своими молодыми учениками, а иногда и принципіально лишены всякой надежды на отличія, легко добываемыя «канцелярскими подвижниками»... Разумѣется, все это не важно и мало интересуетъ педагогическихъ труженниковъ, если, напр., Московская Академія прямо проектируетъ отмѣну всякихъ орденскихъ декорацій для всего профессорскаго состава... Тѣмъ не менѣе для характеристики положенія вещей полезно указать и на этотъ фактъ несомнѣнной обиды по отношенію къ педагогическимъ дѣятелямъ, чтобы всѣ видѣли, въ какомъ пренебреженіи находится у насъ духовно-педагогическое служеніе... Ср., впрочемъ, и у проф. *А.л. П. Лебедева* въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 152. 159—160.

[3]) См. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. II, стр. 557*а*.

[4]) См. ibid. IV, стр. 224*б*.

учебному вѣдомству» № 18 за 1898 г., стр. 3—5), гдѣ указывалось даже точное раздѣленіе на графы (idid. № 21 за 1901 г., стр. 9), при чемъ строго требовалось соблюденіе всѣхъ формъ (ibid. № 10 за 1892 г., стр. 3—4), а отчеты все-таки посылались неудовлетворительные [1]), не смотря на внушенія и напоминанія Комитета (ibid. № 5 за 1889 г., стр. 3—4; № 18 за 1898 г., стр. 2—3; № 20 за 1900 г., стр. 13) [2]). Въ свою очередь выѣзжавшіе для ревизій комитетскіе чины заботились больше о критикѣ, разносахъ и узвленіяхъ и вовсе не доставляли живыхъ наблюденій и реальныхъ педагогическихъ указаній. Вѣдь важно было просто отбыть повинность по готовой директивѣ! И въ этомъ отношеніи бывали поразительныя явленія, что давались лучшія рекомендаціи о преподавателяхъ, къ которымъ ревизоръ забѣгалъ на краткое время при первомъ ихъ вступленіи въ классъ, когда еще не начиналось даже внѣшнее знакомство съ учениками [3]). Невнимательность къ наличному обнаруживалась иногда въ самомъ курьезномъ видѣ. Такъ, одинъ комитетскій менторъ вмѣсто епархіальнаго женскаго училища попалъ въ женскую гимназію и, яко бы, лишь при прощаніи съ начальницею узналъ о своей траги-комической ошибкѣ. Другой перепуталъ свои аттестаціи и въ отчетѣ приписалъ ихъ совершенно не тѣмъ лицамъ, о чемъ корпорація со страхомъ и изумленіемъ освѣдомилась по доставленному извлеченію. Третій растерялъ записи и просилъ самихъ преподавателей прислать свои автохарактеристики [4]). Четвертый, въ недавнюю пору, распрашивалъ академическихъ студентовъ о преподавательскихъ персоналахъ, чтобы по этимъ даннымъ «прижать» столь случайно опороченныхъ педагоговъ. Примѣровъ такого рода — съ оттѣнками чисто полицейскаго свойства, когда ревизоръ, какъ будто уѣзжавшій, неожиданно возвращался вскорѣ *послѣ 20-го числа*,—слишкомъ достаточно. Вообще же, отзывы о педа-

---

[1]) Достовѣрно знаю, что это оправдывалось общимъ убѣжденіемъ семинарскихъ корпорацій, будто въ Учебномъ Комитетѣ совсѣмъ не читаютъ этихъ «отчетовъ», почему послѣдніе лишь переписывались изъ года въ годъ; прибавляли—послѣ особыхъ напоминаній—только свѣдѣнія статистическія, о томъ, не преподаются ли гдѣ-нибудь гигіена, медицина, живопись, переплетное мастерство и пр. Вносились иногда замѣчанія о несовершенствѣ программъ, неудовлетворительности оффиціальныхъ учебниковъ, о замѣнѣ ихъ другими и т. под. пожеланія, но все это, яко бы, не просматривалось и во всякомъ случаѣ «оставлялось безъ послѣдствій». Извѣстны примѣры, когда «отчеты» иными Семинаріями за нѣкоторые годы и вовсе не посылались въ Учебный Комитетъ.

[2]) У насъ имѣются подъ руками 22 №№-ра этихъ «Циркуляровъ по духовно-учебному вѣдомству» (съ 1888-го по 1903-й годъ) и къ нимъ отличный «Алфавитный указатель» помощника правителя дѣлъ Учебнаго Комитета *А. Д. Кузнецова* (Спб. 1904). Прибавимъ, что мы совершенно несогласны съ мнѣніемъ *С. И. Миропольскаго* (въ «Прибавл. къ «Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 840*б*), будто «по содержательности своей, циркуляры по духовно-учебному вѣдомству, помимо прямой пользы для духовно-учебныхъ заведеній, составляютъ цѣнный вкладъ въ нашу педагогическую литературу»... Любопытно бы знать, гдѣ- «помимо» духовной школы—этотъ «вкладъ» имѣлъ «цѣнное» педагогическое примѣненіе... А вотъ въ «Церковномъ Вѣстникѣ» 1906 г., № 47 за 23-е ноября, стлб. 1530, я читаю, что и «очерки, какіе года 3—4 сталъ давать Учебный Комитетъ, будучи скудными даже въ статистическомъ отношеніи, ни въ какомъ случаѣ не могутъ претендовать на вѣрную картину духовной школы», между тѣмъ первоисточникомъ для нихъ служатъ именно ревизорскіе отчеты... См. и стр. 119.

[3]) Изъ личныхъ воспоминаній отъ конца 1890 года.

[4]) См. и «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 232*б*.

гогіи и педагогахъ собирались по городскимъ слухамъ, анонимамъ [1]) или на корридорахъ, при чемъ вслѣдствіе искусственно внесенныхъ и поддерживаемыхъ раздоровъ верхъ былъ либо за начальствомъ, либо за корпораціей. Естественно, что ревизорскіе доклады большею частію оказывались «канцелярскими бумагами», которыя почему-то усердно охранялись отъ архивныхъ крысъ...

Въ результатѣ вышло, что во второй періодъ своего существованія Учебный Комитетъ получилъ характеръ бюрократическаго и бумажно-канцелярскаго учрежденія. Воздвигались цѣлые Монбланы всякихъ бумагъ и лились широкою рѣкой циркуляры явные и тайные, обычные и сепаратные [2]), а жизнь педагогическая окончательно заслонялась ими и убѣгала за черту комитетской досязаемости въ невѣдомую даль. На прогрессивно возраставшихъ бумажныхъ постаментахъ и монументахъ избранное чиновничество комитетское возносилось до бюрократическихъ небесъ и на этой головокружительной высотѣ не чувствовало органической потребности считаться съ жизненными запросами. Живое дѣло рѣзко пріостановилось и превратилось въ бумажно-нараставшій каралловый рифъ, опасный для духовно-педагогическихъ кораблей и лодокъ. Иллюстрація тому хотя бы въ крайней медлительности комитетскаго движенія по послѣдней духовно-школьной реформѣ, тянувшейся изнурительно и иногда понятно безъ всякаго успѣха почти десять лѣтъ (съ 1896-го по 1905-й годъ) [3]), истомившей всѣ мѣстныя педагогическія силы и разстроившей созидательную работу [4]). Между тѣмъ духовно-учеб-

---

[1]) Такъ было, напр., при ревизіи Подольскихъ духовно-учебныхъ заведеній † А. А. Завьяловымъ, при чемъ «анонимы» представлены и въ самый Комитетъ...

[2]) *С. И. Миротворскій* удостовѣряетъ (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 840б) слѣдующее: «Количественно, такъ сказать, о дѣятельности Комитета можно судить уже по тому, что число *журналовъ* его, восходящихъ на утвержденіе Святѣйшаго Сунода и Сунодальнаго Оберъ-Прокурора, ежегодно восходитъ до 500, разныхъ должностныхъ дѣлъ до 1.480 и внѣшнихъ сношеній свыше тысячи нумеровъ»... Полагаемъ, что съ тѣхъ поръ послѣдовалъ въ этомъ отношеніи солидный прогрессъ, едва ли утѣшительный для духовно-педагогической жизни... См. еще въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906), стр. 232 (и ср. стр. 240) о «безпрестанномъ потокѣ канцелярскихъ *бумагъ*», достигающемъ ужасовъ потопа...

[3]) См., напр., отдѣльно изданный «Журналъ Учебнаго Комитета» о засѣданіи Св. Синода 8-го іюня 1905 г., стр., 1, а также «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 46 за 12-е ноября 1905 г., стр. 1044; ср. у о. проф. *Ѳ. И. Титова*, Преобразованія Духовныхъ Академій въ Россіи въ XIX в. (Кіевъ 1906), стр. 104 сл., и у *Ф. И. Бѣлявскаго*, О реформѣ духовной школы, ч. I, стр. 169 сл.

[4]) Фактически—«настоящее» дѣло о новыхъ духовно-учебныхъ программахъ началось лишь въ 1901 г., когда для сего спеціально приглашались нѣкоторые излюбленные членами преподаватели въ Учебный Комитетъ, подвергавшій потомъ постепеннымъ измѣненіямъ выработанные проекты, которые въ отпечатанномъ видѣ представлены въ 1905 г. на утвержденіе Св. Синода, но согласно его опредѣленію отъ 16 19 августа 1906 г. предварительно разосланы во всѣ Семинаріи и Училища для отзывовъ (см. подробнѣе у *Ф. И. Бѣлявскаго*, О реформѣ духовной школы, ч. I, стр. 187 сл.). По этому вопросу одинъ ректоръ Семинаріи пишетъ мнѣ слѣдующее: «Новыя программы — лишь сокращенія старыхъ, съ небольшими передѣлками. По многимъ предметамъ семинарскаго курса онѣ признаны правленіями Семинарій не отвѣчающими ни существу наукъ, ни запросамъ и потребностямъ времени, о чемъ и посланы въ Учебный Комитетъ соотвѣтствующія замѣчанія... Дѣло это тянулось *семь лѣтъ* и... пока доселѣ не разрѣшено. Могло ли за эти семь лѣтъ идти нормально учебное дѣло въ Семинаріяхъ, когда всѣ знали о томъ, что высшая церковная власть сама считаетъ нѣкоторые учебные предметы (напр., библейскую исторію, обличительное богословіе) излишними, программы же

ныя заведенія шумно волновались и воспитанники настойчиво допрашивали—даже за уроками—своихъ преподавателей по этому предмету, а тѣ сами ничего не знали и своими уклончиво-смущенными отвѣтами усугубляли напряженную тревогу.

Разумѣется, при такихъ порядкахъ и въ самомъ Комитетѣ не ощущалось нужды въ настоящихъ, живыхъ дѣятеляхъ, которыхъ столь не любитъ канцелярская бумага, гдѣ доселѣ часто играетъ главнѣйшую роль казуистическая задача, помѣтить ее «отношеніемъ» или «предложеніемъ», — написать «поступокъ» или «проступокъ» [1])... Вполнѣ натурально, что одно время было *всеобщее* непоколебимое убѣжденіе, что тамъ всѣмъ вершилъ безконтрольно шефъ бумажнаго дѣлопроизводства, и ему являлись на поклонъ всѣ просители, а онъ ссылки на свои права по академическому уставу 1884 г. (§ 56) самихъ «профессорскихъ стипендіатовъ» властно парировалъ рѣшительнымъ вердиктомъ, что «мы назначимъ на первое мѣсто по собственному усмотрѣнію» [2]). Энергичные работники были излишни, и комитетскій составъ заполнялся лицами «по особымъ соображеніямъ» связей и протекціи, ради кормленія и для синекуры [3]). Упорно говорили, что нѣкогда члены подбирались по удобству «для партіи» совсѣмъ особаго рода [4])... Сколько можно судить по нѣкоторымъ рѣчамъ въ общемъ

всѣ вообще—неудовлетворительными?... Преподаватели оказывались въ ложномъ положеніи предъ воспитанниками, разъ никто изъ нихъ не могъ выяснить даже себѣ, учиться ли учащимся ненужнымъ предметамъ, да еще по устарѣлымъ и негоднымъ программамъ?»... А въ «передовицѣ» С.-Петербургскаго «Колокола» № 409 за 14-е іюня 1907 года говорится еще такъ: «Учебный Комитетъ при Св. Синодѣ, довольно „освободительно“ пополняющійся теперь членами изъ „далекихъ и чуждыхъ“ для духовно-учебнаго дѣла „странъ“, уже цѣлый годъ слишкомъ усиливается пойти въ ногу съ преобразователями свѣтскихъ школъ. Онъ не ограничился тѣмъ, что, не желая „вѣдать, коего духа“ должна быть наша духовная школа, исковеркалъ программы Духовныхъ Семинарій и Училищъ, „подгоняя“ ихъ къ гимназическимъ, что и прошло по Божьему попущенію. Онъ „подогналъ“ было и программы епархіальныхъ женскихъ училищъ къ программамъ женскихъ гимназій Мин. Народн. Просвѣщенія и въ своемъ журналѣ, представленномъ на разсмотрѣніе Св. Синоду, мотивировалъ такую подгонку желаніемъ облегчить поступленіе „епархіалокъ“: учительницами въ школы названнаго Министерства и для продолженія образованія въ высшія учебныя заведенія. Однако Св. Синодъ, разсмотрѣвъ этотъ журналъ, отклонилъ комитетскую затѣю. Принявъ во вниманіе неудовлетворительность учебно-воспитательной части женскихъ гимназій Мин. Нар. Просв., которыя, кстати, сами наканунѣ реформы, а также и то, что подготовленіе воспитанницъ епархіальныхъ женскихъ училищъ въ высшія учебныя заведенія дѣло для сихъ училищъ побочное, Св. Синодъ не нашелъ возможнымъ ломать, по приведеннымъ Комитетомъ мотивамъ, учебно-воспитательный строй епархіальныхъ училищъ. Училищныя программы онъ призналъ отвѣчающими своему назначенію: дать образованіе дочерямъ православныхъ клириковъ и подготовить ихъ для учительствованія въ народныхъ школахъ. Программы эти Св. Синодъ постановилъ лишь углубить и расширить—какъ въ общеобразовательной, такъ и педагогической части; и въ этомъ смыслѣ поручилъ Комитету заняться преобразованіемъ учебно-воспитательнаго строя епарх. училищъ»...

[1]) Это — факты изъ комитетской практики конца 1906-го и начала 1907 года.

[2]) Изъ личнаго опыта въ августѣ 1890 года.

[3]) Ср. сборникъ «Духовная школа» (Москва 1906), стр. 231: «при такомъ назначеніи (членовъ Учебнаго Комитета) замѣтную роль всегда играютъ знакомство, кумовство и другія формы протекціи».

[4]) Совершенно неожиданное разъясненіе и подтвержденіе сего встрѣтились намъ послѣ въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1907 г., № 2, стр. 199 въ статьѣ о. проф. *О. И. Титова*: «Двѣ справки по вопросу о преобразованіяхъ Духовныхъ Академій въ Россіи въ XIX в.».

собранія Предсоборнаго Присутствія, измѣненія къ лучшему по этой части и теперь идутъ весьма туго, а многія аномаліи покровительствуются и терпятся [1]), и члены изъ профессоровъ съ гордостію отмѣчаютъ обиліе своихъ должностей даже въ справочномъ городскомъ указателѣ... Постепенно образовался тѣсный кружокъ «своихъ людей», у которыхъ, конечно, были и «свои» интересы—помимо школы и жизни, если не считать того, что мѣста «переуступались» другъ другу по любовному договору о казенной квартирѣ, сохранявшейся за предшественникомъ, когда преемникъ, обязанный ежедневно бывать въ С.-Петербургѣ, соглашался жить вдали отъ города... Взаимная услужливость доходила до того, что комитетскій чиновный правитель ухитрялся «законно» отправлять еще и функціи члена вопреки самой природѣ службы и всякимъ правамъ и правиламъ [2])... Не менѣе характерный примѣръ сего мы имѣемъ въ томъ, что Учебный комитетъ второго періода усиленно рекомендовалъ и усердно распространялъ разные учебники и учебныя пособія чуть не исключительно фабрикаціи своихъ сочленовъ (nomina sunt odiosa!), хотя, казалось бы, самый простой тактъ долженъ былъ всячески удерживать отъ подобной взаимопомощи [3]). На дѣлѣ далеко не всѣ эти творенія,

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствовалъ, напр., тогдашній предсѣдитель Учебнаго Комитета преосвященный *Арсеній* (Стадницкій) на засѣданіи общаго собранія Предсоборнаго Присутствія 29-го мая 1905 года, но соотвѣтствующій пассажъ не по винѣ оратора выпущенъ въ печатныхъ «Журналахъ» (т. II, стр. 556*а*), у меня же сохранился въ оффиціальной корректурѣ. Тамъ значится слѣдующее: «Я опытно позналъ, что Учебный Комитетъ есть Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сунода и Канцелярія не изъ первыхъ, а самая послѣдняя. Оберъ-Прокуроръ есть посредникъ между Учебнымъ Комитетомъ и Святѣйшимъ Сунодомъ. Журналы сначала докладываются Оберъ - Прокурору, а потомъ сдаются въ Канцелярію. Назначеніе преподавателей тянется до 2-хъ мѣсяцевъ. Проще было бы поставить Учебный Комитетъ въ непосредственныя отношенія къ Святѣйшему Суноду. Докладываются дѣла Учебнаго Комитета чиновникомъ, который не былъ при сужденіяхъ о нихъ въ Учебномъ Комитетѣ, а такихъ сужденій бываетъ немало. Изъ кого состоитъ Учебный Комитетъ? Одинъ изъ членовъ два года болѣетъ, другой совсѣмъ не живетъ въ Петербургѣ, третій въ постоянныхъ разъѣздахъ и я его почти не вижу, четвертый [большинство такихъ!] занимаетъ нѣсколько должностей и не въ состояніи бывать исправно на засѣданіяхъ. Что можно сдѣлать при такихъ условіяхъ»?..

[2]) См. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 831*б*, и ср. комментарій къ сему проф. *А. И. Алмазова* въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоб. Присут.», т. IV, стр. 225*б*.

[3]) Были вѣдь случаи, что комитетскій ревизоръ, составитель учебника, давалъ свой отзывъ о преподавателѣ въ зависимости отъ того, употребляетъ ли педагогъ книжку его издѣлія или нѣтъ. Изъ многихъ извѣстныхъ приведу только примѣръ, сообщенный мнѣ однимъ нынѣшнимъ университетскимъ профессоромъ И. Д. А. Нѣкогда онъ былъ семинарскимъ преподавателемъ въ Симферополѣ. Весною 1895 года прошелъ слухъ, что туда ѣдетъ спеціально командированный комитетскій ревизоръ И. И. И. (нынѣ покойный). А нужно имѣть въ виду, что Таврическая Семинарія была недавно оставлена (переведеннымъ въ Харьковъ) ректоромъ о. І. П. Знаменскимъ (о которомъ см. ниже на стр. 116„ 126„). При немъ шла борьба партій—семинарской и консисторской. Ревизія непремѣнно должна была затронуть прежнее управленіе и рѣшить дѣло въ пользу Семинаріи или Консисторіи. И вдругъ педагогическій персоналъ узнаетъ, что послѣдняя еще до отправленія изъ С.-Петербурга И. И. И—ва послала заказъ на его «Практическое руководство» (конечно, дѣльное и нынѣ вышедшее 9-мъ изданіемъ подъ редакціею *И. Ѳ. Маркова*, Спб. 1907) въ количествѣ экземпляровъ, соотвѣтствующемъ числу церквей епархіи... Я,—пишетъ мой корреспондентъ,—ничего не хочу выводить отсюда и готовъ полагать, что И. И. И. даже не подозрѣвалъ, что столь неожиданный и крупный заказъ надо ему «обдумать». Но послѣ этого заказа многіе изъ преподавателей въ ожиданіи ревизіи чувствовали себя скверно... Пишущій занимался философскими предметами «по настоящему», и придраться къ нему было мудрено. Но «вотъ гдѣ таилась погибель» его:—учебникъ † проф. В. Д. Кудрявцева-Платонова великъ и растянутъ, почему его не-

квалифицированныя у оффиціальнаго комитетскаго историка «вкладами» [1]), отличались высокою пробой даже по отзывамъ комитетскихъ коллегъ. Мы сами знаемъ такой случай (въ Воронежѣ), что ревизоръ рѣзко оборвалъ преподавателя на урокѣ за яко бы неумѣстныя выраженія при объясненіяхъ по «практическому руководству», но тотъ молча взялъ книжку комитетскаго принципала († о. А. П. П.) и заставилъ прочитать вслухъ предъ всѣмъ классомъ соотвѣтствующій параграфъ:—къ ужасу и стыду оказалось то же самое, и чиновный ревнитель вынужденъ былъ дипломатически отговариваться, что ранѣе онъ не разслышалъ, а теперь криминальныя фразы находитъ законными и благоговѣйными... Конечно, никто этому не повѣрилъ, и соблазнъ былъ истинно великій. Одобренія всѣхъ сортовъ для изданій посторонникъ лицъ опять разсыпались вопреки ихъ фактическимъ качествамъ, и часто излюбленные труды быстро смѣнялись тисненіями съ сохраненіемъ абсурдныхъ нелѣпостей. Вотъ для примѣра крошечная иллюстрація. Учебный Комитетъ (въ своемъ журналѣ 16-го декабря 1892 г. № 441) поспѣшилъ ввести семинарскимъ учебникомъ «Истолковательное обозрѣніе» посланій апостольскихъ и Апокалипсиса о. протоіерея Мих. Иван. Хераскова [2]), удостоенное (по отзыву † о. протоіерея А. А. Лебедева) Макаріевской преміи въ 500 р. (см. «Циркуляръ» № 12 за 1893 г., стр. 71—74). Въ такомъ смыслѣ сдѣлано было представленіе Св. Синоду, однако послѣдній, благодаря своему докладчику не изъ комитетской семьи (А. В. Гаврилову), затруднился согласиться на это и препроводилъ рукопись на разсмотрѣніе профессору Казанской

обходимо «размѣчать» для воспитанниковъ. Во «Введеніи въ философію», между прочимъ, было зачеркнуто нѣсколько строкъ, и на одной изъ нихъ стояло слово «Богъ»... Ревизоръ построилъ на этомъ обвиненіе, что пропускъ тенденціозенъ и можетъ скверно вліять на учениковъ, а потому «обѣщалъ» доложить о семъ по начальству... «Виновный» былъ ошеломленъ подобною абсурдностію, но хорошо понималъ свое горькое будущее въ самомъ скоромъ времени. Его спасло лишь совершенно случайное обстоятельство. Прокуроръ К. П. Побѣдоносцевъ поручилъ обозрѣть и дѣла Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, а тамъ предсѣдательствовалъ живущій въ Херсонесѣ подъ Севастополемъ (т. е. за 75 верстъ отъ Симферополя) безграмотный архимандритъ А. (уволенный потомъ слѣдующимъ Преосвященнымъ). Вся работа велась «провинившимся» семинарскимъ преподавателемъ,—и она была безкорыстна. Къ чести ревизора, онъ оцѣнилъ этотъ безкорыстный трудъ и согласился не воздвигать за «пропуски» изъ учебника опасныхъ криминаловъ. «Тѣмъ не менѣе,—прибавляетъ разумѣемый мною педагогъ,—у меня навсегда осталось тягостное чувство:—вѣдь я не былъ выброшенъ только случайно!.. Говорю это сейчасъ спокойно и не по личной обидѣ. П. П. П. и послѣ, какъ я слышалъ, дѣлалъ обо мнѣ лестные отзывы въ частныхъ бесѣдахъ. Но въ томъ-то и трагизмъ семинарской службы, что сегодня вы прекрасный человѣкъ и работникъ, а завтра васъ гонятъ на улицу»... Въ туже ревизію пострадалъ преподаватель церковной исторіи Д. К. Якимовичъ, окончивший въ Московской Академіи (въ 1881 году) первымъ по историческому отдѣленію, безспорно лучшій учитель Таврической Семинаріи. По отзыву же ревизора онъ оказался худшимъ. Это совсѣмъ пришибло бѣдняту. Онъ скоро ушелъ изъ семинарской корпораціи и недолго прожилъ:—ему была нанесена *смертельная* обида... Для разъясненія эпизода неизлишне отмѣтить, что и корреспондентъ мой и г. Якимовичъ были противъ консисторскихъ притязаній и не скрывали своихъ симпатій къ опальному тогда ректору І. П. Знаменскому, а выводы отсюда формулируются сами собою... Однако первый заключаетъ свою повѣсть и примирительно и вѣрно: «лично я не хочу П. П. П. ни подозрѣвать, ни винить, но тѣмъ болѣе проклинаю систему»...

[1]) См. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 833б.

[2]) Бывшій ректоръ Владимірской Духовной Семинаріи, потомъ Суздальскій протоіерей; скончался 9-го сентября 1901 года (см. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 40 за 6-е октября 1901 года, стр. 1469—1470).

Духовной Академіи М. И. Богословскому, который—вопреки комитетскимъ панегиристамъ—далъ отзывъ вовсе не похвальный. Авторъ воспользовался компетентными профессорскими указаніями и, исправивъ согласно имъ свое пособіе, обратился (въ 1895 г.) въ Учебный Комитетъ за одобреніемъ.—и оно условно было присуждено членомъ А. М. Ванчаковымъ. Но другой комитетскій спеціалистъ † протоіерей Е. И. Мегорскій «навелъ» усиленную критику на профессорскую рецензію,—и въ результатѣ «трудъ о. Хараскова низведенъ со степени „учебника“ на степень „учебнаго пособія“, *вслѣдствіе переработки его въ рукописи по замѣчаніямъ экстраординарнаго профессора Казанской Духовной Академіи М. Богословскаго*», какъ о томъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ въ февралѣ 1895 г. въ своемъ прошеніи въ Учебный Комитетъ и какъ это оправдывается печатными документами [1]), двумя критическими отчетами о. Е. И. Мегорскаго и соотвѣтствующими комитетскими вердиктами. Почтенный о. М. И. Херасковъ настолько былъ «разстроенъ» всѣми этими мытарствами, что одно время серьезно пытался возвратить свое литературное дѣтище изъ зрѣлаго состоянія въ первобытное, устранивъ всѣ профессорскіе приросты [2]). Видимо, комитетскіе засѣдатели совсѣмъ не читали рекомендуемыхъ книжекъ, потому что всякій разумный человѣкъ при самомъ бѣгломъ штудированіи замѣтилъ бы вопіющія странности [3]), а безъ особой протекціи крайне затягивали разсмотрѣніе и подвергали такимъ «истязаніямъ», что авторы вынуждались искать обходныхъ путей къ напечатанію своихъ рукописей [4]). При введеніи новыхъ или улуч-

---

[1]) См. и «Циркуляръ» № 12 за 1895 годъ стр. 73: «*Отъ такой передѣлки* [—согласно замѣчаніямъ проф. М. И. Богословскаго—] сочиненіе [о. М. И. Хараскова] выиграло относительно полноты и подробностей обозрѣнія священныхъ книгъ, *но стало не вполнѣ пригоднымъ для учениковъ въ качествѣ учебника*», каковымъ Комитетъ признавалъ его прежде—до исправленія...

[2]) См. дѣло Учебнаго Комитета № 13 за 1895 годъ въ Архивѣ Св. Синода (№ 288) и дѣло Св. Синода (по 2-му столу I отдѣленія) о соисканіи премій митрополита Макарія въ 1892 годъ № 649 тамъ же (№ 297).

[3]) Укажу одинъ примѣръ. Даже въ «третьемъ», «исправленномъ» изданіи «Обозрѣнія посланій апостольскихъ и Апокалипсиса» *А. В. Иванова* удостовѣряются завизсимость и пользованіе во 2-мъ посланіи Петровомъ изъ посланія Іуды (Спб. 1886, стр. 86), которое «написано *послѣ паденія Іерусалима* и, можетъ быть, во времена Доминціана (*81—96 г.*)» (стр. 86), между тѣмъ «появленіе того мы должны отнести къ *65 или 66 году*» (стр. 44). Попросту говоря, выходитъ, что *мертвый списывалъ у живого*... А вѣдь это «руководство» одобрено Учебнымъ Комитетомъ (и—по его докладу—Св. Синодомъ 6—9 іюня 1890 года № 1.265) для употребленія въ Семинаріяхъ», въ большинствѣ которыхъ дѣйствуетъ въ качествѣ учебника,—и лучшіе семинарскіе питомцы на пріемныхъ академическихъ экзаменахъ bona fide докладываютъ подобныя нелѣпости... Обо всемъ этомъ оффиціально сообщалось Учебному Комитету (по дѣлу, о которомъ см. ниже на стр. 97—98) еще въ 1894 году...

[4]) Такъ, объ одной «Догматикѣ» въ іюлѣ 1899 года оффиціально было представлено законное цензурное разрѣшеніе (изъ Москвы) въ Св. Синодъ и препровождено имъ «на заключеніе» въ Учебный Комитетъ, а туда отзывъ члена поступилъ только 18-го апрѣля 1901 года. Потомъ выяснилась, что рукопись просто лежала у назначеннаго комитетскаго цензора († о. П. А. Лебедева) и по смерти его лишь случайно обрѣтена была въ числѣ другихъ бумагъ, хотя, конечно, могла и затеряться... Все «дѣло» объ изданіи этой труда тянулось,—благодаря особенно комитетскому участію,—отъ мая 1899 года до января 1902 года, когда послѣдовало окончательное дозволеніе печатать. Учебный Комитетъ усматривалъ препятствія не только въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, казавшихся комитетскому рецензенту неправильными или неточными, но даже

шенныхъ учебниковъ и пособій—ихъ не пускали въ обращеніе, пока не былъ исчерпанъ весь заготовленный комплектъ стараго хлама: это случилось не столь давно, напр., съ исправленнымъ изданіемъ учебнаго пособія по Русской церковной исторіи профессора П. В. Знаменскаго, котораго долго нельзя было достать даже послѣ одобренія въ 1895 г. («Циркуляръ» № 15 за 1895 г., стр. 59) [1])...

въ ошибкахъ переписчика. Мольбы автора — «разрѣшите, исправлю все при печатаніи»—были напрасными. Иногда похвальный пропускъ изъ чистилища Цензурнаго Комитета затруднялъ дальнѣйшее движеніе. Напр., въ 1894 году учебно-комитетскій критикъ († о. В. Н. Ж.) прямо заявлялъ почтенному писателю солидной работы, врученной ему чрезъ Св. Синодъ: «если бы духовная цензура сдѣлала свои замѣчанія и возраженія, мы охотнѣе пропустили бы Вашу книгу, а такъ какъ оттуда имѣется похвальный отзывъ, то намъ нужно внимательно прочитать рукопись и непремѣнно присовокупить свои указанія»... Это повело къ тому, что произведеніе вышло изъ печати позднѣе на цѣлый годъ (по синодскому разрѣшенію отъ 28-го марта 1902 года), хотя предметной пользы отсюда не было ни малѣйшей... Бывало, что порою между самими членами возникали разногласія по поводу попавшихъ въ Комитетъ сочиненій и обострялись до того, что готовилась оффиціальная полемика, а авторъ сиди у моря и жди погоды...

[1]) Съ этою «Псторіей» была очень длинная «исторія», весьма интересная для характеристики Учебнаго Комитета. Книга проф. П. В. Знаменскаго издавна употреблялась по всѣмъ Семинаріямъ въ достоинствѣ учебника, но въ 1888—1889 г.г. выступилъ ему конкурренгомъ одинъ семинарскій преподаватель г. М., который своею покорностію оффиціальной программѣ магически плѣнилъ комитетскаго «спеціалиста», † протоіерея І. Л. Образцова. Послѣдній далъ о рукописи наилучшій отзывъ, а Комитетъ одобрилъ ввести ее (по напечатаніи) въ качествѣ учебнаго семинарскаго руководства. Но синодскій докладчикъ (А. В. Гавриловъ), не принадлежавшій къ комитетской дружинѣ, справедливо обратилъ вниманіе на совершенную несообразность этой конкурренціи преподавателя съ профессоромъ, почему Св. Синодъ препроводилъ работу перваго на новое независимое разсмотрѣніе † архіепископа Литовскаго Алексія (Лаврова). Въ результатѣ была обнаружена несомнѣнная зависимость ея, между прочимъ, отъ «учебника» проф. П. В. Знаменскаго, излагаемаго «въ разбавленномъ и разжиженномъ видѣ», и отъ сочиненія другаго семинарскаго педагога (нынѣ профессора Новороссійскаго Университета) А. И. Доброклонскаго, не удостоившагося за аналогичный трудъ такой комитетской благосклонности по причинѣ излишней учености... Тогда Св. Синодъ (опредѣленіемъ отъ 24 мая 1889 г. за № 904) рѣшилъ обратиться къ проф. П. В. Знаменскому, чтобы онъ пересмотрѣлъ и приспособилъ свою книгу къ новымъ требованіямъ семинарскаго преподаванія по Русской церковной исторіи. Тотъ охотно исполнилъ это, но попалъ подъ судъ къ поименованному комитетскому критику, забраковавшему прежній учебникъ съ предпочтеніемъ ему компиляціи семинарскаго педагога. Прот. І. Л. Образцовъ въ 1892 г. соорудилъ пространный разборъ, гдѣ поставилъ въ упрекъ проф. П. В. Знаменскому даже его профессорскую компетентность. Весь отзывъ былъ настолько пристрастенъ, что даже Оберъ-Прокуроръ († К. П. Побѣдоносцевъ) усмотрѣлъ это и сдѣлалъ двѣ ограничительныя помѣтки своею рукой. Наоборотъ, сочиненіе семинарскаго педагога расхвалено было у о. Образцова самымъ усерднымъ образомъ. Учебный Комитетъ поспѣшилъ согласиться и постановилъ свой приговоръ въ пользу преподавателя, не одобривъ профессорскаго произведенія (журналомъ отъ 15-го іюля 1892 г. № 213). Св. Синодъ—по указанію своего докладчика (А. В. Гаврилова)—опять замѣтилъ прежнюю странность и послалъ обѣ книги на компетенцію † проф. Кіевской Духовной Академіи И. И. Малышевскаго, который прямо склонился на сторону своего Казанскаго коллеги. По прокурорскому распоряженію, комитетскій членъ † протоіерей А. А. Лебедевъ, подводившій окончательный итогъ, долженъ былъ высказаться за преимущества проф. П. В. Знаменскаго, свидѣтельствуя, что онъ исправлялъ свой трудъ и по комитетской рецензіи о. Образцова, хотя «съ нѣкоторою болью сердца». Св. Синодъ (опредѣленіемъ отъ 19—25-го мая 1895 г.), наконецъ, одобрилъ профессорское «руководство» «въ качествѣ учебника» (см. дѣло Учебнаго Комитета № 10 за 1892 г. въ Архивѣ Св. Синода № 287 и дѣло Св. Синода № 697 за 1888 [по 3-му столу I-го отдѣленія] тамъ же № 298). Дальше началась явная затяжка съ печатаніемъ, и трудъ проф. П. В. Знаменскаго увидѣлъ свѣтъ только чрезъ годъ—въ октябрѣ 1896 г., когда выпущенъ въ 12 тысячахъ экземпляровъ. Однако еще въ декабрѣ 1897 г. прежній конкурентъ, продолжавшій употреблять при преподаваніи свои книжки, доносилъ Учебному Коми-

На педагогическіе запросы не обращали вниманія [1]). Для преподавателей и цѣлыхъ педагогическихъ совѣтовъ не допускалось по этой части независимой иниціативы, и всякія проявленія ея осуждались и пресѣкались (по поводу замѣны учебниковъ Чистовича, Маркова и Знаменскаго книгами Гиляревскаго, М. А. Остроумова и Малицкаго см. «Циркуляры» № 2 за 1888 г., стр. 21; № 20 за 1900 г., стр. 12); отъ заинтересованныхъ лицъ не требовали даже оправдательныхъ соображеній, хотя они могли быть вполнѣ резонными. Послѣднее же несомнѣнно по систематическому употребленію учителями собственныхъ «записокъ», составленіе которыхъ есть трудъ весьма не легкій и сверхдолжный, но это дѣло не только не поощрялось, а преслѣдовалось безъ надлежащаго разсмотрѣнія такихъ рукописныхъ пособій и безъ выясненія всѣхъ причинъ (см. «Циркуляры» № 1 за 1888 г., стр. 2—3; № 2 за 1888 г., стр. 25; 22 за 1903 г., стр. 67)...

И при такой-то косности Учебный Комитетъ присвоилъ себѣ роль верховнаго цензора всей духовной и вспомогательной литературы [2])!.. Вѣдь это было въ Россіи единственное учрежденіе, гдѣ выдавались всякія аппробаціи для всѣхъ богословскихъ сочиненій, которыя не имѣли иныхъ способовъ добиться авторитетнаго церковнаго признанія. Все вѣдалъ безапелляціонно одинъ Учебный Комитетъ, не умѣвшій или не хотѣвшій серьезно разобраться даже въ своихъ учебныхъ азбукахъ... Но, пользуясь такимъ великимъ правомъ, онъ не желалъ видѣть въ этомъ для себя отвѣтственнаго долга и потомъ (въ 1898 году) формально устранился отъ обязательнаго разсмотрѣнія представляемыхъ на одобреніе сочиненій,

---

тету въ свое оправданіе, что въ Тульской Семинаріи до сихъ поръ нѣтъ «учебника» проф. П. В. Знаменскаго, между тѣмъ онъ своевременно заявлялъ объ этомъ ревизору С. И. Миропольскому (см. въ дѣлѣ Учебнаго Комитета № 10 за 1892 г. въ Архивѣ Св. Синода № 287 и ср. еще «Циркуляръ» № 20 за 1900 г., стр. 12). Тоже повторилось и со вторымъ исправленнымъ изданіемъ (1903-го года), котораго,—напр., въ Полтавѣ—нельзя было достать даже въ 1905 г. Нужно прибавить, что и при первомъ тисненіи 1896 г. и при второмъ—1903 года (въ количествѣ 10 тысячъ экземпляровъ)—профессорскаго труда С.-Петербургская Синодальная Типографія принимала самое энергическое и истинно-интеллигентное участіе, употребляя всѣ мѣры и средства къ тому, чтобы новый семинарскій учебникъ по Русской церковной исторіи имѣлъ наилучшій видъ не только по внѣшности и формѣ, но и по содержанію (см. дѣла С.-Петербургской Синодальной Типографіи по сему предмету №№-ра 38 и 59). Не дивно ли, что въ комитетско-педагогическомъ дѣлѣ Типографія стояла безмѣрно выше Комитета въ сферѣ ближайшихъ и обязательныхъ его интересовъ?!

[1]) Такъ, въ семинарскихъ «отчетахъ» многократно указывалось Комитету на крайнюю нужду въ изданіи греко-славянскаго Новаго Завѣта, строго приспособленномъ къ потребностямъ школьнаго преподаванія, но настоящаго удовлетворенія не послѣдовало доселѣ, между тѣмъ Норовско-Саввантовское издѣліе (1861-го, 1866 года) подозрительно и теперь почти не встрѣчается въ продажѣ, а четырехглоттная обработка — вполнѣ неудачна и не закончена, какъ и задумана она (въ 1886 году † справщикомъ С.-Петербургской Синодальной Типографіи П. А. Гильтебрандтомъ) совершенно нераціонально...

[2]) По опредѣленію Св. Синода (отъ 12 декабря 1884 года—25 января 1885 г.), послѣднему представляются комитетскія заключенія «*лишь* о книгахъ, принимаемыхъ *въ качествѣ учебныхъ руководствъ* для духовныхъ училищъ по священной исторіи, катихизису и изъясненію богослуженія съ церковнымъ уставомъ, а для духовныхъ семинарій по изъясненію Св. Писанія и всѣмъ богословскимъ предметамъ»; все прочее и во всѣхъ отношеніяхъ принадлежитъ окончательному усмотрѣнію Комитета, утверждаемому *только* Оберъ-Прокуроромъ... См. въ брошюрѣ «Положеніе объ Учебномъ Комитетѣ» (Спб. 1907), стр. 12.

продолжая сохранять всѣ цензорскія прерогативы ab libitum (см. «Циркуляръ» № 18 за 1898 г., стр. 1—2, и въ брошюрѣ «Положеніе объ Учебномъ Комитетѣ», стр. 9—10). А вершителями были члены, совмѣщавшіе иногда самыя удивительныя спеціальности, напр., гомилетику, литургику и Законъ Божій для начальныхъ школъ; или философію, психологію, логику и академическія дѣла; даже греческій языкъ, математику и вопросы по женскимъ училищамъ; наконецъ, греческій языкъ и книги для чтенія (см. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 831—832)... Понятно, что комитетскія рекомендаціи получали только рыночную цѣнность, особенно крѣпкую при существованіи разныхъ проскрипціонныхъ каталоговъ, хотя иногда вызывали отрицательный успѣхъ въ публикѣ и для одобренныхъ и для забракованныхъ твореній. Не менѣе неизбѣжно, что эта цензорская работа совершалась безъ твердыхъ принциповъ, а больше нормировалась всякими теченіями и вѣяніями. Отсюда случались печальные казусы въ родѣ того, что профессорскія диссертаціи, строжайше запрещенныя для всѣхъ ученическихъ библіотекъ и порою не выдававшіяся на руки академическимъ студентамъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ всячески восхвалялись и назначались въ руководство при школьномъ преподаваніи [1]). Бывали и такіе примѣры, что книга съ тяжкимъ трудомъ появлялась на свѣтъ и систематически преслѣдовалась суровыми вердиктами, но потомъ неожиданно принималась въ основу для апологіи важнѣйшихъ церковныхъ актовъ [2])... Тѣмъ временемъ Учебный Комитетъ, узурпировавъ несвойственную и непосильную ему миссію верховнаго богословскаго судьи, забывалъ о живыхъ книжныхъ интересахъ духовной школы. Всѣ школьно-книжные кредиты произвольно и безконтрольно исчерпывались заранѣе центральнымъ распоряженіемъ безъ всякаго вниманія къ наличнымъ потребностямъ и дѣйствительнымъ нуждамъ [3]). Въ счетъ этихъ кредитовъ, очень ограниченныхъ, разсылался по Семинаріямъ всякій бумажный балластъ, который обременялъ тѣсныя библіотечныя помѣщенія и лежалъ мертвымъ грузомъ безъ всякаго употребленія. Если бы собрать точныя свѣдѣнія, мы пріобрѣли бы истинно архивный перечень поразительнаго состава, гдѣ часто фигурируютъ завѣтныя произведенія, которыхъ цѣлыми годами не покупали ни по одному экземпляру, духовная же школа со скорбнымъ терпѣніемъ заваливала ими библіотечные шкафы и должна была тщательно блюсти за ними, ибо ревизоры всего старательнѣе слѣдили за сохранностію этихъ именно писаній. Разсовы-

[1]) Рѣчь у насъ о докторской диссертаціи проф. *Ал. П. Лебедева*, о чемъ см. и у него самого въ статьѣ: «Взглядъ на условія развитія церковно-исторической науки у насъ» въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 4, стр. 720,, гдѣ сообщается, что его книгу иногда «арестовывали» у семинаристовъ н а р а в н ѣ съ запрещенными изданіями...

[2]) Объ разумѣемыя мною диссертаціи (Московскихъ профессоровъ Ал. П. Лебедева и Е. Е. Голубинскаго, для которыхъ см. еще въ «Запискахъ» † архіеп. *Саввы* въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1906 г., № 10, стр. 291) указаны нынѣ въ книгѣ проф. *Ал. П. Лебедева* «Слѣпые вожди: четыре момента въ исторической жизни церкви» (Москва 1907), стр. 44—45, но для второго я имѣю въ виду и его трудъ «Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви» (2-е изд., Москва 1903) по соотношенію съ дѣломъ о прославленіи препод. Серафима Саровскаго.

[3]) О подобныхъ явленіяхъ прежняго времени (—особенно по отношенію къ митроп. Макарію Булгакову—), когда изъ-за этого даже Академіи «цѣлый годъ томились книжнымъ голодомъ», см. у проф. *Ал. П. Лебедева*, Слѣпые вожди (Москва 1907), стр. 69.

вались иногда иностранныя изданія, и по языку и по содержанію никуда не пригодныя; они сразу обрекались на вѣковой покой библіотечнаго забвенія, попадая въ регистрацію «мало доступныхъ сочиненій» .. Присылались даже труды, ранѣе пріобрѣтенные данною Семинаріей и для нея излишніе [1]). Чрезъ это заведенія лишались послѣднихъ крохотныхъ средствъ и вынуждались отказываться отъ необходимыхъ учебныхъ и вспомогательныхъ пособій, а Учебный Комитетъ съ олимпійскимъ равнодушіемъ взиралъ на это хозяйничанье помимо его воли и не возвышалъ хотя бы робкаго голоса протеста — вопреки прямой своей обязанности, между тѣмъ иногда не стѣснялся изобличать педагогическія корпораціи за «нецѣлесообразный выборъ выписываемыхъ книгъ» (см., напр., «Циркуляръ» № 22 за 1902 г., стр. 71)... Это вызвало новое зло. Школа, пользовавшаяся вмѣсто учебниковъ истерзаннымъ хламомъ, лишена была возможности удовлетворять любознательные запросы своихъ воспитанниковъ по преподаваемымъ и соприкосновеннымъ наукамъ для расширенія ихъ умственнаго горизонта собственнымъ чтеніемъ, такъ какъ располагала слишкомъ архаическимъ и неподходящимъ книжнымъ матеріаломъ. Ученики по необходимости обращались «на сторону», гдѣ не было педагогическаго контроля, а модныя общественныя теченія, естественно, захватывали увлекающуюся молодежь, для которой въ особенности сладокъ всякій

---

[1]) По этому предмету уже въ самомъ концѣ апрѣля 1907 года одинъ заслуженный и авторитетный семинарскій ректоръ писалъ мнѣ слѣдующее: «По Семинаріямъ разсылаются учебныя книги и пособія для казенныхъ учениковъ на средства, находящіяся въ распоряженіи центральнаго управленія. Книгъ высылается недостаточно, часто высылаются ненужныя, не просимыя, а нужныя и спрашиваемыя правленіями Семинарій не высылаются. Учебный Комитетъ относится ко всему этому совершенно безучастно.— О физическихъ кабинетахъ и вовсе не заботится центральное управленіе. Съ Учебнымъ Комитетомъ и сношеній по сему дѣлу не бываетъ. Наша В. Семинарія еще въ декабрѣ 1906 года обратилась въ Хозяйственное Управленіе о высылкѣ или денегъ или приборовъ для физическаго кабинета, ибо мѣстныхъ средствъ не имѣется по бѣдности епархіи. Отвѣта на просьбу доселѣ нѣтъ... Ежегодно удерживается по 75 руб. съ каждой Семинаріи изъ ассигнуемыхъ на ея содержаніе Хозяйственнымъ Управленіемъ суммъ за предположенныя къ высылкѣ въ теченіе года книги для фундаментальной библіотеки. При скудномъ семинарскомъ бюджетѣ по этой статьѣ (400 руб., а за изъятіемъ 75— 325 руб.),—казалось бы,—необходимо съ осмотрительностію расходовать 75 руб. и *дѣйствительно* высылать на эти деньги все цѣнное. Учебный Комитетъ такимъ способомъ *едва ли* могъ бы съ пользою пополнять семинарскія библіотеки, а онъ, къ сожалѣнію, *едва ли и знаетъ* объ этихъ суммахъ... Творится десятки лѣтъ нѣчто весьма своеобразное и неприглядное. *Отчетовъ* и *полнаго* перечня книгъ, высылаемыхъ на эти средства, доселѣ не печаталось. Ни одно семинарское правленіе ни за какой годъ не можетъ отвѣтить даже приблизительно, на какую сумму и какія книги высланы въ счетъ *этого* кредита... Любопытно и важно по существу, еслибы хоть только за 3—5 послѣднихъ лѣтъ собрать *точныя* свѣдѣнія по этому предмету. Прямо, Лидвале-Гурковское дѣло!.. Вѣдь несомнѣнно, что на 75 руб. не высылается книгъ въ годъ ни въ одну Семинарію. А что посылается? Рѣдко дѣйствительно цѣнное и необходимое изданіе, но обычно такія изданія выписываются самими семинарскими правленіями раньше присылки ихъ изъ центральнаго управленія. Хорошо, конечно, имѣть и два и три экземпляра такихъ изданій, да ужъ очень рѣдко они доставляются. Напр., по полугодіямъ и четвертямъ года высылаютъ „Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια". Нѣсколько лѣтъ шлютъ старокатолическій журналъ (т. е. „Revue internationale de théologie") по 4—5 книжекъ заразъ. А дѣйствительно нужнаго не высылаютъ; приходится изворачиваться — откуда-нибудь урвать средства, чтобы выписать нужныя изданія. По опытамъ своей службы (за 22 года), едва ли ошибусь, если скажу, что нѣтъ ни одной Духовныхъ Семинаріяхъ всѣхъ твореній отцовъ Церкви, *даже переведенныхъ на русскій языкъ*... И выписать не на что»... Все это до слезъ краснорѣчиво, чтобы требовались еще мои комментаріи...

запретный плодъ. При томъ же къ послѣдней категоріи относились иногда авторитетные богословскіе труды,—и юношество теряло всякій критерій для сужденія о дозволенности разныхъ книгъ, коль скоро въ проскрипціонныхъ индексахъ находило докторскія диссертаціи академическихъ и университетскихъ профессоровъ, у которыхъ должны были получать высшее образованіе наилучшіе его представители. Въ свою очередь духовное начальство съ подозрѣніемъ смотрѣло на всякую новую книгу и систематически развивало въ ученикахъ пылкую любовь ко всевозможнымъ запретнымъ писаніямъ... Постепенно установились въ духовной школѣ навыкъ, вкусъ и традиціи для чтенія именно нелегальной литературы,—и она произвела страшныя опустошенія въ молодыхъ умахъ и сердцахъ, гдѣ все запретное накопляется съ необыкновенною интенсивностію и откуда вырывается потомъ вулканическою бурностію. Результаты у всѣхъ на лицо, и мы теперь пожинаемъ то, что сами сѣяли прежде съ бюрократическимъ упорствомъ. Въ нашемъ мірѣ всегда отъ малыхъ причинъ бываютъ большія послѣдствія, какъ отъ одной искры сгорѣла Москва... Духовно-педагогическія корпораціи прекрасно предвидѣли это заранѣе и обращались (хотя бы изъ Полтавской Семинаріи) съ энергичными ходатайствами въ Учебный Комитетъ, но оттуда не было «ни гласа, ни послушанія» [1]), а школа кипѣла, страдала и разлагалась... И вообще внѣклассное чтеніе было поставлено неудовлетворительно и настолько странно, что одобрялась, напр., такая явно нрраціональная мѣра, чтобы лишать малоуспѣвающихъ и неспособныхъ воспитанниковъ «права читать» всякія неучебныя книги изъ школьныхъ библіотекъ даже на два мѣсяца (ст. «Циркуляръ» № 1 за 1888 г., стр. 6)... Трудно вѣрится подобному педагогическому абсурду, но фактъ на лицо [2])...

Отгородившись бумажною стѣной отъ своихъ педагогическихъ задачъ, Учебный Комитетъ былъ не менѣе пассивенъ и въ самомъ ихъ исполненіи. Это прежде всего сказалось на учебныхъ планахъ. Они вырабатывались внѣ соображеній съ педагогическою жизнію и направлялись къ корректной униформѣ путемъ приспособленія къ господствующимъ правительственнымъ взглядамъ, для которыхъ школа была иногда не столько средствомъ воспитанія, сколько орудіемъ инородныхъ административныхъ тенденцій. Въ педагогическомъ смыслѣ всѣ позднѣйшія программы много ниже прежнихъ и часто уступаютъ послѣднимъ даже по учебному матеріалу [3]). Прямымъ мнѣніямъ и наблюденіямъ заинтересованныхъ

---

[1]) Вообще, испытывались крайнія стѣсненія по дѣлу пополненія ученическихъ библіотекъ,—и заинтересованныя лица не считали возможнымъ собственною властію выписывать даже такія книги, которыя — согласно утвержденнымъ Св. Синодомъ программамъ для церковно-учительскихъ школъ — назначены были для изученія въ послѣднихъ... Посему изъ Полтавской Семинаріи послали (въ 1901 году) объ этомъ спеціальное ходатайство въ Учебный Комитетъ, но оттуда отвѣта такъ и не дождались... Только уже въ 1905 году, когда много семинарскихъ святилищъ закрылись volens-nolens, напечатали циркуляръ, которымъ давались педагогическимъ собраніямъ *права* по выбору книгъ для ученическаго чтенія, хотя это всегда должно было составлять отвѣтственную *обязанность* истинно педагогическихъ учрежденій...

[2]) Вообще по вопросу о внѣшкольномъ чтеніи въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ см. еще въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906), стр. 237—239.

[3]) Поскольку въ Комитетѣ преобладали филологи,—отмѣчаю, напр., такой при-

педагогическихъ труженниковъ предпочитались формальные начальственные «отчеты», которые едва ли кѣмъ-нибудь читались для дѣла и просто умножали количество нумеровъ входящихъ комитетскихъ бумагъ. Иногда,— хотя крайне рѣдко,—запрашивали педагогическихъ работниковъ, но совершалось это какъ будто не въ серьезъ и вело лишь къ увеличенію архивныхъ комитетскихъ «богатствъ» [1]). Бывало иногда и нѣчто худшее, достаточно характеризующее минувшія настроенія Учебнаго Комитета. Вотъ достовѣрно и *лично* мнѣ извѣстный случай изъ первой половины 1895 года. По обязанности одинъ академическій доценъ въ своемъ экзаменаціонномъ отзывѣ (о пріемныхъ испытаніяхъ 1893 г.) помѣстилъ нелестныя замѣчанія о семинарской программѣ по своей спеціальности и о неправильной постановкѣ въ самомъ семинарскомъ преподаваніи. Это задѣло комитетскаго принципала, слишкомъ причастнаго къ этимъ недостаткамъ,— и потомъ въ Академіи полученъ былъ формальный документъ (отъ 16-го мая 1894 года за №-ромъ 2.128) съ категорическимъ предписаніемъ, чтобы разумѣемый критикъ представилъ свою программу съ подробнымъ ея развитіемъ и обоснованіемъ. Ничего не подозрѣвая, этотъ профессоръ разъяснилъ, что по данному предмету нѣтъ необходимости въ новой программѣ, а требуется лишь соотвѣтствующія измѣненія и улучшенія, которыя были раскрыты и отмѣчены пунктуально и съ достаточною подробностію. Ожидались соотвѣтственные результаты, но вышло прямо наоборотъ. Не вдолгѣ авторъ узнаетъ, что противъ него изготовлено «по Учебному Комитету» грозное прокурорское «предложеніе» (отъ 21-го

скорбный курсъ, что и при программахъ по уставамъ 1884 г. рекомендовалось для преподаванія латинскаго языка устарѣлое нѣмецкое руководство F. Spiess'a въ подлинникѣ, между тѣмъ это пособіе давно уже существовало на русскомъ языкѣ, а для Корнелія Непота указывался нѣмецкій подстрочникъ (частями тоже издававшійся по-русски, напр., къ Гомеру † П. С. Бровковичемъ) изъ Freund's Schüler—Bibliothek (см. Уставы православныхъ Духовныхъ Семинарій и Училищъ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года, съ относящимися къ нимъ постановленіями Святѣйшаго Синода, Спб. 1888, стр. 176, извѣстныя у педагоговъ Германіи подъ характерною кличкой Esels-Brücke, т. е. «ослиный мостъ» (см. и у проф. *А. І. Малеина* въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 6, стр. 316)... Теперь дѣло по этой части едва ли улучшается. Такъ, по самонсвѣжайшимъ планамъ для греческаго языка оставлены въ Семинаріяхъ только Ксенофонтъ и Платонъ, но опущены Геродотъ и Гомеръ, хотя въ IV-мъ классѣ требуется сообщеніе свѣдѣній о гекзаметрѣ и пентаметрѣ,— безъ предшествующаго и параллельнаго штудированія самыхъ образцовъ; педагогически нераціонально и въ противность природѣ языкового развитія вводится съ начала семинарскаго курса смѣшанное чтеніе классиковъ наряду съ отрывками изъ Новаго Завѣта (въ I-мъ классѣ изъ Евангелія Луки, во II-мъ изъ книги Дѣяній, въ III-мъ изъ посланія къ Евреямъ, въ языковомъ отношеніи болѣе близкаго къ нѣкоторыхъ частяхъ именно къ Евангелію Луки, и изъ 1-го посланія св. Іоанна Богослова, во многомъ очень труднаго и не столь характернаго, какъ его Евангеліе, хотя послѣдній изучается воспитанниками позднѣе. Въ трудныхъ мѣстахъ для Новаго Завѣта рекомендуется больше «перифразъ» славянскаго перевода, чѣмъ обращеніе къ греческому подлиннику. Программы по богословіямъ основному и догматическому прямо имѣютъ въ виду *понижение* богословскаго образованія будущихъ пастырей, не согласованы ни съ существомъ этихъ наукъ, ни съ запросами и потребностями времени. Во всемъ этомъ безспоренъ явный регрессъ, который—надѣемся—не будетъ узаконенъ при окончательномъ рѣшеніи.

[1]) Напр., по нѣкоторымъ «богословіямъ» спеціально привлекали одного заслуженнаго ректора и академическаго профессора, но комитетскіе дѣльцы постарались потомъ выкроить *свои* «программы», гдѣ дѣйствительные авторы совсѣмъ не узнаютъ своихъ трудовъ...

февраля 1895 года) самаго репрессивнаго свойства. Ему удалось добыть точную копію, и изъ нея онъ съ изумленіемъ убѣдился, что его за неподачу ни для кого ненужной программы укоряютъ даже въ неисполненіи высшаго повелѣнія и категорически обвиняютъ въ «непростительной неотчетливости богословской мысли и языка» за нѣкоторыя безобидныя выраженія. Власти поспѣшили лишить строптиваго профессора предназначеннаго ордена, но онъ принялъ свои мѣры. Подобравъ тожественныя фразы изъ синодскихъ, прокурорскихъ и комитетскихъ изданій, профессоръ препроводилъ отвѣтную записку съ рѣшительнымъ заключеніемъ, что по силѣ проектируемаго Указа придется напередъ признать «нетвердыми» православно Синодъ, Оберъ-Прокурора и Учебный Комитетъ. Это вызвало неожиданный переворотъ и перемѣнало всѣ роли:—разосланный къ синодальнымъ членамъ для подписи Указъ не былъ выпущенъ въ первоначальной формѣ, а инкриминируемая профессорская записка возвращена Комитету со внушеніемъ, чтобы ее взяли за основу для пересмотра вопроса о лучшей постановкѣ семинарскаго преподаванія по обсуждаемому предмету. Такъ-то на разстояніи чуть ли не мѣсяца одно и тоже оказывалось и неправославнымъ и краеугольнымъ для православія... Правда, и отсюда не получалось ничего путнаго, ибо «записку» разослали во всѣ другія Академіи «для отзывовъ», собрали послѣдніе и преспокойно образовали цѣлое «дѣло» въ синей папкѣ, мирно почивающее за извѣстнымъ нумеромъ [1])... Этотъ маленькій эпизодъ, истерзавшій откровеннаго профессора, наглядно свидѣтельствуетъ, въ какомъ духѣ и разумѣ Комитетъ разрабатывалъ учебные планы. Въ общемъ, они были безжизненны и своею бюрократическою обязательностію душили педагогическое творчество, поскольку преподаватели вынуждались неуклонно соблюдать узаконенные параграфы по рекомендованнымъ книжкамъ.

Для подобнаго верховнаго режима и при такихъ педагогическихъ требованіяхъ живые труженики съ собственною инціативой были эссенціально неудобны и потому мало находили себѣ пріюта въ духовной школѣ. Бывали даже некраткіе моменты, когда Учебный Комитетъ питалъ

---

[1]) Если не считать нѣкоторыхъ отраженій къ синодскомъ опредѣленіи отъ 15-го декабря 1899 года—12-го марта 1900 г. (№ 5.359), то лишь въ самоновѣйшей (отъ 1905 г.) «Запискѣ къ программѣ преподаванія Священнаго Писанія въ духовныхъ семинаріяхъ» замѣтны явные слѣды несомнѣннаго вліянія указаній и замѣчаній разумѣемаго профессора, хотя на первыхъ порахъ Комитетъ ограничивался лишь «циркулярною полемикой» съ нимъ, стараясь софистически уличить его въ неправдѣ (см. «Циркуляръ» № 13 за 1893 г., стр. 31—34), но объ этомъ не было сообщено заинтересованному лицу, которое узнало о семъ уже послѣ изъ случайнаго разговора съ ректоромъ Таврической (потомъ Харьковской) Семинаріи (въ г. Симферополѣ)—при лѣтнемъ посѣщеніи послѣдней въ цѣляхъ собственнаго ознакомленія... Теперь, впрочемъ, можно радоваться нѣкоторому успѣху, хотя бы въ духѣ Апостола (Филипп. I, 18)... Однако «Тамбовскій семинаристъ» свидѣтельствуетъ (въ «Колоколѣ» № 383 за 12-е мая 1907 г., стр. 3, стлб. 2), что фактически все идетъ попрежнему: «Нашу Семинарію не безъ основанія упрекаютъ въ безжизненной постановкѣ преподаванія Св. Писанія. Семинаристъ получаетъ знакомство не съ самымъ Св. Писаніемъ, а съ толкованіемъ его, подчасъ казуистическимъ. Этотъ недостатокъ былъ замѣченъ на пріемныхъ экзаменахъ въ Академіяхъ. Тамбовцы толкуютъ каждое слово, сыплютъ изъ Златоуста, Зигабена, Василія Великаго, Іоанна Дамаскина, а попроситъ профессоръ передать тоже самое мѣсто въ логической связи съ предыдущимъ,—не всякій сможетъ»...

особое «нелюбіе» къ «ученымъ» кандидатамъ богословія—тѣмъ паче съ магистерскою степенью, громко высказывая, что ему надобны учителя, а не «ученые», ибо они-де будутъ отвлекаться «разными науками», слишкомъ притязательны и не обладаютъ смиренною скромностію. Ссылка на ученые запросы для полученія мѣста въ центральныхъ городахъ была самымъ отрицательнымъ аргументомъ, чаще всего обрекавшимъ на полную неудачу ходатайства. Нужны были не люди, но покорные исполнители. Своевременно подошли на помощь и академическіе разрядные списки, дававшіе легкое средство для растасовки молодыхъ аспирантовъ духовной педагогіи. Сначала при нихъ препровождались характеристики выпускаемыхъ студентовъ относительно подготовленности каждаго къ той или иной спеціальности. Однако скоро всѣ убѣдились, что на эти рекомендаціи не обращаютъ надлежащаго вниманія и, если заглядываютъ, то исключительно въ конфиденціальные отзывы инспекторскіе о благонадежности... Дѣло это по необходимости заглохло, и даже я — достаточно послужившій профессоръ—совершенно не знаю, представляются ли теперь эти вѣдомости и въ какомъ видѣ и кѣмъ сочиняются [1])... Личностей замѣняла разрядная цифра, а реальное содержаніе почерпалось изъ побочныхъ пособій [2])... Производились искусныя манипуляціи и съ аттестатными «отмѣтками», изъ коихъ устроялись «свободныя» комбинаціи, нужныя для комитетскихъ кѣлей или вершителей. Опредѣленія на мѣста совершались механически, безъ строгаго соображенія съ достоинствами конкурентовъ [3]). Отсюда цѣлый рядъ неестественныхъ и противоестественныхъ назначеній. И нѣтъ числа примѣрамъ, что философъ загонялся на невѣдомый ему латинскій языкъ, хотя онъ свободно читалъ и говорилъ по-гречески, а латыни совсѣмъ не изучалъ, историкъ преображался въ библеиста, моралистъ становился лингвистомъ, словесникъ попадалъ на историческія дисциплины и т. п. Понятно, что такіе педагоги не засиживались на чужихъ стульяхъ и съ необыкновенною подвижностію перепрыгивали съ каѳедры на каѳедру по картѣ всей Европейской Россіи. На первыхъ порахъ они искали своего излюбленнаго предмета, но потомъ подъ житейскими давленіями просто стремились туда, гдѣ лучше и удобнѣе. Сверху какъ будто поощряли эти перепархиванія, потому что открыва-

---

[1]) А вѣдь даже въ 1882 году покойный предсѣдатель Учебнаго Комитета протоіерей А. И. Парвовъ жаловался, что «академіи обыкновенно даютъ (о своихъ кандидатахъ) рекомендаціи неопредѣленныя и уклончивыя, изъ которыхъ трудно сдѣлать какое-либо (sic! употребленіе», но † проф. И. О. Нильскій доказалъ, что тутъ сваливается вина съ больной головы на здоровую... (см. у о проф. *О. И. Титова*, Двѣ справки по вопросу о преобразованіяхъ духовныхъ академій въ Россіи въ XIX в. въ «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 4, стр. 596. Послѣднее еще болѣе вѣрно для новѣйшаго періода...

[2]) Во время засѣданія V-го «предсоборнаго» отдѣла 9-го декабря 1906 года указывали, что нынѣ въ Учебномъ Комитетѣ имѣются профессора, дающіе свои аттестаціи объ академическихъ кандидатахъ, почему я вынужденъ былъ констатировать, что отъ другихъ Академій кромѣ С.-Петербургской) нѣтъ тамъ представителей; слѣдовательно, рекомендація получается односторонняя, и ея не нужно бы допускать ни въ какомъ случаѣ (если сами разумѣемые члены не догадываются объ этомъ)—въ интересахъ единства системы назначенія преподавателей и ради равноправности конкурренціи для всѣхъ аспирантовъ духовно-педагогическаго служенія...

[3]) Достойно особаго вниманія, что и доселѣ преподаватели духовно-учебныхъ заведеній назначаются «приказами» синодальнаго Оберъ-Прокурора...

лась широкая возможность безпрепятственно располагать всѣми педагогическими фигурами. Нѣтъ надобности подчеркивать, насколько вредно отзывалось это явленіе на всемъ педагогическомъ строѣ духовной школы [1]), гдѣ многое напоминало игру маріонетокъ [2]). На бѣду сюда вторглась еще педагогическая монахомания [3]), вызвавшая окончательную путаницу [4]). Тутъ уже прямо вся важность была не въ человѣкѣ, а въ кускѣ матеріи извѣстнаго цвѣта. Главныя начальственныя и административныя должности заполнялись молодыми черицами [5]), получавшими самый невѣроятный ходъ,—точно они были воплощеніемъ педагогической мудрости и образцовыхъ добродѣтелей. Эти радужныя перспективы окрыляли академическихъ посредственностей свѣтлыми надеждами на легкую поправку своей ученой отсталости, и—вопреки прежнимъ временамъ—позднѣе пошли въ монахи совсѣмъ не лучшіе студенты. Со стороны, «отъ внѣшнихъ», тоже ринулись всякіе неудачники, которые сразу «авансомъ» заявляли, что чрезъ академическое монашество желаютъ устроить свою духовную карьеру—отъ смотрительства къ ректорству и затѣмъ къ архіерейству, достигавшемуся иногда чуть не въ тридцать лѣтъ [6])... Были, конечно, люди искрен-

---

[1]) Проф. *Ал. И. Лебедевъ* даже пишетъ (въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 147.), что «*научный прогрессъ по части церковной исторіи въ семинаріяхъ начнется тогда, когда Учебн. Ком. перестанетъ вмѣшиваться въ преподаваніе свѣтскихъ наукъ*»... Вотъ такъ аттестація по отношенію къ главнѣйшей обязанности, которая—по закону—лежитъ на этомъ церковно-правительственномъ и государственномъ учрежденіи!?... Доколѣ, Господи?....

[2]) См. по этой части важныя указанія въ «Церковномъ Вѣстникѣ» 1906 г., № 45 за 9-е ноября, стлб. 1452—1453.

[3]) Какъ начала она прививаться въ описываемый періодъ,—см. у о. проф. *Ѳ. И. Титова*, Двѣ справки по вопросу о преобразованіяхъ духовныхъ академій въ Россіи въ XIX в. въ «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 4, стр. 494 сл., при чемъ крайне знаменателенъ вопросъ (на стр. 500) † проф. Н. Ѳ. Нильскаго: «кто кого развращаютъ—студенты монаховъ, или же монахи студентовъ?» Отвѣтъ на это можно находить, напр., у *И. Болховецкаго*, который пишетъ («Ученое монашество» и наша духовная школа въ «Миссіонерскомъ Обозрѣніи» 1907 г., № 5, стр. 809—810): «Въ нравственномъ отношеніи иноки-студенты ничуть не возвышались надъ уровнемъ академическаго благочестія, а во многихъ случаяхъ стояли и ниже этого уровня, „по искушенію“»... «Лицъ, принявшихъ монашескій постригъ по призванію, съ рѣшимостью навсегда подчиниться игу иноческихъ обѣтовъ, я не зналъ ни во время своего обученія въ академіи, ни, насколько то было мнѣ извѣстно, во время болѣе чѣмъ десятилѣтней службы по окончаніи академическаго курса... „Мірскихъ“ же „благъ“ они никогда не чуждались и не отрекались отъ нихъ на будущее время...», при чемъ констатируется у нѣкоторыхъ изъ нихъ и «отсутствіе всякихъ нравственныхъ устоевъ»...

[4]) См. и у *И. Болховецкаго* въ «Миссіонерскомъ Обозрѣніи» 1907 г., № 5, стр. 808: «Бывшіе сановники духовнаго вѣдомства проводили „протекціонную“ политику по отношенію къ „ученому монашеству“ и въ немъ одномъ, кажется, видѣли спасеніе и нашей духовной школы и нашей церкви. А что этимъ „*протекціонизмомъ*“ *къ ученымъ монахамъ* въ товарищахъ послѣднихъ по академіи и сослуживцахъ по семинаріи *самымъ безцеремоннымъ образомъ разрушалось чувство правды и парализовалась энергія къ идейному служенію „дѣлу“*, а не лицамъ“, отъ чего страдала и страдаетъ духовная школа,—сіе повидимому не входило въ соображеніе этихъ сановниковъ. Факты же такого „протекціонизма“ были чудовищны по своей несправедливости».

[5]) Ср. у *И. Болховецкаго* въ «Миссіонерскомъ Обозрѣніи» 1907 г., № 5, стр. 812—813.

[6]) Нѣкоторые удивительные факты этого рода см. у *И. Болховецкаго* въ «Миссіонерскомъ Обозрѣніи» 1907 г., № 5, стр. 815—816, при чемъ прибавляется (стр. 810), что такъ двигались даже тѣ, «которые въ академіи достойно были „притчею во языцѣхъ“ по своему невѣжеству и отсутствію всякихъ нравственныхъ устоевъ».

ніе и идейные, но не грѣхъ сказать, что они относились къ разряду исключеній и двигались служебно едва ли не медленнѣе своихъ коллегъ иногда склада и другихъ упованій. Во всякомъ случаѣ всѣ монахи—начальники, попадавшіе на отвѣтственные посты прямо со школьной скамьи, не имѣли для сего ни опыта, ни знаній, ни такта, а рангъ, диспозиціи и инструкціи обязывали ихъ держаться «славно и грозно», открывая имъ просторъ къ свободному и безконтрольному хозяйничанью казенными кредитами на свои личныя нужды или причудливые капризы. Тогда оставалось одно средство—закутаться въ начальственное величіе и свои несомнѣнные недочеты восполнять не менѣе безспорною властностію, для подчиненныхъ мало пріятною и почти неотразимою при доступности духовнаго правительства для первыхъ [1]) и при равной замкнутости его для вторыхъ, которые часто и не предчувствовали уготовляемыхъ имъ прещеній. Развивался глухой антагонизмъ, и—по подобію цирковыхъ партій разлагавшейся Византіи—образовались въ духовной школѣ столь вредныя оппозиціонныя теченія «рясофоровъ» и «фрачниковъ» или «сюртучниковъ», не рѣдко питавшихъ непримиримое взаимное недоброжелательство. Бывало даже такъ, что молодой монахъ поступалъ начальникомъ туда, гдѣ служили его сѣдовласые учители, и онъ порою расправлялся съ ними «безъ стѣсненій», повелительно высылая ихъ изъ оффиціальныхъ педагогическихъ засѣданій при непокорномъ протестѣ [2]). Гораздо чаще встрѣчались случаи, когда монахъ изъ захудалыхъ студентовъ, извѣстный въ Академіи подъ кличкою «іероканитана» [3]), оказывался ректоромъ, либо смотрителемъ, хотя его лучшій товарищъ являлся при

---

[1]) И *Н. Болховецкій* упоминаетъ (въ «Миссіонерскомъ Обозрѣніи» 1907 г., № 5, стр. 816) о «quasi-ученыхъ *монашенкахъ, состоявшихъ инспекторшами епархіальныхъ владыкъ*».

[2]) Отсюда—«при наглядно поправившейся двигателями „ученыхъ монаховъ“ справедливости»—вытекало, что «воспитанники академій и во время своего обученія и послѣ, на службѣ въ духовно учебныхъ заведеніяхъ, не могли не развращаться такимъ насиліемъ надъ правдой и презрѣніемъ къ наукѣ и учебно-воспитательной пользѣ духовной школы» (*Н. Болховецкій* въ «Миссіонерскомъ Обозрѣніи» 1907 г., № 5, стр. 810), ибо, напр., «въ духовныхъ академіяхъ, этихъ разсадникахъ и начальства и учительства въ духовныхъ семинаріяхъ, ректорствуютъ исключительно монахи, и ректорствуютъ въ качествѣ зазжихъ на время на постоялый дворъ до полученія епархіальной каѳедры» (стр. 813). Воспитывалось «утилитарно-мѣщанское настроеніе: наука для жизни—пусть, нравственная порядочность тоже не цѣнится, нужна одна наука—всѣми возможными способами устроить себѣ обезпеченную жизнь, т. е. настроеніе, чуждое всякихъ дѣйствительнаго человѣческихъ идеаловъ. „Ученое монашество“ наше въ подавляющемъ большинствѣ первымъ слѣдовало этому настроенію и, будучи поощряемо сверху, развращало культурную силу духовной школы. Къ наукѣ оно собственно рѣдко прикасалось. Подъ знаменемъ церковности оно большею частію дѣлало себѣ карьеру. Руководимое имъ духовное юношество это чувствовало и „на законномъ основаніи“, такъ сказать, обворовывалось въ своихъ порывахъ къ идеаламъ „разумнаго, добраго, вѣчнаго“» (стр. 811). «Монашество это представляетъ собой теперь особый типъ людей, какъ и прочіе человѣцы, жаждущихъ мірского блага, но во имя и для сего отрекшихся» (стр. 814).

[3]) Объ этомъ «иноѣ» см. «непосредственныя» свидѣтельства *Н. Болховецкаго* въ «Миссіонерскомъ Обозрѣніи» 1907 г., № 5, стр. 809—810, 811 подъ №№—рами 1 и 4-мъ.

немъ въ скромной роли надзирателя, помощника инспектора, сверхштатнаго поурочнаго преподавателя и т. п. И на инспекторскихъ сѣдалищахъ въ Академіяхъ возсѣдали иногда такіе иноки, о которыхъ, по-истинѣ, «удобѣе молчаніе», а они все-таки скоро сподоблялись чести архіерейства, едва ли измѣняясь по природѣ; другіе же свободно разъѣзжаютъ по отпускамъ и совсѣмъ не читаютъ своихъ обязательныхъ лекцій... Стали сбѣгать (въ С.-Петербургѣ) не только академическіе экономы изъ свѣтскихъ, растратившіе деньги казенныя, студенческія и своихъ учителей—профессоровъ, но исчезали (въ Кіевѣ) внезапно даже семинарскіе ректора—архимандриты, квартиры которыхъ приходилось взламывать и находить тамъ совершенно неожиданныхъ насельниковъ. Подобные принципалы, конечно, удалялись, и ихъ смѣняли юные черпецы, сразу получавшіе у воспитанниковъ кличку «молокососовъ» [1])... Можно ли было ожидать тутъ авторитетности и вліятельности, да еще въ такое тревожное время [2])?... Все это сразу создавало противоестественное положеніе и фатально вносило роковую дезорганизацію во всю духовную педагогію. Причина коренилась въ природѣ вещей, и никакія усилія самихъ молодыхъ монаховъ и корпорацій не могли устранить того, что было въ существѣ дѣла и требовало радикальнаго улучшенія именно въ послѣднемъ. Не пришло еще время писать правдивую исторію нашего педагогическаго монашества, а кое о чемъ и совсѣмъ нельзя говорить [3]).

---

[1]) Ср. къ сему «Церк. Вѣдомости» № 37 за 16-е сентября 1906 года, стр. 406*б*, пунктъ XVII.

[2]) Это относится не только къ духовной школѣ, но и ко всей церковной жизни. Приводимъ безъ всякихъ комментаріевъ слова отъ 1-го іюля 1906 г. † *К. П. Побѣдоносцева*, которому никто не можетъ отказать ни въ авторитетности, ни въ проницательности: «Удивляться надо всеобщему безумію. Видно, нѣчто роковое есть въ этомъ выниманіи со дна кѣмъ-то брошеннаго камня! И какъ будто никто не замѣчаетъ, какъ они подвизаются рѣчами на воздухѣ, точно „воздухъ бія", не имѣя подъ собою почвы. Какое же можетъ стоять зданіе безъ основанія? Какой домъ построишь, не соображая ни материка, ни почвы? И всѣ нынѣ проповѣдуютъ выборы! Какіе могутъ быть выборы, когда никто самъ на своихъ ногахъ не стоитъ и не имѣетъ твердаго мнѣнія, кромѣ каприза!» См. въ брошюрѣ «Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ въ его письмахъ» [къ А. В. Гаврилову], Спб. 1907, стр. 14, но этотъ пассажъ не былъ пропущенъ къ напечатанію въ «Прибавл. въ Церк. Вѣдом.» № 12 за 24-е марта 1907 года на стр. 544*а*...

[3]) Конечно, о данномъ предметѣ писано и даже напечатано у насъ достаточно, но все это слишкомъ субъективно и пристрастно. Если одна сторона не прочь была примѣнять Рим. II, 24 именно къ духовнымъ педагогамъ изъ монаховъ, то послѣдніе доселѣ (см. «Колоколъ» № 311 за 8-е февраля 1907 г., стр. 5) рѣшительно обвиняютъ своихъ критиковъ, будто они «клевещутъ (?!?) на ученое (?!?) монашество сознательно»... Бывали въ первомъ отношеніи крайнія преувеличенія (см. противъ о. проф. П. Я. Свѣтлова у епископа Кашпрскаго *Георгія*, Гдѣ причина упадка духовной школы? въ журналѣ «Вѣра и Церковь» VIII [1906 г.], кн. 6—7, стр. 199—210), но безспорно, что ни у кого изъ свѣтскихъ дѣятелей духовнаго просвѣщенія нѣтъ даже самомалѣйшей принципіальной вражды къ монашеству, какъ подвигу христіанскаго устроенія своего спасенія,—и я лично,—соглашаясь съ мнѣніемъ епископа Томскаго Макарія (въ «Отзывахъ епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ», т. III, Спб. 1906, стр. 378), что «истинное пастырство есть подвижничество болѣе высокое, чѣмъ иночество»,—въ то же время нахожу вполнѣ резонными соображенія архіепископа Финляндскаго Сергія (Страгородскаго) о взаимоотношеніи епископства и монашества (ibid., стр. 266—267: «всякій, кто ясно представляетъ себѣ всю глубину доступнаго человѣку самоотреченія, которая требуется отъ епископа, какъ продолжателя дѣла Агнца Божія, вземлющаго грѣхъ міра,—всякій, прежде чѣмъ принять на себя этотъ великій санъ

Впрочемъ, и теперь для безпристрастнаго наблюдателя незыблемо, что оно вольно и невольно способствовало паденію педагогическаго уровня нашихъ духовно-учебныхъ заведеній. Понизилось какъ будто и внѣшнее благочестіе, хотя Комитетъ давалъ точнѣйшія инструкціи касательно стихиръ, антифоновъ, тропарей (см. «Циркуляръ» № 5 за 1889 г., стр. 8—13), предусмотрительно заботился о разстановкѣ воспитанниковъ по лучшимъ мѣстамъ въ церквахъ (№ 13 за 1893 г., стр. 36—36), а попеченія о нравственности простиралъ до того, что не допускалъ участія учениковъ даже въ «обществахъ благотворительныхъ, гимнастическихъ и другихъ» (№ 17 за 1897 г., стр. 5) и самимъ преподавателямъ оффиціально воспрещалъ карточную игру въ клубахъ (№ 7 за 1890 г., стр. 2)... На практикѣ же получилось не «уповаемыхъ извѣщеніе», а нѣчто совсѣмъ обратное... Вѣдь извѣстенъ, напр., не очень давній случай, когда воспитанники южной (Таврической) Семинаріи обошлись со своею святыней болѣе непочтительно [1]), чѣмъ университетскіе (Кіевскіе) студенты (изъ евреевъ?) съ иконой [2])... А въ одномъ

[если къ нему призовутъ], самъ почувствуетъ внутреннюю необходимость пережить то дѣятельное отданіе себя въ жертву Господу, которое составляютъ (resp. должно составлять!] сущность монашества и, въ частности, чина постриженія»; впрочемъ, въ послѣднемъ для меня есть нѣчто искусительное). Вся причина существующихъ обостреній заключается въ несомнѣнныхъ ненормальностяхъ положенія вещей, когда и нынѣ всю русскую Церковь желаютъ сдѣлать чисто монашескою (ibid. III, стр. 15: «не слѣдуетъ допускать ни одного свѣтскаго сюртучника на службу въ патріаршее или епархіальное управленіе. Главную силу въ Церкви долженъ имѣть монашескій духъ и дисциплина»), объявляютъ монашество «сущностію христіанства» (ibid. III, стр. 217), при постриженіи даже вдовыхъ священниковъ прямо провозглашаютъ, что они лишь теперь начинаютъ жить истинно христіанскою жизнію (ср. «Церковный Вѣстникъ» №№ 2 и 12 за 8-е января и 18-е марта 1904 г., стлб. 40 сл. 356 сл. и въ книгѣ епископа [архіеп. Финляндскаго] *Сергія*, Слова и рѣчи, Спб. 1905, стр. 131 сл. 138 сл.), рѣзко бичуютъ реформатствующихъ іереевъ» («Отзывы» II, стр. 499) за «пресвитеріанское движеніе» (ibid. III, стр. 24), а стремящихся къ церковному соучастію мірянъ прямо титулуютъ «разрушителями» (ibid. III, стр. 4) и видятъ у нихъ «діавольскія ухищренія» (ibid. III, стр. 493), школы же духовныя на всѣхъ ступеняхъ—вплоть до Академій (ibid. I, стр. 179; II, стр. 553)—мечтаютъ превратить въ чисто монашескіе институты (ibid. I, стр. 130; II, 137—138; III, стр. 389—390. 392 и др.)... Подобныя крайности, отзывающіяся на практикѣ чрезвычайно тяжело, иногда вынуждали къ антимонашескимъ разъясненіямъ и ограниченіямъ даже самыхъ корректныхъ и авторитетныхъ лицъ (см. у бывшаго ректора и профессора С.-Петербургской Духовной Академіи, нынѣ о. протопресвитера *І. Л. Янышева*, Православно-христіанское ученіе о нравственности, 2-е изданіе, Спб. 1906, стр. 7_{11}. 18_{11}; 200_{12}. 423_{14})... Болѣе спокойное, хотя довольно отвлеченное, разсмотрѣніе настоящаго вопроса мы встрѣтили въ брошюрѣ г. *С. П. Введенскаго*, Наше ученое (?) монашество и современное церковное движеніе. Москва 1906..

[1]) Вообще для характеристики Таврической Семинаріи см. оффиціальный документъ въ «Колоколѣ» № 341 за 17-е марта 1907 г.

[2]) А изъ Вятки сообщаютъ (въ «Новомъ Времени» № 11.191 за 10-е мая 1907 года, стр. 5, стлб. 3, и въ «Колоколѣ» № 384 за 13-е мая 1907 г., стр. 3, стлб. 3), что въ 1907 году на Пасхѣ нѣсколько семинаристовъ, очевидно освободившихъ себя отъ всякой совѣсти, поснимали иконы въ спальной комнатѣ общежитія, раскололи одну изъ нихъ на щепы для растопки печи, а остальныя побросали въ ватеръ-клозетъ, а на мѣсто иконъ повѣсили метлу». «Въ Тамбовѣ же семинаристы въ Страстной четвергъ, передъ отправленіемъ въ церковь къ св. причащенію, демонстративно на глазахъ начальства пили чай и ѣли колбасу и ветчину. Послѣ такого кощунства они невозбранно приступили къ величайшему изъ таинствъ, вопіющую оправдывая слова воспѣваемаго въ тотъ день канона: „слава долготерпѣнію Твоему, Господи“»! (см. «Свѣтъ» № 128 за 17-е мая 1907 г., стр. 1, стлб. 2)..

епархіальномъ женскомъ училищѣ былъ массовый эксцессъ возмутительнаго свойства по этой части [1])... Совсѣмъ недавно Симбирскіе семинаристы устроили «химическую обструкцію» даже въ самой своей церкви во время богослуженія [2]), Петербургскіе же привѣтствовали (чрезъ газеты) торжественнымъ адресомъ «освободительнаго» члена Думы «священника» Тихвинскаго и отъ имени предстоящаго выпуска 1907 года въ своемъ печатномъ (въ газетѣ «Русь») обращеніи къ «совѣту профессоровъ С.-Петербургскаго университета» прямо заявляютъ, что у нихъ «нѣтъ ни призванія, ни желанія идти въ священники и въ духовную академію» [3]), т. е. именно туда, куда ихъ спеціально готовили цѣлыхъ 10—11 лѣтъ [4]). Факты эти глубоко горестны, но не слѣдуетъ спорить противъ очевидности [5]),

---

[1]) Во время своихъ занятій въ С.-Петербургской епархіальной коммиссіи (въ концѣ 1905 г.) мы съ удовольствіемъ убѣждались, что изо всей столичной духовно-учебной молодежи самыя разумныя пожеланія заявили воспитанницы Исидоровскаго женскаго училища. Къ прискорбію, зараза стала проникать и въ эту среду, куда послѣдній обще-семинарскій съѣздъ (см. ниже стр. 105,,126) направилъ особое воззваніе «товарищамъ-епархіалкамъ» съ приглашеніемъ войти въ эту организацію, устроять «освободительные» кружки и пр. Начали образовываться (въ г. Курскѣ) «сознательныя епархіалки» буйнаго типа (см. «Колоколъ» № 363 за 12-е апрѣля 1907 г.. стр. 3), а было слышно даже и то, что (въ одномъ изъ поволжскихъ городовъ) онѣ требовали дозволенія для себя на легальные и «гражданскіе» браки еще во время обученія, ибо-де нельзя стѣснять свободу любви... О Курскихъ воспитанницахъ ревизоръ *Д. И. Тихомировъ* пишетъ: «онѣ въ октябрѣ 1906 г.,—въ то время, когда въ Курской семинаріи волненія производились „группою сознательныхъ семинаристовъ“, —у себя въ училищѣ (съ 11 по 21 октября) также многократно поднимали шумъ, крикъ, стукъ въ спальныхъ комнатахъ, корридорахъ, столовой и другихъ комнатахъ, тушили электричество, пѣли марсельезу, устраивали кошачьи концерты и проч.» (см. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 21 за 26-е мая 1907 года, стр. 849—250)... Этого слишкомъ достаточно, чтобы задуматься о состояніи епархіальныхъ женскихъ училищахъ, о которыхъ даже не поднималось и вопроса при обсужденіи учебныхъ дѣлъ на Предсоборномъ Присутствіи..., но см. стр. 88, прим.

[2]) См. «Новое Время» № 11.159 за 6-е апрѣля 1907 года, стр. 6, стлб. 2, и «Колоколъ» № 360 за 8-е апрѣля 1906 г., стр. 3, изъ «Симбирянина».

[3]) Объ этихъ же семинаристахъ «Русь» сообщаетъ (№ 149 за 10-е іюня 1907 года, стр. 4, стлб. 6): «Окончили полный курсъ Спб. Духовной Семинаріи въ текущемъ (1907) году 42 ч., изъ нихъ только 8 ч. принимаютъ священство, остальные же поступаютъ въ высшія свѣтскія учебныя заведенія, или же идутъ въ сельскіе учителя». А «Колоколъ» поясняетъ (№ 409 за 14-е іюня 1907 г., стр. 2, стлб. 2): «Такое бѣгство г.г. питомцевъ духовной школы отъ служенія вскормившей и воспитавшей ихъ церкви лишній разъ—и весьма ярко—указываетъ на потерю нынѣшней Духовной Семинаріей ея духовнаго облика, на утрату духа церковности въ строѣ нынѣшняго обученія и воспитанія нашей духовной молодежи». См. еще стр. 105,,.

[4]) См. еще категорическое заявленіе Тобольскихъ семинаристовъ (въ сборникѣ «Духовная школа», Москва 1905, стр. 278, и ср. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. II, стр. 491а): «*принимающихъ санъ священства по искреннему убѣжденію изъ окончившихъ нашу семинарію мы ни одного не знаемъ*»... Неужели мы должны согласиться съ извѣстнымъ публицистомъ *М. О. Меньшиковымъ* (въ фельетонахъ «Новаго Времени» №№ 11.174 и 11.203 за 21-е апрѣля и 27-е мая 1907 года), что «духовная школа *потеряла* секретъ давать духовныхъ пастырей» и что «*даже слѣда святыни* не осталось въ иной душѣ русской—даже семинарской, даже поповской душѣ»?

[5]) У насъ даже самыя авторитетныя іерархически-духовныя власти любятъ ссылаться, что нынѣ забастовки, волненія, безпорядки происходятъ и въ тѣхъ Семинаріяхъ, гдѣ ректорами состоятъ протоіереи. Тяжело опровергать это очевидное и пристрастное недоразумѣніе... Фактъ, конечно, вѣренъ, но надобно вдуматься въ его генезисъ и природу. Вѣдь вся важность въ томъ, *откуда* пошло, *какъ* и *кѣмъ* создалось теперешнее страшное положеніе духовной школы? А здѣсь для отвѣта достаточно констатировать, что при прежнихъ выборныхъ семинарскихъ ректорахъ изъ бѣлаго духовенства ничего подобнаго не было и не предвидѣлось... Когда же все испортилось и разстроилось, тутъ и героическія отдѣльныя усилія хотя бы геніевъ не могутъ поправить дѣла, пока не

если мы искренно ищемъ доброй пользы для духовной школы, которая для своей плодотворности должна обновиться, «яко орля» [1]). Въ этомъ монашески—начальническомъ увлеченіи Учебный Комитетъ не вполнѣ

будетъ радикально-обновительной и возраждающей реформы. Значитъ, всѣ подобныя рѣчи убѣждаютъ развѣ въ томъ, что требуется ужасающій громъ гнѣва Божія, чтобы мы перекрестились и, благословясь, начали соображать своимъ «крѣпкимъ заднимъ умомъ»... Позволительно упомянуть еще и о томъ, что новые «бѣлые» ректора назначались административно, а не выборно, часто вопреки общему голосу духовенства и педагогическаго міра и всегда безъ ихъ участія, которое въ большинствѣ случаевъ едва ли одобрило бы подобныя «промоціи» иногда подозрительнаго свойства (см. ниже стр. 116)... Такъ, я имѣю самоновѣйшій фактъ, что въ одной многолюдной и не спокойной Семинаріи (В-ской) при замѣщеніи свободной ректорской вакансіи рѣшающую роль играютъ «соборяне» (т. е. нѣкоторые близкіе къ архіерею члены соборнаго клира), хотя мнѣніе корпораціи совсѣмъ иное.

[1]) А еще академическіе ректора заявляли, что «на академію въ нашей средѣ, къ сожалѣнію, привыкли смотрѣть, какъ на удобный способъ избѣжать духовнаго званія» (см. «Церковный Вѣстникъ» № 2 за 8-е января 1904 г., стлб. 41 и у епископа *Серія*, Слова и рѣчи, Спб. 1905, стр. 133), при чемъ иногда (напр., въ Казани) студенты отказываются пѣть въ своей церкви иначе какъ за плату... Значитъ, не идетъ ли теперь дѣло и къ принципіальному отрицанію?... Вѣдь свидѣтельствуетъ же «Колоколъ» (въ №-рѣ 364 за 13-е апрѣля 1907 года, стр. 2—3) о «движеніи семинаристовъ... *противъ богослуженія*»... Напр., въ Тамбовской Семинаріи въ послѣднее время воспитанники занялись изданіемъ подпольнаго журнала «Факелъ» и здѣсь «не только всячески глумятся и издѣваются надъ своимъ начальствомъ, но тѣмъ или инымъ причинамъ неугоднымъ имъ, но, чтобы добиться „свободы",—призываютъ всѣхъ своихъ товарищей къ забастовкѣ—отказаться отъ посѣщенія богослуженія» (см. «Колоколъ» № 395 за 26-е мая 1907 года, стр. 2, стлб. 4)... Самъ «Тамбовскій семинаристъ» пишетъ, что его коллеги «рѣшились добиться отмѣны обязательнаго посѣщенія богослуженій, рѣшили не ходить въ церковь. Первоклассниковъ силой принуждали не идти въ церковь. У всенощной были только 5-й и 6 классы, нѣсчіе, да человѣкъ 20 изъ низшихъ классовъ, не послушавшихся „убѣдительныхъ" доводовъ товарищей... Отъ бездѣлья семинаристы энергично взялись за политику (прошлогодняя демонстрація въ стѣнахъ Семинаріи съ красными флагами и революціонными пѣснями, забастовка 1 мая, выстрѣлъ въ предсѣдателя „союза русскихъ людей", арх. Осодора, облитіе кислотой Царскаго портрета, звѣрское покушеніе на о. Симеона, приговоръ къ смерти нѣкоторыхъ преподавателей). Нѣкоторые изъ семинаристовъ состоятъ въ боевой дружинѣ с.-р. (двое посылали письма г-ну Плятицину за печатью боевой дружины соціалъ-революціонеровъ съ требованіемъ денегъ на нужды революціи). Тамбовская Семинарія числится въ союзѣ 32 Семинарій. На декабрьскомъ Московскомъ съѣздѣ союзниковъ былъ депутатъ и отъ Тамбовской Семинаріи. На этомъ съѣздѣ было рѣшено приступить къ террористическимъ мѣрамъ противъ начальства и первой жертвой этого постановленія былъ о. Симеонъ. А теперь носятся слухи, что къ смерти приговорены нѣкоторые изъ преподавателей. Въ Семинаріи есть свой комитетъ,—вѣрнѣе подъотдѣлъ революціоннаго тамб. комитета. Этотъ комитетъ имѣетъ свой органъ—„Факелъ", собираетъ пожертвованія на нужды убійцъ, политическихъ заключенныхъ, завѣдуетъ подпольной библіотекой, состоящей главнымъ образомъ изъ массы конфетныхъ брошюръ по аграрному вопросу, противъ церкви и государства, сочиненій Ренана, Дарвина, Ницше и пр.» (см. «Колоколъ» № 383 за 12-е мая 1907 г., стр. 3, стлб. 2—3). Въ Нижегородской Семинаріи «13-го мая между 3 и 5 часами дня воспитанники совершили страшное кощунство: въ своей церкви разбили изъ сада камнемъ окно въ рамѣ, на горнемъ мѣстѣ, затѣмъ отворили разбитое окно и ножемъ разрѣзали крестообразно икону „Моленіе о Чашѣ", написанную на полотнѣ и вставленную въ окно и, наконецъ, бросили два камня чрезъ образовавшееся въ иконѣ отверстіе, при чемъ одинъ камень упалъ на св. плащаницу, а другой, не долетѣвъ до св. престола, упалъ у седьмисвѣчника» (см. «Колоколъ» № 391 за 24-е мая 1907 года, стр. 2, стлб. 4)... Откуда, почему и когда по-явилось все это, разъ для «старыхъ» Академій (напр., С.-Петербургской) «характеристическою чертой было такое явленіе, что громадное большинство питомцевъ посвящали себя *священническому* и преподавательскому служенію *А. С. Родосскій*, Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII-ми курсовъ С.-Петербургской Духовной Академіи: 1814—1860 гг., Спб. 1907, стр. LXXXIV), а нынѣ мы видимъ совсѣмъ обратное (ср. у *проф. А. А. Брянцева* въ «Странникѣ» 1907 г., № 4, стр. 654; см. и выше стр. 104[2]), хотя прежде спросъ на академическихъ кандидатовъ для свѣтскихъ профессій былъ неизмѣримо больше?...

повиненъ и самъ часто творилъ, «не еже хотѣлъ» [1]), будучи страдательнымъ орудіемъ по причинѣ ненормальности своего устройства, рабски подчинившаго этотъ институтъ возобладавшимъ тенденціямъ церковно-правительственной политики. При всемъ томъ для него была ясна грозившая опасность, а онъ не изрекалъ ни звука и повиновался тогда, когда молчаніе хуже нарушенія; между тѣмъ требовалось небоязненно исполнять божественно-спасительный завѣтъ (Дѣян. XVIII, 9): *глаголи, и да не умолчиши*... Вѣдь еще римско-каноническій афоризмъ (Бонифація VIII) гласитъ: Qui tacet, consentire videtur...

Ошибочная система давила все учрежденіе и всѣхъ его дѣятелей. Тою порой отмѣченное настроеніе пріобрѣтало господство и всячески поощрялось «предержащими властями», потому что давало имъ рѣшительное средство перегонять духовно-педагогическихъ «правителей» по картѣ Россійской Имперіи съ не меньшею легкостію, чѣмъ пѣшки на шахматной доскѣ. Отсюда опять новое неблагопріятное слѣдствіе отъ подобныхъ калейдоскопическихъ передвиженій [2]). Нетерпимый въ одномъ мѣстѣ—педагогъ-начальникъ долженъ бы былъ прямо удаляться съ педагогическаго поля, но его переводили въ равноправный педагогическій институтъ, какъ будто педагогическое дѣло не вездѣ тожественно и не требуетъ всюду преданныхъ и опытныхъ работниковъ (см. и ниже стр. 116, прим. 127). Разсуждали и поступали иначе, неизбѣжно утверждая тотъ взглядъ, что духовно-школьное служеніе есть своего рода «прибѣжище заяцемъ»... Иллюстрацій этому слишкомъ много. Довольно напомнить для примѣра, что люди, неудобные въ качествѣ членовъ Консисторій, получали отвѣтственные смотрительскіе посты въ важнѣйшихъ пунктахъ, начинали чрезъ близкихъ имъ податливыхъ архіереевъ хозяйничать чуть не по всей епархіи и, не смотря на оффиціальный запретъ (см. «Циркуляръ № 11 за 1892 г., стр. 6—7), совмѣщаютъ здѣсь еще священническія обязанности настоятеля городской церкви,—вопреки достойнѣйшимъ конкурентамъ, а ужъ кажется, на что плоха была слава нашихъ консисторскихъ заведеній...

Понятно, что при описанныхъ условіяхъ педагогическое дѣло стремительно падало. Индивидуальное творчество поглотилось безцвѣтною

---

[1]) Впрочемъ, теперь для меня и это сомнительно, судя по слѣдующему извѣстію: «Въ виду участившихся за послѣднее время нестроеній въ Духовныхъ Семинаріяхъ, при чемъ, въ большинствѣ случаевъ, является недовольство учащихся монашествующимъ начальствомъ, (по словамъ „Голоса Правды") Учебный Комитетъ при Св. Синодѣ возбудилъ, по слухамъ, вопросъ о томъ, чтобы въ Духовныхъ Семинаріяхъ одна изъ должностей—ректора или инспектора—замѣщалась лицомъ изъ бѣлаго духовенства или даже однимъ изъ старѣйшихъ преподавателей Семинаріи» (см. «Колоколъ» № 387 за 17-е мая 1907 года, стр. 2, стлб. 3). Я никогда не повѣрилъ бы этому страннному «мѣропріятію», еслибы не зналъ хорошо Учебнаго Комитета, способнаго только къ шаблону и механикѣ по четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики. Вѣдь прямо обидно напоминать, что здѣсь рѣчь должна быть не о внѣшнемъ положеніи лицъ, а объ ихъ достоинствахъ и пригодности къ педагогическому «правленію», что и монахи бываютъ хорошими, бѣлыми же и свѣтскіе плохими и наоборотъ etc. Все это ясно для младенцевъ, но Учебному Комитету какъ будто невѣдомо, и онъ хочетъ удивить міръ новымъ педагогическимъ раритетомъ...

[2]) См. поразительныя данныя у г. *С.* (*И. Соколова*), Къ вопросу о постановкѣ дѣла воспитанія въ Духовныхъ Семинаріяхъ въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1905 г., № 4, стр. 784—785; ср. въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906), стр. 132.

сѣренькою формой, и она возводилась въ идеалъ. Водворилась покорная корректность при холодномъ безучастіи и канцелярской мелочности [1]). Благостные начальники и ревнительные преподаватели были неугодны самою своею правдой [2]). Мнѣ извѣстно, что начальство внушало членамъ одной семинарской (В—ской) корпораціи возможно меньше ставить неудовлетворительныхъ балловъ, предупреждая, что—при обиліи таковыхъ—это будетъ зачтено въ вину ихъ педагогической неопытности; такимъ даже прямо угрожали (въ II—гѣ), что изъ столицы они будутъ удалены гораздо подальше тѣхъ трущобныхъ мѣстъ, откуда пріѣхали [3]). И вотъ худое превратилось въ хорошее, но съ избѣжнымъ результатомъ, что послѣднее потеряло всякую цѣнность. Что изъ этого вышло въ школѣ и жизни,—ясно безъ словъ, а я только спрошу, нѣтъ ли именно здѣсь нѣкоторой разгадки того печальнаго явленія, что юношество нынѣ съ легкимъ сердцемъ совершаетъ и одобряетъ самые возмутительные акты съ видомъ и ореоломъ

---

[1]) Самъ Комитетъ констатируетъ канцеляризмъ ректора, формализмъ и мелочность инспектора при безучастномъ отношеніи послѣдняго къ питомцамъ (см. «Циркуляръ» № 11 за 1892 г., стр. 50—52), даже формалистическую холодность цѣлой корпораціи одного Училища (№ 8 за 1890 г., стр. 36—37)..... Бывали, дѣйствительно, страшные примѣры въ этомъ родѣ... Я самъ знаю случай, что вечеромъ выбросили чуть не мальчика въ трескучій декабрьскій морозъ (1881 года) изъ семинарскаго зданія (въ Виленіи близъ Сергіева Посада) прямо на улицу, когда кругомъ не было ни единаго частнаго дома ближе 4-хъ верстъ; страстное заступничество «профессорскаго стипендіата» († А. И. Струпникова), который пашелъ потомъ на грязномъ постояломъ дворѣ несчастнаго изгнанника съ жалкими пожитками, притащенными на собственной спинѣ, литило его профессуры, а семинарскій ректоръ (о. А.) вскорѣ удостоился епископства (въ Калугѣ)... На личномъ опытѣ извѣдалъ, какъ одинъ изъ первыхъ студентовъ Академіи былъ уволенъ съ четвертаго курса за полгода до окончанія и едва не попалъ въ солдаты по ложному подозрѣнію, при чемъ властный начальникъ (Хр.) на всѣ резонныя объясненія сурово твердилъ: «извѣстно, что въ такихъ случаяхъ всегда страдаютъ невинные»... (Объ этомъ случаѣ со мною въ 1887 году и съ проф. П. В. Тихомировымъ въ 1890 г. упоминается и въ объяснительной запискѣ къ проектамъ академическаго устава Московской Духовной Академіи на стр. 24). И это говорилъ человѣкъ въ санѣ свлтительскомъ!... (О данномъ лицѣ см. у проф. *Ал. И. Лебедева* въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 168—169 и въ «Запискахъ» † архіеп. *Саввы* ibid. 1907 г., № 4, стр. 529—530). Впрочемъ, не вдолгѣ ректорская репутація его была разгадана по дѣйствіямъ побочнымъ, а первовиновникъ всей исторіи изъ инспекторскаго персонала кіевлянинъ же († іеромонахъ Макарій Орловъ) прославился весьма печально; тѣмъ не менѣе академическій владыка получилъ послѣ самостоятельныя епархіи, гдѣ заявилъ себя съ доброй стороны, но за-то на себѣ испыталъ всѣ горькія тяготы подобнаго властвованія... Но истинѣ, ἐάλως αἷς ὄφγνες ἄρκυσιν (*B. Theodoreti* Eranistes II: Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 168B), ибо для этихъ лицъ всегда вѣрно: ὑμεῖς τοῖς ὑμετέροις βέβλησθε, κατὰ τὴν παροιμίαν, πτέροις или πτίλοις (*B. Theodoreti* Graecarum affectionum curatio, sermo I: Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 805B и по изданію Joannes Raeder, Lipsiae 1904, p. 19), почему σαυτὸν τοῖς σοῖς ἔβαλες βέλεσιν (Eran. III loc. cit., col. 260A)...

[2]) Такъ, смотритель Тотемскаго Училища (Вологодской губерніи) С. И. Вѣляевъ (по семинарскому прозванію «Гасило») подвергся комитетскимъ преченіямъ за слишкомъ близкія отношенія къ своимъ питомцамъ—даже до организаціоннаго участія въ ихъ играхъ, хотя при этомъ онъ нимало не терялъ ни попечительности отца, ни авторитетности начальника. За это его возвратили въ «первобытное состояніе» — преподавателя церковной исторіи, но только не въ Вологдѣ, а въ Брежницѣ, гдѣ онъ вскорѣ (17-го ноября 1899 года) и скончался. См. о данномъ лицѣ у *А. С. Родосского*, Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII-ми курсовъ С.-Петербургской Духовной Академіи (1814—1869 гг.), Спб. 1907, стр. 63 подъ словомъ: «Вѣляевъ Сергѣй Ивановичъ».

[3]) И самъ Комитетъ благопопечительно заботится о «неослабномъ исполненіи» требованій «объ ежемѣсячныхъ отмѣткахъ успѣховъ учениковъ» (см. «Циркуляръ» № 9 за 1891 г., стр. 4).

психопатическаго героизма [1])? Вспомнимъ, что всякая педагогія у насъ заброшена и пала [2]), а во всѣхъ другихъ заведеніяхъ молодые люди также воспитываются «по ту сторону добра и зла» [3]): — тогда многое

---

[1]) И вотъ о такомъ-то юношествѣ — при «разрушеніи школы» (см. «Колоколъ» № 362 за 11-е апрѣля 1907 года, стр. 1)—свидѣтельствуютъ (*В. С. Кривенко* въ «Новомъ Времени» № 11.164 за 11-е апрѣля 1907 года, стр. 14), что «доминирующее положеніе въ русскомъ политическомъ движеніи заняла учащаяся молодежь»!... А нѣкогда думали: sunt pueri pueri, pueri puerilia tractant—согласно Апостолу (1 Кор. XIII, 11)...

[2]) Вотъ что говоритъ г. *Л — ій* въ «Новомъ Времени» № 11.225 за 14-е іюня 1907 года, стр. 3 стлб. 2: «Въ дѣлѣ просвѣщенія мы не только не двинулись впередъ, а отошли назадъ. Уровень научной и педагогической дѣятельности понизился, опустилась „трудолюбивая пытливость", за-то выросли самонадѣянность, болтливое резонерство и кичливость призрачнымъ, кажущимся образованіемъ»...

[3]) Для иллюстраціи достаточно указать на «Огарки» (—названіе взято изъ разсказа Л. Андреева—) или «Тайное общество пива и воли», образовавшееся въ г. Орлѣ среди самой зеленой гимназической молодежи мужскаго и женскаго пола (—къ счастію, кромѣ духовной: см. «Колоколъ» № 391 за 22-е мая 1907 г., стр. 3, стлб. 3—) съ явно циническими задачами, которыя нимало не прикрываются, а даже афишируются на страницахъ мѣстныхъ газетъ, ставятся въ связь съ политическимъ положеніемъ страны, защищаются не только несчастными участниками, но «литераторами» и зрѣлыми людьми изъ публики etc. См. о семъ «Новое Время» № 11.145 (за 23-е марта 1907 года) и ср. № 11.153 (за 31-е марта), № 11.178 (за 27-е апрѣля, стр. 5, стлб. 1). При этомъ нужно знать и помнить, что—въ той или иной формѣ—подобные союзы учениковъ существуютъ во многихъ педагогическихъ центрахъ (см. еще «Новое Время» № 11.156 и 11.182 за 3-е апрѣля и 1-е мая, стр. 6, стлб. 2, стр. 6, стлб. 5 — 6; «Колоколъ» № 357 за 5-е апрѣля, стр. 4, стлб. 3)... Незрѣлые юнцы въ формахъ хулиганствуютъ и разбойничаютъ въ Калугѣ (см. «Новое Время» №11.231 за 20-е іюня, стр. 4, стлб. 2), производятъ публичные скандалы на глазахъ избраннаго общества и учиняютъ здѣсь дерзкія насилія даже надъ генералами (см. о подобномъ казусѣ на концертѣ въ г. Павловскѣ, близъ С.-Петербурга, вечернія «Биржевыя Вѣдомости» № 9.906 за 21-е мая 1907 года, стр. 6, стлб. 2—3, и «Колоколъ» № 391 за 22-е мая, стр. 4, стлб. 1); интеллигенты и студенты активно участвуютъ въ петербургскихъ экспропріаціяхъ (ibid., вечерній № 9.951 за 18-е іюня, стр. 3, стлб. 2)... Стали аксіоматически говорить объ «одичаніи» учащейся молодежи (см. «Колоколъ» № 410 за 15-е іюня 1907 г., стр. 2, стлб. 2, изъ «Русской Рѣчи»). Духовные питомцы теперь какъ-будто менѣе извѣстны подобными подвигами, но «Тамбовскій семинаристъ» пишетъ (въ «Колоколѣ» № 383 за 12-е мая, стр. 3, стлб. 2): «Главный грѣхъ Семинаріи, какъ духовной школы,— недостатокъ религіозной настроенности ея питомцевъ. Пойдите въ семинарскую церковь къ обѣднѣ или всенощной. Тамъ вы увидите человѣкъ 300 семинаристовъ и даже того менѣе (всѣхъ семинаристовъ около 700 чел.). Прежде всего вамъ бросится въ глаза порядокъ, въ которомъ они стоятъ; выраженое лицъ — скучающее; крестятся какъ-то нехотя, машинально; переглядываются съ знакомыми гимназистками (порядочная публика уже рѣдко ходитъ въ семинарскую церковь, смущаясь этихъ перекрестныхъ взглядовъ); изъ рядовъ семинаристовъ слышатся громкіе, иногда совершенно неприличные разговоры, кашель, шарканье ногами по полу и т. д... Посмотрите теперь, что семинаристы читаютъ и какъ читаютъ: болѣе всего въ Семинаріи имѣютъ успѣхъ Ренанъ, Дарвинъ, Ницше и масса „копѣечныхъ" брошюръ нигилистическаго содержанія. Все это читается съ жаромъ, а о критическомъ отношеніи здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Съ упадкомъ религіозности упала и нравственность. Среди семинаристовъ развито пьянство и хулиганство (здѣсь всѣмъ извѣстно, какъ много семинаристовъ и за что сидѣли въ полицейской части), картежная игра и даже воровство»... А что бывало по этой части въ Университетахъ вовсе не «отай»,—о томъ «срамно есть и глаголати»... Это уже симптомъ гибельнаго нравственнаго распада, проникающаго до послѣдней глубины!.. *Аще ли начатокъ святъ, то и примѣшеніе: и аще корень святъ, то и вѣтви* (Рим. XI, 16)... Вѣдь издаются (Москва 1907 [1906] г. въ серіи: «Свободное воспитаніе и образованіе» подъ редакціею И. Горбунова-Посадова, вып. 6-й) даже книги въ «Борьбу за свободную школу» (*К. Н. Вентцеля*) и спеціальные педагогическіе журналы, проповѣдующіе устроеніе «новыхъ школъ» на соціалистическихъ началахъ безъ библейской религіи и безъ христіанской морали (ср. и С.-Петербургскій «Вѣкъ» № 12 за 25-е марта 1907 года, стр. 146—148)... А въ Ригѣ «союзъ мѣстныхъ учителей на послѣднемъ своемъ съѣздѣ принялъ резолюцію, согласно которой члены должны всячески бороться противъ преподаванія въ училищахъ закона Божьяго; воспитывать дѣтей въ матеріалистическихъ воззрѣніяхъ

если не вполнѣ объяснится для насъ, то станетъ ближе къ нашему пониманію, хотя и гораздо чувствительнѣе для нашей совѣсти, которую мы привыкли усмирять фарисейскими ссылками на необузданность новаго молодого поколѣнія... Въ связи съ другими факторами это раскроетъ намъ, почему духовная школа пришла къ печальному разстройству, ибо въ основѣ сего лежатъ причины не интеллектуальнаго, а моральнаго свойства [1]); во всякомъ случаѣ вторыя создали почву, ростъ и силу для первыхъ [2]).

и всячески дискредитировать въ глазахъ народа оффиціальную церковь» (см. телеграмму въ вечернемъ №-рѣ 9.898 «Биржевыхъ Вѣдомостей» за 16-е мая 1907 года на стр. 1)... Поучительны и слѣдующія постановленія С.-Петербургскаго родительскаго кружка: «1) Родители, дома и въ школѣ, сами избираютъ религію для своихъ дѣтей, но ихъ долгъ съ уваженіемъ относиться къ другимъ религіямъ и насильственно не подавлять въ дѣтяхъ такихъ идей, которыя не согласуются съ религіозными взглядами родителей. Родители—атеисты должны воздерживаться отъ исключительнаго вліянія на дѣтей въ дѣлѣ религіозно - нравственнаго воздѣйствія. 2) Религіозное воспитаніе въ семьѣ, начинаясь съ ранняго возраста ребенка, не должно подавлять въ немъ ни физическихъ, ни духовныхъ силъ. Религіозное обученіе, которому школа удѣляетъ больше вниманія, чѣмъ религіозному воспитанію, можетъ быть вѣроятно не только духовенству, но и другимъ лицамъ съ богословской подготовкой. 3) Для христіанъ изученіе Ветхаго Завѣта не должно предшествовать Новому Завѣту. 4) Для укрѣпленія религіознаго міровоззрѣнія можно пользоваться данными различныхъ наукъ, но не слѣдуетъ опровергать то, что считается въ наукѣ незыблемымъ; должно отличать вѣру и знаніе. Заучиваніе текстовъ напрасно излишне. 5) Столь важное для религіознаго подъема посѣщеніе богослуженія должно основываться на нравственномъ вліяніи законоучителей и воспитателей. Самое богослуженіе должно быть освобождено отъ того, что объясняется лишь историческими традиціями и не имѣетъ связи съ настоящей эпохой. Въ него должно быть введено большее активное участіе со стороны міранъ—взрослыхъ и дѣтей наравнѣ. Слѣдуетъ изучать смыслъ богослуженія, а не учить наизусть молитвы, читаемыя священно-служителями. 6) Для лучшей постановки преподаванія законоучитель долженъ назначаться лишь на извѣстный срокъ на основаніи избранія, въ которомъ участвуютъ родители, педагоги и представители церкви. 7) Отмѣтки и экзамены по закону Божію должны быть уничтожены. Помимо этого мнѣнія большинства собранія С.-Петербургскаго родительскаго кружка, представлено было и отдѣльное мнѣніе, требующее болѣе значительныхъ реформъ въ постановкѣ религіознаго воспитанія» (см. «Биржевыя Вѣдомости» вечерній № 9.912 за 24-е мая 1907 года, стр. 6, стлб. 1—2). Имѣются еще самыя авторитетныя свидѣтельства, что даже въ военно-учебныхъ заведеніяхъ господствуетъ у воспитанниковъ «непростительно слабое знакомство не только со Св. Писаніемъ вообще, но даже съ Евангеліемъ» (см. извлеченіе изъ приказа по военно-учебнымъ заведеніямъ Августѣйшаго главнаго начальника въ №-рѣ за 13-е мая 1907 года «Русскаго Инвалида» и въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 24 за 16-е іюня 1907 г., стр. 966*б*)... Кажется, теперь педагогическимъ девизомъ и идеаломъ становится формула: ni maître, ni Dieu..., но частію потому, что tel maître, tel valet... Ср. ниже стр. 127.

[1]) Ср. еще фельетонъ *М. О. Меньшикова* въ «Новомъ Времени» № 11.180 за 29-е апрѣля 1907 года.

[2]) Въ этомъ отношеніи къ нашимъ временамъ гораздо больше, чѣмъ къ 80-мъ годамъ прошлаго столѣтія, примѣнимы разъясненія и предостереженія къ извѣстной брошюрѣ † *К. П. Побѣдоносцева*, Доброе слово воспитанникамъ Духовныхъ Семинарій и Академій по поводу нынѣшнихъ страшныхъ событій, Спб. 1881. Какъ мало въ этомъ отношеніи дѣло измѣнилось къ лучшему и какъ далеко шагнуло къ худшему,—видно изъ того, что этотъ государственный мужъ и великій знатокъ духовной школы не задолго (въ февралѣ 1907 г.) до смерти († 10-го марта 1907 года) прямо назвалъ Семинаріи «домами разврата» (см. въ брошюрѣ «Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ въ его письмахъ» [къ А. В. Гаврилову], Спб. 1907, стр. 16, по оттиску изъ «Прибавленій къ Церковнымъ Вѣдомостямъ» № 12 за 24-е марта 1907 года, но здѣсь на стр. 544*б* данныя слова тоже опущены...). Какое страшное признаніе!... Однако его высказалъ (—со своей точки зрѣнія и въ еще болѣе грубой формѣ—) рѣшительно о всѣхъ русскихъ правительственныхъ школахъ (не исключая Духовныхъ Академій, спеціально упомянутыхъ) и графъ *Л. Н. Толстой*, если вѣрить «интервьюверу» «Биржевыхъ Вѣдомостей» (см. фельетонъ въ вечернемъ №-рѣ 9.862 этой газеты за 24-е апрѣля 1907 года)...

Какъ видно, кризисъ этотъ подготовлялся давно. Своевременными предупредительными мѣрами морально-воспитательнаго характера можно было предотвратить его, разъ духовно-учебные институты долго оказывались болѣе твердыми даже при всеобщемъ педагогическомъ бурленіи и при всяческихъ эксцессахъ. Къ сожалѣнію, Учебный Комитетъ давно потерялъ ключъ къ успѣшной діагностикѣ и направлялся по невѣрной дорогѣ. Онъ замкнулся отъ жизни, которую замѣнила бумага, вытравившая самую нужду общенія съ нею. Непосредственный педагогическій голосъ сталъ ненадобенъ, а потому и не достигалъ до центра, куда сыпались формально-корректные «отчеты» и «отзывы». До Учебнаго Комитета доходили только рѣзкія проявленія школьнаго кипѣнія,—и, не зная всѣхъ глубинъ и теченій педагогическаго моря, центральное управленіе считало всѣ ненормальности мѣстною рябью или мертвою зыбью отдаленной минувшей бури [1]). Естественно, что все вниманіе было устремлено лишь на подавленіе крайностей, для чего имѣлся подъ руками готовый кадръ членовъ—ревизоровъ. По самому строю комитетскому, теперь не требовалось жизненныхъ педагогическихъ наблюденій и «опытной» провѣрки комитетскихъ «предначертаній», предлагавшихся къ безпрекословному механическому исполненію. Съ другой стороны,—при неизвѣстности истиннаго генезиса духовно-педагогическихъ вспышекъ—вся задача сводилась не къ изученію и профилактикѣ, а чуть ли не единственно къ тушенію пожаровъ, чтобы наружно царили тишь да гладь, хотя и безъ Божьей благодати, никогда не бывающей въ искусственно и случайно дезинфекцируемой атмосферѣ. Такъ съ роковою неизбѣжностію педагогическое ревизорство превратилось въ полицейское,—помимо качествъ, воли и желанія лицъ, отмѣченныхъ многими достоинствами въ прежнее время или на иныхъ должностяхъ. Люди чисто педагогическаго склада, вскрывавшіе дѣйствительныя педагогическія раны, были просто «не по сезону» и ихъ держали въ загонѣ подъ разными предлогами, что это «монахобойцы» и «монахофобы», диссонирующіе съ господствующимъ режимомъ, и т. п. Ревизоры новой формаціи по необходимости превратились въ своеобразныхъ усмирителей, а эта роль столь общедоступна, что и начали поручать ее совершеннымъ юнцамъ, едва сошедшимъ со студенческой скамейки и перескакивавшимъ въ Учебный Комитетъ черезъ прямо отрицательныя инстанціи, благодаря случайнымъ вершителямъ, которые ранѣе имѣли касательство къ духовному вѣдомству развѣ по пропически—разностороннему толкованію слова spiritus. И легко догадаться, что *такіе* чиновники часто расправлялись со всѣми пріемами укротителей, видѣвшихъ въ подвѣдомыхъ школахъ лишь плохо

---

[1]) Между прочимъ, здѣсь часто указываютъ на общее политическое состояніе, яко бы условливающее духовно-школьную дезорганизацію, но, во-1-хъ, прежде именно Семинаріи были излюбленными пріютами политической пропаганды—и однако педагогія велась въ нихъ удовлетворительно; во-2-хъ, опять полезно спросить, *кто* создалъ въ семинаристахъ воспріимчивость ко всякимъ вторженіямъ политической агитаціи, которая встрѣтила бы отпоръ или не нашла бы успѣха безъ удобной почвы, а ее-то здѣсь и приготовили заранѣе? Пусть же отвѣчаютъ творцы всѣхъ этихъ «благопріятныхъ условій», но не позднѣйшія невольныя ихъ жертвы, каковыми равно бываютъ и монахи и бѣльцы!..

дрессированные звѣринцы [1]. Вмѣсто отечески внимательныхъ педагоговъ стали разъѣзжать грозные соглядатаи, сочинявшіе для себя самые удивительные маршруты (напр., Воронежъ-Пермь-Полтава), которыхъ совсѣмъ не могла постигнуть провинціальная простота, думавшая съ геометрическою азбучностію, что прямая линія всегда есть кратчайшее разстояніе между двумя точками [2]... Это были столичные царьки «съ началомъ и властію». Предъ ними ухаживали даже всѣ архіереи, иногда встрѣчавшіе и провожавшіе съ торжественнымъ обрядомъ, устраивавшіе парадные обѣды, предоставлявшіе свои лучшія кареты и пр. Они любили сваливаться, какъ снѣгъ на голову, и вызывали впечатлѣніе неожиданно грянувшаго грома, отъ котораго иногда, яко бы, потрухивали и губернаторы. Въ ихъ рѣчахъ неизмѣнно звучала нота великихъ спасителей отечества,—и, владѣя этимъ магическимъ средствомъ, ревизоры больше занимались тѣмъ, что пушили и разносили всѣхъ и вся,—не рѣдко въ крайне грубыхъ формахъ. И бывало не разъ, что комитетскіе

---

[1]) Exempli gratia привожу выписку изъ семинарскихъ воспоминаній *С. Я. Климовскаго*, помѣщенныхъ въ «Отчетѣ С.-Петербургскаго общества вспомоществованія нуждающимся питомцамъ Новгородской Духовной Семинаріи за 1906 годъ въ связи съ десятилѣтіемъ» (Спб. 1907). Вотъ что повѣствуется здѣсь (стр. 38—39) объ упомянутомъ выше (стр. 83) Ст. Ис. Лебедевѣ: «Великое слово: ревизоръ Онъ явился. Всѣ перемѣны между уроками сократились до неузнаваемаго минимума: исчезли запошенные мундиры на преподавателяхъ и рѣже двойки стали появляться въ журналахъ: должно быть, и воспитанники подтянулись. Явился ревизоръ въ столовую и *пришелъ въ ужасъ отъ манеры обращаться съ ножами и вилками*, что существовала среди голоднаго семинарства. Какъ разъ на томъ столѣ, гдѣ я обѣдалъ, *генералъ показывалъ,—какъ нужно обращаться съ этими орудіями цивилизованнаго способа питаться*. Нужно было наблюдать страданія того несчастнаго ѣдока, которому были показаны способы обращаться съ ножемъ и вилкой—и тутъ же было приказано это продѣлать... Не мудрое, казалось бы, дѣло... А потъ такъ и лилъ съ бѣдной жертвы обученія: вилка и ножъ не хотѣли дѣлать своего дѣла, а только прыгали и стучали по тарелкѣ.. Вотъ ревизоръ на урокѣ русской словесности у А. И. Миловидова... превосходнаго чтеца литературныхъ произведеній („Ревизоръ", „Недоросль", „Мертвыя души"). Обычное дѣло идетъ своимъ чередомъ. И вздумай генералъ спросить названнаго воспитанника,—какіе онъ знаетъ на память стихи? Спрошенный отозвался незнаніемъ.—Кто знаетъ какіе-нибудь? Изо всего класса встаютъ два устюжанина: устюжане поддержали своего бывшаго смотрителя. Назвалъ я „Полтавскій бой", „Казакъ" и нѣкоторые другіе...—„Ну, скажи" *(разговоръ велся на ты!)*, говоритъ генералъ, „Полтавскій бой". Начинаю: „Горитъ востокъ зарею новой, ужъ на равнинахъ по холмамъ грохочутъ пушки"... Конечно, новгородецъ примѣнилъ и чтеніе новгородское съ особеннымъ усиліемъ звука „о". *Генералъ такъ и взъѣлся на чтеца* и самъ прочиталъ, какъ это принято читать, смягчая букву *о* въ *а*. „Вотъ", говоритъ, „какъ надо читать". Тогда между преподавателемъ и ревизоромъ произошелъ такой діалогъ.—„Это будетъ ужъ слишкомъ на-масковски"—слова А. И. Миловидова.—„А здѣсь читаютъ", говоритъ генералъ, „по-новгородски". Нечего и говорить о томъ, что симпатіи воспитанниковъ были на сторонѣ мужественнаго защитника семинаристовъ А. И. Миловидова. *Но послѣднему заступничество не прошло даромъ: что въ отчетѣ продернули и въ гораздо большей степени, чѣмъ онъ того заслужилъ и вообще заслуживалъ*». Такія картинки встрѣчались вездѣ, но съ тою особенностію, что постепенно выступали все болѣе черныя краски и иногда заполняли весь фонъ...

[2]) Отсюда именно объясняется въ значительной мѣрѣ хвалебное самосвидѣтельство комитетскаго панегириста: «путь ревизоровъ надо считать многими тысячами верстъ; въ нѣкоторыя командировки одному ревизору приходилось сдѣлать болѣе 10 тысячъ верстъ» (см. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 839*а*), при чемъ забыто упомянуть о солидныхъ вознагражденіяхъ за эти «владычнія странствія»... Тогда позволительно спросить: допускалась ли эта «протяженно-сложенность» *только* ради интересовъ дѣла, если сами комитетскіе члены доселѣ усердно ищутъ возможно отдаленныхъ ревизорскихъ экскурсій?... См. и ниже на стр. 116, прим.

члены, еще не давно панибратствовавшіе съ семинаристами и расхаживавшіе при нихъ въ красныхъ рубахахъ, потомъ являлись въ тѣхъ же школахъ типичнѣйшими «охранителями основъ», а послѣ ихъ ухода восвояси въ училищныхъ печахъ раздавались взрывы [1])... Страхъ и трепетъ распространялись по заведенію, и суровые судьи не безъ сладости созерцали предъ собою испуганныя физіономіи начальниковъ и воспитателей, надъ которыми съ злорадною чуткостію наблюдали ученики. Педагогическіе результаты этихъ полувоенныхъ операцій и экзекуцій были самые убійственные [2])... Да и могло ли быть иначе, если все сосредоточивалось на томъ, что педагогическій персоналъ старался скрыть дѣйствительность, «втереть очки», показать товаръ лицомъ и извернуться, а учащееся юношество деморализировалось подобными сценами?... Собственно ревизорскія наблюденія часто были крайне поверхностны и ограничивались мимолетными посѣщеніями уроковъ, съ бѣглымъ просмотромъ ученическихъ тетрадокъ. За-то много скрупулёзности посвящалось изслѣдованію бумажныхъ «дѣлъ», но и тутъ преобладали казуистическіе интересы «съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ». Въ фокусѣ послѣдняго всѣ факты раскрашивались несвойственнымъ колоритомъ и теряли самыя очевидныя очертанія, получая фантастическіе размѣры. Всѣмъ намъ хорошо памятенъ случай, что спеціально вызванный доточный ревизоръ († П. И. Нечаевъ) одного *высшаго* духовно-учебнаго заведенія (Московской Академіи) въ больничныхъ вѣдомостяхъ малограмотнаго фельдшера принялъ рукописную букву *б* за цифру *5*, превратилъ сотни въ тысячи и, никого не спросивъ, поспѣшилъ донести «по начальству», будто тамъ больные студенты выпиваютъ по десятку бутылокъ молока за день въ великомъ посту, а на протестъ заинтересованныхъ педагоговъ послѣдовали свыше чувствительныя репрессаліи... Это были не наблюдательныя ревизіи, собиравшія жизненный педагогическій матеріалъ, но попреимуществу полицейскіе отчеты съ велемудрыми соображеніями объ искорененіи непорядковъ и крамолъ. Не даромъ же стали называть комитетскихъ ревизоровъ «синодальными Шерлоками Хольмсами» [3])... Вынуждаемся съ грустію констатировать, что такія тенденціи, систематически и деспотично прививавшіяся по провинціи, ухудшили и всѣ мѣстныя отношенія. Постепенно погасалъ тонъ скромнаго труженичества и быстро замѣнялся пролазничествомъ, показностію, отличительствомъ. Даже архіереи, всегда питавшіе непосредственную искренность и отеческую простоту въ обра-

---

[1]) См. и въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 230*а*.

[2]) Обратное заключеніе *С. И. Миропольскаго* (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 838—839) совсѣмъ не подтверждается извѣстными мнѣ фактами.

[3]) См. корреспонденцію изъ Курска о ревизіи мѣстной Семинаріи въ «Вѣкѣ» № 12 за 25-е марта 1907 года, стр. 149—150, и ср. «Колоколъ» № 363 за 12-е апрѣля 1907 г., стр. 3, стлб. 3. Это вовсе не значитъ, что я согласенъ съ даннымъ сообщеніемъ по самому его содержанію, которое во всѣхъ частяхъ основательно опровергнуто заинтересованнымъ ревизоромъ *Д. И. Тихомировымъ*, Вынужное слово въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 21 за 26-е мая 1907 г., стр. 847—850. Для меня здѣсь важно единственно то, *какъ* смотрятъ на комитетскихъ пословъ и посланниковъ въ провинціяхъ, гдѣ—по идеѣ—они должны бы имѣть полный авторитетъ и высокое уваженіе...

щеніяхъ со своими школами [1]), стали проникаться солндатайскимъ формализмомъ. Извѣстны примѣры почтенныхъ іерарховъ изъ педагоговъ, которые изощряли свое попеченіе на томъ, чтобы нагрянуть въ Семинарію въ 8 часовъ утра въ понедѣльникъ, когда онъ падалъ на 22-е число мѣсяца, т. е. послѣ получки жалованья накануиѣ свободнаго воскресенья, а во главу всѣхъ руководственныхъ завѣтовъ полагали требованіе преподавателямъ «не просрочивать больше пяти минутъ» предъ уроками, на чемъ съ удивительною ревностію настаивалъ и самъ Учебный Комитетъ (см. «Циркуляры» № 16 за 1896 г., стр. 40—41; № 22 за 1903 г., стр. 67—68). Вотъ какова была «благотворность» ревизорскихъ вліяній на мѣстахъ!... Къ сему надобно еще прибавить, что ревизоры не рѣдко противорѣчили другъ другу, взаимно опровергали и ослабляли себя и произвольно отмѣняли или толковали «по вдохновенію» комитетскія инструкціи, въ которыхъ и безъ того было всего менѣе систематичности, стройности и внутренняго согласія. Напр., въ Полтавской Семинаріи произошелъ острый конфликтъ изъ-за инспекторскихъ ученическихъ отмѣтокъ по поведенію, и для избѣжанія горшихъ золъ семинарское правленіе нѣсколько измѣнило баллы. Прибывшій ревизоръ (П. П. Нечаевъ) нашелъ это дѣяніе незаконнымъ и ссылку на соотвѣтствующій «циркуляръ» безапелляціонно отстранилъ тѣмъ, что онъ — авторъ послѣдняго и приказываетъ понимать въ смыслѣ его разъясненій, а въ скорости послѣдовало изъ С.-Петербурга распоряженіе обратнаго характера... Выходило, что «всякъ молодецъ на свой образецъ», и каждый поддерживалъ только свое [2]). Тотъ же ревизоръ водворилъ миръ и тишину въ названномъ учебномъ заведеніи, перемѣнивъ все начальство. Для непосредственныхъ наблюдателей было очевидно, что эта реформа совсѣмъ не принесла педагогическихъ благъ и во многомъ сопровождалась ухудшеніями, но виновникъ ея въ ближайшій наѣздъ нашелъ и донесъ, что — напротивъ — теперь все прекрасно, и о прежнихъ дефектахъ нѣтъ ни малѣйшаго помину, выдавъ себѣ похвальный аттестатъ и связавъ имъ школу въ узахъ чиновничьяго благополучія, разрѣшившагося потомъ тяжелымъ крахомъ [3]). Разумѣется, при такихъ условіяхъ и

---

[1]) См. и теперь призывное посланіе къ Вологодскимъ семинаристамъ мѣстнаго епископа *Никона* въ «Колоколѣ» № 830 за 8-е мая 1907 года, стр. 2—3.

[2]) Бывали еще ревизіи и не членами Учебнаго Комитета, откуда происходили новыя осложненія. Такъ, въ 1902 году Подольскія духовно-учебныя заведенія инспектировалъ † А. А. Завьяловъ столь несогласно съ комитетскими традиціями, что въ слѣдующемъ году потребовалась новая ревизія «исключительно ради уложенія недоразумѣній между чиновничье-синодской и комитетской», о чемъ извѣстно со словъ † П. И. Нечаева.

[3]) Въ краткихъ чертахъ,—исторія эта такова. Прежній ректоръ-протоіерей о. І. Хр. П. не поправился Петербургскому ревизору († П. П. Нечаеву), вышелъ въ отставку и цѣлый годъ оставался безъ всякаго мѣста, безплатно отправляя обязанности предсѣдателя Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и живя исключительно на пенсію, о которой свыше было сообщено спеціально, что она дана ему лишь во вниманіе къ ходатайству Преосвященнаго, хотя фактически была совершенно заслужена, ибо получившій ее провелъ на педагогическомъ поприщѣ почти 35 полныхъ лѣтъ непрерывно, а † епископъ Іларіонъ просилъ вовсе не объ этомъ, но объ усиленномъ вознагражденіи... Преемникъ его — архимандритъ Гавр. гимназическаго происхожденія началъ съ того, что всюду критико-

взглядахъ комитетскіе ревизоры не считали нужнымъ вступать въ педагогическія бесѣды съ преподавателями и приглашали нѣкоторыхъ лишь для устрашающихъ распеканій или милостивыхъ поощреній, вообще же играли своимъ величіемъ и всюду твердили о своей близости къ великимъ людямъ. Неудивительно, что послѣ комитетскихъ ревизій въ провинціи сначала воцарялось томительное ожиданіе, а затѣмъ открывалась усиленная путаница отъ новыхъ случайныхъ предписаній. Педагогическое

валъ и осмѣивалъ своего предшественника, почему семинарскіе преподаватели категорически потребовали, чтобы онъ не позволялъ въ ихъ присутствіи глумливыхъ отзывовъ о бывшемъ начальникѣ и учителѣ, пользовавшемся отъ всѣхъ немалымъ уваженіемъ и въ корпораціи и въ епархіи, гдѣ были цѣлыя сотни его питомцевъ, благодарныхъ ему за отеческую доброту. Самъ же новый ректоръ заботился больше о своеобразномъ церковномъ благолѣпіи (не забывая даже о тщательномъ благоустроеніи своихъ пышныхъ власовъ) и иногда прямо смущалъ совѣсть вѣрующихъ, когда, напр., неумѣло устроялъ воздвиженіе креста съ обливаніемъ послѣдняго сверху, при чемъ особенно соблазнительна была поза діакона, стоявшаго противъ о. архимандрита, «присѣдавшаго» одновременно съ нимъ и державшаго тазъ, куда стекала вода, раздававшаяся потомъ на руки богомольцевъ въ бутылочкахъ, или—въ нарушеніе тамошнихъ обычаевъ—громко кричалъ въ церкви, чтобы послѣ пасхи молящіеся не смѣли преклонять колѣни во время великаго славословія... Въ 1904 году на этой почвѣ произошелъ жестокій инцидентъ. Ректору показалось, что за литіею при многократномъ повтореніи «Господи, помилуй» нѣкоторые семинаристы производили особые звуки, будто бы напоминавшіе нѣчто въ родѣ пушечныхъ выстрѣловъ. На этомъ основаніи онъ затѣялъ *формальное* дѣло о *«демоническомъ и богоборственномъ пом—пом—пом»* (буквально!) и предложилъ уволить нѣсколькихъ воспитанниковъ, яко бы выдавшихъ себя своимъ смущеніемъ при его взглядѣ во время прохожденія по рядамъ для каждения, хотя инспекторъ вовсе не слышалъ даже самыхъ диковинныхъ звуковъ, а помощникъ не замѣтилъ ни одного виновнаго. Не смотря на мотивированный протестъ большинства преподавателей, проницательный архимандритъ добился своего и, уѣхавъ въ Кіевъ, съ особою таинственностію отправилъ оттуда при собственномъ донесеніи всѣ документы въ Учебной Комитетъ, гдѣ мудрые эксперты посмѣялись надъ монашескою странностію, но не приняли серьезныхъ мѣръ для возстановленія правды... Въ результатѣ—несчастные юноши безжалостно были выброшены за бортъ, а ректоръ продолжалъ свои обычные подвиги. Видя такое «воеводство», духовенство потеряло всякое довѣріе къ столь оригинальному воспитателю своихъ дѣтей и при немъ систематически отклоняло всѣ семинарскія ходатайства, будучи убѣждено, что въ подобныхъ рукахъ не можетъ быть добраго примѣненія... Сей ректоръ обладалъ лишь однимъ общепризнаннымъ талантомъ—быстро подмѣчать и схватывать особенности рѣчи и даже голоса собесѣдника и воспроизводить съ удачнымъ актерствомъ. Эту пемонашескую способность онъ съ особенною любовію примѣнялъ по отношенію къ преподавателямъ, которыхъ презрительно называлъ «профэссорами», каррикатурно копируя ихъ предъ воспитанниками, высмѣивая привычныя выраженія, способъ пользованія носовымъ платками во время уроковъ и т. п. Къ стыду для начальника и къ чести для семинаристовъ, все это отражалось на степени и характерѣ чувствъ ихъ не къ послѣднимъ, а къ первому. У него была манера ходить даже по улицѣ окруженнымъ толпою своихъ питомцевъ, иныхъ обнимать и пр. Однако ректору не удавалось снискать расположенія ни откуда:—его не уважали и ему не вѣрили! Напротивъ, отношенія съ корпораціею и семинаристами постепенно ухудшались и достигали крайняго напряженія. Въ 1906 году возникло общее движеніе, которое ректоръ поспѣшилъ обратить въ мятежный бунтъ, яко бы съ покушеніемъ кинжалами на его особу, когда воспитанники просто искали товарищей-шіоновъ, привитавшихъ въ его квартирѣ. И куда дѣвалась прежняя властность? Иночествующій начальникъ тайкомъ скрылся въ квартиру инспектора и здѣсь пробовалъ спрятаться даже въ гардеробѣ жены послѣдняго, но не умѣстился въ немъ по своимъ обширнымъ размѣрамъ, а потомъ бѣжалъ подъ стражей въ архіерейскій домъ, откуда просилъ у полиціймейстера жандармской охраны для проѣзда на вокзалъ и до ближайшаго губернскаго города, въ чемъ ему было отказано (см. нѣкоторыя прикровенныя указанія въ «Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» № 14 за 10-е мая 1906 года, стр. 666 неофиціальной части)... Тѣмъ не менѣе этотъ семинарскій повелитель успѣлъ быстро «оправиться» въ С.-Петербургѣ и получилъ видный постъ въ Москвѣ съ лучшимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ. Мѣстное духовенство было такъ взволновано

дѣло стремительно принижалось и тормозилось, попадая въ коловратную ревизорскую толчею. Единственнымъ осязательнымъ результатомъ было внѣшнее усмиреніе, не всегда разбиравшее правыхъ и виноватыхъ [1]), но оно чаще означало лишь притаившуюся пришибленность и вызывало не вдолгѣ болѣе рѣзкіе взрывы, ибо всякіе походы только опустошаютъ страну и никогда не культивируютъ ея [2]). И развѣ могло бы что-нибудь

этими индивидуальными смятеніями, столь тяжко затрогивавшими его жизненные интересы, что собиралось формально возбудить вопросъ о предоставленіи ему выбора начальниковъ с в о и х ъ духовно-учебныхъ заведеній, но въ концѣ концовъ отказалось отъ этой мысли, зная по примѣру отшедшаго ректора, что не достигнетъ своей цѣли, разъ «нуть» Петербургскихъ избранниковъ всегда «спѣется»... Здѣсь мы имѣемъ примѣръ и образецъ, почему въ духовной школѣ возобладали нынѣ автономическія стремленія и пріобрѣтаютъ иногда характеръ страстнаго и крайняго увлеченія... «Враги человѣку—домашніе его» (Мат. X. 36), а власти стали искать причинъ на сторонѣ (ср. и «Колоколъ» № 371 за 26-е апрѣля 1907 года, стр. 1), когда они были у нихъ въ глазахъ или подъ глазами... Въ итогѣ, духовно-педагогическое дѣло опять пошло по «кривой», грозя новыми осложненіями... Вѣдь нужно же разобраться въ этомъ важнѣйшемъ вопросѣ *по совѣсти*—не ради лицъ, но для истины!

[1]) Это въ полной силѣ относится къ педагогическому персоналу, члены котораго спасались и погибали по непостижимымъ ревизорскимъ «усмотрѣніямъ». Такъ, въ 1892 г. одинъ преподаватель Александро-Невскаго Духовнаго Училища въ С.-Петербургѣ) «вылетѣлъ» по ревизорскому мановенію и принужденъ былъ искать убѣжища въ Финляндскомъ Духовномъ Правленіи, пока не попалъ въ синодскую канцелярію, а это былъ человѣкъ изъ лучшихъ «профессорскихъ стипендіатовъ» С.-Петербургской Академіи... Къ нему ламенный ревизоръ едва забѣжалъ на урокъ и здѣсь только нашумѣлъ вдоволь, но порученіе исполнилъ въ точности... И вся вина преподавателя была въ томъ, что онъ кому-то не понравился и былъ очень скромнымъ работникомъ, заботившимся больше о дѣлѣ, чѣмъ о внѣшнемъ блескѣ и высшемъ благоволеніи. Разъ было даже такъ, что ревизоръ († Н. К. Зинченко) «побудилъ» удалиться изъ Тамбовской Семинаріи преподаватели, а онъ черезъ 12—15 лѣтъ оказался въ ряду самыхъ первыхъ іерарховъ Россійской церкви... Вотъ сколько значатъ и стоятъ ревизорская проницательность и комитетскій цензъ!..

[2]) Для характеристики «достоинствъ» новѣйшаго комитетскаго ревизорства приводимъ слѣдующія компетентныя свидѣтельства. «Нынѣшнія ревизіи направляются къ поддержанію status quo духовныхъ школъ и потому уже не могутъ быть орудіемъ прогресса, а тѣмъ болѣе коренной реформы этихъ школъ». Онѣ «являются въ сущности безплодными, вовсе не имѣютъ руководственнаго значенія для учебнаго дѣла и самимъ преподавателямъ не приносятъ почти никакой пользы. Ревизоры—не руководители и наставники учителей, а только посторонніе наблюдатели и, что особенно худо, наблюдатели опасные. Основываясь на своихъ внѣшнихъ наблюденіяхъ и довѣряясь непровѣреннымъ слухамъ и даже сплетнямъ, ревизоръ постоянно рискуетъ впасть въ ошибку». «Помимо своихъ личныхъ наблюденій ревизоры не брезгаютъ и разными слухами, благодаря которымъ они проникаютъ во внутреннюю, интимную жизнь преподавателя и вообще въ такія стороны его личности, которыя нельзя усмотрѣть на урокахъ... Какъ бы ни былъ безоснователенъ, какъ бы ни расходился съ дѣйствительностью этотъ отзывъ (ревизора), онъ влечетъ за собою тяжелыя послѣдствія въ видѣ замѣчаній, служебныхъ перемѣщеній и даже увольненій. Вотъ почему преподаватель боится современной ревизіи и на самого ревизора смотритъ лишь съ чувствомъ страха, какъ на грозу, которая тѣмъ и опасна, что, не освѣжая школьной атмосферы, приноситъ лишь градъ репрессій. Преподаватель старается обезопасить себя отъ этой грозы и пускается на всякія хитрости»... «Нынѣшнія ревизіи сосредоточиваютъ свое вниманіе только на внѣшней сторонѣ воспитанія». «Какимъ бы эффектомъ и помпою ни былъ обставленъ внезапный и только опасный, но не поучительный наѣздъ» ревизора,—результаты «оказываются безплодными для воспитательнаго дѣла въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ... Словомъ, односторонне-внѣшнія ревизіи даютъ и наставленія только для внѣшней стороны воспитанія... И это теперь, когда нестроеніе проникло во всѣ семинаріи, когда, кажется, пошатнулись самые устои семинарскаго режима и обветшавшей системѣ семинарскаго воспитанія грозитъ полное банкротство! Наши ревизіи оказались неспособными проникнуть въ глубь семинарскаго воспитанія, усмотрѣть основные недостатки этого воспитанія и указать радикальныя мѣры къ ихъ устраненію. Поэтому воспитаніе въ духовныхъ школахъ идетъ совершенно независимо отъ ревизій». По экономической части «на долю ревизора остается развѣ въ спальняхъ клопъ, въ ватерклозетахъ дурной запахъ, въ

другое, если заслуженные ректоры Семинарій, чуть не платившіеся жизнію, изгонялись и предпочитали разбѣгаться по кладбищенскимъ и приходскимъ церквамъ и здѣсь благословляли свою судьбу [1]), когда ранѣе ректорская должность была величайшею честію духовно-пастырскаго и педагогическаго преуспѣянія? Стойкіе работники устранялись «волею» или «нуждею» и замѣнялись удобными и ловкими оппортунистами съ невысокимъ цензомъ по мѣстной оцѣнкѣ... Ни добра, ни пути нельзя было тутъ и ожидать. И до самыхъ недавнихъ дней ревизіи назначались собственною прокурорскою властію даже въ столичныя Духовныя Училища—иногда по миѳическимъ и тенденціознымъ слухамъ о крысиномъ хвостѣ, яко бы найденномъ въ казенныхъ щахъ, а командируемыя лица скрывали свое званіе отъ учениковъ подъ видомъ любознательныхъ посѣтителей и у малыхъ ребятъ выспрашивали разныя подробности отно-

---

столовыхъ недостатокъ вилокъ или салфетокъ», почему и съ этой стороны «современныя ревизіи мало пользы приносятъ нашимъ духовнымъ школамъ: въ нихъ попрежнему царитъ грязь, воспитанники питаются скудно, все хозяйство ведется неумѣло, лицами прямо не призванными къ экономической дѣятельности (монахами), а иногда и сомнительной честности (экономами)». Вообще же, «нынѣшнія ревизіи—плодъ бюрократическаго строя въ управленіи духовными школами... Давно пора отрѣшиться отъ ревизорскаго дилетантизма»...' «Нынѣ ревизорами состоятъ фактически три лица (хотя по штату полагается пять), которые помимо жалованья получаютъ генеральскіе прогоны, исчисляющіеся тысячами, да казенныя квартиры, стоящія при переводѣ на деньги также нѣсколькихъ тысячъ». Теперь ревизоръ «является въ роли грознаго Юпитера, наводящаго лишь страхъ и трепетъ на преподавателей... Теперь онъ—незванный гость; его встрѣчаютъ съ трепетомъ, а провожаютъ съ радостью, искренне желая, чтобы онъ дольше не являлся вновь». Упоминается также о «невинныхъ жертвахъ ревизорскаго пристрастнаго суда» и «о дѣйствующемъ полицейско-воспитательномъ режимѣ въ нашихъ семинаріяхъ» (см. «Богословскій Вѣстникъ» 1905 г., № 12, стр. 683. 684. 685. 688. 689. 690. 691. 692. 693. 694. 695)—съ насажденіемъ «казенной методики» (см. сборникъ «Духовная школа», Москва 1906, стр. 223. 55—56 и ср. «Церковный Вѣстникъ» 1906 г., № 47 за 23-е ноября, стлб. 1532—1533). Архимандритъ *Алексій* (повидимому, ректоръ Тульской Семинаріи) пишетъ (въ «Колоколѣ» № 385 за 15-е мая 1907 года, стр. 1, стлб. 5): «Въ прежнее время ревизіи имѣли характеръ помпы и декорума, да и ревизовать въ сущности тогда было нечего: всѣ дѣлали свое дѣло, въ Семинаріяхъ царила серьезность, воспитанники, и не только воспитанники, но и преподаватели были подъ крѣпкою властью (?!?) ректора, и дѣло шло прекрасно, и выходили прекрасные цѣльные люди. За послѣдніе годы ревизіи нѣсколько измѣнили свой характеръ. Онѣ стали тѣмъ шкваломъ, который все перевертываетъ вверхъ дномъ. Послѣ ревизій часто не оставалось камня на камнѣ; назначались новые начальники; преподаватели переводились изъ одной Семинаріи въ другую, низводились въ Духовныя Училища,—а дѣло попрежнему и при новыхъ начальникахъ, при другихъ преподавателяхъ шло плохо, даже все хуже и хуже. Какъ ни глубока бывала ревизія,—она радикально не измѣняла положенія. Въ самомъ дѣлѣ, какая польза въ томъ, что дрянной преподаватель переводился изъ одной Семинаріи въ другую? Вѣдь если онъ здѣсь сѣялъ зло, почему онъ тамъ будетъ творить добро? Если онъ плохъ и не поддается излеченію, то его нужно выбросить вонъ и навсегда, а не оставлять въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ. Да и ревизорами обыкновенно назначаются люди, стоящіе далеко отъ дѣла, не связанные непосредственно ни съ дѣломъ преподаванія, ни съ дѣломъ воспитанія, и, тѣмъ болѣе, мало или совсѣмъ не знакомые съ мѣстными частными условіями. Я знаю, что послѣ одной строгой ревизіи въ одной Семинаріи, когда многіе изъ корпораціи были такъ или иначе устранены, все-таки ревизоръ не усмотрѣлъ всего и самая мерзость осталась въ Семинаріи».

[1]) Примѣры—о. І. Христ. Ничета въ Полтавѣ и о. І. Павл. Знаменскій въ Харьковѣ, а также о. В. В. Знаменскій въ Симферополѣ и о. В. П. Борисоглѣбскій въ Воронежѣ (см. «Колоколъ» № 393 за 24-е мая 1907 г., стр. 2, стлб. 3), но «Колоколъ» (въ №-рѣ 364 за 13-е апрѣля 1907 года, стр. 2, стлб. 5) вообще констатируетъ «бѣгство начальниковъ духовной школы», говоря, что «расшатанность Духовныхъ Семинарій *вынуждаетъ* многихъ ректоровъ и инспекторовъ, выслужившихъ пенсію, просить объ увольненіи отъ духовно-учебной службы»...

сительно преподавателей!... Такова была сила канцелярски-бюрократическихъ комитетскихъ традицій, привитыхъ ошибочною системой... На ревизорскомъ институтѣ съ особенною наглядностію сказалось вредное вліяніе принципіальныхъ несовершенствъ въ комитетскомъ устройствѣ. По положенію 1867 г. (§ 5), члены-ревизоры посылаются для обозрѣнія духовно-учебныхъ заведеній «съ разрѣшенія Святѣйшаго Сунода». Никакихъ иныхъ условій для сего не допускается [1]), а практика выработала свой порядокъ [2])... За послѣднее десятилѣтіе назначеніе ревизій зависѣло почти исключительно отъ оберъ-прокурорской власти. Обычно въ началѣ каждаго учебнаго года въ канцеляріи Учебнаго Комитета, по имѣющимся свѣдѣніямъ, составлялся списокъ подлежащихъ обревизованію духовно-учебныхъ учрежденій и подавался Оберъ-Прокурору. Послѣдній «по собственнымъ соображеніямъ» исправлялъ этотъ перечень и вносилъ его въ Св. Синодъ, который,—сколько помнится,—всегда соглашался съ такими «предначертаніями» и не проявлялъ независимой инициативы, если онъ предоставилъ автономному прокурорскому вѣдѣнію примѣненіе духовно-учебныхъ уставовъ и всѣ распоряженія по даннымъ ревизорскихъ отчетовъ [3]). Разумѣется еще менѣе могъ усвоять и осуществлять независимость самъ Учебный Комитетъ, стискиваемый съ двухъ сторонъ. Лишь въ недавніе годы онъ началъ практиковать экстраординарныя ревизіи, не предусмотрѣнныя строгими юридическими правилами. Эти уже совсѣмъ не разрѣшались Св. Синодомъ и производились по словесному соглашенію предсѣдателя Учебнаго Комитета съ другими начальствующими въ центральномъ духовно-учебномъ управленіи лицами и на основаніи письменнаго увѣдомленія нерваго. при чемъ обходились всѣ узаконенныя инстанціи. Св. Синодъ прямо устранялся. какъ будто онъ меньше всѣхъ зналъ свои школы и не дорожилъ ихъ успѣхами... Фактически все по этой части оказывалось въ полной прокурорской компетенціи [4]), и ей долженъ былъ подчиняться Комитетъ по отсутствію авторитетнаго синодскаго участія въ данномъ вопросѣ. Тѣмъ болѣе подневольными и пассивными были сами ревизоры. потому что они опредѣлялись на свои должности «по предложенію Оберъ-Прокурора» (§ 4 «Положенія») и въ своемъ служеб-

---

[1]) Еще въ маѣ 1892 года *С. И. Миропольскій* заявлялъ (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 839б), что «ревизіи назначаются обыкновенно Святѣйшимъ Сунодомъ по предложеніямъ Сунодальнаго Оберъ-Прокурора».

[2]) Въ нерѣдкихъ случаяхъ этимъ давалась г.г. ревизорамъ возможность «соединять пріятное съ полезнымъ» на казенный счетъ, напр., отдохнуть отъ «трудовъ праведныхъ» на Кавказѣ или въ Крыму, лишь «по пути» завернувъ въ какую-нибудь отдаленную Семинарію или Училище, яко бы, для спеціальнаго обозрѣнія...

[3]) См. въ брошюрѣ «Положеніе объ Учебномъ Комитетѣ» (Спб. 1907), стр. 11—12.

[4]) Отсюда случались такіе казусы, что вліятельные іерархи *просто не пускали* присланныхъ комитетскихъ чиновъ въ свои духовно-учебныя заведенія... Это было, напр., въ С.-Петербургѣ около 1890 года, когда † митрополитъ Исидоръ (Никольскій) рѣшительно объявилъ назначенному Прокуроромъ для «свидѣтельствованія» мѣстной Семинаріи ревизору (С. И. Миропольскому), чтобы онъ возвратился тощь туда, откуда пришелъ,—и быть тако... Но вѣдь Исидоръ былъ единый и единственный, а его непосредственный преемникъ не могъ уволить перевести) даже секретаря своей Консисторіи (см. «Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія», т. I. Спб. 1906, стр. 509б)...

номъ движеніи всецѣло зависѣли именно отъ него, не имѣя надежды на поощреніе или защиту отъ Синода, но постоянно видя предъ собою, что и доселѣ (—вопреки § 1—) сами комитетскіе предсѣдатели «восходятъ» и «нисходятъ» собственно по велѣніямъ не синодскимъ, а прокурорскимъ, которыми быстро сдвигаются на окраины столицы даже комитетскія помѣщенія...

Въ результатѣ неестественной системы комитетскаго строя получилась тягостная и роковая шаткость всей духовно-педагогической политики, когда всѣ не знали, кто спеціально завѣдывалъ этою важнѣйшею отраслію и какія цѣли въ ней преслѣдовалъ. Интересы и намѣренія духовно-педагогическаго назиранія по необходимости стали индивидуальными и потеряли объективный характеръ, который всегда почерпается въ основныхъ принципахъ и общихъ задачахъ самаго дѣла. Конечно, тутъ ревизоры могли лишь послушно творить волю пославшихъ съ обязательною чиновническою ревностію, хотя и съ весьма сомнительнымъ моральнымъ утѣшеніемъ.

Понятно, что при отмѣченныхъ условіяхъ до верховъ не достигало «опытныхъ» педагогическихъ матеріаловъ, и они заваливались канцелярски-бумажными отписками, далекими даже отъ простой фотографической точности. Я упоминалъ выше (стр. 86), какъ иногда фабриковались ревизорскіе отчеты, и для подкрѣпленія своихъ словъ разскажу еще характерный случай. Въ одномъ изъ училищъ Полтавской епархіи обнаружились непорядки, и туда послали семинарскаго преподавателя (В. А. Конопатова). Въ Полтавѣ утверждали по свѣдѣніямъ изъ надежныхъ источниковъ, что отзывъ послѣдняго былъ отправленъ Преосвященнымъ непосредственно Оберъ-Прокурору К. П. Побѣдоносцеву, а этимъ оставленъ у себя «до времени». Потомъ туда же пріѣхалъ комитетскій ревизоръ († П. П. Нечаевъ), не знавшій о сепаратномъ семинарскомъ разслѣдованіи, и представилъ собственное заключеніе своему принципалу [1]). Тотъ сразу усмотрѣлъ противорѣчія и обратилъ вниманіе комитетскаго члена, который поспѣшилъ «переписать свою бумагу наоборотъ» согласно соображеніямъ семинарскаго педагога [2])... И вотъ по такимъ-то даннымъ Учебный Комитетъ думалъ «владѣть и княжить» всѣмъ духовнымъ просвѣщеніемъ православной Россіи, услаждаясь собственнымъ самовосхваленіемъ [3]). На этомъ фундаментѣ строились самыя

---

[1]) Въ этомъ инцидентѣ имѣли значеніе и родственныя связи одной изъ враждующихъ сторонъ... Впрочемъ, дѣло окончилось счастливо, но только не благодаря ревизору, а по вліянію † епископа Полтавскаго Иларіона:—въ его покояхъ смотритель и помощникъ помирились и дали обѣщаніе жить мирно и работать дружно на пользу Училища. Зачѣмъ же нужна была комитетская ревизія?...

[2]) А. *С. П. Миропольскій* съ удивительною смѣлостію дерзаетъ еще свидѣтельствовать (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 839б): «можно *положительно* сказать, что *ни одно* изъ учебныхъ вѣдомствъ (—ужъ не во всемъ ли мірѣ?—) не имѣетъ такихъ *обстоятельныхъ* и *всесторонних ревизій*, какія имѣетъ вѣдомство духовное чрезъ членовъ-ревизоровъ Учебнаго Комитета»...

[3]) Конечно, если брать ревизорскіе «отчеты» безотносительно, то можно затѣвать самыя цвѣтистыя апологіи для превознесенія Учебнаго Комитета не просто до третьяго, но даже и до седьмого неба;—только ни-пользы, ни правды тутъ вовсе не будетъ... Мы видѣли, что донесенія самовлюбленныхъ комитетскихъ Нарцессовъ слишкомъ мало

важныя мѣропріятія и преобразованія. О достоинствѣ ихъ позволительно судить даже по печатнымъ комитетскимъ «циркулярамъ». Въ этой замѣчательной серіи документовъ есть много канцелярской мудрости и чиновничьяго великолѣпія, но нѣтъ живой педагогической струи систематическаго творчества. Это своего рода Вавилонская башня, и тутъ смѣшаны всѣ языки духовной школы [1]). Единичныя обобщенія, случайныя внушенія, постоянные диссонансы и величественные реприманды:—развѣ этимъ могла питаться и возвращаться кипучая педагогическая жизнь, гдѣ всякій контроль долженъ быть приспособленнымъ и больше самъ сообразоваться съ нею, чѣмъ подгонять ее къ своимъ мертвымъ шпаргалкамъ?...

Впрочемъ, эта сторона всѣмъ намъ слишкомъ хорошо извѣстна и и каждому доступна для документальной провѣрки, почему я не буду распространяться о ней и формулирую свой конечный итогъ. Онъ таковъ [2]). Учебно-комитетскій центръ второго періода былъ проникнутъ бюрократическимъ духомъ безжизненной отвлеченности и не освѣжался притокомъ здоровыхъ стихій изъ периферій, почему самъ впадалъ въ бумажно канцелярскую спячку [3]), атрофируя и разстраивая послѣд-

---

и весьма не точно отражаютъ реальную дѣйствительность, а потому не могутъ служить пригоднымъ матеріаломъ для практическихъ мѣропріятій или научныхъ построеній. Основное требованіе истинной науки заключается въ томъ, чтобы не употребляютъ никакихъ документовъ безъ строжайшей исторической критики, дабы напередъ выяснить ихъ фактическую цѣнность. Иначе—вмѣсто исторіи—получится чистый миѳъ, а воображаемое богатство сведется къ фальшивымъ кредиткамъ и дутымъ акціямъ и разрѣшится печальнымъ пуфомъ Эмберовскихъ капиталовъ... Только «скорбные главами» могутъ не понимать этой научной и дѣловой азбуки...

[1]) Здѣсь Учебный Комитетъ охотно рѣшаетъ мелочно-казуистическіе вопросы, однако единства духа и системы совсѣмъ нѣтъ. По многимъ важнымъ пунктамъ въ комитетскихъ вердиктахъ господствуютъ недоговоренность, неясность, неопредѣленность даже *намѣренія* (какъ свидѣтельствовалъ † П. И. Нечаевъ), а это въ разныхъ Семинаріяхъ вызвало не мало бурныхъ правленскихъ засѣданій, особыхъ мнѣній, острыхъ раздоровъ въ корпораціяхъ и болѣе того, о чемъ сообщаетъ мнѣ высокопочтенный ректоръ долголѣтней службы...

[2]) Для характеристики современнаго Учебнаго Комитета см. еще мѣткія и цѣнныя указанія—видимо—компетентнаго автора въ слѣдующихъ его статьяхъ: «Ревизіи духовно-учебныхъ заведеній» (въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1905 г., № 12, стр. 682—697), «Духовно-учебное начальство» (въ сборникѣ «Духовная школа», Москва 1906, стр. 228—243), «Завершеніе духовно-учебной реформы» (въ «Церковномъ Вѣстникѣ» № 45 за 9-е ноября 1906 г., стлб. 1450—1453; № 47 за 23-е ноября, стлб. 1530—1533). Сообщаемыя здѣсь наблюденія и соображенія производятъ прямо оглушающее впечатлѣніе—особенно—при эпическомъ спокойствіи изложенія... См. еще у *С. И. Шумова* въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1906 г., № 2, стр. 372—379.

[3]) Въ этомъ отношеніи крайне знаменателенъ авторитетный отзывъ компетентнаго знатока комитетскаго положенія († протоіерея В. П. Якакина) въ частномъ письмѣ ко мнѣ: «Дѣла Учебнаго Комитета болѣе, чѣмъ не важны. Случайный подборъ лицъ, не одинаковая степень работоспособности и даже отсутствіе послѣдней (—дальше пропускаю одну фразу—): что можетъ быть печальнѣе? *Какой-то злой рокъ ведетъ къ гибели это учрежденіе, которое замѣчательно только тѣмъ, что вездѣ его бранятъ*»... И развѣ тутъ не правда? А началось это далеко не сейчасъ. Еще члены коммиссіи по выработкѣ академическаго устава 1884 г. высказывали по сему предмету много замѣчательныхъ сужденій. Такъ, Кіевскій проф. В. О. Ключевскій указывалъ на «безконтрольность нынѣшнихъ ревизоровъ и противорѣчивость ихъ отзывовъ», при чемъ «комитетскія ревизіи обидны для епархіальной власти, такъ какъ въ нихъ выражается недовѣріе къ этой власти, наконецъ, отъ комитетскихъ ревизій пользы мало, по свидѣтельству семинарій», а «обида можетъ заключаться, напр., въ томъ, что молодому человѣку дается власть надъ почтенными саповниками». По словамъ † С.-Петербургскаго инспектора и профессора И. О. Нильскаго «Учебный Комитетъ усвоилъ начальственный тонъ

относительно академій, не имѣя на то права», и въ разъясненіе слуховъ о недовѣріи къ епархіальнымъ властямъ говорилъ, что «такимъ основаніемъ можетъ служить, между прочимъ, тотъ фактъ, что при бывшемъ Оберъ-Прокурорѣ (графѣ Д. А. Толстомъ) всѣ отзывы ревизоровъ о комъ бы то ни было уважались безъ провѣрки, хотя бы они шли совершенно въ разрѣзъ съ мнѣніями Преосвященныхъ. Что же касается общаго вопроса, то, по его (Пильскаго) мнѣнію, бывшее духовно-учебное управленіе было все-таки лучше нынѣшняго Учебнаго Комитета. По крайней мѣрѣ, оно не возбуждало такого всеобщаго недовольства, какъ Учебный Комитетъ. *И наибольшая доля этого недовольства возбуждается членами-ревизорами.* Ихъ упрекаютъ за то, что они ведутъ себя по-начальнически и придираются къ мелочамъ, отмѣчая и ставя на видъ почти исключительно формальные недостатки и опущенія». «Публичными замѣчаніями (въ ревизорскихъ отчетахъ) натуры робкія запугивались и падали духомъ, а сильныя—ожесточались и махали на все руками. Сколько мнѣ извѣстно, благодаря такому поведенію ревизоровъ Учебнаго Комитета, семинаріи съ сожалѣніемъ вспоминаютъ о прежнихъ академическихъ ревизорахъ и желали бы возстановленія ихъ. Они, по общему мнѣнію, было гораздо ближе къ духовнымъ семинаріямъ, вели себя гораздо проще и гуманнѣе»... Учебный Комитетъ и тогда «обнаруживалъ поползновеніе превратиться въ прямое начальство надъ академіями», «между прочимъ, въ томъ, что онъ разсматриваетъ докторскія диссертаціи, одобренныя академическими Совѣтами и публично защищенныя. По уставу онъ не имѣетъ никакого начальническаго отношенія къ академіямъ, но на дѣлѣ является весьма важною *подземною силою*», ибо «академическія дѣла передаются Святѣйшимъ Синодомъ на разсмотрѣніе въ Учебный Комитетъ». Даже предсѣдатель архіеп. (послѣ †митрополитъ Московскій) Сергій (Лянидевскій) соглашался, что «бывшая коммиссія духовныхъ училищъ, кажется, правильнѣе и опредѣленнѣе была поставлена относительно академій, чѣмъ Учебный Комитетъ» (см. у о. проф. *Ѳ. П. Титова* въ «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 4, стр. 505—508). Во всѣхъ отношеніяхъ положеніе послѣ еще больше ухудшилось, а потому трудно опровергнуть другого знатока комитетскихъ порядковъ, который недавно энергически выражался предо мною, что Учебный Комитетъ—въ настоящемъ видѣ лучше уничтожить совершенно, разъ онъ сталъ такимъ учрежденіемъ, куда по всей Россійской Имперіи не могутъ найти предсѣдателя или—вѣрнѣе—не заботятся объ этомъ, считая болѣе удобнымъ юридическое и фактическое «безглавенство» въ самое смутное время духовно-школьной жизни... И можно ли съ правдивымъ усмѣхомъ спорить противъ этого рокового заключенія, если мы, напр., просмотримъ хоть «дѣла» о семинарскихъ безпорядкахъ года за 2—3 и сравнимъ, что по этой части устроено благого Комитетомъ?... Думаемъ, что результатъ получится прискорбно-поучительный... Извѣстно, что въ истекшемъ 1906—1907 учебномъ году происходили волненія и по поводу открытія (20-го февраля 1906 г.) второй Государственной Думы, при чемъ—по оффиціальнымъ донесеніямъ—они были въ шести Семинаріяхъ и выражались въ самовольномъ уклоненіи воспитанниковъ отъ уроковъ, въ сходкахъ съ зажигательными рѣчами и пѣніемъ марсельезы, кое-гдѣ въ битьѣ стеколъ и т. п. Въ шести Семинаріяхъ были еще сейгодъ безпорядки по мѣстнымъ причинамъ и они повлекли закрытіе отдѣльныхъ классовъ. О безчиніяхъ въ Курскѣ краснорѣчиво повѣствуетъ (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 21 за 26-е мая 1907 г., стр. 848—849) ревизоръ *Д. И. Тихомировъ* «14 октября 1906 г., во время всенощнаго бдѣнія, изъ вентиляціоннаго въ потолкѣ семинарскаго храма отверстія, съ чердака семинарскаго зданія, были сброшены прямо на головы молящихся революціонныя прокламаціи въ то время, когда, при пѣніи „Слава въ вышнихъ Богу“, всѣ стояли на колѣняхъ. И вообще въ то время, предъ 17 октября и послѣ, среди воспитанниковъ появлялись прокламаціи, за подписью „группы сознательныхъ семинаристовъ“, съ призывомъ къ сознательной встрѣчѣ „грядущихъ событій“. Конечно, и революціонныя прокламаціи 14 октября были сброшены въ церкви на головы молящихся тою же „группою сознательныхъ семинаристовъ“... 17-го декабря галка „вылетѣла“ изъ такого же съ чердака вентиляціоннаго отверстія въ потолкѣ храма, въ какое 14 октября были вброшены прокламаціи,—только надъ алтаремъ храма; она влетѣла такъ же, какъ и 14 октября прокламаціи, въ то время, когда вся церковь стояла на колѣняхъ во время пѣнія Херувимской пѣсни»... «При мнѣ три ночи подрядъ (21, 22, 23 ноября) производились попытки ограбить эконома Семинаріи. Не буду излагать характерныхъ подробностей этого дѣла; скажу только, что дѣйствовали тутъ три переодѣтыя личности, иногда въ маскахъ, старавшіяся проникнуть въ квартиру эконома съ чернаго хода, и что это также стоитъ въ связи съ дѣйствіями „сознательныхъ“ семинаристовъ. Многочисленные случаи воровства въ Семинаріи тоже не въ привлекательномъ видѣ рисуютъ „весну“ семинарской жизни»... «Ученики не являлись на уроки массами, при чемъ отсутствовало на урокахъ не рѣдко поль-класса и болѣе, на молитву и въ церковь на богослуженіе являлись весьма немногіе, съ вечернихъ за-

нія [1]). Отсюда принижение и дезорганизація духовной школы [2]), которая страдала и отъ многихъ другихъ причинъ—частію внутреннихъ, частію побочныхъ. Главная вина сего не собственно въ людяхъ и лежитъ въ самомъ устройствѣ Учебнаго Комитета, который былъ лишенъ отвѣтственной самостоятельности, призывался служить больше «предер-

---

нятій уходили, когда хотѣли; сочиненій ученики не писали, не рѣдко совершенно, всѣмъ классомъ, или подавали ихъ въ незначительномъ количествѣ въ классѣ». При этомъ «не увольнялись изъ Семинаріи воспитанники, скомпрометировавшіе себя настолько (до присужденія къ тюремному заключенію включительно), что имъ въ Семинаріи оставаться было невозможно. Было и еще иное, подобное этому, на ненормальность чего было обращено мною вниманіе при ревизіи: не смотря на то, что занятія въ Семинаріи открылись только съ 21 сентября и что въ классъ ходилъ только тотъ, кто хотѣлъ,—съ 25 ноября начались усиленныя ходатайства воспитанниковъ объ отпускѣ ихъ въ дома родителей подъ разными предлогами. Къ 19 декабря по такимъ причинамъ было отпущено въ дома родителей уже 60 чел., и при этомъ больше всего изъ того класса, который меньше всего занимался»... Въ эту Курскую «исторію» вмѣшалось и духовенство (см. «Колоколъ» № 414 за 20-е іюня 1907 г., стр. 2—3). Что же предпринималъ Учебный Комитетъ со своей стороны? Отъ 24-го мая 1907 года я имѣю грустное свидѣтельство, что даже въ виду страшныхъ экзаменскихъ неурядицъ комитетскія мѣры не идутъ далѣе пріемовъ какого-то сыска... И мы дѣйствительно пока слышали по этому предмету только то, что одна Семинарія закрывается за другою, хотя не хватало ни ординарныхъ, ни сверхштатныхъ ревизоровъ для экстренныхъ экспедицій по всѣмъ концамъ Россіи. А теперь намъ сообщаютъ (см. «Новое Время» № 11.224 за 13-е іюня 1907 года, стр. 3, стлб. 2, и «Колоколъ» № 409 за 14-е іюня 1907 г., стр. 2, стлб. 2): «На дняхъ въ Св. Синодѣ закончена разработка данныхъ, касающихся происходившихъ въ текущемъ году безпорядковъ въ Семинаріяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства. Матеріалы, собранные Св. Синодомъ какъ путемъ донесенія официальныхъ лицъ, такъ и данными прямыхъ разслѣдованій на мѣстахъ, *пока не выяснили несомнѣнныхъ причинъ безпорядковъ*. Въ виду этого преобладающая часть членовъ Св. Синода, какъ намъ передаютъ, не склонна къ началу будущаго учебнаго года проводить въ Семинаріи какія-либо преобразованія». Извѣстіе это болѣе, чѣмъ удивительно, а потому и мало вѣроятно во всѣхъ отношеніяхъ (ср. «Колоколъ» № 411 за 16-е іюня 1097 г., стр. 2, стлб. 5)... Въ духовныхъ школахъ все горитъ, и никто не можетъ доискаться источника:—это ли не притча? Но совсѣмъ прискорбно, что именно вслѣдствіе своего невѣдѣнія даже не желаютъ тушить пожара и откладываютъ ad Kalendas graecas... «Освѣдомительное бюро» передаетъ, что «разрѣшеніе вопроса о преобразованіи Семинарій будетъ зависѣть исключительно отъ всероссійскаго церковнаго собора» (см. «Новое Время» № 11.225 за 14-е іюня 1907 года, стр. 3, стлб. 4). Ну, это ужъ еще того хуже... Вѣдь той порой отъ нашихъ Семинарій, какъ учрежденій духовно-церковныхъ, можетъ остаться только одно грустное воспоминаніе (ср. стр. 124, прим.)!... А вотъ католики не дремлютъ. Задумавъ широкую семинарскую реформу въ Италіи (о чемъ къ стр. 17, см. еще у *С. А. Браткова* въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1906 г., № 2, стр. 357—371), они спѣшатъ приняться за ея осуществленіе и именно въ смыслѣ отдѣленія общехристіанскаго гуманитарнаго образованія отъ пастырскаго приготовленія (см. «La Civiltà Cattolica», anno 58, quaderno 1.368, vol. 2: 15 Giugno 1907, p. 734—736; «Церковный Вѣстникъ» № 25 за 21-е іюня 1907 г., стлб. 818—820). Но соберемся ли, наконецъ, подражать имъ и мы, всегда столь увлекающіеся западными образцами?—that is the question!..

[1]) Просимъ теперь сопоставить слова *С. И. Миропольскаго* (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 840), что «Комитетъ *никогда* не имѣлъ бюрократическаго характера и чуждался формализма, столь вреднаго въ живомъ педагогическомъ дѣлѣ»... Послѣднее, разумѣется, вѣрно, а о первомъ пусть безпристрастно разсудятъ сами читатели нашего трактата...

[2]) См. и въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906), что «высшее начальство, проникнутое недовѣріемъ къ цѣлой корпораціи учащихъ, въ тоже время грѣшитъ непомѣрнымъ самомнѣніемъ» (стр. 241) и своими велѣніями достигло того, что «въ дѣятельности духовныхъ педагоговъ все мертво, шаблонно, формально», при чемъ «обязательныя предписанія центральнаго начальства *носятъ часто явно нелѣпый, регрессивный характеръ*, особенно по воспитательной части»... «Въ общемъ, положеніе какъ педагоговъ, такъ и питомцевъ духовной школы очень тяжелое: тѣмъ и другимъ здѣсь душно, тѣсно», какъ «придавленнымъ бюрократическимъ колпакомъ» (стр. 242). См. еще и въ «Церковномъ Вѣстникѣ» 1906 г., № 47 за 23-е ноября, стлб. 1531—1532.

жащимъ» лицамъ, чѣмъ идеямъ, и, подчиненный сразу двумъ авторитетамъ, долженъ былъ лавировать между ними. Необходимость системы вынуждала его сосредотточиваться именно на послѣдней сторонѣ, но при частыхъ коллизіяхъ и всегдашнихъ возобладаніяхъ разныхъ силъ и теченій онъ не рѣдко оказывался безъ собственной воли и безъ своей заправляющей власти [1]), а духовно-педагогическая ладья плавала по бурному морю «безъ руля и безъ вѣтрилъ» при одолѣвавшемъ напорѣ постепенно разъярявшихся стихій [2])... Наступилъ «развалъ духовной школы» [3])...

Какъ видимъ, Учебный Комитетъ не во всемъ виноватъ одинъ, но его грѣхъ заключается уже въ молчаливомъ попустительствѣ. Онъ долго увѣрялъ, что все обстоитъ благополучно, занимаясь всякими «затѣями» [4]), а педагогическій барометръ стремительно спускался къ роковому термину «гроза!» И сбылось надъ нами предостерегающее слово апостольское (1 Оесал. V, 3): *егда рекутъ: миръ и утвержденіе, тогда внезапу нападетъ на нихъ всегубительство, якоже болѣзнь во чревѣ имущей, и не имутъ избѣжати.* Такъ и случилось. Нахлынулъ цѣлый ураганъ педагогическихъ волненій, которыя потомъ перешли въ Академіяхъ въ длительный пароксизмъ «реформаторской горячки» [5]). Подавленныя раньше—педагогическія корпораціи оказались неподготовленными, частію были связаны и фактически растерялись при разыгравшемся смерчѣ: одинъ, слегка карая «единичные проступки», не рѣшались вмѣнять академическимъ студентамъ «массовыя движенія» [6])—вопреки морально-юридической логикѣ: другія (въ Рязанской Семинаріи) чувствовали себя

---

[1]) Въ этомъ отношеніи достойно вниманія, что самъ Св. Синодъ вынужденъ былъ отказаться отъ существенныхъ преимуществъ своихъ по §-самъ 13 и 14 «Положенія» 1867 г. и уже согласно постановленію, Высочайше утвержденному 3-го апрѣля 1875 года,—передалъ многое въ непосредственное распоряженіе Оберъ-Прокурора: см. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 835*а*.

[2]) Кажется, послѣднія, внося свою отраву, начали подтачивать и церковно-приходскую школу, судя, напр., по книжкѣ *И. И. Сахарова*, Ненормальное состояніе современной церковно-приходской школы и попытка учащихъ раскрѣпоститься, Москва 1906. А «Колоколъ» (№ 408 за 13-е іюня 1907 года, стр. 3, стлб. 1—2) прямо говоритъ о «революціонерахъ въ церковныхъ школахъ» (Тамбовской епархіи), о чемъ—для другихъ мѣстъ (напр., въ Смоленской губерніи)—имѣются у меня и частныя свѣдѣнія.

[3]) См. подъ такимъ заглавіемъ статью «Епископа» въ «Колоколѣ» № 357 за 5-е апрѣля 1907 г., стр. 1, по ср. ibid. № 362 за 11-е апрѣля, стр. 2, стлб. 4. См. также въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906, стр. 230, гдѣ «полный крахъ духовной школы» относится (стр. 105. 112) уже къ осени 1905 года.

[4]) Объ одной изъ такихъ несомнѣнныхъ «затѣй»—устроеніи въ С.-Петербургѣ (лѣтомъ 1907 года) курсовъ для преподавателей физики въ нѣкоторыхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ—см. мужественное слово г. *И. Колловскаго* въ «Колоколѣ» № 362 за 11-е апрѣля 1907 года, стр. 1. И долго казалось, какъ будто «затѣя» эта,—санкціонированная Комитетомъ,—имѣетъ всѣ шансы осуществиться съ полнымъ успѣхомъ... для комитетскихъ прожектеровъ. Между тѣмъ «центральное управленіе вовсе и не заботится о физическихъ кабинетахъ» Семинарій (см. выше стр. 95_{11})...

[5]) Такъ («la fièvre de réformes») характеризуетъ извѣстный о. *Aurelio Palmieri* въ своихъ отчетахъ о Россіи въ «Revue d'histoire ecclésiastique» VII, 3 (15 Juillet 1906), p. 758; VIII, 1 (15 Janvier 1907), p. 246.

[6]) См. «Журналы совѣта Московской Духовной Академіи» за 1906 г. при «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 2, стр. 125—127.

столь безвольными, что, принявъ необходимыя мѣры, уже послѣ примѣненія спѣшили боязливо запрашивать о нихъ центральное управленіе; иные Преосвященные упорно отклоняли стороннія сообщенія о тревожныхъ симптомахъ духовно-школьной жизни и... дожидались разгромовъ [1]). Самъ Учебный Комитетъ колебался до такой степени, что осуждалъ начальство, если оно вынуждалось производить осмотръ имущества своихъ питомцевъ, жившихъ въ казенныхъ помѣщеніяхъ,—изъ страха предъ «жандармскимъ режимомъ»,—или попускалъ пріемы чисто полицейскаго сыска среди семинарскихъ питомцевъ и ихъ родителей (въ Вильнѣ)... Какъ будто все было въ порядкѣ, между тѣмъ въ нѣкоторыхъ духовно-школьныхъ садахъ находили корзины съ гостинцами въ видѣ изрядной массы боевыхъ патроновъ [2]) и по вечерамъ раздавались выстрѣлы даже внутри зданій... Воспитанники забросили всякія занятія [3]), потеряли всякую дисциплину, бурно и грубо протестуютъ противъ повѣрочныхъ экзаменовъ [4]),

---

[1]) Но и послѣ сего оффиціально стараются объяснить безпорядки этой—Смоленской Семинаріи проникновеніемъ «евреевъ (sic!) и учащихся изъ другихъ учебныхъ заведеній» (см. «Русь» № 142 за 3-е іюня 1907 года, стр. 4, стлб. 6—7), хотя именно на это указывали прежде епархіальному начальству, а оно не умѣло ни предусмотрѣть, ни предотвратить, ни даже признать столь опасное вторженіе...

[2]) См. «Новое Время» № 157 за 4-е апрѣля 1907 г., стр. 2, стлб. 4, гдѣ этотъ фактъ смягченъ противъ дѣйствительности.

[3]) Напр., «Тамбовскій семинаристъ» говоритъ (въ «Колоколѣ» № 383 за 12-е мая 1907 года, стр. 3, стлб. 2—3) о своихъ товарищахъ: «Отъ дѣла семинаристы совершенно отвыкли. На урокахъ многіе отсутствуютъ. Письменныя работы исполняются небрежно. Правда, нѣкоторые изъ преподавателей сочиненій совсѣмъ не читаютъ, а судятъ по объему: подастъ семинаристъ работу страницъ въ 10, да въ синей обложкѣ — и получаетъ 4, а въ ней или выписано изъ учебниковъ или изъ совсѣмъ посторонней книги. Я самъ читалъ одно сочиненіе на научную тему, которое... было буквально списано съ романа „Братья Кипъ" въ журналѣ „Вокругъ Свѣта",—и баллъ былъ... 4»... А вотъ и послѣдній наглядный примѣръ (см. «Русь» № 147 за 8-е іюня 1907 года, стр. 5, стлб. 1): «Переходные экзамены въ Петербургской Духовной Семинаріи, которые окончились 7 іюня, поражаютъ своимъ необыкновеннымъ результатомъ. Всѣхъ воспитанниковъ, державшихъ экзамены, 254 чел., неудовлетворительныхъ балловъ получено 210; при этомъ нужно замѣтить, что каждый воспитанникъ могъ получить неудовлеторительный баллъ только по двумъ предметамъ, а послѣ третьяго онъ или оставлялся на повторительный курсъ, или же совсѣмъ былъ увольняемъ изъ Семинаріи». Значитъ, сколько С.-Петербургскихъ семинаристовъ не дотянуло даже до спасительныхъ троекъ?... Остается еще вспомнить о великихъ претензіяхъ этихъ неудачниковъ (см. стр. 104) и вывести маленькое заключеніе, до какой степени «политика» загубила и нашу духовную школу...

[4]) См. «Колоколъ» №№-ра 357 и 360 за 5-е и 8-е апрѣля 1907 г., стр. 2 и 3. Сообщаютъ, что къ бойкоту экзаменовъ примкнуло 20 Семинарій, изъ коихъ 10 закрыто (см. «Колоколъ» № 381 за 9-е мая 1907 г., стр. 3, стлб. 1), но мы имѣемъ оффиціальныя свѣдѣнія, далеко не обнимающія всѣхъ случаевъ, что къ концу мая послѣднихъ было 11, при чемъ двѣ закрыты сполна и ученики уволены, а въ 9-ти прекращены занятія большею частію только въ младшихъ классахъ. Воспитанники не только отказывались отъ переводныхъ испытаній, но дозволяли и прямо насильственные,—даже террористическіе—акты. Изъ таковыхъ извѣстны въ печати слѣдующіе. Въ Московской Семинаріи взрывы («Колоколъ» №№ 399 и 400 за 31-е мая и 2-е іюня 1907 г., стр. 2, стлб. 2; стр. 2, стлб. 4) —и одинъ даже чрезъ 5 минутъ послѣ отбытія митрополита Владиміра (ibid. № 403 за 6-е іюня, стр. 2, стлб. 1); въ Каменецъ-Подольскѣ тоже и при семъ бомбы (ibid. № 395 за 26-е мая, стр. 2, стлб. 3, особенно же № 404 за 7-е іюня, стр. 2, стлб. 3), къ которымъ въ Нижнемъ Новгородѣ присоединили «химическую обструкцію» (ibid. №№ 388 и 394 за 18-е и 25-е мая, стр. 3, стлб. 2; стр. 2, стлб. 4), примѣненную еще въ Кіевѣ («Свѣтъ» № 128 за 17-е мая, стр. 1, стлб. 3; «Русь» № 139 за 31-е мая, стр. 4, стлб. 1); въ Тулѣ буйства и насилія съ образованіемъ шаекъ экспропріаторовъ и съ агитаторствомъ среди крестьянъ («Свѣтъ» № 128 за 17-е мая, стр. 1, стлб. 3); въ Смоленскѣ выстрѣлы изъ револьверовъ, взрывы петардъ и такія безчинія, что потребовалось

необходимыхъ [1]), но введенныхъ [2]) непредусмотрительно [3]),— и бойкотируютъ ихъ даже «явочнымъ порядкомъ» (въ С.-Петербургской Ака-

---

вмѣшательство войскъ, а обыскъ обнаружилъ много нелегальной литературы («Колоколъ» № 379 за 6-е мая, стр. 3, стлб. 1), въ Черниговѣ же онъ былъ «грандіозный» и открылъ присутствіе револьверовъ и прокламацій (ibid. № 383 за 12-е мая, стр. 3, стлб. 1); въ Казани «во время экзамена словесности семинаристъ ударилъ экзаменатора по лицу и бросилъ въ ассистента стуломъ» («Русь» № 137 за 29-е мая въ спеціальной телеграммѣ и № 131 за 31-е мая, стр. 4, стлб. 1); въ Саратовѣ безчинія и безпорядки вообще («Колоколъ» № 381, стр. 3, стлб. 1), а также въ Витебской Семинаріи, гдѣ яко бы «за послѣдніе годы царитъ полнѣйшая деморализація» (см. «Колоколъ» № 357 за 5-е апрѣля 1907 года, стр. 2, стлб. 3—4)... См. еще систематически (хотя далеко не полно) подобранный «Скорбный листъ духовныхъ семинарій въ 1906—7 учебномъ году» отъ 15-го іюня *С. И. Соколова* въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 230—246 (но—вопреки сему и «Колоколу» № 407 за 10-е іюня 1907 года, стр. 1, стлб. 3—«въ Черниговской Семинаріи въ инспектора никто не стрѣлялъ»: см. «Колоколъ» № 409 за 14-е іюня 1907 года, стр. 2, стлб. 1). Послѣ этого мартиролога духовной школы, которую называютъ «зараженною и протившею», страждущею «разваломъ и развратомъ» (см. у *М. О. Меньшикова* въ фельетонахъ «Новаго Времени» №№ 11.194 и 11.187 за 13-е и 6-е мая), трудно не согласиться съ грустнымъ приговоромъ: «Стачка противъ науки, да еще духовныхъ питомцевъ, содержащихся на свѣчные огарки,—какое прискорбное зрѣлище паразитизма, за счетъ народа?! Отцы духовные, вразумляйте чадъ своихъ, пока народъ не забастовалъ противъ васъ за безобразія дѣтей вашихъ» (см. «Колоколъ» № 381 за 9-е мая, стр. 3, стлб. 1). Возникаетъ даже вопросъ: «развѣ Церковь обязана отламывать кусочекъ отъ свѣчки Божіей для того, чтобы на этотъ кусочекъ воспитывать адвокатовъ, врачей, а въ большинствѣ случаевъ въ наше смутное время—просто будущихъ революціонеровъ» (см. ibid. № 402 за 5-е іюня, стр. 1, стлб. 5)? Вѣдь прямо говорятъ, что «питомники духовныхъ пастырей измѣнили теперь свое назначеніе и служатъ только (?) для пополненія кадровъ революціи (см. «Свѣтъ» № 128 за 17-е мая, стр. 1, стлб. 3), воспитывая—«вмѣсто студентовъ богословія—стрѣлковъ изъ брауниговъ» (ibid. № 131 за 20-е мая, стр. 2, стлб. 2). Есть тутъ частныя преувеличенія въ тонахъ и оттѣнкахъ, но, разумѣется, «необходимо очистить отъ такихъ зловредныхъ элементовъ разсадники нашего духовнаго просвѣщенія», если въ нихъ «будущіе пастыри народа—вмѣсто ученія, поста и молитвы — пополняютъ ряды враговъ Церкви, становятся волками, расхищающими словесное стадо Господне» (ibid. № 126 за 15-е мая, стр. 1, стлб. 4). Поистинѣ, «стыдно за школу, воспитанники которой забываютъ свой неоплатный долгъ предъ православнымъ народомъ» (см. «Церковный Вѣстникъ» № 20 за 17-е мая, стлб. 657). А общая картина (для которой ср. «Колоколъ» № 407 за 10-е іюня 1907 года, стр. 1, стлб. 3) такова: «Бойкотъ экзаменовъ, безпорядки до поруганія иконъ, взрывы бомбъ и петардъ и затѣмъ полицейскіе и жандармскіе обыски, охрана семинарскихъ зданій войсками, аресты воспитанниковъ, увольненія цѣлыми сотнями... Въ своемъ теперешнемъ состояніи развѣ это школа» (ibid. № 22 за 31-е мая, стлб. 724, 726)? Ея «настоящее положеніе должно быть признано невозможнымъ» (см. «Свѣтъ» № 131 за 20-е мая, стр. 2, стлб. 2), и здѣсь «начинать придется, можетъ быть, не снизу, но на полумѣрахъ останавливаться невозможно» (ibid. № 126 за 15-е мая, стр. 1, стлб. 4); «надо дѣйствовать рѣшительно,—иначе Церкви Божіей грозитъ великая опасность» (см. «Колоколъ» № 402 за 5-е іюня, стр. 1, стлб. 5)... Посему «необходимо сейчасъ же рѣшить вопросъ: возможно ли оставлять духовную школу въ прежнемъ положеніи? А если невозможно, то что же съ нею дѣлать» (см. «Колоколъ» № 402 за 5-е іюня, стр. 1, стлб. 5)?.. Послѣднее, конечно, вѣрно, но еще несомнѣннѣе для нашего духовно-педагогическаго правительства слово Христово (Мат. IX, 37. Лук. X, 2): *жатва убо многа, дѣлателей же мало*... Ср. и «Церковный Вѣстникъ» № 25 за 21-е іюня, стр. 802—805.

[1]) Ср. о семъ у *И. И. Лебедева* въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 10 за 10-е марта 1907 года, стр. 435—443, и у архимандрита *Алексія* въ «Колоколѣ» № 396 за 27-е мая, стр. 1—2. См. и стр. 45—46.

[2]) Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 20-го марта 1907 года: см. «Церк. Вѣдом.» № 12 за 24-е марта 1907 года, стр. 70.

[3]) Учебному Комитету своевременно указывалось на неизбѣжность осложненій по этому предмету, но тамъ не хотѣли разсудить впередъ, полагаясь на «авось, небось, да какъ-нибудь»... На чью «голову должна пасть здѣсь вина» больше всего,—см. отвѣтъ въ «Церковномъ Вѣстникѣ» № 15 за 12-е апрѣля 1907 г., стлб. 483—484.

демін 1-го мая 1907 г.) [1]), а на отеческія увѣщанія маститыхъ іерарховъ отъ забастовки отвѣчаютъ свистомъ и шиканьемъ (въ Воронежской Семинаріи *20-го февраля 1907 года*) [2]), инспекторовъ же въ ихъ собственныхъ квартирахъ угощаютъ пулями прямо въ лицо 17-ти лѣтніе семинаристы по постановленіямъ революціоннаго кружка (*тамъ же 21-го февраля 1907 г.* въ 6 часовъ вечера) [3]), или разстрѣливаютъ на улицѣ средп бѣлаго дня [4]),

[1]) Ср. у о *М. О. Меньшикова* въ фельетонѣ «Новаго Время» № 11.187 за 6-е мая 1907 года. Не смотря даже на «студенческія» опроверженія (въ «Колоколѣ» № 377 за 4-е мая 1907 года, стр. 2—3), мы должны подтвердить, что это дѣйствительно было, ибо на расколъ не явилось 1-го мая ни одинаго изъ студентовъ, признавшихъ самый экзаменъ «повторнымъ» и незаконнымъ, а на еврейскій языкъ пришло около $^1/_{10}$-й части, почему цѣлый совѣтъ академическій долженъ былъ экстренно заняться этимъ вопросомъ, а одинъ заинтересованный профессоръ пережилъ тяжкое волненіе съ роковымъ кризисомъ, исходъ котораго досель неизвѣстенъ... При этомъ характерно, что С.-Петербургскіе студенты, избравшіе для позорящихъ себя и Академію сообщеній газету «Русь», не постѣснялись прямо напечатать въ послѣдней (№ 124 за 6-е мая 1907 года, стр. 4, стлб. 3), что они отказались отъ экзамена изъ еврейскаго языка единственно потому, что профессоръ не захотѣлъ принять предложенное «соглашеніе», когда испытаніе изъ тягостной комедіи должно было превратиться въ преступный фарсъ... Вообще, экзаменаціонная эпопея С.-Петербургскаго академическаго студенчества въ 1907 г. полна весьма нелестныхъ эпизодовъ. Напр., на психологію 30-го апрѣля пожаловало очень немного отвѣтчиковъ; перенесли на 4-е мая, — и опять тоже. Одинаковый результатъ былъ съ патристикою (16-го мая и 2-го іюня). Назначали всего лишь по 8 литографированныхъ листовъ или по 114 страницъ изъ популярной книжки, а студенты не хотѣли готовить даже этого minimum'а и отвѣчали кое-какъ. Являются на испытанія, когда сами вадумаютъ, и не держатъ просто потому, что «долго дожидаться», заранѣе уѣзжаютъ по домамъ и произвольно переносятъ исполненіе своей обязанности на осень. Теперь для всѣхъ стало неизвѣстнымъ, происходятъ ли у насъ «переходные» экзамены при заключеніи учебнаго года или въ началѣ, хотя бываютъ еще и въ срединѣ его... Вотъ «живые» факты. *Въ С.-Петербургской Духовной Академіи сей годъ переведено до ваката*: на 1-мъ курсѣ 15 человѣкъ изъ 77, на 2-мъ—11 изъ 63 и на 3-мъ—23 изъ 64, т. е. 49 изъ изъ 204 студентовъ или *менѣе одной четверти*... Развѣ такой результатъ не поразителенъ до ужаса?!.. А обо всемъ этомъ умалчиваетъ въ «Церковномъ Вѣстникѣ» № 24 за 14-е іюня 1907 года на стлб. 778 доскопально освѣдомленный репортеръ *И. А. Уберскій*, сообщая не столько благоразумно, сколько дипломатично, что «всѣ студенты (I—III курсовъ), сдавшіе экзамены, переведены въ слѣдующіе курсы»... Между тѣмъ и уставъ (§ 150) и всякія инструкціи дозволяютъ эту экзаменаціонную процедуру *лишь* въ концѣ учебнаго годичнаго цикла — за самыми рѣдкими и уважительными изъятіями, опредѣляемыми властію совѣта... Но невольѣ вспоминаешь слова пророка (Иса. XXVIII, 10. 13): «все заповѣдь на заповѣдь, заповѣдь на заповѣдь, правило на правило, правило на правило, тутъ немного и тамъ немного;—такъ что они пойдутъ, и упадутъ навзничь и разобьются, и попадутъ въ сѣть и будутъ уловлены»...

[2]) Архимандритъ *Алексій* даже свидѣтельствуетъ (въ «Колоколѣ» № 396 за 27-е мая 1907 года, стр. 1, стлб. 5), что «теперь не всякій архіерей, боясь оскорбленія — не себя лично, а своего высокаго сана, рѣшится часто показываться въ Семинаріи, такъ какъ никто не можетъ его оградить отъ какой-либо грубой, дерзкой выходки со стороны семинаристовъ, по большей части враждебно настроенныхъ къ архіерею, въ которомъ они отъ разныхъ своихъ „благодѣтелей" научены видѣть своего угнетателя»... А уже въ іюнѣ 1907 года былъ случай, что изъ новыхъ академическихъ кандидатовъ богословія многіе не явились къ своему маститому и благостному іерарху на приглашеніе для пастырскаго напутствія въ самостоятельную жизнь, при чемъ въ отвѣтъ на отеческія назиданія и трогательную рѣчь о любви (см. «Церковный Вѣстникъ» № 24 за 14-е іюня 1907 года, стлб. 776—777) одинъ изъ прибывшихъ возразилъ въ возбужденно—вызывающемъ тонѣ, грубо затронувъ и нѣкоторыхъ изъ своихъ профессоровъ... Онъ чувствовалъ себя теперь безопаснымъ, но... забылъ самую простую истину, что всякій, кто не уважаетъ, не признаетъ и не помнитъ своихъ учителей, тотъ отрекается отъ своихъ духовныхъ отцовъ и—видимо—ничему не учился...

[3]) О положеніи Воронежской Семинаріи см. «Церковный Вѣстникъ» № 14 за 5-е апрѣля 1907 г., стлб. 462, и «Колоколъ» № 332 за 7-е марта 1907 г., стр. 3; ср. также «Церковный Вѣстникъ» № 14 за 5-е апрѣля 1907 г., стлб. 462.

[4]) М. А. Добронравовъ въ Тифлисѣ (см. «Новое Время» № 11.206 за 26-е мая

прихватывая и ректоровъ [1]), которымъ предательски наносятъ смертельныя раны въ спину [2]), шлютъ моментальную смерть изъ браунинговъ [3]), либо обливаютъ физіономіи кислотою, когда несчастно и невинно погибшій сынъ ихъ начальника лежитъ на столѣ [4])... И вотъ предъ нами теперь законченная революціонная организація, сформировавшая на послѣднемъ «общесеминарскомъ съѣздѣ» (въ Москвѣ 25-го, и 26-го 27-го декабря 1906 года) «Центральный (распорядительно-исполнительный) органъ»—въ Вяткѣ [5]), издавна извѣстной всякою либеральною пропагандой и нынѣ ставшей очагомъ гибильной чумы педагогическихъ броженій [6]), прочно засѣвшихъ въ мѣстной Семинаріи [7]), чего не успѣлъ вполнѣ обнаружить

1907 г. въ спеціальной телеграммѣ; «Колоколъ» № 395 за 26-е мая, стр. 1, стлб. 1, стр. 2, стлб. 2—3); при этомъ задержано пять семинаристовъ, уволенныхъ за забастовки (см. «Биржевыя Вѣдомости» вечерній № 9.916 за 26-е мая, стр. 2, стлб. 1).

[1]) См. о револьверномъ покушеніи на Тульскаго ректора архимандрита Алексія (Симанскаго) въ «Колоколѣ» № 393 за 24-е мая 1907 года, стр. 2, стлб. 3.

[2]) Архимандритъ Симеонъ (Холмогоровъ) въ Тамбовской Семинаріи (гдѣ изъ-за этого многосемейный инспекторъ безнадежно сошелъ съ ума). Ср. къ сему «Колоколъ» № 395 за 26-е мая 1907 года, стр. 1—2, а подробнѣе см. ibid. № 410 за 15-е іюня 1907 г., стр. 1, стлб. 3—4. Ср. выше стр. 105, ¶.

[3]) Архимандритъ Николай (Орловъ) въ Пензенской Семинаріи. См. объ этомъ «Новое Время» № 11.200 и 11.204 за 19-е и 23-е мая 1907 года, стр. 2, стлб. 3, стр. 13, стлб. 5—6; «Колоколъ» №№ 394, 398 и 399 за 25-е, 30-е и 31-е мая, стр. 2, стлб. 3—4, стр. 3, стлб. 1, стр. 1—2 (письмо студента Московской Духовной Академіи П. Назаркевича); «Свѣтъ» № 131 за 20-е мая 1907 г., стр. 2, стлб. 2.

[4]) Протоіерей І. И. Знаменскій въ Харьковской Семинаріи; ср. «Колоколъ» № 381 за 9-е мая 1907 года, стр. 3, стлб. 1—2.

[5]) См. «Колоколъ» № 351 за 29-е марта 1907 года, но у насъ была точная копія «протоколовъ» этого «съѣзда», проведеннаго съ замѣчательною «парламентскою» выдержанностію, которой могутъ позавидовать даже обѣ наши покойныя Государственныя Думы. Видно, дѣло находится въ опытныхъ и твердыхъ рукахъ мастеровъ своего дѣла... А говорить, что все это вызвало движеніе комитетской воды только потому, что какой-то ректоръ Семинаріи опубликовалъ въ «Колоколѣ» вышеупомянутый отчетъ... Во всякомъ случаѣ Учебный Комитетъ не подумалъ освѣдомить объ этой революціонной организаціи, и даже въ С.-Петербургѣ семинарское начальство не имѣло въ началѣ іюня 1907 года постановленій разумѣемаго «съѣзда», въ провинціи же доселѣ трактуютъ объ этомъ лишь по собственнымъ заключеніямъ (см. «Русь» № 142 за 3-е іюня 1907 года, стр. 4, стлб. 6)... Какъ назвать подобную комитетскую «внимательность»? Есть ли это халатная небрежность или непостижимая мудрость?.. А одинъ «Епископъ» еще спрашиваетъ (въ «Колоколѣ» № 402 за 5-е іюня, стр. 1, стлб. 5) съ наивностію: «Знаетъ ли наше центральное управленіе духовно-учебныхъ заведеній объ этомъ? Дѣлается ли что-нибудь, чтобы пресѣчь это зло? Оповѣщены ли мѣстныя семинарскія власти о затѣяхъ ихъ питомцевъ? Едва ли»... Вѣдь даже «Тамбовскій семинаристъ» подмѣтилъ и отмѣтилъ (ibid. № 383 за 12-е мая 1907 г., стр. 3, стлб. 2): «прежде чѣмъ лечить, нужно знать, чѣмъ и отъ какой болѣзни лечить. *А вотъ эту болѣзнь-то и скрываютъ*» у насъ»... Между тѣмъ «общесеминарскій съѣздъ» и созданная имъ организація служатъ возбудителями и источниками революціонной смуты въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ по всей Россіи (см. и *В. И.* въ «Колоколѣ» № 407 за 10-е іюня 1907 года, стр. 1, стлб. 3—4)... Но такова наша система, готовящая духовную-школьную Цусиму...

[6]) См. «Новое Время» № 11.156 за 3-е апрѣля 1907 г. въ корреспонденціи изъ Вятки о «гибнущей молодежи».

[7]) См. въ «Новомъ Времени» № 11.175 за 22-е апрѣля 1907 года, стр. 6—7 корреспонденцію изъ Вятки подъ заглавіемъ: «Семинаристы-революціонеры». А теперь Вятская Семинарія дождалась того, что сейгодъ формально запретили принимать изъ нея кончившихъ курсъ во всѣ Академіи (см. «Церковныя Вѣдомости» № 21 за 16-е іюня 1907 года, стр. 270-*а*), при чемъ, конечно, пострадаютъ и невинные. Лучше бы поставить для Вятскихъ семинаристовъ-студентовъ выпуска 1907 г. условіями ручательство семинарскаго правленія и ходатайство мѣстнаго Преосвященнаго.

спеціально командированный комитетный ревизорь [1]). Устраиваются (въ г. Орлѣ) самыя вызывающія похороны «павшимъ въ борьбѣ роковой жертвамъ» изъ семинаристовъ, и надъ могилами такихъ «борцовъ за свободу» даже преподаватели ихъ произносятъ зажигательныя рѣчи, фанатизируя возбужденныхъ питомцевъ, которыхъ иногда (въ г. Ярославлѣ) будируютъ и либеральничающіе о.о. іеромонахи, не брезгающіе и чатно апеллировать къ «общественному мнѣнію» на рѣшенія Св. Синода и... остающіеся безнаказанными [2])... Бывали случаи (въ Тобольской Семинаріи), когда сами начальники и педагоги учили воспитанниковъ, какъ организовать «профессіональные союзы», и раздавали или рекомендовали «спеціальную» по сему предмету литературу [3]), даже вели (въ г. Вяткѣ) настоящую агитацію и заслуживали за это отъ Комитета только перевода съ мрачнаго сѣвера на благодатный югъ [4])... Это ли не

---

[1]) См. «Новое Время» № 11.191 за 10-е мая 1907 года, стр. 5, стлб. 2—3, и «Колоколъ» № 384 за 13-е мая 1907 г., стр. 3, стлб. 3: «Прибывшему изъ Петербурга для ревизіи Д. И. Тихомирову *не пришлось* обнаружить какихъ-либо документовъ, относящихся къ организаторской дѣятельности комитета. Такіе документы неожиданно отыскались послѣ отъѣзда ревизора, въ семинарскомъ храмѣ. Случилось это въ Великую субботу за литургіей. Когда священнослужители, во время чтенія апостола, стали смѣнять черныя облаченія на свѣтлыя пасхальныя, они увидѣли подъ жертвенникомъ объемистую связку бумагъ, оказавшихся потомъ секретной литературой центральнаго семинарскаго комитета. Въ бумагахъ, помимо разнаго рода воззваній революціоннаго характера, оказалась также программа, которой обязаны были руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ члены комитета и семинарскихъ организацій: теперь раскрылось, кто были участники Московскаго съѣзда семинаристовъ. Выяснилось между прочимъ, что изъ 50 единомъ Семинаріи успѣли уже объединиться вокругъ Вятскаго центральнаго комитета до 30 Семинарій, рѣшившихъ, между прочимъ, бойкотировать переводные экзамены, введенные нынѣ снова въ Семинаріяхъ Св. Синодомъ. Наши Вятскіе семинаристы 5 мая уже объявили своему начальству о принятомъ имъ рѣшеніи бойкотировать экзамены. Многіе родители вынуждены теперь брать своихъ дѣтей домой, такъ какъ занятія въ Семинаріи прекратились одновременно съ объявленіемъ бойкота. Удивительно только, что семинарское начальство, зная по найденнымъ документамъ о готовившемся выступленіи центральнаго комитета семинаристовъ, почему-то не нашло нужнымъ заранѣе изолировать руководителей бойкота отъ другихъ товарищей. Многіе семинаристы, какъ сами говорятъ, подписали заявленіе о бойкотѣ противъ своего желанія и единственно вслѣдствіе нешуточныхъ угрозъ центральнаго комитета». Между тѣмъ вскорѣ была раскрыта настоящая революціонная агитація, при чемъ «препровождено въ тюрьму до 20 (Вятскихъ) семинаристовъ, изъ которыхъ чуть ли не половина III класса, въ возрастѣ 16—17 лѣтъ», а на другой день послѣ обыска было совершено покушеніе на производившихъ его полицейскихъ чиновъ,—и «юные злоумышленники скрылись по направленію» къ Духовной Семинаріи» (см. «Новое Время» № 11.201 за 20-е мая 1907 г., стр. 6, стлб. 1—2)... См. и выше стр. 103,₂.

[2]) См. объ о. Алексіѣ (Кузнецовѣ), преподавателѣ Духовной Семинаріи въ Ярославлѣ, корреспонденцію оттуда *Л. Зарина* въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» № 93 за 21-е апрѣля 1907 года, стр. 4 подъ заглавіемъ: «По стопамъ освободительнаго движенія».

[3]) См. и «Колоколъ» № 375 за 1-е мая 1907 г., стр. 3, стлб. 4.

[4]) Объ этомъ Вятскомъ педагогѣ *А. Р.* и его судьбѣ см. «Колоколъ» № 391 за 22-е мая 1907 года, стр. 2, стлб. 3, но былъ недавно подобный случай и съ однимъ учителемъ Пензенскаго училища, гдѣ комитетъ отличился такимъ же перемѣщеніемъ... А результаты отсюда—по словамъ «Епископа»—слѣдующіе: «Пока гг. Р., изгоняемыхъ изъ одной Семинаріи за политическую неблагонадежность, будутъ давать мѣсто въ другой, дотолѣ кромѣ вреда ничего не получится... Увѣнчанный славою мученика идей освободительныхъ въ В. Семинаріи, г. Р. явится въ А. Семинаріи уже какъ прославленный борецъ за свободу, около котораго сейчасъ же струппируются всѣ мѣстные освободители, и если они разрознены, то будутъ рады имѣть готоваго руководителя въ лицѣ г. Р.» (см. «Колоколъ» № 402 за 5-е іюня 1907 года, стр. 1, стлб. 5)... Конечно, «должно смотрѣть шире, чѣмъ на пространствѣ одной Семинаріи. Переводовъ по слу-

зло [1])? И развѣ неумѣстно воскликнуть здѣсь вмѣстѣ со Златоустомъ: ταῦτα ἀνεκτά, ταῦτα φορητά?...

Я кончилъ объ учебно-педагогическихъ функціяхъ Комитета, но здѣсь еще не конецъ моей рѣчи о немъ. Онъ не удовольствовался своею учебною ролью и простерся до почестей учено-богословскаго званія. Объ этомъ надо намъ—преоставителямъ богословской науки—поговорить и разсудить особо. Не трудно догадаться о результатахъ комитетскихъ трудовъ по этой части, если прямыя обязанности выполнялись неудовлетворительно. Я уже упоминалъ (см. выше стр. 93—94), что Учебный Комитетъ присвоилъ себѣ роль высшаго цензора компетентности и — главное — благонадежности всей богословской литературы и проявилъ обычный оппортунизмъ и свойственную безпринципность при совершенной неавторитетности, такъ что и сами комитетскіе члены интимно предупреждали знакомыхъ просителей, что комитетская рекомендація вообще служитъ сомнительною пробой и въ послѣднее время потеряла даже рыночную обаятельность... Не смѣю ни оспаривать, ни дополнять этого отзыва—кромѣ развѣ одного замѣчанія, что часто комитетскія аппробаціи давались по предписаніямъ свыше и по инымъ постороннимъ мотивамъ, скрѣплялись нѣсколькими фразами члена и въ большинствѣ случаевъ не обосновывались на подробныхъ солидныхъ рецензіяхъ, вмѣсто которыхъ фигурировали канцелярскіе росчерки членскихъ перьевъ въ соотвѣтствующей книгѣ. А буде кому-нибудь изъ комитетскихъ вершителей Богъ помогалъ сочинить «отзывъ», таковой не безъ торжества печатался въ спеціальныхъ журналахъ со всѣми мелочными деталями и иногда въ разныхъ редакціонныхъ варіаціяхъ. Помимо всякихъ внѣшнихъ условій—неудача въ этой области была неизбѣжна просто потому, что подобная великая обязанность была не по силамъ Учебнаго Комитета. Но онъ думалъ иначе, подогрѣваемый въ своемъ убѣжденіи тѣмъ, что ему поручено было распоряженіе Макаріевскими преміями за наилучшія «сочиненія по предметамъ богословскихъ наукъ и вообще духовнаго образованія» — опять же подъ вѣдѣніемъ Оберъ-Прокурора (см. § 15 «Правилъ» 27 іюля—14-го августа 1883 года). Странно

чаю неблагонадежности или негодности быть рѣшительно не должно. Это перепесеніе зла съ одного мѣста на другое. Если человѣкъ признается негоднымъ, если мотивы приведены яркіе и убѣдительные, если съ ними согласенъ мѣстный архіерей, то никакихъ переводовъ быть не можетъ; такого субъекта надо рѣшительно и безъ всякихъ церемоній гнать вонъ», чтобы не было практикуемаго нынѣ (не только въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ) «„сбыта" негоднаго товара куда—нибудь, лишь бы дальше отъ себя» (архим. *Алексій* ibid. № 385 за 15-е мая 1907 г., стр. 1, стлб. 5; стр. 2, стлб. 1)... См. и выше стр. 106. 116, прим.

[1]) Здѣсь справедливо пишетъ (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» № 21 за 26-е мая 1907 г., стр. 850) ревизоръ *Д. И. Тихомировъ*: «*Зло перестали называть злом*ъ, оно идетъ подъ видомъ добра и *поощряется иногда тѣми, кто долженъ былъ бы, напротивъ, говорить слово вразумленія*. Молодежь, увлекающаяся по неопытности, соблазняется къ этому еще болѣе то похвалами, прямыми или скрытыми, то соучастіемъ въ укрывательствѣ, то попустительствомъ. Вотъ въ чемъ одна изъ основныхъ причинъ [—нѣтъ, это причина уже производная!—] продолженія нестроеній въ духовной школѣ!»...

даже вообразить всю отвѣтственность такой миссіи крайняго судіи надъ всею православно-русскою богословскою научною литературой. Для сего надо стоять выше послѣдней,—и за эту задачу возьмется не всякое ученое учрежденіе, а Учебный Комитетъ несъ ее со спокойною легкостію и привычнымъ «успѣхомъ». Въ 1883 г. имъ были выработаны особыя «правила», принудительныя для всѣхъ ученыхъ рецензентовъ, и съ 1884 года открылись самыя присужденія. Конечно, съ перваго же раза было ясно, что комитетскіе рессурсы не годятся и только обнаружать свою натуральную неприспособленость. Поэтому Комитетъ поспѣшилъ ограничить свое активное участіе самыми минимальными размѣрами и опять предпочель остаться санкціонирующимъ рѣшителемъ чужихъ трудовъ, хотя долженъ былъ именно на себѣ нести это дѣло и другихъ лицъ лишь «могъ приглашать» только въ дополненіе (см. §§ 13 и 14 «Правилъ»)—тѣмъ болѣе, что комитетскіе члены умѣли въ своихъ спеціальностяхъ обнимать необъятное (см. выше стр. 94)... За протекшіе 12 конкурсовъ количество рецензій со стороны комитетскихъ членовъ, иногда чуть не списывавшихъ съ готовыхъ печатныхъ отзывовъ, прямо ничтожно и въ численномъ и въ качественномъ отношеніяхъ. Это—истина несомнѣнная документально [1]). За-то Комитетъ возвеличился до степени независимаго распорядителя всѣми учеными силами Россіи далеко не изъ одной богословской сферы, ибо не рѣдко привлекались университетскіе и другіе спеціалисты. Разумѣется, для цѣлесообразной правильности этого распредѣленія требовалась наличность фактической компетентности въ оцѣнкѣ получавшихся сочиненій и точной освѣдомленности въ ученыхъ достоинствахъ намѣчаемыхъ критиковъ. Такой преизобильной учености совсѣмъ не было у Комитета, и онъ замѣнялъ ее властностію. Не спрашивали ни о согласіи, ни о готовности избранныхъ рецензентскихъ жертвъ и не сообразовались съ ихъ условіями, а прямо препровождали извѣстное сочиненіе съ бумагою за №-ромъ, хотя это бывало для иныхъ крайне не кстати, отбивало отъ неотложныхъ занятій отдаленными предметами, или являлось затруднительнымъ по многимъ жизненнымъ обстоятельствамъ [2]). И если «внѣшніе» рецензенты просто лишь стѣснялись отказываться отъ оффиціальныхъ предложеній, то духовно-служащіе не смѣли уклониться по статьямъ разныхъ законовъ (см., напр., § 58 Уст. Дух. Акад. 1884 года), а резонныя просьбы, мотивированныя объективно, не удостоивались уваженія, о чемъ знаю по опыту. Слишкомъ, молъ,

---

[1]) На засѣданіи V-й «предсоборной» секціи 9-го декабря 1906 года я тщетно допрашивалъ: «Пусть мнѣ назовутъ, какъ много сочиненій премировано по отзывамъ членовъ Комитета, а особенно—пусть перечислятъ, сколько изъ этихъ рецензій напечатано? Вѣдь я хорошо помню чуть не всѣ Макаріевскіе конкурсы. Не значитъ ли это, что комитетскіе судьи предпочитаютъ брать только легкія и безнадежныя книги? И „ученые спеціалисты“ комитетскіе что-то не слишкомъ ярко проявляютъ себя даже въ этой области, но, кажется, вполнѣ усердны къ другимъ не ученымъ комитетскимъ дѣламъ»...

[2]) И вообще духовная власть распоряжается слишкомъ свободно своими ученопедагогическими богословскими силами и нѣкоторыхъ лицъ прямо заваливаетъ и давитъ неустанно всевозможными «порученіями» безъ всякаго ихъ желанія, согласія и даже вѣдома... Тою порой призванным и обязанным дѣлать легко допускается безпечальное dolce far niente.

большая честь въ столь благосклонномъ «порученіи», которое надо-де исполнять съ почтительною благодарностію... Мучились, но писали чуть не новыя книги. Рецензія изготовлялась и отсылалась съ точнымъ заключеніемъ, согласно комитетскимъ «правиламъ». Однако не думайте, что это мнѣніе было ultima ratio и самому автору обезпечивало мздовоздаяніе. Нѣтъ, ибо отсюда именно и начинались мытарства уже для самого отзыва. Онъ переходилъ на разсмотрѣніе комитетскаго члена, который долженъ былъ сдѣлать формулированное извлеченіе для доклада Комитету [1]). При этомъ совершенно мыслимы всякія субъективныя вольности, свойственныя чиновничеству, а сверхъ ихъ и по существу вопроса понятно, что въ спеціальной отрасли никогда не можетъ быть послѣднимъ рѣшителемъ случайный добровольцъ, между тѣмъ имъ изрекались вердикты по самымъ различнымъ спеціальностямъ. Вмѣстѣ съ этимъ подвергалась искусу и самая рецензія. Разсматривающій членъ оцѣнивалъ ее по достоинствамъ и постановлялъ свой приговоръ, заслуживаетъ ли она поощренія и въ какой степени, хотя казалось бы, что странно и сомнѣваться въ этомъ по отношенію къ вынужденному труду [2]), за качество котораго являлся виновнымъ собственно самъ избиратель, т. е. Комитетъ, а не авторъ, сдѣлавшій въ стѣснительный срокъ все посильное по своимъ средствамъ и фактическимъ условіямъ. И вотъ отзывъ университетскаго или академическаго профессора—спеціалиста самъ критикуется кандидатомъ богословія, едва побывавшимъ краткое время на семинарской каѳедрѣ... Натуральна ли для обычнаго смысла вся описанная процедура? При ней были неизбѣжны самыя удивительныя метаморфозы и невѣроятные эпизоды. Комитетскій экспериторъ, не постигавшій вполнѣ ни книги, ни рецензентскаго о ней отзыва, естественно не могъ дать адекватнаго обобщенія и не рѣдко измѣнялъ его собственную энергію въ ту или иную сторону, не соблюдая авторской пропорціональности въ распредѣленіи свѣта и тѣней, присущихъ всякой ученой работѣ. А когда тамъ не было категорическаго вывода,—пускались въ ходъ личныя комбинаціи, которыя принимали характеръ причудливой изощренности при столкновеніи интересовъ по случаю обилія конкурррентовъ свыше имѣющагося числа премій. Отсюда вытекало, что не всѣ присужденія были достаточно убѣдительны, иныя же прямо вызывали недоумѣнія по немотивированности ихъ въ публиковавшихся потомъ отзывахъ [3]). Долженъ прибавить, что

---

[1]) По §-фу 17 «Правилъ», именно «предсѣдатель Учебнаго Комитета дѣлаетъ сводъ изложенныхъ рецензентами мнѣній», но—по разнымъ причинамъ особаго свойства—это обыкновенно совершается членами «по принадлежности», о которой можно судить по даннымъ выше (стр. 94) указаніямъ...

[2]) Это какъ будто не вполнѣ согласно и съ §§-фами 7 и 19 «Правилъ», которые говорятъ единственно о «вознагражденіи рецензентовъ за лучшія ихъ рецензіи», совѣмъ не упоминая, что иныя могутъ оставаться неоплаченными.

[3]) Съ 1901 года эти отзывы даже перестали печатать, и русская литература лишена единственно авторитетной научно-богословской критики безъ достаточныхъ основаній. Мотивировался этотъ роковой шагъ тѣмъ, что Правленіе С.-Петербургской Духовной Академіи сообщило о недостаточности для своихъ непосредственныхъ нуждъ положенной канцелярской суммы, въ счетъ которой относилось и печатаніе въ «Христіанскомъ Чтеніи» Макаріевскихъ рецензій. Въ виду сего Учебный Комитетъ—безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій—рѣшилъ публиковать лишь извлеченія изъ послѣднихъ,

нельзя было всегда утверждаться исключительно и на послѣднихъ. Всѣ ученыя творенія бываютъ относительны, и подлинный вѣсъ каждаго таксируется его положеніемъ въ соотвѣтствующей научной сферѣ, для чего нужно быть досконально освѣдомленнымъ о фактическомъ научномъ уровнѣ со всѣми запросами и задачами. Тутъ требуется авторитетная компетентность во всей соприкосновенной русской и — частію — иностранной литературѣ взятаго предмета. Лишь при этомъ условіи въ точности выясняются истинныя достоинства всякаго труда, при чемъ иногда и простая попытка, намѣчающая новые пути и выдвигающая оригинальныя проблеммы, является выше и дороже многоэтажныхъ компилятивныхъ сооруженій, нагромождающихъ старый матеріалъ. Наоборотъ, бываютъ примѣры, что пока желательно для науки только объединеніе добытыхъ итоговъ и гипотезъ, гдѣ субъективное новаторство вноситъ излишнюю путаницу и сопровождается развѣ открытіемъ миѳическихъ Америкъ.

предоставивъ право (sic!) авторамъ ихъ печатать полностію въ одномъ изъ *духовныхъ* журналовъ, но съ *обязательствомъ* для нихъ присылать по два печатные экземпляра для пріобщенія къ комитетскимъ дѣламъ (см. «Циркуляръ» № 21 за 1901 г., стр. 23—24), хотя тамъ должны храниться непремѣнно самые подлинники, служившіе основою для сужденій, а не возможныя позднѣйшія переработки, и хотя оттисковъ подобныхъ статей чаще всего не бываетъ, при чемъ свѣтскіе журналы какъ будто совсѣмъ устраняются (между тѣмъ въ такомъ именно помѣстилъ недавно свою «комитетскую» рецензію, напр., проф. *А. И. Алмазовъ*; см. его оттиски изъ «Ученыхъ Записокъ Новороссійскаго Университета»: Изданіе проф. А. С. Хаханова Помоканона Іоанна Постника въ грузинскомъ переводѣ, Одесса 1906; Канонарій монаха Іоанна, Одесса 1907), отдѣльное же изданіе вовсе не предполагается; видимо, за рецензентами ранѣе не признавалось и неотъемлемаго литературнаго «права» на распоряженіе собственными произведеніями, и намъ извѣстно, что комитетскіе члены не считали дозволительнымъ выдать для печатанія цѣнный отзывъ одного авторитетнаго умершаго профессора (В. В. Болотова: см. ниже стр. 132, ,.), трудъ котораго остается необнародованнымъ доселѣ... Но,—помимо этихъ мелочей,—во 1-хъ, вездѣ по закону требуется напечатаніе самыхъ рецензій, а «краткія извѣстія» предназначаются лишь для всеобщаго освѣдомленія чрезъ наиболѣе распространенныя газеты (о сочиненіяхъ ученыхъ по Высочайше утвержденному 26-го января 1868 года «Положенію» § 13 и по «Правиламъ» Св. Синода отъ 27-го іюля—14 августа 1883 года § 22; о лучшихъ учебникахъ по «Положенію» при синодскомъ указѣ отъ 7-го апрѣля 1870 г. № 24 § 17). Во 2-хъ, въ опредѣленіяхъ по этому предмету сначала говорится просто о «духовныхъ журналахъ» (см. «Положеніе» §§ 13 и 17) и затѣмъ указывается, что «подробные разборы сочиненія, съ обозначеніемъ кѣмъ они составлены, равно какъ приговоры о присужденіи наградъ за эти сочиненія, печатаются въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ или въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ» (см. «Правила» § 22). Если можно было перенести это дѣло изъ «Церковнаго Вѣстника» въ «Христіанское Чтеніе» безъ юридическаго нарушенія, то почему теперь, при весьма условномъ отказѣ послѣдняго—нельзя было обратиться къ прочимъ духовно-академическимъ редакціямъ? Вѣдь вполнѣ вѣроятно, что нѣкоторыя изъ нихъ, пожалуй, согласились бы, разъ онѣ сейчасъ помѣщаютъ преміальные отзывы (даже не своихъ сочленовъ, напр., мой въ Казанскомъ «Православномъ Собесѣдовникѣ» 1906 г., №№ 4 и 5) за гонораръ, тогда же не платили бы авторамъ ни малѣйшаго вознагражденія? И почему бы не предложить извѣстнаго вспомоществованія — хотя бы съ правомъ на оттиски для продажи въ пользу Комитета по данной статьѣ, распредѣливъ печатаніе между Академіями по очереди? Наконецъ, въ крайнемъ случаѣ слѣдовало бы подумать объ отдѣльныхъ изданіяхъ для платнаго распространенія, которое должно было обѣщать нѣкоторое возмѣщеніе расходовъ... Вообще, законныхъ возможностей открывалось много, но комитетскіе вершители не попробовали извѣстить ни единой, смаху зачеркнули существенное условіе Высокопреосвященнаго завѣдателя и отняли у русской литературы самую серьезную научно-богословскую критику... Горько видѣть и тяжело чувствовать такое отношеніе къ нашей наукѣ призванныхъ высшихъ сферъ!..

Всѣ эти обязательныя средства въ необходимомъ объемѣ были чужды Учебному Комитету,—и онъ вынуждался дѣйствовать по своимъ «высшимъ» соображеніямъ, для которыхъ не всегда надобилось внимательное и всецѣлое прочтеніе даже рецензій. Здѣсь былъ широкій просторъ для всякихъ рѣшающихъ вліяній, столь властныхъ при канцелярской соподчиненности комитетскаго института. Всѣми этими и подобными причинами вызывались такіе странные казусы, что одобренные самыми безспорными корифеями сочиненія отвергались, а чуть не забракованныя фабрикаціи увѣнчивались лучшими преміями [1]). Примѣровъ этого рода мы знаемъ не мало, и всѣ они краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что Учебный Комитетъ за 22 протекшихъ года не былъ возбуждающимъ цѣнителемъ нашей богословской учености и потому не способствовалъ ея развитію и процвѣтанію, хотя въ послѣднее время сталъ съ полицейскою заботливостію наблюдать, чтобы одинъ трудъ не былъ премированъ дважды въ двухъ учрежденіяхъ, производя для этого чуть не сыскъ и не задумываясь надъ тѣмъ, не есть ли это—выдающееся произведеніе, превышающее всякія поощренія [2])...

Тѣмъ не менѣе Учебный Комитетъ не сомнѣвался въ своей ученой компетентности и присовокупилъ къ ней новую задачу—надзора, контроля и руководства Духовными Академіями. Опорою служило синодское опре-

---

[1]) Это было, напр., въ 8-й конкурсъ, о которомъ см. «Цирк̀уляръ» № 18 за 1898 годъ, стр. 48—38. Теперь данный случай (—со словъ покойнаго члена Учебнаго Комитета проф. *И. В. Помяловскаго*—) разсказанъ у проф. *Ал. П. Лебедева* (Слѣпые вожди. Москва 1907, стр. 46—47), почему и мы не въ правѣ скрывать имена дѣятелей этой драмы: пострадавшій авторъ—проф. Московской Академіи А. А. Спасскій, его неожиданный побѣдитель—† справщикъ С.-Петербургской Синодальной типографіи П. А. Гильтенбрандтъ, рецентентъ диссертаціи перваго («Историческая судьба сочиненій Аполлинарія Лаодикійскаго съ краткимъ предварительнымъ очеркомъ его жизни», Сергіевъ Посадъ 1895; о ней см. еще въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 162)—извѣстный † проф. В. В. Болотовъ, критикъ труда второго («Справочный и объяснительный словарь къ Псалтири», Спб. 1898)—Казанскій проф. П. А. Юнгеровъ (отзывъ котораго помѣщенъ въ «Христ. Чтеніи» 1906 г., № 9, стр. 453—462). А съ Макаріевскими преміями за учебники и учебныя пособія былъ не такъ давно еще болѣе удивительный инцидентъ. Объ одномъ конкурсномъ «трудѣ» даже авторитетнымъ комитетскимъ членомъ († прот. В. И. Жмакинымъ) дано было совершенно отрицательное заключеніе, но—по таинственнымъ соображеніямъ — рецензента «заставили» взять назадъ свой отзывъ, а соискателя увѣнчали второю преміей въ 250 руб. (см. «Церковныя Вѣдомости» № 11 за 12-е марта 1905 г., стр. 91*а*). Когда же рецензія анонимно была напечатана (въ «Странникѣ» за 1905 г., № 3, стр. 526—529), то для знавшихъ всю исторію не было предѣла изумленію, какъ и почему Комитетъ рѣшился оффиціально «поощрить» неосмысленный и криминальный плагіатъ (изъ магистерской диссертаціи о. А. В. Рождественскаго)... Между тѣмъ возвеличенный авторъ всталъ во главѣ высшаго духовно-учебнаго заведенія и возмечталъ о второмъ изданіи своего творенія, которому лучше было бы совсѣмъ не родиться на свѣтъ...

[2]) И помимо этого—не всегда можно бываетъ даже проникнуть на конкурсъ, какъ недавно былъ случай съ однимъ достойнымъ сочиненіемъ, которое отклонили по сомнительнымъ формальнымъ причинамъ. Иногда же, благодаря исключительной энергіи авторитетнаго комитетскаго члена († прот. В. И. Жмакина), принимались къ разсмотрѣнію не представленные авторомъ (проф. В. О. Нѣвницкимъ) труды, которые однако удостоивались потомъ первой (учебной) Макаріевской преміи (см. «Церк. Вѣдом.» № 9 за 3-е марта 1907 года, стр. 50—51); послѣднее было вполнѣ справедливо, но самая процедура не согласна ни съ правилами, ни съ существомъ дѣла, ибо измѣняла условія конкурса помимо выступившихъ законно участниковъ и вообще открываетъ мѣсто произволу вопреки общепринятымъ началамъ добровольнаго состязанія...

дѣленіе отъ 29 октября—10-го ноября 1869 г., что «*по особымъ назначеніямъ* Святѣйшаго Синода *или Оберъ-Прокурора* ему поручено обсужденіе дѣлъ и вопросовъ по учебно-воспитательной и административной частямъ Духовныхъ Академій на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ обсуждаются въ Комитетѣ дѣла другихъ учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства» [1]). Но потомъ экстраординарное, съ такою обидною жестокостію приравнявшее высшія школы даже къ низшимъ, обратилось въ нормальное, и Учебный Комитетъ сталъ обязательно разсматривать годичные отчеты о состояніи всѣхъ Духовныхъ Академій, отзывы экзаменаціонныхъ коммиссій о ежегодныхъ пріемныхъ академическихъ испытаніяхъ, о вызовѣ въ нихъ семинарскихъ воспитанниковъ на казенный счетъ, а равно туда передавались Св. Синодомъ на предварительное заключеніе всѣ тѣ, относящіеся до Академій, вопросы, которые по своему характеру *превосходятъ компетенцію академическихъ совѣтовъ* и требуютъ вмѣшательства высшаго духовнаго правительства [2]). Такимъ образомъ, по самому своему авторитету Учебный Комитетъ былъ превознесенъ надъ Академіями [3]), какъ подотчетными ему [4]), хотя фактически былъ по сравненію съ ними просто несоизмѣримою величиной во всѣхъ отношеніяхъ и во всякихъ смыслахъ, не понималъ ихъ ученыхъ потребностей и (иногда—грубо)

---

[1]) См. и въ брошюрѣ «Положеніе объ Учебномъ Комитетѣ» (Спб. 1907), стр. 11.

[2]) Въ розданной членамъ Предсоборнаго Присутствія оффиціальной печатной запискѣ о «подвѣдомственныхъ Святѣйшему Синоду учрежденіяхъ»—къ компетенціи Учебнаго Комитета относится (стр. 22), между прочимъ, слѣдующее: «1) Дѣла по духовнымъ академіямъ, восходящія на разрѣшеніе Святѣйшаго Синода. 3) Разсмотрѣніе годовыхъ отчетовъ о состояніи духовныхъ академій, семинарій и училищъ, мужескихъ и женскихъ. 14) Всѣ поступающія въ Центральное Управленіе духовно-учебнаго вѣдомства прошенія воспитанниковъ духовныхъ академій, семинарій и училищъ и воспитанницъ женскихъ училищъ, а равно родителей и родственниковъ ихъ съ ходатайствами касательно допущенія въ отношеніи къ симъ воспитанникамъ или воспитанницамъ какихъ-либо взятій изъ дѣйствующихъ правилъ или съ жалобами на неправильныя дѣйствія въ отношеніи къ нимъ мѣстныхъ начальствъ. 15) Присужденіе Макарьевскихъ и другихъ премій за лучшія ученыя и учебныя сочиненія» (касательно «правописанія» въ этомъ оффиціальномъ документѣ см. стр. 133, ₃). Пунктъ 3-й удостовѣрялъ Оберъ-Прокуроръ еще въ 1872 году во Всеподданнѣйшемъ отчетѣ по вѣдомству православнаго исповѣданія (Спб. 1873, стр. 153),—и это повторилъ комитетскій членъ *С. И. Миропольскій* въ своей собственной статьѣ ровно черезъ 20 лѣтъ (см. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 832б и ср. стр. 837*а*). Нужно признать, что все это является, по крайней мѣрѣ, слишкомъ «распространительнымъ толкованіемъ» Высочайше утвержденнаго 14-го мая 1867 года «Положенія объ Учебномъ Комитетѣ при Святѣйшемъ Синодѣ».

[3]) Не даромъ же *С. И. Миропольскій* въ своемъ юбилейномъ панегирикѣ вездѣ печатаетъ Учебный Комитетъ, Центральное Управленіе и Оберъ-Прокурора съ большой буквы, а Академіи и профессоровъ—съ маленькой, не говоря уже о Семинаріяхъ и Училищахъ... Достойному достойная и честь...

[4]) И доселѣ такую роль верховнаго надзора за богословско-академическою ученостію и педагогіей заботливо старается удержать Учебный Комитетъ, какъ видно изъ его отношенія въ октябрѣ 1906 г. академическимъ совѣтамъ съ просьбою «представлять туда по одному печатному экземпляру всѣхъ одобряемыхъ ими научныхъ (!) изслѣдованій—въ цѣляхъ спеціальной (т. е.?) освѣдомленности въ текущей научной духовно-богословской литературѣ, каковая освѣдомленность Центральному Управленію духовно-учебнаго вѣдомства необходима [не сама по себѣ, а] для должной полноты и обстоятельности ежегодно составляемаго по вѣдомству всеподданнѣйшаго отчета». См. «Журналы засѣданій совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1906—1907 г.» при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 4, стр. 69; «Извлеченія изъ журналовъ Кіевской Духовной Академіи» за 1906—1907 г. при «Трудахъ Кіев. Духовн. Академіи» 1907 г., № 4, стр. 200. А о характерѣ и достоинствѣ комитетскихъ «отчетовъ» ср. выше на стр. 86, ₂.

тормозилъ научно-педагогическіе запросы [1]). Это было слишкомъ неестественно и потому не могло дать иныхъ результатовъ, кромѣ чисто отрицательныхъ. Матеріалы по этому предмету совсѣмъ не публикуются и ключъ точной экзегетики не скоро будетъ найденъ, ибо здѣсь Учебный Комитетъ дѣйствовалъ косвенно и свое несомнѣнно широкое участіе [2]) умѣлъ прикрывать авторитетомъ другихъ высшихъ учрежденій и лицъ, самъ оставаясь въ тѣни, какъ всегда бываетъ съ потаенною пружиной [3]). Однако всѣ извѣстные факты рѣшительно свидѣтельствуютъ противъ него. Если годовые академическое отчеты, составлявшіеся тоже съ немалою примрачностію или канцелярскою

---

[1]) Вотъ еще строчка изъ многотомной исторіи этого рода. Г. И. Л. Тунцкій, формально оставленный къ замѣщенію спеціальной (филологической) каѳедры въ Московской Академіи, желалъ заниматься въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, о чемъ совѣтъ—для сношенія съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія—просилъ Оберъ-Прокурора. Тотъ сдалъ хадатайство на заключеніе въ Учебный Комитетъ, который «предварительно дальнѣйшаго движенія сего дѣла» умудрился оффиціально (отношеніемъ отъ 13-го августа 1903 года за № 1.166) потребовать отъ академическаго совѣта, «въ какомъ значеніи Тунцкій имѣетъ быть прикомандированъ къ Университету [—хотя въ совѣтскомъ документѣ было прямо сказано „для полной научной подготовки“.—] и почему для подготовки Тунцкаго къ занятію каѳедры русскаго и церковно-славянскаго языка съ палеографіей и исторіи русской литературы избранъ историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго, а не ближайшаго къ Академіи Московскаго Университета?» Ученопедагогическое замышленіе было сведено къ географическимъ измѣреніямъ, да еще съ неприкровеннымъ намекомъ, будто цѣлая профессорская коллегія не умѣетъ считать русскія версты по желѣзнымъ дорогамъ... Запросъ былъ по существу настолько «своеобразенъ» и оскорбителенъ, что совѣтъ не нашелъ нужнымъ налагать свои соображенія и 4-го сентября 1903 года отвѣтилъ слѣдующимъ репримандомъ: «самое избраніе Совѣтомъ для научной подготовки профессорскаго стипендіата Тунцкаго отдаленнаго С.-Петербургскаго Университета [—гдѣ въ свое время занимался и его предшественникъ проф. Г. А. Воскресенскій—], а не ближайшаго Московскаго, свидѣтельствуетъ о томъ, что вопросъ этотъ былъ подвергнутъ Совѣтомъ тщательному обсужденію, и рѣшенъ былъ въ такомъ, а не иномъ, смыслѣ по вполнѣ достаточнымъ основаніямъ, въ цѣляхъ наилучшей постановки учебнаго дѣла въ Академіи», т. е. помимо пространственной краткости, единственно доступной Учебному Комитету, но у него весьма растяжимой для своихъ членовъ. Все потомъ устроилось сепаратнымъ сношеніемъ ректора Академіи непосредственно съ университетскимъ С.-Петербургскимъ начальствомъ, но представьте себѣ положеніе просителя во время этой странной передряги! И вотъ такими-то пустяковинами оцѣживались комары и проглатывались верблюды, а научно-педагогическіе интересы страдали и плакали!... См. обо всей этой «исторіи» въ «Журналахъ совѣта Московской Духовной Академіи» за 1903 годъ при «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1904 г., №№ 6 и 7—8 (и отдѣльно), стр. 234—236. 270—271.

[2]) Было, напр., время, когда по особому опредѣленію Св. Синода отъ 1867 года «возложено было на Учебный Комитетъ разсмотрѣніе представленій конференцій духовныхъ академій о возведеніи въ ученыя степени окончившихъ курсъ воспитанниковъ сихъ заведеній»: см. «Прибавл. къ Церковн. Вѣдомости» 1892 года, № 23 стр. 833*б*.

[3]) Впрочемъ, въ цитованномъ (на стр. 133, 3.) оберъ-прокурорскомъ отчетѣ (стр. 153) прямо говорится объ Учебномъ Комитетѣ, что «*предварительно разсматривались подлежавшія утвержденію Святѣйшаго Синода дѣла духовныхъ академій, и обсуждались всѣ возникавшіе вопросы по примѣненію новыхъ учебныхъ уставовъ*». Характерно, что, сохранивъ фразу о комитетскомъ «начинаніи», *С. И. Миропольскій* не перепечаталъ (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1892 г., № 23, стр. 832 *а.б*) послѣднихъ подчеркнутыхъ словъ—безъ малѣйшаго указанія на сдѣланный имъ пропускъ... Однако слѣды комитетскаго вторженія въ академическія дѣла несомнѣнны и по «Циркулярамъ» (см. № 8 за 1890 годъ, стр. 2; № 10 за 1890 г., стр. 1—3; № 13 за 1893 г., стр. 6; № 17 за 1897 годъ, стр. 2; № 10 за 1900 годъ, стр. 14—15; № 21 за 1901 годъ, стр. 5—7; № 22 за 1903 годъ, стр. 12). Ср. и выше стр. 120.

шаблонностію, дѣйствительно разсматривались Учебнымъ Комитетомъ, то по этому пункту Академіи обязаны ему рядомъ угрожающихъ внушеній, прогрессивно стѣснявшихъ академическую инициативу и независимость, столь нелюбезныя тогда центральному духовному управленію. Экзаменаціонные отзывы совершенно не принимались въ систематическое соображеніе (см. выше стр. 99), между тѣмъ академическіе преподаватели съ плачевнымъ усердіемъ выполняютъ эту отвѣтственную и деликатную миссію, хорошо сознавая небезопасность для нихъ и формалистическую безплодность своихъ нелегкихъ трудовъ, коль скоро весь результатъ ограничиваются стереотипно-канцелярскою отпиской [1]). Здѣсь многіе изъ нихъ говорили про себя въ душѣ: κατὰ τὴν παροιμίαν, ὡς ἔοικεν, εἰς τετρημένον πίθον ἀντλοῦμεν [2]), чтобы κατὰ πέτρων σπείρειν καὶ κοσκίνῳ ὕδωρ ἀντλεῖν [3]), уподобляясь τοῖς καθ' ὕδατος γράφουσιν (ταφρεύουσιν) ἢ κοσκίνῳ ὕδωρ ἀντλοῦσιν [4])... Комитетъ какъ будто не хотѣлъ воспользоваться авторитетными указаніями, но за-то охотно обижался и—въ случаяхъ вынужденности—дозволялъ себѣ неумѣстную и тенденціозную полемику не столько ради дѣла, сколько для собственнаго самооправданія [5]), о чемъ заинтересованныя лица и учрежденія даже не увѣдомлялись (см. выше стр. 98$_{1}$). Вызовъ семинарскихъ воспитанниковъ обратился въ удивительно непостижимую игру, потому что Академіи подбираютъ аспирантовъ по своимъ резонымъ основаніямъ (напр., по два человѣка изъ тѣхъ Семинарій, откуда въ предшествующій конкурсъ приняты имя лучшіе питомцы), а комитетскіе вершители непремѣнно прикладывали властную руку къ именамъ и цифрамъ, навязывая академическимъ корпораціямъ студентовъ по своимъ собственнымъ усмотрѣніямъ, которыя могли быть теоретически солидны, однако всегда оставались комитетскими, но ничуть не академическими (см. и выше стр. 126). Учебный Комитетъ простиралъ здѣсь свою наблюдательную смѣлость до того, что еще въ половинѣ 90-хъ годовъ дерзновенно допрашивалъ (конечно,

---

[1]) Обычно академическіе отзывы экзаменаціонныхъ пріемныхъ коммиссій сопровождаются отъ Комитета слѣдующею формулой: «По опредѣленію Святѣйшаго Синода [дата и №], педагогическимъ собраніямъ подлежащихъ семинарскихъ правленій предписывается, чтобы они вошли въ надлежащее обсужденіе вопросовъ касательно устраненія или исправленія на будущее время указываемыхъ въ вышеозначенныхъ донесеніяхъ недостатковъ въ преподаваніи различныхъ предметовъ семинарскаго курса» (см. «Циркуляры» № 2 за 1888 годъ, стр. 18; № 4 за 1889 г., стр. 23; № 7 за 1890 г., стр. 31; № 9 за 1891 г., стр. 28—29; № 11 за 1892 г., стр. 36; № 14 за 1894 г., стр. 47; № 15 за 1895 г., стр. 50; № 16 за 1896 г., стр. 35; № 17 за 1897 г., стр. 40). Только въ 1893 году—по особымъ причинамъ (см. выше стр. 97—98)—Комитетъ сдѣлалъ заключеніе по предмету изученія Свящ. Писанія вмѣсто прежней стереотипной фразы (см. «Циркуляръ» № 13, стр. 34), съ 1894 г. замѣнилъ ее другою:... «сообщаются вышеизложенныя соображенія семинарскимъ правленіямъ для надлежащихъ соображеній относительно» etc., въ 1900 и 1901 годахъ прибавилъ къ новой формулѣ краткія мотивированныя указанія (№ 20, стр. 48—50; № 21, стр. 41—42), а въ 1898, 1899 и 1903 годахъ ограничился послѣдними (№ 18, стр. 38—39; № 19, стр. 31 — 32; № 22, стр. 30 — 31)... Какая шаблонность!... Не говоритъ ли она, что здѣсь дѣйствовала собственно канцелярская «механика»?...

[2]) *B. Theodoreti* Eranistes, dial. I: Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 57 init.

[3]) *B. Theodoreti* De providentia, orat. IX: Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 717D; Творенія V, стр. 323—324.

[4]) *B. Theodoreti* Graec. affect. curat., serm. IV: Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 905C и у Johannes Raeder'a. Theodoreti Graecarum affectionum curatio (Lipsiae 1904), p. 107.

[5]) См., напр., «Циркуляры» № 13 за 1893 г., стр. 31—34; № 20 за 1900 г., стр. 48. 49.

черезъ Оберъ-Прокурора) синодскими указами даже митрополитовъ (напр., † С.-Петербургскаго Палладія), почему они разрѣшаютъ академическимъ студентамъ жить на вольныхъ квартирахъ яко бы вопреки Уставу (§ 113) [1])... Этимъ путемъ въ воспитательную часть Академій была внесена стихія полицейскаго формализма [2]), гдѣ первоначальная показная корректность, всюду убивающая или разстраивающая здоровую жизнь, увѣнчалась въ итогѣ крайнимъ паденіемъ элементарной дисциплины: заведено было по два помощника инспектора, и на первыхъ порахъ нѣкоторые изъ нихъ ревностно шпіонили, усматривая въ этомъ всю свою славу и получая прозванія «Смердяковыхъ» [3]), внутреннія же непорядки умножались съ геометрическою прогрессивностію,—и теперь многіе принуждены избѣгать соприкосновенія съ подчиненными ихъ водительству студентами и предпочитаютъ не замѣчать явныхъ нарушеній всего академическаго режима. Стыдно сказать, но грѣшно и умолчать, что богослужебная исправность, внѣшне обезпеченная обиліемъ начальственнаго монашества и протежируемаго студенческаго священства, существенно пронизилась сравнительно даже съ 80-ми годами XIX-го столѣтія,—и это есть принципіально обличающая ненормальность для высшей духовной школы, которой старательно прививали церковный образъ и благочестивое подобіе [4])... Академическіе храмы не блещутъ обиліемъ студентовъ, а случайные посѣтители изъ нихъ, иногда одѣтые въ самые «освободительные» костюмы, рѣдкими кучками жмутся

---

[1]) Слѣды сего сохранились и въ «Циркулярахъ» № 15 за 1895 г., стр. 5; № 17 за 1897 г., стр. 5—6.

[2]) Она доходила иногда даже до того, что ректоры Академій по собственнымъ соображеніямъ «исправляли» ученыя актовыя рѣчи профессоровъ-спеціалистовъ, не спрашивая и не увѣдомляя послѣднихъ, при чемъ простирали свою ревнительность до стиля включительно...

[3]) Даже въ Сергіевскомъ Посадѣ, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга чуть не по именамъ, одинъ ревнительный членъ инспекціи о. А. обязательно требовалъ, чтобы студенты брали особые билеты и для послѣобѣденныхъ прогулокъ, о винопитіи же разсуждалъ и дѣйствовалъ такъ, что каждый одинаково подлежитъ увольненію изъ Академіи, выпьетъ ли онъ рюмку или цѣлую четверть, поскольку и то и другое противно «правиламъ»... Добра отсюда не вышло по понятнымъ причинамъ; сей инспекторъ «принужденъ» былъ потомъ удалиться, но скоро сталъ епископомъ... Ср. и въ сборникѣ «Духовная школа» (Москва 1906), стр. 334, прим., гдѣ рѣчь именно объ этомъ лицѣ, которое прямо названо въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 154, прим. fin.

[4]) См., напр., и «Циркуляръ» № 20 за 1900 г., стр. 14—15 о пріученіи студентовъ и семинаристовъ къ богослуженію, проповѣдничеству и миссіонерско-апологетическимъ собесѣдованіямъ. На дѣлѣ же нѣкоторые духовно-педагогическіе начальники иногда прямо тиранили училищныхъ малышей ежедневными церковными службами передъ началомъ уроковъ (ср. выше стр. 9,[1])... и, конечно, съ успѣхомъ воспитывали измлада «нелюбіе» къ храму въ духовномъ юношествѣ. Тутъ была хоть ревность не по разуму, но случалось и хуже, когда ради симпатій чиновнаго синодскаго повелителя всенощныя въ столичной Семинаріи затягивались вздорными «столпами» чуть не на три часа, а въ его отсутствіе сокращались до минутныхъ измѣреній. Однажды вышло такъ, что разъ этотъ синодскій властитель натрапилъ въ неурочную субботу, желая похвалиться предъ своимъ Московскимъ соратникомъ, гордившимся истовою уставностію Успенскаго собора, между тѣмъ оказалось, что еще въ 7-мъ часу посѣтители поспѣли къ «Утверди, Боже». Ректоръ неожиданно получилъ оскорбительный репримандъ и унизительно оправдывался гастрическимъ разстройствомъ, но не вдолгѣ воспріялъ епископство... Къ счастію, это теперь tempi passati, однако нельзя не сказать, что нѣтъ ничего грѣшнѣе и вреднѣе, какъ фарисейская показность предъ лицемъ Божіимъ...

и тѣснятся въ притворахъ и проходахъ,—точно людямъ, готовящимся къ пастырству, неловко показаться на своихъ мѣстахъ впереди молящейся публики... Вѣдь и обидно, и больно, и горько, что въ богословско-православномъ студенчествѣ стали обнаруживаться теоретическіе интересы къ отвлеченному анархизму и практическіе выпады въ пользу экстравагантныхъ апологетовъ національ-соціализма, которые упорно не повинуются церковной власти [—это монахи-то, отрекшіеся отъ своей воли!?—], свободно странствуютъ по столицѣ въ монашескихъ рясахъ, редактируютъ соціалистическіе романы, оффиціально сотрудничаютъ въ самыхъ крайнихъ листкахъ, пуская здѣсь неприличные «соціалъ-архимандричьи фейерверки» [1]), и яко бы коммиссіонерствуютъ по...театральной части, а съ каѳедръ иногда слышатся вѣщанія, что наука лучше учитъ истинѣ и нравственности [2]), чѣмъ христіанство [3]). Стали попадаться студенческіе «семестряки», по отзыву рецензентовъ болѣе приличные анархистамъ со стороны ихъ содержанія, хотя за литературныя качества оцѣнивались балломъ 1—, и совѣты лишались возможности оффиціально вмѣшаться въ это дѣло. Въ Академіи (въ Кіевѣ) принимаются по высшему разрѣшенію «опороченные» своимъ (Костромскимъ) начальствомъ семинаристы и въ студенческой средѣ теряется даже іерей, объ «освободительныхъ» подвигахъ которыхъ предупреждали и архіерей и губернаторы съ упоминаніемъ о «практическомъ» знакомствѣ ихъ съ «узилищами» [4]). А еще сего горше, что дѣлали все это, «мняся службу приносити Богу»,—подъ флагомъ и эгидою христіанства, которое авторитетно комментировалось невѣроятнымъ образомъ, освѣщалось для отравленной безцензурною литературой публики чрезъ переводныя раціоналистическія сочиненія Запада и пр. Когда Академіи должны бы служить оплотомъ разумной ортодоксіи и прочнымъ буферомъ противъ раціоналистическаго нашествія, — студенты упражнялись въ популяризаціи Гарнака и задумывали подарить русскому обществу подлиннаго Штрауса [5])... Водворились и пріобрѣтаютъ возобладаніе партійность и политиканство, отравляющія всѣ функціи студен-

---

[1]) См., напр., «Колоколъ» № 412 за 17-е іюня 1907 года, стр. 2—3.

[2]) Не даромъ же «Новое Время» (въ №-рѣ 11.179 за 28-е апрѣля 1907 года, стр. 3, стлб. 5) съ горькою іроніей предлагало, чтобы на академическую каѳедру нравственнаго богословія пригласили, наконецъ, печальной памяти депутата первой Государственной Думы Рамишвили...

[3]) А,—говорятъ,—бывали страшные случаи и болѣе грубой, открытой, даже цинической агитаціи кощунственнаго характера.

[4]) Дѣло объ этомъ «освободительномъ» іереѣ-студентѣ имѣло печальную для академическаго совѣта и не вполнѣ законченную исторію и въ Св. Синодѣ, который проявилъ здѣсь обычную благостность...

[5]) Умѣстно здѣсь отмѣтить, что корреспондентъ извѣстнаго іезуитскаго журнала «La Civiltà Cattolica» (Quaderno 1364, anno 58, vol. 2:22 aprile 1907, p. 251—252) прямо констатируетъ «докринальную анархію» въ православно-русскихъ Духовныхъ Академіяхъ, указывая, что въ нѣкоторыхъ соприкосновенныхъ органахъ (собственно въ Петербургскомъ «Вѣкѣ») усиленно рекомендуются творенія Штрауса, Ренана, Фейербаха и романы Флобера... Пристрастія и тенденціозности тутъ вполнѣ достаточно, какъ и вообще въ систематически обдуманномъ стремленіи этого автора очернить всю Русскую церковь, но нужно сознаться, что для его умышленныхъ преувеличеній было немало фактическихъ и «литературныхъ» поводовъ...

ческой жизни вплоть до самой процедуры переходныхъ экзаменовъ [1])—къ несомнѣнному паденію академической педагогіи и къ пагубному вреду для всѣхъ... Научная солидность сильно пошатнулось [2]). Обнаружилось стремленіе сократить учебный академическій годъ чуть не до 3-хъ мѣсяцевъ и всячески «отбояриться» отъ семестровыхъ работъ [3]),—словно все это лишь рабская барщина, а не собственная потребность «студентовъ», т. е. людей, занимающихся познаніемъ и изысканіемъ спасительной истины ради самихъ себя... Будущіе служители и благовѣстники «слова» съ фанатическимъ упорствомъ отказываются отъ упражненій въ искусствѣ экспромптнаго проповѣдничества [4]) и не желаютъ знать ни законовъ по Уставу, обезпечивающему существованіе Академій, ни утвержденныхъ совѣтскихъ рѣшеній [5]), встрѣчаемыхъ систематическимъ бойкотомъ, хотя бы это грозило экстренными ревизіями или даже закрытіемъ заведеній, а при крайней вынужденности обращаютъ все это дѣло въ концептуальную профанацію по содержанію [6]) и по формѣ [7]). Начинается что-то небывалое и неслыханное въ академическихъ лѣтописяхъ [8])—съ принципіальнымъ раздоромъ между «отцами и дѣтьми» на протяженіи всего

---

[1]) См. и «Колоколъ № 312 за 9-е февраля 1907 г., стр. 3.

[2]) Одинъ авторитетнѣйшій Московскій профессоръ, вынужденный бѣжать изъ Академіи въ Университетъ, съ грустію для насъ констатируютъ въ письмѣ ко мнѣ, что по его богословско-историческому предмету университетскіе студенты на экзаменѣ въ 1907 году отвѣчали лучше, чѣмъ академическіе извѣстныхъ ему временъ; тамъ не клянчатъ о сокращеніи курсовъ до 8-ми литографированныхъ листовъ, которые потомъ дѣлятъ еще на 6 частей—по одной для извѣстной группы (фактъ изъ практики 1907 г.), не фабрикуютъ «спеціальныхъ» конспектовъ и не выходятъ вмѣсто нихъ съ полными лекціями, при чемъ,—поймапные съ поличнымъ,—даже сѣдовласые монахи падаютъ тутъ же на колѣни (случай съ нѣкимъ изъ нынѣшнихъ епископовъ С—кимъ А—ромъ)... И это при теперешнихъ-то университетскихъ «порядкахъ»!.. Куда улетѣла или кѣмъ похищена слава духовно-академическаго студенчества?... По словамъ проф. *Ал. П. Лебедева* (въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 165, прим.), она «выклевана хищною птицею, именуемою Уставомъ дух. академій 1884 г., ибо эта птица только и дѣлала, что клевала мозги учащихся здѣсь»...

[3]) Для Кіевской Академіи см. и «Церковный Вѣстникъ» № 17 за 26-е апрѣля 1907 года, стлб. 559.

[4]) Для Московской Академіи см. «Колоколъ» № 372 за 27-е апрѣля 1907 г., стр. 3, стлб. 2.

[5]) Такъ, было объявлено (въ «Новомъ Времени» № 11.191 за 10-е мая 1907 года, стр. 3, стлб. 8), что С.-Петербургскіе студенты формально рѣшили на сходкѣ «*игнорировать постановленіе конференціи* (совѣта) *профессоровъ*» своей Академіи относительно экзаменовъ...

[6]) О характерѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ экспромптовъ можно судить и по «освободительному реферату» С.-Петербургскаго студента г. Я., о чемъ см. въ «Колоколѣ» № 340 за 16-е марта 1907 г., стр. 2.

[7]) Обо всемъ этомъ «дѣлѣ» въ С.-Петербургской Академіи см. «Колоколъ» №№-ра 343 (стр. 1), 358 (стр. 3) и 359 (стр. 2) за 20-е марта, 6-е и 7-е апрѣля 1907 г., и «Новое Время» №№-ра 11.157 (стр. 13, стлб. 5), 11.159 (стр. 4, стлб. 7), 11.170 (стр. 5, стлб. 1) и 11.173 (стр. 3. стлб. 1) за 4-е, 6-е, 17-е и 20-е апрѣля 1907 года. О грустномъ для студентовъ финалѣ этой «исторіи» сообщаетъ «Русь» № 147 за 8-е іюня 1907 года, стр. 5, стлб. 1, хотя цифры феноменально—неудовлетворительныхъ балловъ (до пулей включительно) приведены здѣсь не точно.

[8]) Однако мы должны рѣшительно удостовѣрить, что en masse архим. *Алексій* совершенно невѣрно пишетъ (въ «Колоколѣ» № 385 за 15-е мая 1907 года, стр. 1, стлб. 5), будто «Академія теперь выпускаетъ въ большинствѣ случаевъ политикановъ, либераловъ, людей совсѣмъ не церковныхъ и весьма мало знающихъ „кандидатовъ“». Откуда же—тогда—берутся Россійскіе іерархи?... Или они нынѣ всѣ таковы?.. Μὴ δῆτα γε!..

лишь 20—25 лѣтъ [1])... Высшая церковная власть подвергается студенческимъ допросамъ [2])... Тяжело говорить объ этихъ свѣжихъ явленіяхъ, но необходимо всею душей задуматься надъ испытующимъ вопросомъ:— крайность внутренняя не вызвана ли здѣсь крайностію внѣшнею, ибо les extrêmes se touchent?...

Въ учебномъ отношеніи Комитетъ упорно внушалъ, чтобы наблюдать строгое соблюденіе программъ, уклоненія отъ которыхъ на пріемныхъ экзаменахъ принимались весьма неблаговолительно, и «предписалъ» самые предметы испытаній (см. «Циркуляръ» № 21 за 1901 г., стр. 7) [3]). Скрѣпя сердце, профессора штудировали семинарскіе учебники, примѣривали ихъ къ комитетскимъ шпаргалкамъ, скрупулёзно отмѣчая въ своихъ экзаменаціонныхъ отзывахъ всѣ нарушенія послѣднихъ,—и въ итогѣ за свое послушаніе были наказаны жестоко. Отъ нихъ самихъ для комитетской критики потребовали (въ 1895 г.) подробныхъ программъ и они сами должны въ годичныхъ отчетахъ сообщать о себѣ, сколько параграфовъ и почему не было выполнено... Обязательная отвѣтственность свободы академическаго преподаванія ученыхъ неожиданно обратилась въ подневольную пунктуальность, дошедшую до того, что лекторъ иногда вручалъ въ аудиторіи свои тетрадки болѣе голосистому студенту и вмѣстѣ съ его товарищами слушалъ свои собственныя лекціи, лишь изрѣдка дополняя ихъ краткими поясненіями... Къ счастію, какъ и вездѣ, Комитетъ ограничился здѣсь единичнымъ напоромъ по мотивамъ вовсе не ученопедагогическаго свойства, скоро бросилъ систематически примѣнять свою притязательную затѣю,—и потомъ все сошло на халатную отписку.

По ученой части комитетскія претензіи были діаметрально противоположны ихъ обширности. Мы убѣждены, что судьба многихъ академическихъ диссертацій и произведеній предрѣшалась комитетскими сужденіями и мнѣніями [4]), хотя всего по этому вопросу не повѣдаетъ намъ и позднѣйшая исторія, если какой-нибудь членъ не догадался оставить

---

[1]) Одинъ изъ первыхъ, проживающій въ свободолюбивой Франціи, писалъ отъ 4 (17)-го мая 1907 года въ С.-Петербургъ слѣдующее: «А что, какъ студенты Духовной Академіи—неужели все бунтуютъ и не учатся? Если кто изъ кончившихъ курсъ въ 1906—1907 годахъ придетъ ко мнѣ, я его не приму и скажу: съ людьми, измѣняющими академическимъ традиціямъ, я знаться не хочу. Если они не хотѣли знать старыхъ профессоровъ, то и я не хочу ихъ знать, какъ молодыхъ»... И это не удивительно, если преданнымъ и самоотверженнымъ благотворителямъ академическаго студенчества приходится «*краснѣть*» за него: см. слова о. протопресвитера *А. А. Желобовскаго* на засѣданіи «Общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ С.-Петербургской Духовной Академіи» 27-го мая 1907 года въ «Церковномъ Вѣстникѣ» № 23 за 7-е іюня 1907 г., стлб. 755.

[2]) А были даже такія студенческія «обращенія» къ высшей церковной власти, что митрополитъ Антоній 20-го декабря 1906 года сдалъ въ совѣтъ С.-Петербургской Духовной Академіи слѣдующую резолюцію: «Письмо студентовъ Академіи Св. Синоду съ *запросами* представляетъ для Академіи явленіе крайне компрометирующее честь и достоинство Академіи»... См. «Журналы совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи» за 1906—1907 г. при «Христ. Чтеніи» 1907 г., № 6 (и отдѣльно, Спб. 1907), стр. 126.

[3]) Къ великому прискорбію, это «предписаніе» подтверждено и опредѣленіемъ Св. Синода отъ 27-го февраля 1907 г. за №-ромъ 1.275 «для установленія единообразія» (см. «Церк. Вѣдом.» № 9 за 3-е марта 1907 г., стр. 47—48), хотя прежній порядокъ не вызывалъ особыхъ неудобствъ. Удивительно, какъ у насъ любятъ всякую униформу!..

[4]) См. и выше стр. 119—120, прим.

интимный дневничекъ—въ родѣ всеобличительныхъ и едва ли достойныхъ «записокъ» архіепископа Тверского Саввы (Тихомирова) [1]... Но и теперь несомнѣнно для свѣдущихъ лицъ, что въ разосланныхъ при Указѣ Св. Синода отъ 23-го февраля 1889 года за № 633 «правилахъ для разсмотрѣнія сочиненій, представляемыхъ на соисканіе ученыхъ богословскихъ степеней», Учебный Комитетъ чуть ли не имѣлъ главную иниціативу и во всякомъ случаѣ принималъ самое активное участіе [2]), которое проявлялъ и послѣ съ рѣдкостною энергіей... Это было пагубное ярмо [3]) для академической науки, окончательно стѣснившее законную свободу изслѣдованія [4]) и загонявшее его на тѣсный путь искусственной тенденціозности и побочныхъ аккомодацій со всякими соблазнами для ума и совѣсти и съ ристалищными препятствіями, гдѣ всякій неосторожный скачекъ легко могъ сдѣлаться роковымъ, ибо, напр., яко бы непочтительное упоминаніе объ іерархическомъ авторѣ или лицѣ «зарѣзывало» книгу (въ Московской Академіи); не стѣснялись († комитетскій членъ И. А. Ч — чъ) обвинять (Казанскаго профессора И. С. Б.) въ политической неблагонадежности за... цитату изъ св. Іоанна Златоуста [5])... Диссертаціи, прошедшія множество «уставныхъ» чистилищъ, задерживались цѣлыми годами въ канцеляріяхъ и иногда пропадали безслѣдно; другія прямо браковались за еретичество, а черезъ немного лѣтъ награждались магистерскимъ достоинствомъ церковной «учительности» [6])... Наоборотъ, труды, осужденные академическими рецензентами и отвергнутые всѣмъ совѣтомъ (въ Казани), порою увѣнчивались докторствомъ, хотя дѣло о нихъ должно бы окончательно прекра-

---

[1]) Однако и *С. И. Миропольскій* относитъ (въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1902 г., № 23, стр. 837*а*) къ дѣятельности Учебнаго Комитета «разсмотрѣніе диссертацій на ученыя академическія степени».

[2]) См. «Циркуляръ» № 15 за 1895 г., стр. 3—4; напечатанное здѣсь синодское опредѣленіе отъ 16 января—3-го февраля 1895 г. за № 112 (по «предложенію» Оберъ-Прокурора) вполнѣ совпадаетъ по духу и смыслу съ Указомъ отъ 23-го февраля 1889 г., а въ нѣкоторыхъ пунктахъ представляетъ лишь редакціонно-корректурныя варіаціи...

[3]) См. поучительный реальный комментарій къ этимъ «правиламъ» 1889 года у проф. *Ал. И. Лебедева*, Слѣпые вожди (Москва 1907), стр. 43—46.

[4]) По сему предмету см. горестный вопль покойнаго профессора *В. В. Болотова* о «нашествіи нынѣ дѣйствующей мглы», о «возопіяніяхъ камней», о «наступившемъ вѣяніи, неблагопріятномъ для научныхъ стремленій и докторантовъ», ибо «уставъ (1884 года) вѣдь хочетъ научнаго безплодія» (въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1907 г., № 3, стр. 383. 384. 387), будучи «какого-то пещію халдейской» и «пирваной для науки» (проф. *Ал. И. Лебедевъ* въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г. № 5, стр. 158, прим.; ср. и выше стр. 138,,)... До слезъ больно читать, подъ какимъ паническимъ ужасомъ держали даже этого смиреннѣйшаго и благопокорливаго начальству ученаго (ср. въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 157,,)... А изъ-за этого именно мы лишились цѣнной для науки работы *В. В. Болотова* о «Рустикѣ, діаконѣ римской Церкви, и его сочиненіяхъ». Quousque tandem?.. Вотъ гдѣ справедливо будетъ сказать властнымъ «покровителямъ» нашей богословской науки: κατὰ τῶν προτοτόκων τῆς εὐσεβείας παίδων τὰς ὑμετέρας ἠκονήσατε γλώσσας (*B. Theodoreti* Eranistes, dial I. Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 77)...

[5]) Сообщаемъ это со словъ самого проф. И. С. Б—ва, видѣвшаго подлинные документы, въ разъясненіе справедливаго изумленія проф. *Ал. И. Лебедева* въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 155.

[6]) Нѣкоторые немногіе примѣры въ этомъ родѣ указаны у проф. *Ал. И. Лебедева*, Слѣпые вожди, стр. 46—49, и въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 4, стр. 717—720.

щаться на мѣстѣ—за отсутствіемъ даже единичныхъ особыхъ мнѣній со стороны членовъ данной академической корпораціи; при этомъ даже запрещали свыше печатать оффиціальные отрицательные отзывы въ совѣтскихъ «журналахъ»... Впрочемъ, всего, что пережито и перечувствовано, не перескажешь [1]). Вѣрно лишь одно, что въ чисто ученое дѣло была внесена глубокая дезорганизація, задавившая безпристрастную научную работу. Пышно расцвѣлъ псевдоученый оппортунизмъ, и подъ его прикрытіемъ въ Академіяхъ водворялись очевидныя аномаліи и успѣшно практиковались обходныя средства; благодаря имъ, появились неузаконенныя профессорскія почетныя докторства и исправляющіе должность ординарныхъ профессоровъ съ полнымъ окладомъ жалованья и со всею совокупностію правъ, при чемъ послѣднее совершалось помимо и къ тягостному удивленію академическихъ совѣтовъ, не сочувствовавшихъ собственно и первому способу, который доселѣ вызываетъ рѣзкіе и обидные протесты общества даже въ печати [2])... При такихъ условіяхъ могла развиваться только комитетская наука, пока невѣдомая ученому міру...

Значитъ, и свою ученую миссію Комитетъ не оправдалъ необходимыми успѣхами и, конечно, потому, что *учебное* учрежденіе не правоспособно для *ученыхъ* функцій. Тутъ безплодность, со всѣми отрицательными отраженіями, неизбѣжна по существу, и вина Комитета лишь въ томъ, что онъ не хотѣлъ понять своего натуральнаго призванія, гдѣ были честь для него и польза для духовной педагогіи. Самообольщеніе всегда вредно и иногда гибельно. Вѣдь даже «*Ученый* Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» не дерзаетъ восхищать такихъ ученыхъ прерогативъ [3])...

Вышеизложеннымъ исчерпываются всѣ главнѣйшія стороны Учебнаго Комитета, и я прерываю свою рѣчь. Итогъ мой ясенъ. Картина не радостная и для многихъ, пожалуй, непріятная. Спѣшу предупредить, что и для меня несомнѣнны нѣкоторая единичность обобщеній и субъ-

---

[1]) См. еще краснорѣчивыя фактическія данныя у проф. *Ал. И. Лебедева* въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 152 сл. 161 сл.

[2]) См. «Колоколъ» № 319 за 17-е февраля 1907 г., стр. 1—2 въ статьѣ *Н. Г. Р.*: «Къ 98 академической годовщинѣ».

[3]) Для соображеній относительно Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія пока имѣемъ подъ руками слѣдующіе матеріалы: «Положеніе» въ Сводѣ Законовъ т. I, ч. II (объ Учрежд. Министер.), ст. 445—449 (по изд. 1892 г.) и въ Полномъ Собраніи Законовъ т. XXXVIII, отдѣлъ I (1863 г.), стр. 620; «Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ.», ч. CXXVI (за 1861 г.), отд. I, стр. 4: копіи правилъ, циркуляровъ и пр. отъ 19-го мая 1869 г. (см. въ Сборникѣ постановленій по Мин. Нар. Просв., т. IV, стр. 1140—1143), отъ 4-го февраля 1888 г. (ibid. т. X, стр. 1.048), отъ 25-го ноября 1905 г. за № 25.506 и отъ 6-го февраля 1906 г. № 2.962; ср. также «Дополненіе къ каталогу книгъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ», Спб. 1903, стр. 116—120. См. еще у † *А. И. Георгіевскаго*, Къ исторіи Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія въ «Журналѣ Министерства Народн. Просвѣщенія» 1900 г., № 10, стр. 25—61; № 11, стр. 17—61; № 12, стр. 74—121; 1901 г., № 4, стр. 33—72; № 5, стр. 21—56. Ср. также замѣчанія у *С. В. Рождественскаго*, Историческій обзоръ дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія: 1802—1902, Спб. 1902.

ективность освѣщенія. Но если нѣкто вздумаетъ вспомнить объ амбиціи и усмотрѣть тутъ особую индивидуально-полемическую строптивость, то я прежде всего отвѣчу, что въ этомъ наиболѣе повиненъ самъ Комитетъ, доселѣ не давшій своей подробной *истинной* исторіи по всѣмъ частямъ, а единственная статья комитетскаго члена, бывшаго ранѣе ревизоромъ, С. И. Миропольскаго прямо подтверждаетъ мои наблюденія и соображенія [1]). За частные факты по ихъ основному содержанію я ручаюсь, потому что они мнѣ извѣстны по опыту или изъ аналогичныхъ посредствъ. Кто принуждаетъ насъ руководиться слухами, собравшимися темною тучей вокругъ Учебнаго Комитета, тотъ самъ и долженъ казниться, но не люди, вызывающіе его къ свѣту и откровенности ради безпристрастія, которое здѣсь одинаково дорого для всѣхъ. Болѣе меня знающіе пусть столь же ярко нарисуютъ другую картину,—и тогда путемъ критическаго сопротивленія раскроется подлинный образъ [2]). Затѣмъ, намъ многократно и авторитетно разъяснялось, что мы призваны въ Предсоборное Присутствіе сказать *всю* правду, хотя бы самую горькую, и искренно подѣлиться всѣмъ, что накопилось въ нашихъ душахъ независимо отъ всякихъ реформаторствъ дешеваго критиканства,—лишь бы всегда преслѣдовалась спасительная цѣль улучшенія, обновленія и оживленія православно-русскихъ церковныхъ институтовъ: значитъ, οὐδὲν κωλύει πάντα κινῆσαι πόρον, ὥστε τἀληθὲς ἐξευρεῖν [3]). Вѣдь не по оффиціальнымъ же отчетамъ шаблонной корректности излагать намъ свои собственныя наблюденія и ощущенія!... А духовная школа намъ слишкомъ близка, и для многихъ изъ насъ ею поглощается все наше духовное существованіе. Въ этой родной сферѣ мы всякую мелочь острѣе воспринимаемъ и рѣзче «реагируемъ» на всѣ дефекты. Наши впечатлѣнія индивидуальны, но жизненны, непосредственны и реальны. Ихъ нужно систематизировать и упорядочивать взаимною провѣркой и объективнымъ анализомъ, а не устранять за естественную относительность. Мы защищаемъ святое для насъ дѣло воспитанія и науки,—и предъ этою великою задачей стушевываются всѣ личности, которыхъ я не разумѣлъ ни въ частности, ни въ особенности, ни realiter, ни personaliter. Мною во всѣхъ занятіяхъ Предсоборнаго Присутствія двигало непоколебимое убѣжденіе [4]), что мы не достигнемъ

---

[1]) Это удостовѣряютъ и обстоятельные комментаріи проф. *А. И. Алмазова* въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 224 сл.

[2]) Въ этихъ интересахъ были бы полезнѣе *для дѣла* не столько комитетскіе коррективы, сколько откровенные отзывы духовно-учебныхъ заведеній, педагогическихъ корпорацій и лицъ. Таково мое искреннее убѣжденіе, и самъ я охотно отдаю всѣ свои сужденія на «неумытный судъ» моихъ опытныхъ коллегъ по служенію.

[3]) *B. Theodoreti* Eranistes, dial. III: Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 225D.

[4]) Вынуждаюсь особо подчеркнуть этотъ нѣсколько личный штрихъ не ради рисовки, а потому, что и со стороны нѣкоторыхъ членовъ Предсоборнаго Присутствія (см. его «Журналы и Протоколы», т. I, стр. 23*а.б.* 32*б*) и въ печати (см. «Церковный Вѣстникъ» 1906 г., № 18 за 4-е мая 1906 г. на стлб. 583 въ статьѣ г. *В. И.*) были допущены по отношенію ко мнѣ непозволительныя подозрѣнія насчетъ руководившихъ меня цѣлей и принимавшихся мною задачъ (о чемъ см. «Журналы и Протоколы», т. II, стр. 435*а.* 436*б*), не говоря уже о продолжавшихся косвенныхъ инсинуаціяхъ (см. «Церковный Вѣстникъ» № 13 за 29-е марта 1907 г., стлб. 429), а о всякихъ интригахъ и «мѣропріятіяхъ» по поводу на-

и минимальнаго успѣха, если напередъ со всею рѣшительностію самообличенія не сознаемся въ своихъ ошибкахъ. Покаяніе есть исключительный путь всякаго исправленія, и по отношенію къ духовной школѣ я неизмѣнно держался принципа: erroribus discimus! Всегда помню и буду слѣдовать завѣту моего великаго и честнаго воспріемника по ученому служенію блаж. Ѳеодорита: αἰδεῖσθαι οὐ τὴν ὁμολογίαν τῆς ἁμαρτίας, ἀλλὰ τὴν πρᾶξιν προσήκει [1])... Для меня вовсе не любы педагогическіе недостатки, и самъ я болѣзненно страдаю, что они непроизвольно переполнили мою неподготовленную рѣчь, для которой я намѣренно не собиралъ, ни источниковъ, ни пособій [2]). Мнѣ чужда всякая предумышленно-пристрастная тенденціозность въ характеристикѣ учрежденій и людей. На этотъ счетъ не перестану повторять, что меня интересуетъ исключительно система;— однако при ней люди являются и страждущими жертвами и наглядными иллюстраціями, почему для пониманія и характеристики первой по неволѣ приходится говорить о вторыхъ, какъ объ очевидныхъ показателяхъ и воплощенныхъ свидѣтеляхъ принципіальной неудовлетворительности комитетской организаціи. Во всемъ прочемъ соблюдается возможная объективность. Я не скрываю незаконченности начинаній и воспитательныхъ дефектовъ въ дѣятельности Комитета перваго періода (см. выше стр. 84), а въ позднѣйшемъ достаточно цѣню заботы объ увеличеніи количества духовно-учебныхъ заведеній и о благоустроеніи ихъ внѣшняго быта [3]). Но идеѣ—болѣе отрадны для меня новыя комитетскія вѣянія послѣдняго времени. Правда, на первыхъ порахъ они неопытною смѣлостію неподготовленнаго кормчаго изъ другой сферы были внушены

стоящаго «доклада» тяжело вспоминать и потому лучше умолчать... И—по словамъ одного моего компетентнаго корреспондента — причина сего въ томъ, что «портретъ написанъ такъ мастерски вѣрно, что оригиналъ не могъ, очевидно, не узнать себя и, конечно, прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобы портретъ этотъ не выставлялся на обозрѣніе широкаго круга публики»... Что до существа, то имѣю самое авторитетное свидѣтельство, что я только выразилъ «жестокую для многихъ, но глубоко справедливую истину. Она уже давно предносилась мысленному взору нѣкоторыхъ лицъ. Ее высказывалъ въ послѣдніе дни своего служенія вѣдомству и К. П. Побѣдоносцевъ въ минуты откровенности»... Для меня и для дѣла больше ничего и не требуется, ибо что̀ значатъ злоба и шипѣніе, когда камни вопіютъ и стѣны плачутъ?... «Преступно тамъ молчать, гдѣ долгъ велитъ вѣщать!»

[1]) *B. Theodorcti* Graec. affect. curat., serm. III: Migne, gr. ser. t. LXXXIII, col. 1077*D* и у Johannes Raeder'a, Graecarum affectionum curatio (Lipsiae 1904), p. 258.

[2]) Документальныя справки и проч. были подобраны авторомъ, главнымъ образомъ, при позднѣйшемъ пересмотрѣ прежде написаннаго «доклада», и ихъ не трудно умножить in infinitum...

[3]) Впрочемъ, долженъ сказать, что у меня имѣются свѣжіе факты, какъ не только епархіальные Преосвященные, но и центральное духовное управленіе прямо препятствуютъ начинаніямъ епархіальныхъ съѣздовъ по обезпеченію преподавателей, когда нужно бы поддерживать, побуждать и, пожалуй, благодарить... И никакими усиліями нельзя было добиться, чтобы надъ «формальнымъ правомъ» восторжествовало «нравственное», которое очевидно и безспорно для высшихъ вершителей дѣла. Приходится даже радоваться, если обиженныя лица, вступившіяся за педагогическіе интересы, не понесутъ предназначенныхъ наказаній и не сочтутъ необходимымъ уйти «на сторону», униженныя и оскорбленныя... Такъ-то у насъ разгоняютъ преданныхъ педагогическихъ работниковъ— вопреки стараніямъ мѣстнаго духовенства прикрѣпить ихъ къ своимъ школамъ духовно и матеріально!...

бурною волной, вызвавшею больше головокружительныхъ броженій [1]), чѣмъ созидательныхъ преобразованій [2]),—и фактически разбилась даже авантюрная попытка «проскочить» съ духовно-педагогическою ладьей въ тихую пристань изъ бушующаго моря взволнованной школьной всероссійской жизни. «Не въ дусѣ Господь, и не въ трусѣ Господь, и не во огни Господь»... Но теперь все сильнѣе чуется «гласъ хлада тонка» предвѣщающій здоровое перерожденіе всего духовно-школьного организма. Начинается осмысленное непосредственное общеніе съ самою школой, и ея дѣятели привлекаются къ творческой работѣ своимъ умудреннымъ и выстраданнымъ опытомъ [3]). А гдѣ срѣтаются и лобызаются кипящая правда практической жизни и отрезвляющій міръ теоретической истины,—тамъ несомнѣнна заря благодатнаго дня [4]), который да будетъ свѣтелъ и живителенъ для духовно-школьного преуспѣянія!

---

[1]) Нѣкоторыя указанія и наведенія по этому предмету относительно Академій можно находить и у проф. *В. Ѳ. Пѣвницкаго* въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1906 г., № 46 за 18-е ноября, стр. 2971—2977; № 47 за 25-е ноября, стр. 3003—3011. Ср. еще слова митрополита Московскаго *Владиміра* въ указѣ Св. Синода отъ 2-го іюня 1906 года за № 5.993, что «разладъ въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, *особенно усилившійся со времени дарованія автономіи*, не можетъ быть терпимъ и продолжаться далѣе безъ ущерба»: см. «Журналы совѣта Московской Духовной Академіи» за 1906 г. при «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 231.

[2]) Это—частію—вѣрно и для ученой области, гдѣ стали увѣнчиваться такія диссертаціи, съ которыми ранѣе авторы не посмѣли бы выступить — помимо всякихъ внѣшнихъ страховъ, а то стараются упорно достичь высшаго учено-академическаго званія за спеціально «философскую» книгу немудраго содержанія; если не считать монашескихъ твореній (о чемъ см. у проф. *Ал. П. Лебедева* въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1907 г., № 5, стр. 157—158), прежде были только единичные случаи, когда «получали ученую степень за семестровое сочиненіе, исправленное и дополненное» (ibid., стр. 154, прим.) или пріобрѣтали магистерство за случайную мелкую работку, за небольшую же часть кандидатскаго произведенія сподоблялись докторства... Но все это лишь временное (хотя и не радостное) явленіе, которое—надѣемся—исчезнетъ навсегда по мѣрѣ укрѣпленія и самоуваженія русской богословской науки, доселѣ гонимой, тѣснимой и пренебрегаемой отовсюду... Тогда она *заставитъ* цѣнить себя и не позволитъ диффамировать, будто это есть «академическая схоластика, совершенно напрасно именующая себя наукой; она-то и сбила съ толку современныхъ богослововъ», которые, будто бы, не отличаются «отъ семинаристовъ—забастовщиковъ, постановляющихъ на сходкахъ чуть ли не отрицаніе бытія Божія» (см. у архіепископа *Антонія* въ «Колоколѣ» № 404 за 7-е іюня 1907 г., стр. 1, стлб. 2. 3)...

[3]) Соотвѣтственно этому были нѣсколько приспособлены и новыя духовно-учебныя программы (см. выше стр. 87,4).

[4]) Въ «Колоколѣ» эта попытка (о которой см. въ «Журналахъ и Протоколахъ Предсоборнаго Присутствія», т. IV, стр. 129. 231) рѣзко осуждалась за «скороспѣлую реформу», какъ были возраженія противъ нея и на засѣданіяхъ V-го отдѣла (напрасно опущенныя въ печатныхъ отчетахъ «оберегающими свою репутацію»: ср. «Богословскій Вѣстникъ» 1907 г., № 5, стр. 162), но я долженъ воздержаться отъ всякихъ приговоровъ до выясненія результатовъ ея практическаго примѣненія, а пока скажу, что—принципіально—она вызывалась неотложными запросами педагогической жизни, которые «громко говорятъ о своей спѣшности и срочности» (см. «Колоколъ» № 364 за 13-е апрѣля 1907 г., стр. 1, стлб. 5). Впрочемъ, доселѣ ничего благотворнаго не видно... При этомъ и теперь несомнѣнно, что въ служебно-экономическое положеніе преподавательскаго персонала внесено такое глубокое разстройство, что Комитетъ доселѣ не можетъ разобраться и только запутываетъ дѣло. Такъ, сокративъ число семинарскихъ уроковъ по древнимъ языкамъ, онъ узакопилъ, чтобы при количествѣ по нимъ недѣльныхъ часовъ до 25 и выше оставались полатыни и погречески два теперешніе преподавателя, а при меньшемъ числѣ (хотя бы 24-хъ) правленіе должно выбрать одного, другой же обрекается на переводъ въ иную Семинарію и т. п. (см. «Церковныя Вѣдомости» № 48 за 2-е декабря 1906 г., стр. 508)... Этимъ для корпораціи дана была нравственно-мучитель-

Желая съ своей стороны хоть нѣсколько поспособствовать послѣднему своими скромными познаніями, я формулирую въ заключеніе такіе тезисы по отношенію къ Учебному Комитету.

1) Всего важнѣе измѣнить въ самомъ корнѣ именно строй послѣдняго, избавивъ его, разъ навсегда, отъ теперешняго фальшиваго и межеумочнаго положенія, при чемъ нынѣ даже не знаютъ, кто оффиціально обязанъ давать разъясненія на повелительные запросы о духовныхъ школахъ и... всѣ уклоняются. Всѣ принципіальныя соображенія и неумолимая логика «предсоборныхъ» трудовъ направляютъ къ тому, чтобы Комитетъ былъ непосредственно подчиненъ Св. Синоду. Если же сего нельзя достигнуть, пусть данное учрежденіе—даже на правахъ «канцеляріи»—будетъ въ полномъ вѣдѣніи Оберъ-Прокурора, всецѣло и во всемъ отвѣтственнаго за духовно-учебное дѣло предъ синодскою властію. Это будетъ ничуть не лучше настоящаго, но за-то устранитъ вредную игру формулой «divide et impera», — и тогда комитетская работа пойдетъ, по крайней мѣрѣ, упорядоченнѣе. Такова «главизна» центральнаго духовно-учебнаго «спасенія». Съ нея нужно начать и къ ней свести всѣ реформы Учебнаго Комитета.

2) Ученую часть его необходимо выдѣлить совершенно и организовать особо—въ связи съ нѣкоторыми указаніями академическихъ совѣтовъ (напр., Казанской Академіи по печатному проекту ея Устава на стр. 31—34 и по «своду» стр. 40, прим. 1; ср. еще выше на стр. 35) и съ аналогичными предположеніями спеціальной С.-Петербургской епархіальной коммиссіи (конца 1905 года) и VII-й секціи Предсобornаго Присутствія, въ которыхъ и я участвовалъ. Предсѣдательство можетъ быть и общее, но только вполнѣ авторитетное—и оно не должно вести къ вредоносному смѣшенію ученыхъ дѣлъ съ учебно-административными [1]). Ближайшее устройство этого учрежденія—для своей раціональности—требуетъ активной работы наиболѣе компетентныхъ спеціалистовъ безъ всякихъ комитетскихъ вліяній и тенденцій.

3) Самый Учебный Комитетъ долженъ быть преобразованъ въ чисто педагогически-учебный институтъ, соотвѣтственно чему необходимо измѣнить и обновить весь его составъ, чтобы въ немъ дѣйствовали истинно опытные педагоги, всецѣло посвящающіе себя этому великому служенію, а не случайно набранные Петербуржцы, удѣляющіе лишь нѣсколько отрывочныхъ часовъ безъ систематическаго сосредоточенія на духовно-школь-

---

ная задача—выбросить изъ своей среды невиннаго коллегу и прогнать съ насиженнаго мѣста... Не всѣ, конечно, рѣшаются на такое самопотребленіе, да и самъ Комитетъ смущается предъ этою жестокостію, почему иногда дозволяетъ, чтобы сохранялись два классика, напр., и при 23-хъ урокахъ. Отсюда новая пытка для штатнаго преподавателя, что онъ обязывается терять изъ своего кармана до 300 руб. ежегодно, ломать весь свой жизненный укладъ и всячески себя ограничивать при прогрессивно возрастающей дороговизнѣ, или «по закону» выживать своего товарища... Да развѣ у духовно-педагогическихъ подвижниковъ было мало всякихъ мукъ, чтобы подвергать ихъ еще новымъ терзаніямъ?...

[1]) И въ теченіи преній объ Учебномъ Комитетѣ я по данному пункту заявлялъ: «бѣда въ томъ, что охотниковъ смѣшивать несоединимое слишкомъ много, а я не изъ ихъ числа, согласно извѣстному приговору Пушкина, столь пригодному для обсуждаемыхъ матерій—во всемъ точномъ его значеніи»...

ныхъ предметахъ, т. е. съ ущербомъ для своего прямого призванія и для комитетской плодотворности [1]). Всякое совмѣстительство и здѣсь [2]) и въ школѣ [3]) нужно устранять съ неуклонною рѣшительностію [4]); въ крайнемъ случаѣ, всѣ такія лица могутъ быть развѣ сверхштатными членами, приглашаемыми по спеціальнымъ вопросамъ въ качествѣ авторитетныхъ экспертовъ [5]).

4) Учебный Комитетъ долженъ освободить себя отъ всѣхъ мелкихъ дѣлъ, превращающихъ его нынѣ въ бумажно-канцелярскую машину, которая своимъ неприспособленнымъ вмѣшательствомъ безусловно тормозитъ развитіе мѣстныхъ педагогическихъ силъ и стѣсняетъ ихъ свободное функціонированіе [6]). За нимъ пусть остаются лишь объединяющій надзоръ, регулирующее руководство и высшее согласованіе удостовѣренныхъ мѣстныхъ опытовъ и мѣропріятій въ стройныхъ систематически-принципіальныхъ предначертаніяхъ, почерпающихъ свою жизненность въ непзмѣнномъ соприкосновеніи съ самою школой [7]).

---

[1]) О теперешнемъ положеніи Учебнаго Комитета см. цѣнныя указанія въ «Церковномъ Вѣстникѣ» № 45 за 9-е ноября 1906 года, стлб. 1450—1452.

[2]) Для предсѣдателя оно почти прямо воспрещается «Положеніемъ» отъ 14-го мая 1867 г. § 6, гдѣ читаемъ, что это лицо «можетъ въ то же время проходить *одну* какую-либо другую должность, *если только* она не соединяется съ обширными занятіями». Всегда ли было на дѣлѣ такъ, а не наоборотъ?...

[3]) Здѣсь тоже происходитъ не мало зла отъ этого совмѣстительства, но послѣднее—за небольшими неключеніями—вызывается крайнею нуждой всякаго рода и иногда бываетъ довольно извинительно, такъ какъ нельзя же требовать отъ всѣхъ педагоговъ, чтобы они были героическими подвижниками, хотя для возможнаго приближенія къ идеалу это нынѣ у насъ почти неизбѣжно по фактическому положенію вещей... Необходимо прибавить, что въ этой области подобныя явленія преслѣдовались болѣе рѣшительно. Недавно въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ южной епархіи былъ, напр., такой случай: по докладу комитетскаго ревизора-преподавателя Духовнаго Училища подверглись мѣстнымъ прещеніямъ единственно за то, что б е з в о з м е з д н о вели еще занятія въ отдѣленіи Епархіальнаго Училищнаго Совѣта...

[4]) Свѣтскіе профессора возстаютъ даже противъ ученаго совмѣстительства (см. «Труды Высочайше учрежденной коммиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній», Спб. 1903, вып. II, стр. 390—391; IV, стр. 203—204), а у насъ готовы объединять, что угодно, и заботятся лишь о томъ, чтобы побольше получать мзды, орденовъ и всякихъ отличій чрезъ разныя учрежденія, напр., чрезъ Академію и чрезъ Учебный Комитетъ...

[5]) Это послѣднее предполагается и §-мъ 8 «Положенія», но мы не знаемъ, чтобы дозволенное здѣсь «приглашеніе въ Комитетъ, по мѣрѣ надобности и съ правомъ голоса, посторонпихъ лицъ изъ ученыхъ и педагоговъ, какъ живущихъ въ С.-Петербургѣ, такъ и изъ иногородныхъ въ случаѣ прибытія ихъ почему-либо въ С.-Петербургъ», практиковалось хоть сколько-нибудь систематически (см. и въ сборникѣ «Духовная школа», Москва 1906, стр. 231—232)... Было даже такое синодское опредѣленіе (24 апрѣля—13-го мая 1881 года за № 845), чтобы изъ архимандритовъ, состоящихъ на службѣ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, тѣ, которые вызываются въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди Слова Божія, во все время пребыванія своего въ столицѣ участвовали въ занятіяхъ Комитета (см. въ брошюрѣ «Положеніе объ Учебномъ Комитетѣ», Спб. 1907, стр. 8—9). Категорично и ясно, но... на своей памяти мы не знаемъ ни единаго случая примѣненія этого правила, а оно остается во всей обязательной силѣ... Невольно приходитъ въ голову знаменитое изреченіе Петра в.: зачѣмъ и законы писать, коли ихъ не исполнять?...

[6]) Я высказывалъ это и на засѣданіи V-го «предсоборнаго» отдѣла 9-го декабря 1906 г., при чемъ констатировалъ слѣдующее: «начиная съ 1884 года, Учебный Комитетъ, походилъ на паутину, куда усердно ловилъ всѣхъ педагогическихъ мухъ, букашекъ и тараканекъ, но... съ результатомъ понятнымъ, извѣстнымъ и неизбѣжнымъ» при всякомъ оцѣживаніи комаровъ и проглатываніи верблюдовъ...

[7]) Въ этихъ интересахъ я всячески поддерживаю мысль о спеціально-педагогиче-

5) Для сего слѣдуетъ передать всѣ частные вопросы на мѣста, чтобы они рѣшались тамъ по всѣмъ сторонамъ духовно-педагогическаго дѣла въ духѣ принятыхъ общихъ началъ и подъ контролемъ епархіальныхъ Преосвященныхъ [1]); въ этихъ интересахъ необходимо узаконить періодическое объединеніе педагогическихъ тружениковъ по епархіальнымъ округамъ и вообще предоставить мѣстнымъ школамъ больше иниціативы по возбужденію, разработкѣ и осуществленію всѣхъ учебно-воспитательныхъ и даже административныхъ вопросовъ, хотя бы и съ обязательствомъ испрашивать санкціи у высшаго правительства для примѣненія своихъ рѣшеній. Распоряженіе положенными финансовыми средствами для хозяйственныхъ и учебно-педагогическихъ надобностей должно быть контролируемо свыше, но ни въ какомъ случаѣ не предвосхищаемо и не стѣсняемо центральною властію [2]); такъ, напр., разсылка книгъ по

скомъ комитетскомъ журналѣ. Хорошо было бы, чтобы Учебный Комитетъ собиралъ матеріалъ на мѣстахъ и постоянно дѣлился этими свѣдѣніями въ своемъ изданіи. Мечту о спеціальномъ педагогическомъ органѣ нахожу весьма симпатичною и только желаю, чтобы она осуществилась скорѣе самымъ плодотворнымъ образомъ, дабы вся православная Россія имѣла предъ собою вѣрное отраженіе и систематическое освѣщеніе своей духовной школы. Справедливо вѣдь сказано, что вопросъ о послѣдней есть наиболѣе важный во всей церковной реформѣ (Евсевій Владивостокскій въ «Отзывахъ епархіальныхъ архіереевъ по вопросу о церковной реформѣ» т. IV, стр. 152) и что отъ недостатка просвѣщенія обязательно страдаетъ и приходская жизнь (Аркадій, бывшій Рязанскій, ibid. III, стр. 383). Это—святая истина, и лишь одинъ Преосвященный выразилъ удивительную мысль, будто у необразованныхъ настоятелей лучше и приходы и монастыри (Никонъ, бывшій Владимірскій, ibid. I, стр. 226)... Тутъ что-то гдѣ-нибудь неладно. Во всякомъ случаѣ духовной ли школѣ не имѣть своего журнала и для него ли жалѣть копѣекъ синодскимъ финансистамъ, которые своимъ высокимъ чинамъ выдаютъ по 3.000 рублей для переѣзда съ квартиры на квартиру въ городѣ С.-Петербургѣ?... Задумывались ли они надъ этимъ?

[1]) Долженъ сказать, что провинціальные педагоги чрезвычайно боятся этого контроля—не безъ причины и не по своей винѣ. Административное вмѣшательство мѣстной епархіальной власти часто ложится тяжелымъ гнетомъ на школы и стѣсняетъ самыя полезныя мѣропріятія (ср. выше стр. 143$_{11}$), но это же не рѣдко бываетъ и въ чисто педагогической сферѣ. Такъ, въ отдаленномъ Училищѣ Европейской Россіи тамошній Преосвѣщенный недавно нашелъ въ ученическій тетрадкѣ фразу: «Кто вездѣ, тотъ нигдѣ» (т. е. въ частности не заключенъ въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ) и начерталъ слѣдующую классическую резолюцію: «*Мысль нечестивая, противная христіанскому ученію о Вездѣсущіи Божіемъ.* Откуда у ученика II кл(асса) могла явиться такая *хульная* фраза»?! Возникъ цѣлый формальный процессъ, при чемъ открылось, что этотъ примѣръ въ диктантѣ на грамматическія правила правописанія нарѣчій «мѣста» и «времени» взятъ изъ пособія, одобреннаго Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ... Не странно ли, что затѣвалось оффиціальное обвиненіе въ ереси изъ-за ученической диктовки второклассника 10—12-ти лѣтъ?... Miracula et miranda!... Все это и многое подобное крайне прискорбно и вызываетъ естественныя опасенія провинціальныхъ педагогическихъ силъ, но существующіе порядки по этой части непремѣнно *должны* измѣниться самымъ радикальнымъ образомъ,—и тогда не будетъ мѣста для такихъ аномалій и абсурдовъ. Пока же требуется очень немногое. Синодскимъ опредѣленіемъ (отъ 16-го августа 1906 года) «разрѣшено Правленіямъ Духовныхъ Училищъ *ходатайствовать предъ епархіальнымъ Преосвященнымъ* о представленіи неутвержденныхъ имъ журналовъ на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода». Достаточно узаконить, чтобы корпораціи и педагоги «имѣли право сами» апеллировать къ центральной власти,—и они будутъ удовлетворены: ибо теперь архіереи не любятъ пропускать такія «ходатайства» и за вынужденную настойчивость воздвигаютъ криминальныя обвиненія противъ смѣльчаковъ, грозя имъ переводами и всякими иными прещеніями...

[2]) Въ этомъ отношеніи, можетъ быть, еще интереснѣе было бы позондировать Училищный Совѣтъ при Св. Синодѣ, гдѣ существуетъ даже особая «издательская коммиссія», о чемъ ходитъ много разныхъ слуховъ, но не сообщено пока точныхъ фактовъ...

петербургскимъ велѣніямъ можетъ быть допущена лишь на особыя сверхсмѣтныя суммы, а не въ счетъ ассигнованныхъ библіотечныхъ средствъ, обычно истощаемыхъ самымъ нерациональнымъ образомъ (см. выше стр. 94—95).

6) Принятыя нынѣ ревизіи нужно совсѣмъ упразднить и замѣнить систематическими и періодическими обзорами по извѣстнымъ школьнымъ районамъ—за исключеніемъ непредвидѣнныхъ и экстраординарныхъ случаевъ, требующихъ немедленнаго вмѣшательства: результаты этихъ обозрѣній должны объединяться въ согласованное цѣлое центральнымъ совокупнымъ разумомъ всего Комитета при обязательномъ активномъ содѣйствіи компетентнаго представительства отъ провинціальныхъ педагогическихъ корпорацій, — хотя бы по нѣскольку членовъ отъ каждаго школьнаго округа.

7) Единственный новѣйшій опытъ привлеченія къ центральной работѣ и мѣстныхъ педагогическихъ силъ (см. выше стр. 141) слѣдуетъ сдѣлать періодически-нормальнымъ, дабы верховныя начинанія всегда и методически повѣрялись, освѣжались и приспособлялись къ живымъ школьнымъ потребностямъ по реально-непосредственнымъ указаніямъ педагогическаго опыта, который чрезъ это самъ будетъ контролироваться безошибочно со стороны его крѣпнущей плодотворности или коченѣющей безплодности.

Этимъ путемъ самъ Учебный Комитетъ пріобрѣтетъ натуральную независимость, освободившись отъ современнаго бюрократическаго подчиненія и сдѣлавшись жизненнымъ органомъ Св. Синода, гдѣ непосредственно должны разсматриваться и утверждаться всѣ его принципіальныя рѣшенія. Комитетская самобытность будетъ оправдываться и ограждаться неустранимымъ фактомъ нормальной педагогической жизни, а эта жизнь станетъ тогда свѣтомъ истиннымъ всему нашему духовному юношеству, спасительнымъ для всякаго питомца, выходящаго въ міръ «на дѣло свое и на дѣланіе до вечера» къ торжеству Церкви Христовой и къ пользѣ православнаго Русскаго государства.

* *